№ 1713 4-5

КН
18
С14

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА «КАТОРГА. ССЫЛКА»

НЕ
КОПИРОВАТЬ!

ПИСЬМА
ЕГОРА СОЗОНОВА
К РОДНЫМ

1895 — 1910

МОСКВА
1925

ГАЖ 13

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГИ IV и V

МОСКВА

КН
18
С14

ПИСЬМА
ЕГОРА СОЗОНОВА
К РОДНЫМ
1895—1910 г.г.

725

Редакция
Б. П. КОЗЬМИНА и Н. И. РАКИТНИКОВА

1925

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

ГОСУД. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 39811
24-XI-1925.
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
39811 - 25 м

Ленинградский Гублит № 18.567. Тираж 4.600—24 л. Заказ 1.080.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Б. Козьмин. Е. С. Созонов и его письма к родным . . 7
Н. Ростов. Смерть Егора Созонова 29
Егор Сергеевич Созонов по воспоминаниям его матери . 47
Г. Фролов о Егоре Созонове 51

Письма Е. С. Созонова к родным:

Письма 1895 г. 67
Письма 1903 г. 74
Письма 1905 г. 78
Письма 1906 г. 83
Письма 1907 г. 118
Письма 1908 г. 160
Письма 1909 г. 220
Письма 1910 г. 310

Приложения:

I. Письмо Созонова В. В. Леоновичу (с приложением факсимиле письма). 370
II. Заявление Созонова прокурору уфимского окружного суда 373
III. Стихотворение Е. С. Созонова «М. А. Прокофьевой» . 374
IV. Е. С. Созонов. Указатель литературы. Составлен Р. М. Кантором. 375

К книге приложены портреты на отдельных листах:

Егора Созонова в разные периоды жизни (5 портретов); А. Л. Созоновой и М. А. Прокофьевой.

Егор Созонов.

1906 г.

Е. С. Созонов и его письма к родным [1].

«Но, дорогая, плача по страданиям (народа), не теряй надежды на их конец, на светлое будущее, которое несомненно настанет. Может быть, мы до него и не доживем, но не все ли равно? Разве плохо, если из наших маленьких страданий расцветут, как цветы на могиле, яркие, пышные цветы всеобщего счастья, мира и успокоения? Разве не радостно будет, когда к нашим могилам будут приходить счастливые, веселые дети народа и станут любоваться на роскошные цветы, распустившиеся на наших могилах? Нам будет так радостно в наших могилах от сознания, что дети народа больше не страдают, что они могут мирно наслаждаться ласками матерей, могут мирно, честно и радостно работать для всеобщего счастья... Ах, как радостно будет нам отдыхать в могилах с мыслью, что мы за них, за детей народа, страдали».

(Из письма Е. С. Созонова к матери от 17 сентября 1906 г.).

15 июля 1904 г. в Петербурге, на Измайловском проспекте, молодой человек, одетый в форму железнодорожного служащего, бросил бомбу в карету, в которой ехал министр внутренних дел, статс-секретарь В. К. фон-Плеве. Министр был убит на месте. Сам же бросивший бомбу — тяжело ранен и арестован. С большим трудом правительству удалось установить, что не пожелавший назвать при допросе свое имя и фамилию террорист — сын уфимского купца, Егор Сергеевич Созонов.

В тот же день телеграф разнес по всей России весть о смерти Плеве, и в ответ на эту весть вздох облегчения пронесся

[1] В настоящей книге принято то правописание фамилии Созонова, которого постоянно придерживался он сам (Созонов), а не установившееся в литературе (Сазонов).

по всей России. Даже принципиальные противники террора почувствовали нравственное удовлетворение, узнав о том, что организатор Кишиневского погрома, вдохновитель расстрела златоустовских рабочих, одна из наиболее мрачных фигур, окружавших трон последнего Романова, человек, которого сам Победоносцев в разговоре с Николаем II заклеймил как «подлеца» [1], перестал существовать.

Петербургский комитет с.-д. партии выпустил прокламацию, в которой между прочим говорилось:

«Плеве убит. Радостно вздохнет каждый обитатель свободной Руси, услыхав благую весть. Наказан злодей, — думает всякий, не потерявший способности чувствовать. Наказан вешатель. Убит убийца рабочих. Убит жестокий представитель кровожадного самодержавия. Плеве нет» [2].

Заграничная «Искра» писала:

«Пролетариат встретит с чувством непосредственного удовлетворения известие, что бомба революционера убила человека, ответственного за кровь многих тысяч пролетариев и за физические и нравственные страдания многих активных борцов за свободу» [3].

Не только революционеры, со времен «Народной Воли» привыкшие видеть в Плеве своего непримиримейшего и неостанавливающегося ни перед какими средствами в борьбе с революцией врага, но и рядовые обыватели, казалось, совершенно индиферентные к вопросам политики, поздравляли друг друга с устранением в лице Плеве чего-то мрачного, кошмарного, гнетущего и мертвой хваткой давящего Россию. Всем чувствовалось, что гибель Плеве знаменует наступление какого-то перелома в русской жизни.

Убийство Плеве было лишь одним из проявлений политического пробуждения России. Массовые стачки рабочих, крестьянские беспорядки, студенческие волнения, развитие террористической деятельности революционных партий,—все это ясно предвещало, что Россия стоит на пороге решительных событий, кладущих грань в ее истории. Все это придавало исключительную важность террористическому акту 15 июля 1904 г. и вызывало — и до сих пор вызывает — повышенный интерес к личности самого террориста.

С этой точки зрения письма Е. С. Созонова являются документами большого исторического значения. Письма эти в громадном большинстве своем писались при крайне неблагоприят-

[1] *Гр. С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. I, Гос. Изд., 1923 г., стр. 28.

[2] Прокламация эта перепечатана в брошюре «Убийство трех министров». Изд. И. Балашова, 1906 г., стр. 34—35.

[3] *Л.Мартов.* Террор и массовое движение. «Искра», 25-го июля 1904 г., № 70.

ных условиях, в обстановке, заставлявшей их автора быть напряженно осторожным и сдержанно откровенным. Почти все эти письма прежде, чем попасть в руки тех, кому они предназначались, должны были пройти перед внимательными и придирчивыми очами тюремщиков, тщательно следивших за тем, чтобы автор писем не сказал в них чего-нибудь «лишнего». Этим об'ясняется «очень семейный», употребляя выражение самого Созонова, характер большинства его писем. В них сравнительно очень мало сведений об условиях каторжной жизни, вести которую осужден был их автор, и еще меньше сообщений о его товарищах по заключению, среди которых было немало ярких фигур, вписавших свои имена в историю русского революционного движения. Сведения этого рода лишь иногда проскальзывают в письмах, — и не в них главный интерес этих писем. Интерес писем — в духовной личности и нравственном облике самого их автора. Несмотря на неблагоприятные условия, в которые была поставлена корреспонденция, Созонов умел в своих письмах развернуть перед адресатами яркую картину своих тюремных переживаний и настроений, откликнуться на ряд вопросов, волновавших общество, выявить тончайшую нежность и могучую страстность своей души. Перед читателями писем встает, как живой, образ человека, во имя любви принявшего на себя кровь. Образ же этот привлекает к себе не только в силу своего исключительного благородства и изумительной чистоты и искренности, но и в силу того, что в нем слиты черты, характерные для целого поколения русской интеллигенции, поколения, самоотверженно ринувшегося на борьбу против произвола, царящего над Россией.

Во вступительной статье к письмам Е. С. Созонова не место давать характеристику этого образа. Автор писем сам делает в них это лучше и полнее, чем кто бы то ни было. Нет в ней места и для биографии Е. С. Созонова. К тому же для этого не собрано еще пока достаточных материалов. Задача вступительной статьи гораздо скромнее. Она сводится к тому, чтобы наметить основные моменты и грани жизни Созонова и этим помочь читателям разобраться в предлагаемых их вниманию письмах.

Егор Сергеевич Созонов родился 26 мая 1879 г. в селе Петровском, Уржумского уезда, Вятской губ. в семье крестьянина-раскольника. Отец Е. С., человек предприимчивый и энергичный, занялся лесным делом и сумел скоро нажить на этом значительный капитал, давший ему возможность расширить свои торговые обороты. По своему духовному складу это был человек «старого закала», религиозно и верноподданнически настроенный. Своих детей он желал видеть подобными себе; этим определялась вся система их воспитания. Такой человек,

конечно, не мог одобрять того пути, — пути революционера,— который был избран для себя его сыном. Чрезвычайно характерно обрисовывает фигуру Сергея Лазаревича Созонова Н. П. Карабчевский, выступавший на суде защитником его сына.

«Рослый, статный, пятидесятилетний крепыш, в сапогах «бутылками» и длиннополом сюртуке, с красивым смуглым лицом иконописного склада, — на него нельзя было не обратить внимания. Он тотчас выделялся из толпы, производя впечатление силы и выдержки. Но в качестве «отца убийцы» он чувствовал себя совершенно выбитым из колеи. Ему было жаль сына, он его любил безмерно, беззаветно, верил в его честность и неспособность совершить что-либо дурное, и вдруг... убийство, да еще какое! Выехал он из Уфы ночью, таясь, стыдясь поднимать на людей глаза, желая избежать встреч и знакомств в дороге, чтобы не пришлось называть себя. Но в вагоне второго класса нашелся пассажир, знавший его. Скоро весь поезд узнал, что с ним едет «отец Егора Созонова». И вот, как он сам рассказывал о своих дальнейших впечатлениях:

— Думал, до Питера благополучно доеду... не пришлось. В вагон стала публика заходить... посмотрят, постоят и уйдут. Потом и заговаривать стали. Поздравляют, руки пожимают... вы, говорят, стало быть, отец!.. Я просто диву дался, думал, сквозь землю надо провалиться, и вдруг на... Какой-то офицер с компанией в буфете с бокалом даже подходил; за здоровье, об'являет, ваше пьем... Я просто опасаться стал, не задержали бы на какой станции. Ну нет! Жандармы посматривают вслед, а трогать не трогают...» [1].

Понятно, что, несмотря на всю свою любовь к отцу, Е. С. Созонов не мог не чувствовать себя чуждым по отношению к нему. Равным образом, и отец никогда не мог понять своего сына, согласиться с тем, что толкнуло его на кровавое дело 15 июля. Читая письма Е. С. к отцу с каторги, мы ясно видим, что, несмотря на нежность и сыновнюю привязанность, которой проникнуты эти письма, автор не скрывал перед собою той разобщенности, которая существовала между ним и отцом. В глазах отца сын был в лучшем случае «мечтателем», и этот свой взгляд отец имел жестокость высказать в письме к заключенному в стенах Горно-Зерентуйской тюрьмы сыну за год до

[1] *Н. П. Карабчевский.* Три силуэта (Брешковская, Гершуни, Созонов) в сбор. «Около правосудия». Изд. 2-ое, СПБ., 1908 г., стр. 205—206. Препровождая в 1901 г. арестованного в Уфе Е. С. Созонова в Москву, начальник уфимского губернского жандармского управления в отношении от 30 апреля за № 792 писал начальнику московского охранного отделения между прочим следующее: «Отец его (Е. С. Созонова), местный лесопромышленник, личность здесь известная, пользуется большим уважением в обществе, и как он, так и вся семья — высоких нравственных качеств; политическая же благонадежность вне всяких сомнений».

его смерти. В ответном письме, поразительном по силе, благородству и чувству возмущения, сын с горечью констатировал:

«Дурень я, дурень... Я имел наивность думать, что нашел в вас друга, который, если не разделяет моих взглядов, то, во всяком случае, может понять их и отнестись к ним с уважением... Наши свидания после суда, когда мы прощались навеки, подали мне луч надежды на то, что вместе со временем и вы можете измениться... И теперь снова мрак, снова между нами стена непониманий. Снова мои радости и надежды, мое горе и отчаяние чужды для вас»... (см. ниже письмо от 24 ноября 1909 г.).

Иным человеком, чем отец, была мать Созонова. Простая, малообразованная, бесхитростная женщина, она любила своих детей больше всего на свете. И если многого в них она не могла понять умом, то ее сердце подсказывало ей, что ничего дурного ее дети совершить не способны. Ее любовь оправдывала в ее глазах все содеянное ими. Мало этого, она нашла в себе силы перенести часть своей любви к детям на людей, близких им по своему духу и воззрениям.

Е. С. Созонов платил своей матери за любовь ответной любовью, ярко проявляющейся почти в каждой строчке его писем к ней. Мало известно в литературе таких трогательных по нежности и задушевности произведений, как письма Е. С. к матери. Однако влияние, которое могла оказать на развитие духовной личности Е. С. его мать, не могло было не быть весьма ограниченным. Поддайся он ее влиянию, и нет сомнений, что его жизненный путь был бы совершенно иным, чем он был в действительности. Та обстановка жизни, которая окружала Е. С. с малых лет, готовила из него человека, далекого не только от революции, но и от какой бы то ни было политической борьбы. «Тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, — писал Е. С. в своей автобиографии, — был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца»[1].

Отец Е. С., желавший для своего сына блестящей карьеры, рассчитывал видеть его инженером. Но сын иначе рисовал себе свое будущее. Он решил поступить в университет и по окончании его сделаться земским врачом, «непременно врачом для бедных». Это свое решение сам Егор Сергеевич в выше цитированной автобиографии об'ясняет гуманизирующим влиянием, оказанным на него русской литературой. Таким образом уже

[1] Исповедь Созонова. Что мог бы я сказать в об'яснение моего преступления для моего защитника. Спб., стр. 42.

в юношеские годы в душе Е. С. Созонова зарождается мысль о долге перед народом и о необходимости так или иначе расплатиться с ним, — мысль, побудившая Е. С. на акт 15 июля и руководившая им в течение всей его последующей жизни [1].

Однако и в это время, как в годы, проведенные в уфимской гимназии, так и на первом курсе московского университета, Созонов далеко не был революционером и даже вполне равнодушно относился к политической жизни страны. «Первый год в университете, — пишет он в автобиографии, — из газет я читал «Моск. Вед.», да «Свет». Ни о каких революциях я не помышлял и, если знал о них что-нибудь, то лишь столько, сколько об этом пишется в подобного рода печати, и относился к ним равнодушно, скорее неодобрительно» [2].

В это время Созонов не принимал никакого участия в студенческих кружках и землячествах; о нелегальной же литературе не имел и представления. Если же он в 1901 году оказался замешанным в студенческом движении, вспыхнувшем в виде протеста против отдачи петербургских и киевских студентов в солдаты, то и тут, по его же собственному признанию, он был весьма далек от революции и от социализма. И лишь попав после этих волнений в Бутырскую тюрьму, Е. С. впервые знакомится с революционной литературой. В этом отношении студенческие волнения сыграли громадную роль в развитии политических взглядов Созонова. «Окунувшись в них, — пишет он в автобиографии, — я вышел несомненно революционно настроенным. Моя дальнейшая судьба была почти-что решена. Мое вступление на путь активной революционной деятельности стало только вопросом времени» [3].

Исключенный из университета и высланный из Москвы, Созонов вернулся в Уфу к родителям и занялся самообразованием. Он с жадностью накинулся на книги по общественным вопросам и на революционную литературу. В это время, в апреле 1901 г., он был снова арестован по обвинению в хранении нелегальных изданий [4]. «После этого ареста, — пишет Созонов,—

[1] В письме к отцу от 28 апреля 1906 г. Е. С. между прочим писал: «Для меня уже нет иной жизни, иной деятельности, как жить и работать для народа. Если будет амнистия, в которую я не верю, то вместе с волей народ подарит мне обязанность отплатить ему за эту волю. К счастью не тою монетой, которую я по силе возможности пытался отплатить народу за мои, за наши (всей нашей семьи) долги перед ним».

[2] Автобиография, стр. 45.

[3] Автобиография, стр. 52.

[4] Поводом для ареста послужило то обстоятельство, что в конце марта в Москве около Бутырской тюрьмы был найден сверток с гектографированными прокламациями, относящимися к студенческим беспорядкам; в этом же свертке оказалась повестка от московского университета на имя студента Е. С. Созонова. По требованию из Москвы, 20 апреля у Созонова в Уфе был

я уже не мог, не имел права не быть революционером. Да, правительство сделало из меня революционера, оно само об'явило меня вне закона, само толкнуло меня в революционные ряды» [1].

Выйдя из-под ареста, Созонов примыкает к «Уральскому союзу социал-демократов и социалистов-революционеров». Но недолго продлилась его революционная деятельность. В марте 1902 года он был снова арестован и после полуторагодичного заключения в тюрьме выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Однако, в августе 1903 г. Созонов бежал с дороги и перебрался за границу [2].

К этому времени Созонов уже был последовательным социалистом и революционером. Такие яркие факты российского произвола, как телесные наказания, которым были подвергнуты виленские рабочие и харьковские крестьяне, как расстрел златоустовских рабочих, произвели громадное впечатление на Е. С. и окончательно определили его дальнейшую судьбу.

Попав за границу, Созонов думал продолжать работу над своим образованием. В письме к родителям, посланном 9 ноября 1903 г. из Женевы, Е. С., извещая родителей о своем бегстве, писал: «Мне еще хочется пожить по-человечески, и я решил вместо того, чтобы потратить пять лет совершенно задаром в самой беспросветной глуши, среди голода, холода и умственного мрака, искать новой жизни. И, надеюсь, эту новую жизнь найду. Здесь к услугам: университеты, европейская наука,

произведен обыск, во время которого обнаружены различные нелегальные издания. Арестованный Е. С. был препровожден в Москву для производства дознания, но вскоре (22 мая) по просьбе отца освобожден с учреждением над ним надзора полиции. По высочайшему повелению от 2 января 1902 г. дело Созонова было разрешено в административном порядке: Созонову было запрещено проживание в столицах и университетских городах с отдачей под гласный надзор полиции на один год.

[1] Автобиография, стр. 53—54.

[2] Созонов бежал из Верхоленска, по дороге в Якутскую область. Из Сибири он направился в Одессу и здесь некоторое время жил у В. И. Сухомлина. За границу он намеревался пробраться через Гусятин. В ожидании контрабандиста, Созонов сидел в избе и здесь был застигнут пограничным жандармом. На вопрос: кто он такой, Созонов ответил, что приказчик одного купца из Проскурова.

Жандарм обрадовался земляку (он сам был из Проскурова) и стал расспрашивать его о знакомых. Созонов, никого не зная в Проскурове, ответил, что он сам москвич и в Проскурове живет недавно. Это показалось жандарму подозрительным и он попросил у Созонова паспорт. Когда тот стал вытаскивать бумажник, из бокового кармана выпала черносотенная газета. Жандарм спросил его: читает ли он эту газету. «Только эту и читаю» — ответил Созонов.

Жандарм вполне удовлетворился и даже не стал просматривать документы.

Созонов в тот же день уехал через Проскуров в Одессу. За границу он пробрался через Кишинев на Румынию. (Сообщение Н. Ростова).

европейская литература по всем отраслям знаний. Здесь я могу спокойно отдаться науке и, наконец-то, привести в исполнение те мечты, которые манили меня некогда в нашем русском университете, но которые должны были оборваться и завять в самом зародыше». Созонов сообщал далее родителям, что он почти уже устроился слушателем в Бернский университет, и мечтает о том, что через годик, освоившись с немецким языком, он поступит в действительные студенты, а через три-четыре года будет уже доктором.

Однако этим мечтам не суждено было осуществиться. Как ни увлекала Созонова наука, еще большее значение в его глазах имела родина и переносимые ею страдания. «Когда я бежал из Сибири, — пишет он в автобиографии, — я чувствовал, что за моей спиной стояли кровавые призраки, не оставлявшие меня ни днем, ни ночью, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плеве. Когда я узнал, что творится министрами в России, я чувствовал себя не в праве пользоваться благоденствием и мирным житием. Мирная деятельность лично для меня уже невозможна» [1].

И вот вместо Бернского университета, Созонов вступает в боевую организацию партии с.-р. и с паспортом на чужое имя возвращается в Россию, дабы вместе со своими товарищами принять участие в организации террористического акта, направленного против человека, сосредоточившего на себе ненависть всей России.

Не легко далось Е. С. решение принять участие в деятельности боевой организации. Пролитие крови претило его нравственному чувству, и только после продолжительной душевной борьбы он нашел в себе достаточно сил для того, чтобы поднять свою руку на другого человека.

Для Созонова день 15 июля 1904 г. был днем величайшего торжества. Заключенный в тюрьму, он в письме к товарищам благодарил их за то, что они дали ему «возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире не сравнимо» [2]. А в то же время взятое им на себя кровавое дело, по выражению Карабчевского [3], «ему самому физически и нравственно претило». Находясь уже на каторге, Созонов в письме к Савинкову писал: «Сознание греха никогда меня не покидало» [4]. «Я совершил величайший грех, возможный для человека, — говорит он в письме к родителям, посланном из Буты-

[1] Автобиография, стр. 63.
[2] Письмо это приведено в «Воспоминаниях» *Савинкова*. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 191.
[3] Назв. соч., стр. 196.
[4] *Савинков*. Воспоминания. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 180.

рок, — два убийства [1], запятнал себя кровью». Тем не менее, если бы обстоятельства потребовали, Созонов был готов вторично взвалить на свои плечи этот «грех». В письме к отцу от 24 ноября 1909 г. он, между прочим, писал: «Я всего себя отдал в жертву делу и, если получу возможность еще раз отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично». Для Созонова террор «прежде всего был личной жертвой, подвигом», и на этот подвиг он «шел радостно и спокойно» [2]. Но это еще не позволяло ему с легким сердцем отмахиваться от моральной стороны вопроса о терроре. Один из его товарищей по Зерентуйской тюрьме рассказывает, что, когда в печати появился роман Ропшина (Савинкова) «Конь бледный», Созонов разошелся в оценке этого романа с большинством революционеров Зерентуя и написал отповедь противникам этого романа. «Созонов считал возможным приветствовать автора этого произведения, как борца против «моральной легкокрылости» (подлинное выражение Созонова), слишком легко разрешающей проблему «не убий» [3].

В наши задачи не входит описывать подготовку и совершение акта 15 июля. Мы можем ограничиться тем, что отослать читателей к материалам, имеющимся в литературе: к «Воспоминаниям» Савинкова и П. С. Ивановской, к обвинительному акту, к воспоминаниям самого Созонова о Каляеве и т. д. [4].

Взрывом бомбы, брошенной в Плеве, сам Созонов был тяжело ранен. Арестованный на месте, он подвергся избиению со стороны полиции и охранников. «Когда меня арестовали, то лицо представляло сплошной кровоподтек, глаза вышли из орбит, был ранен в правый бок почти смертельно, на левой ноге оторваны два пальца и раздроблена ступня», — так сам Созонов описывал свое состояние в письме, посланном товарищам из тюрьмы [5]. Доставленный в Александровскую больницу и допрошенный в ночь на 16 июля судебным следователем, Созонов отказался назвать свою фамилию и дать какие бы то ни было сведения о своей личности; он ограничился тем, что признал свою принадлежность к партии социалистов-рево-

[1] Взрывом бомбы, брошенной Созоновым, кроме Плеве был убит его кучер.

[2] Слова Савинкова, назв. соч., стр. 174.

[3] *А. П.* (Анатолий Попов-Бритман). Из воспоминаний о Егоре Созонове. «Знамя труда», 1911 г. № 37. *И. Брильон.* (На каторге. Воспоминания революционера. Петер., 1917 г., стр. 103) рассказывает, что Созонов однажды сказал ему: «Вот тем-то, товарищ, «Конь бедный» и хорош, что заставляет вас возмущаться... Он будит мысль, и многие товарищи-террористы вынуждены будут искать моральное оправдание убийства. А его не легко найти». Срав. ниже письмо Созонова от 15-го августа 1910 г.

[4] См. помещенный ниже указатель литературы о Созонове, составленный Р. М. Кантором.

[5] *Савинков.* Назв. воспом., стр. 191.

люционеров и об'яснил, что убил Плеве по поручению боевой организации этой партии. Препровожденный вслед за этим в больницу одиночной тюрьмы, Созонов впал в полубессознательное состояние и лишь время от времени произносил отрывочные бредовые фразы. У его постели находился дежурный жандармский офицер, который тщательно записывал каждое слово, произнесенное Созоновым. Но эта мера не помогла выяснить личность террориста. И вот к постели Созонова был прикомандирован чиновник особых поручений при департаменте полиции, известный провокатор, чрезвычайно ценимый начальством за ряд ценных услуг, оказанных правительству, М. И. Гурович. Не ограничиваясь записью бреда, Гурович старался вызвать Созонова на откровенность. Назвавшись доктором, он то говорил Созонову, что при взрыве пострадало большое количество людей, то уверял, что арестованный товарищ Созонова Сикорский дает откровенные показания, то намекал, что сам Созонов во время бреда назвал кое-какие фамилии. Легко представить себе, какие мучения должен был пережить Созонов. Он был уже близок к тому, чтобы считать себя предателем. Однако, несмотря на все старания «доктора», Созонов своей фамилии не назвал. Личность его была установлена лишь после того, как в Петербург прибыли вызванные со всех концов России филеры и унтер-офицеры, знающие большое количество наблюдаемых [1].

Преданные суду особого присутствия петербургской судебной палаты Созонов и его товарищ Сикорский [2] 30 ноября 1904 года были приговорены к лишению всех прав состояния и к каторжным работам без срока.

После приговора Созонов, категорически отказавшийся от подачи кассационной жалобы и прошения о помиловании, был

[1] См. заметку *А. Ш.* Ег. С. Созонов в бреду, в № 1 «Музея Революции» Петерб., 1923 г., стр. 19—61. Записи бреда Созонова целиком напечатаны в сборнике «Социалист-Революционер», Париж, 1910 г., № 1. Сам Е. Созонов считал, что его личность помог установить фельдшер Жуковский, которому он сказал, что его фамилия начинается на «С».

[2] Шимель-Лейба Вульфович Сикорский, мещанин г. Кнышина, кожевник. Работая на фабрике в Белостоке, примкнул к партии с.-р. и познакомился с членом боевой организации Давыдом Боришанским, который и привлек его в эту организацию. Приехав в Петербург в июне 1904 г., Сикорский принял участие в подготовке акта 15 июля и после гибели Плеве был арестован по доносу яличника, сообщившего полиции, что Сикорский, переезжая на лодке через Неву, бросил в воду сверток с тяжелым предметом. Это была бомба, которую Сикорский решил утопить. Сикорский был арестован и сознался в участии в убийстве Плеве. О Сикорском см. «Воспоминания» *Савинкова*, «Былое», 1917 г. № 1. *Х. Ячменник.* Несколько слов об А. Д. Покотилове и Ш. В. Сикорском. «Революционная Россия», 1905 г., № 63; *М. Г. Казаринов.* Речи. Петерб., 1923 г., стр. 19—29 (речь в защиту Сикорского).

отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где оставался до 14 декабря 1905 года, когда, вследствие уничтожения Шлиссельбурга, как государственной тюрьмы, вместе с другими политическими заключенными был перевезен в Москву в Бутырки. Пребывание в Бутырках было непродолжительным. 11 мая шлиссельбуржцев отправили из Бутырок в Акатуй.

Общие условия жизни в Акатуе в то время, когда туда прибыл Созонов (13 июня 1906 г.), были довольно благоприятными. Под влиянием революции 1905 года тюремный режим значительно смягчился: Заключенные пользовались рядом небывалых дотоле льгот. Политические образовали «коммуну», завели кухню, продовольственную лавку, носили собственную одежду и белье.

«Мы застали здесь привольную жизнь,—писал Созонов родителям (см. письмо от 14 октября 1906 года). — Не чувствовалось тюрьмы. Дошло до того, что ежедневно половина тюрьмы уходила в горы без всякой охраны, только на честное слово. С утра до вечера у нас торчали жены семейных, могли даже почти ночевать. Сообщение с волей, пронос всяких вещей были, конечно, вполне свободны».

Содержащиеся в тюрьме воспользовались этим: начались побеги. С 17 июля по 26 октября из Акатуя бежало 15 человек. Созонов и некоторые из его товарищей считали эти побеги недопустимыми с точки зрения революционной этики. «Люди уходили, дав честное слово администрации, или при обстановке, еще более предосудительной», — пишет в своих воспоминаниях Гершуни. При этом он сообщает, что оставшиеся в тюрьме политические заключенные вынесли постановление: «таких господ бойкотировать и имена их сообщать действующим организациям»[1].

Между тем в связи с роспуском Государственной Думы и все яснее обнаруживающейся в правительственных сферах реакцией, положение стало изменяться. Из Петербурга поступали распоряжения «подтянуть» каторгу. В составе тюремного начальства были произведены перемены. Два начальника тюрьмы один за другим были отданы под суд за непринятие мер против побегов. Во главе тюрьмы был поставлен некий Зубковский, которому из Петербурга было дано строжайшее предписание во что бы то ни стало положить конец побегам. Арестантские вольности постепенно стали нарушаться. На помощь тюремной охране была прислана рота солдат. Отдано было распоряжение в 24 часа выслать всех посторонних, живущих около тюрьмы, т.-е., главным образом, жен и детей каторжан. Свидания стали допускаться только в присутствии надзирателей. Все прино-

[1] *Г. Гершуни.* Мой побег. Сборник статей. Изд. «Наша Мысль», № 1, Петерб. 1907 г., стр. 5 — 6.

симое в тюрьму стало подвергаться тщательному осмотру. В камерах начались регулярные обыски. Конвой был увеличен в несколько раз.

Отношения между начальством тюрьмы и заключенными в связи с этим крайне обострились, и было достаточно малейшего повода для того, чтобы в стенах Акатуя произошла одна из обычных в русских тюрьмах «историй». Такой повод вскоре представился.

В Акатуевской тюрьме, предназначавшейся исключительно для мужчин, содержались шесть женщин террористок: Спиридонова, Биценко, Измайлович, Езерская, Школьник и Фиалка. В начале 1907 года военный губернатор Забайкальской области предложил начальнику Нерчинской каторги Метусу ввести с 15 февраля в тюрьмах установленный законом для каторжан тюремный режим без различия по роду преступления и, вместе с тем, перевести женщин, содержащихся в Акатуе, в специальную женскую Мальцевскую тюрьму. Начальник Акатуевской тюрьмы Зубковский долго не решался привести в исполнение это распоряжение, считая невозможным в сильные морозы подвергать женщин, среди которых были серьезно больные, опасностям 200-верстного пути. 11 февраля Зубковскому было в категорической форме предложено или подчиниться полученному распоряжению, или подать в отставку. 12-го четыре женщины были отправлены; остальных же двух—Спиридонову и Школьник—Зубковский, учитывая заключение тюремного врача, что при их болезненном состоянии зимний переезд будет крайне опасен для их жизни, и заявление заключенных мужчин о том, что они готовы хотя бы силой отстаивать Спиридонову и Школьник, оставил в Акатуе. В тот же день в Акатуй прибыла врачебная комиссия во главе с помощником начальника Нерчинской каторги Ивановским, которая, освидетельствовав Спиридонову и Школьник, признала перевод их невозможным. Однако, в ночь на 13-е в Акатуй явился начальник Алгачинской тюрьмы Бородулин и потребовал, чтобы Спиридонова и Школьник были немедленно отправлены, хотя бы насильно. Созонов и Карпович в качестве делегатов от тюрьмы сперва протестовали против этого, но по настоянию Спиридоновой и Школьник, желавших избежать кровопролития, согласились на отправку. Вся тюрьма была наполнена солдатами, которым Бородулин приказал стрелять в случае малейшего протеста со стороны заключенных. На утро все заключенные были закованы, переодеты в арестантское платье и заперты по камерам. Наведя «порядок», Бородулин уехал [1]. Такое крутое

[1] Подробности этой истории см. ниже в письме Созонова от 19-го февраля 1907 г., а также в письме Спиридоновой и Школьник, помещенном в газете «Земля и Воля» от 5-го апреля 1907 г.

изменение режима вызвало недовольство и волнение среди заключенных. Тогда тюремная администрация решила перевести 15 наиболее «беспокойных» каторжан из Акатуя в Алгачи, в распоряжение Бородулина. Среди этих пятнадцати был и Созонов.

Созонову было известно, что его переводят в Алгачи по особому ходатайству Бородулина, в котором он своим вмешательством в дело об увозе Спиридоновой и Школьник нажил непримиримого врага. По словам самого Созонова, он отправился в Алгачи «с убеждением, что кровавый исход неизбежен» [1]. В ночь на 3 марта Созонова с товарищами привезли в Алгачи. «На утро, — писал он в только-что цитированном письме, — познакомились с товарищами, этими монстрами, сумевшими ужиться с Бородулиным. Дело вышло очень простое: они дозволили низвести себя до положения уголовных. Дозволяют командовать, «тыкать», при каждой встрече ломают шапки, стоят на вытяжку... Их унижение еще более обязывало нас на протест, хотя бы ради поддержания имени политика... Конфликт был неотвратим. Самое лучшее—поскорее закончить».

Ждать не пришлось. Бородулин отдал распоряжение переодеть привезенных арестантов в казенное белье и остричь, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к насилию. «Предвидя, что это только первое звено в целом ряде других насилий, которые не заставят себя ждать, мы не считали себя в праве уступить безмолвно в самом начале»,—писал Созонов 23 марта родителям. Первый же вызванный для переодевания и стрижки каторжанин Шпильман отказался подчиниться. По приказанию Бородулина он был избит и острижен насильно. Той же участи подверглись и другие привезенные. Отведенные после этого в камеру, они решили продолжать сопротивление. «Нам навязывали борьбу, и мы не могли уклониться от нее», — писал Созонов (письмо его от 23 марта к родителям). Заключенные отказались отвечать начальству, обращавшемуся к ним на «ты», не снимали шапок при появлении начальства, не вставали по команде «смирно», не строились на поверку. Тревожно провели заключенные ночь на 4 марта. «Сидели и ждали. Частью для поддержания настроения, частью для вызова стали петь. Ну и пели же: ничего ужаснее этого пения я в жизни не слыхал. Не знал, куда спрятаться от него. Уткнулся лицом в нары. Товарищи заставляют подняться: «смотрите веселее, вы заражаете своим настроением». Я встал и начал ходить: ноги пошатывались и дрожали... И рад же я был, когда, наконец, прекратилось пение: сели за писание прощальных писем. Не страх я

[1] Из письма Созонова к каторжанкам Мальцевской тюрьмы, цитированного *В. Черновым* в статье: Памяти Е. Созонова. «Знамя Труда», янв. 1911 г., № 33.

испытывал, а безвыходное отчаяние, что приходится умереть такою жалкою смертью. Горе за тех, которые будут жалеть меня, заставляло испытывать чувство, похожее на стыд. Ночью по очереди дежурили. Стояла глубокая ночь, когда я не спал. За предыдущую ночь и за день у меня назревало решение: чем больше я думал о нем, тем казалось оно мне наиболее достойным и удобным выходом из положения. Массовое избиение, быть может, порка ... Может быть, медленное истязание, повторение сцен приемки ... Своей добровольной смертью я могу еще спасти других ... Это не трусость, а наиболее целесообразное, что я имел силу сделать. И я принял морфий, привезенный из Акатуя. Давший мне или спрятавший изволил сыграть со мной шутку: доза оказалась мала, хотя дана была с ручательством. Я заснул, чтобы проснуться потом с невыносимой головной болью и рвотой. Последнее, чем я еще мог располагать, пропало» [1].

Таково было душевное состояние Созонова, когда 6 марта разыгрался новый акт трагедии. В этот день Бородулин, встретясь в коридоре с политическим Рыбниковым, потребовал, чтобы тот снял перед ним шапку. Рыбников отказался и был отправлен в карцер. Тогда товарищи Рыбникова потребовали Бородулина к себе для об'яснений, грозя выбить двери, если он не явится. Бородулин пришел в сопровождении 12 солдат. Политические при его входе не встали; на требование встать ответили отказом и потребовали, чтобы Бородулин немедленно освободил Рыбникова или же заключил и их всех в карцер, так как и они отказываются снимать шапки перед тюремным начальством. В ответ на это Бородулин приказал конвойным взять двух ближе сидящих к выходу заключенных и отвести в карцер. Другие заключенные бросились на помощь товарищам и схватили их, чтобы не дать отвести в карцер. Тогда солдаты напали на заключенных, пустив в ход приклады, и началось избиение. Бородулин приказал принести розог, но не решился пустить их в употребление. По окончании избиения, во время которого четверо из заключенных получили весьма тяжелые поранения, Бородулин распорядился отобрать у заключенных постели, лишить их горячей пищи, чая, сахара, не выпускать на прогулки и поставить в их камеру на целый день «парашу».

Потрясенный этими событиями, Созонов писал известному писателю Якубовичу (Мельшину): «Единственный для нас выход, это — в последний момент заставить палача убить нас ... Только одно дело умирать смертью активного борца, и дру-

[1] Цитированное выше письмо Созонова к заключенным в Мальцевской тюрьме.

гое, — совершенно другое, — пасть жертвою произвола такого ничтожества, как Бородулин» [1].

Повидимому, Бородулин понял, что он зашел слишком далеко. После 5 марта он избегал являться в тюрьму и вскоре распорядился вернуть заключенным постели и горячую пищу. В то же время он сделал попытку вступить в переговоры с заключенными и для этой цели вызвал к себе Созонова. Между ними произошел любопытный разговор, который Созонов изложил в цитированном выше письме к каторжанкам Мальцовской тюрьмы.

Бородулин сказал: «Вот я скоро должен буду послать политических на работу по ремонту тюрьмы. Уверен, что встречу сопротивление. Я должен буду наказывать, а потом дело может кончиться оружием». Созонов ответил, что заключенные никогда не тешили себя ложной надеждой, будто жизнь их находится в безопасности. Тогда Бородулин начал уверять, что жизни заключенных не грозит никакая опасность. «Вы еще не знаете меня, если мы поживем с вами подольше, вы убедитесь, что я далеко не зверь. И за что вы на меня так озлоблены? Ведь я только исполняю то, что мне приказывают. А я знаю, что меня убьют, я не боюсь этого, но интересно знать, за что же?». Созонов ответил: «Вам это так же известно, как и всей России». Тогда Бородулин начал просить, чтобы Созонов написал куда следует, чтобы его убили поскорее. «Пишите письмо, даю вам слово пропустить». Созонов указал на это Бородулину, что самый разговор показывает, насколько он и сам внутренне признает себя виновным и достойным смерти. «Мое письмо или слово — ничего не может изменить, господином вашей судьбы были вы сами, сами своими действиями заслужили известных последствий, а будут они или нет — это решат люди на воле, а не мы». Выслушав этот ответ, Бородулин, жалко улыбаясь, обратился к присутствующим надзирателям со словами: «значит, мне пора заказывать гроб и копать могилу за сопкой».

Вскоре после этого в Алгачи приехал прокурор читинского окружного суда, по предложению которого заключенным было предоставлено пользование книгами. Переписка же и пользование собственными деньгами оставались под запретом. Однако, Бородулин взял отпуск и уехал из Алгачей. Это все же не спасло его. Не спасся и начальник каторги Метус.

28 мая в Чите Метус был убит членом летучего боевого отряда сибирской организации п. с.-р. Через два дня в Иркут-

[1] Выдержки из этого письма Созонова были оглашены с трибуны второй Государственной Думы депутатом Успенским во время прений по запросу о событиях в Алгачах. Стенографический отчет Государ. Думы второго созыва т. I. стр. 1670 — 1673.

ске два члена этого же отряда стреляли в Бородулина, но он остался невредим; однако, дни его были сочтены: через три месяца, 28 августа, он был убит в Пскове с.-р. Ивановым.

Та передышка, которую заключенные Алгачинской тюрьмы получили с от'ездом Бородулина, была лишь временной. Заменивший его на посту начальник тюрьмы казачий офицер Измайлов в отношении вытягивания жил из заключенных сумел превзойти своего предшественника. «Теперь дело уже шло не об исполнении предначертаний начальства, не о планомерном проведении в жизнь каждой буквы инструкций, а о разгуле бесшабашного казацкого самодурства, действующего по принципу — я начальство и могу все делать» [1].

Началось с того, что Измайлов собственноручно избил одного политика за то, что тот, раскланявшись с начальством, осмелился надеть шапку, чтобы освободить руки для работы. Один из товарищей избиваемого стал кричать: «За что вы его бьете? Это гадость». Тогда Измайлов, сопровождаемый солдатами, явился в камеры к политическим и избил их. После этого у них были отобраны подстилки, подушки, их лишили свиданий и передач, им угрожали «драть розгами» [2]. Измайлов придирался к малейшему поводу, чтобы отправить политических в карцер. «Все поведение Измайлова — сплошное издевательство, — писал впоследствии Созонов. — С ним, как с дикой стихией, невозможно бороться, можно только, покорившись ему, сделаться рабом его прихотей или... умереть» [3].

В июле заключенные решили начать голодовку. 25 числа Созонов и его товарищи отправили к Измайлову следующее заявление:

«Нас уже били прикладами, нам грозили розгами. Теперь я, как и товарищи, уже не жду ничего, кроме смерти, я подобно товарищам решаюсь перестать принимать пищу и буду голодать до тех пор, пока мне не дадут жить в сносных условиях, или пока смерть не избавит меня от власти наших мучителей» [4].

Начиная голодовку, заключенные не рассчитывали на победу, они были убеждены в неминуемости смерти. Но неожиданно для них самих голодовка, продолжавшаяся семь дней, увенчалась успехом. Измайлов был временно отстранен от должности [5].

[1] Из воспроизводимого ниже письма Созонова от 4 декабря 1907 г.
[2] «Знамя Труда» от 30 августа 1907 г. № 4.
[3] См. ниже письмо от 4 декабря 1907 г.
[4] «Знамя Труда», № 5 от 12 сентября 1907 г.
[5] Об Измайлове см. статью *А. П. Станчинского:* В Алгачах, № 3 Каторги и ссылки.

Судьба вновь спасла жизнь Созонова, и вскоре после этого он был переведен из Алгачей в Горный Зерентуй.

«Насколько нежелателен и зловещ был прошлый перевод из Акатуя в Алгачи, настолько же желательно было новое перекочевание», — писал Созонов матери, извещая ее о своем переводе в Зерентуй. Действительно, по прибытии сюда, Созонов попал в совершенно другую атмосферу и мог свободно вздохнуть, почувствовав себя вне власти Измайлова. Заключенные в Зерентуйской тюрьме пользовались относительной свободой, тюремное начальство старалось избегать конфликтов и путем компромиссов улаживать возникавшие недоразумения. Такое положение продолжалось до второй половины 1909 года, когда условия жизни стали постепенно изменяться. В конце июля, вместо 13-й роты 16-го восточно-сибирского полка, несшей охрану тюрьмы, в Зерентуй пришла 15-я рота. В то же время начальник тюрьмы Покровский посоветовал заключенным не подходить по вечерам близко к окнам в виду того, что солдатам их начальством дано распоряжение открывать стрельбу по заключенным, приближающимся к окнам. Между тем, запрещение подходить к окнам означало, в сущности, запрещение с наступлением сумерек двигаться по камере, так как в каждой из них было по 3—4 окна, миновать которые при всем желании было нельзя. «По существу, — говорит один из заключенных в своих воспоминаниях, — это был один из способов издевательства» [1]. Понятно, что при наличности таких условий заключенные невольно и неизбежно должны были нарушать полученное распоряжение, — а это вызывало стрельбу по окнам тюрьмы со стороны солдат. «Почти ежедневно, — пишет тот же автор, — в течение месяца нам пришлось испытывать моральное потрясение от выстрелов, которые производились по окнам. Положительно ни на чем нельзя было сосредоточиться. Как только наступал вечер, начиналась стрельба. Создавалось нервозное состояние, которое у некоторых доходило чуть ли не до сумасшествия. Хотя никто не подходил к окнам, все-таки стрельба производилась чуть не ежедневно. Потом на 3—4 дня затихала, а затем снова начиналась. Я помню, что за все время стрельбы было всего 2—3 случая ранения сидящих в камерах, хотя случаев стрельбы было не менее 30—40. И это обстоятельство является лучшим свидетельством того, что не попытки к побегу вызывали стрельбу, а нечто другое» [2].

Е. С. Созонов едва не сделался жертвой подобной стрельбы. Это произошло 9 ноября 1909 г. Товарищи Созонова по ка-

[1] *Г. М. Краморов.* Нерчинская каторга. (1907—1910 г.) в № 3 «Каторги и Ссылки», стр. 69.

[2] Там же.

мере, Фролов и Сидорчук, спали, сам же Созонов, сидя за столом, писал письма. И вдруг, без всякого повода, по окнам камеры началась стрельба. Часовой сделал пять выстрелов. Четыре пули попали в камеру. Если Созонов остался жив и невредим, то это было только случайностью. «Моя одиночка, — рассказывал сам Е. С., — представляла в этот вечер нечто ужасное, совсем как после погрома. Полна известковой пыли, которая, как снег, засыпала пол и все вещи, набелила лицо, до удушья захватывала дыхание. На стене и потолке зияющие раны от пуль. В окнах три дыры в стеклах и четвертая в углу оконной рамы, пулей был вырван большой кусок дерева» [1].

После этого случая начальник обещал, что впредь солдаты прежде, чем стрелять, будут вызывать свистком разводящего. Однако, обещание это плохо соблюдалось, и стрельба продолжалась. Бывали даже случаи стрельбы в заключенных во время прогулок [2].

Запрещение подходить к окнам было лишь одним из проявлений «нового курса» в тюремном распорядке. Вслед за этим начались и другие стеснения. Стали, напр., запрещать прогулки, стали не допускать переходов из камеры в камеру, стали отнимать у заключенных собственные вещи, уменьшили количество допускаемых книг, запретили прием посылок с продовольствием, не разрешали иметь денег свыше трех рублей в месяц [3].

Все эти мелочные, но весьма чувствительные для заключенных ограничения и придирки чрезвычайно раздражали и волновали заключенных; между тем стали носиться слухи, что начальником Зерентуйской тюрьмы назначается некий Высоцкий. Говорили при этом, что Высоцкий — злой, жестокий и упрямый человек, что он тесно связан с черносотенными кругами, что ему дано свыше особое распоряжение «подтянуть Зерентуй». Начальник тюрьмы Чемоданов, на смену которому ехал Высоцкий, предупреждал заключенных: «Высоцкий — не человек, а зверь. Будьте осторожны с ним» [4].

25 ноября 1910 года Высоцкий принимал от Чемоданова тюрьму. Всех заключенных выгнали из камер в коридор, где Высоцкий обратился к ним с речью, в которой заявил, что на каторге—все равны, и не должно быть никакого различия ме-

[1] Рассказ Созонова об этом случае помещен в корреспонденции из Зерентуя в № 32 «Знамени Труда». О том же случае рассказывает *Вчерашний Зерентуец,* в статье «У гроба Созонова» в заграничном «Былом», 1910 г. № 13.

[2] Об одном таком случае, окончившемся гибелью заключенного матроса Акима Воробьева, рассказывает *Г. М. Крамаров.* Памяти матроса А. Воробьева в № 1 «Каторги и Ссылки».

[3] *Г. М. Крамаров.* Нерчинская каторга, стр. 68.

[4] *В. А. Плесков.* Памятные дни. «Каторга и Ссылка», № 3, стр. 45—46.

жду уголовными и политическими, что он намерен строго придерживаться закона и преследовать всячески нарушителей его. При этом Высоцкий обращался к заключенным на «ты». Заключенные единодушно протестовали против такого обращения, отказываясь отвечать на вопросы Высоцкого. В результате двадцать человек были отправлены в карцер; 6-я камера, в которой сидели исключительно политики, была об'явлена на карцерном положении.

Не довольствуясь этим, Высоцкий решил подвергнуть телесному наказанию политического Павла Михайлова [1]. Узнав об этом, Михайлов выпил азотной кислоты и его унесли в больницу. Политические об'являют голодовку. По распоряжению Высоцкого, двое заключенных были подвергнуты телесному наказанию: Федор Петров [2] за то, что не встал по команде «смирно», и Сломянский [3], под предлогом, что он выбросил в коридор хлеб, не желая его есть.

Некоторые из заключенных, не довольствуясь голодовкой, решили обратиться к другому, более ускоренному способу самоубийства: Пухальский и Маслов [4] вскрывают себе артерии. То же затевают сделать и некоторые другие. Узнав об этом, Созонов решил, что для него наступило время повторить то, что не удалось сделать ему в Алгачах. Ночью 28 ноября он принимает морфий, на этот раз в тщательно проверенной дозе. В записке, оставленной товарищам по заключению, Созонов об'яснил мотивы, побудившие его на самоубийство. «Товарищи, — писал Созонов ,— сегодня ночью я попробую покончить с собой. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то, прежде всего, м о я. Поэтому, я д о л ж е н умереть; чувствую это всем сердцем,—так больно, что я не успел предупредить смерть двух умерших сегодня [5]. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне, не искать слишком быстрой смерти. Если-б не маленькая надежда, что м о я смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно

[1] Михайлов, с.-р., судился по делу об убийстве в Иркутске жандармского ротмистра Гаврилова. Переведенный после смерти Созонова в Кутомарскую тюрьму, в 1912 году вторично покушался на свою жизнь, под влиянием телесного наказания, которому был подвергнут И. Брильон. В 1913 г. вышел на поселение. В 1919 г. убит колчаковцами в Иркутске.

[2] С.-д. большевик, осужденный по делу о восстании в Кронштадте.

[3] Максималист солдат. осужденный по делу никольско-уссурийской военной организации.

[4] Пухальский Сигизмунд. член п. п. с., по делу об одной экспроприации был приговорен к бессрочной каторге. Маслов Николай — член хабаровской организации партии с.-р., осужден по делу о подготовке экспроприации.

[5] Созонов ошибочно считал умершим Пухальского и Маслова; между тем они остались живы, вследствие своевременно поданной врачебной помощи. Позднее в 1912 году и тот и другой покончили с собой в Кутомарской тюрьме, куда были переведены из Зерентуя после смерти Созонова.

остался бы ждать и бороться вместе с вами, товарищи! Но ожидать лишний день, значит, может быть, — увидеть новые жертвы. Сердечный привет, друзья, и спокойной ночи!».

Из этой записки ясно, что Созонов рассчитывал своей смертью спасти жизнь своих товарищей. Созонов учитывал ту популярность и уважение, каким он пользовался среди своих товарищей по заключению; учитывал он и то, что его смерть произведет большее впечатление и на тюремную администрацию, и на общество, чем смерть кого-либо другого из заключенных. Начальство считалось с Созоновым больше, чем с другими заключенными, относилось к нему с уважением и, по словам одного из его товарищей по заключению, даже боялось его [1]. В русском обществе имя Созонова пользовалось большой популярностью, как человека, связавшего свое имя с гибелью одной из наиболее мрачных фигур последнего царствования. Учитывая все это, Созонов и думал, что его смерть сделает лишней смерть других заключенных, что своей смертью он спасет им жизнь [2].

Самоубийство Созонова было обнаружено надзирателями поздно ночью; он тут же был перенесен в больницу, и если бы ему немедленно была оказана врачебная помощь, то, может быть, он остался бы жив. Но этой помощи ему не было оказано до самого утра. Товарищ Созонова по заключению В. Пирогов в своих воспоминаниях о его смерти рассказывает, что когда Высоцкому доложили о покушении Созонова, Высоцкий ответил:

«Да что же это такое? Самоубийства днем, самоубийства ночью, и мы же изволь за ними ухаживать! Передать дежурному фельдшеру, чтоб ни он, ни другой не смели оказывать никому ночью помощи — для этого достаточно и дня».

«Не яд, а распоряжение Высоцкого было причиной смерти Егора Сергеевича», — пишет В. Пирогов [3].

Смерть Созонова не прошла даром Высоцкому. 18 августа 1911 года на его квартиру явился под видом горного инженера член сибирского летучего боевого отряда партии с.-р. Борис Исаакович Лагунов и произвел в Высоцкого два выстрела, одним из которых нанес ему легкую рану. «За что?» — спро-

[1] *И. Брильон.* На каторге. Воспоминания революционера. Петроград, 1917 г., стр. 103.

[2] Одновременно с Созоновым покушались на самоубийство еще несколько заключенных: Петр Купени (настоящая фамилия Кореиев) содержавшийся по делу Иркутской организации партии с.-р.; позднее был максималистом, Федор Корешков (с.-р.. содержался по д. об убийстве в Иркутске жандармского ротмистра Гаврилова), Николай Одинцов (солдат, содержался по делу хабаровской военной организации, сочувствующий с.-р.) и выше упоминавшийся Павел Михайлов.

[3] Смерть Созонова, № 3, «Каторги и Ссылки», стр. 73.

сила вбежавшая в комнату на звук выстрелов жена Высоцкого. «За Созонова», — ответил террорист [1]. Арестованный на месте Лагунов был предан военному суду, приговорившему его к смертной казни, которая ему была заменена 20-ю годами каторги.

Вскоре после этого Высоцкого перевели из Зерентуя во Владивосток. Здесь застала его февральская революция. По телеграфному требованию бывших зерентуйцев он был арестован. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Все письма Е. С. Созонова печатаются с подлинников. Исключением являются лишь письмо к матери, написанное в январе 1903 года из Самарской тюрьмы, перепечатываемое из сборника «Былое Урала» № 3 [2], где оно было воспроизведено по копии, хранящейся в делах прокурора уфимского окружного суда, и письмо от 9/20 ноября 1903 года, перепечатываемое из № 13-14 журнала «Пламя» за 1920 год, где оно было воспроизведено по копии, «добытой агентурным путем» и хранящейся в архиве департамента полиции. Письма Созонова были адресованы его отцу Сергею Лазаревичу Созонову, матери Акулине Логиновне, брату Зоту Сергеевичу (к нему относятся и письма, адресованные условно к «Зине»), жене брата Любови Александровне, двоюродному брату Ивану Меркурьевичу Созонову и, наконец, одно (предсмертное) письмо к невесте Марии Алексеевне Прокофьевой.

Датировка писем, там, где она не дана самим автором, произведена редакцией. Часть публикуемых ниже писем в отрывках была напечатана в № 10-12 «Голоса Минувшего» за 1918 год. В настоящем издании эти письма воспроизводятся полностью. Большую трудность представляет комментирование писем Е. С. Созонова: в них содержится ряд мест, написанных с соблюдением условленных между корреспондентами обозначений различных лиц, назвать которых собственными их именами представлялось невозможным по соображениям конспирации. Кроме сего, в этих письмах имеется много намеков, понятных тем, для кого письма предназначались, но совершенно недоступных для понимания читателей, не посвященных в сущность дела. Это обусловило необходимость дать ряд примечаний, которые помогли бы читателям разобраться

[1] Составленное самим Лагуновым описание покушения. а также политическое credo Лагунова помещены в № 39 «Знамени Труда». Январь 1912 г.; срав. статью *Лагунова* «Поездка в Горный Зерентуй» в сбор. «Каторга и Ссылка», изд. Киевского отдел. общ. полит. каторжан и сс.-поселенцев. 1924 г., стр. 5 — 13.

[2] Издание Истпарта Башобкома Р. К. П., Уфа, 1924 г.

в предлагаемых их вниманию письмах. При составлении этих примечаний неоценимую помощь редакции оказали Зот Сергеевич Созонов, Любовь Александровна Созонова и товарищ Е. С. Созонова по Зерентуйской тюрьме Григорий Никитич Фролов. Однако, как ни ценны были полученные от этих лиц указания, они все же не имели исчерпывающего характера. Многое уже исчезло из памяти названных лиц, а кое-что было и им неизвестно. Этим и об'ясняются возможные пробелы и неточности в примечаниях.

В подготовке настоящего издания к печати (сверка писем с подлинниками, установление хронологии писем) принимали ближайшее участие т. Н. Ростов и т. Смирнов.

Б. Козьмин.

Смерть Егора Созонова [1].

«Никто же любви больше имат; аще кто душу свою положит за други своя».

Среди революционеров, томившихся в каторжных тюрьмах после революции пятого года, особой, лютой ненавистью правящей бюрократии пользовался Е. Созонов. Ему не только не могли простить уничтожения такой опоры монархии, каким был Плеве. Его, живого террориста, продолжали бояться. В правящих кругах никак не могли примириться с мыслью, что Созонов не только жив, но скоро должен очутиться на свободе. Эти чувства публично выразил Пуришкевич в заседании Государственной Думы 12 марта 1907 года.

— Где Созонов, Гершуни? — вопрошал он.

Попытка власти открыто расправиться с Созоновым в Алгачах окончилась плачевно для представителей этой же власти. В ответ на избиение Созонова социалистами-революционерами были убиты — начальник Нерчинской каторги Метус и начальник Алгачинской тюрьмы Бородулин. Администрация каторги учла все это и Созонов на время был оставлен в покое. Внешне он перестал быть об'ектом придирок. Но это, конечно, не ослабило к нему интереса его врагов.

Время шло. Близился момент освобождения Созонова. Эта перспектива многим не улыбалась. И его снова гласно вспомнили. Как и в 1906—7 г.г., застрельщиком явилась черносотенная пресса. Там вдруг особенно заинтересовались режимом в Горном Зерентуе. Появились статьи о «распущенности Нер-

[1] Помещая ценную по собранному в ней материалу статью т. Н. Ростова, редакция не считает предположение автора о том, что на Высоцкого была возложена специальная задача добиться самоубийства Созонова, достаточно обоснованным. Действия Высоцкого в Горном Зерентуе были обусловлены стремлением правительства усилить гнет каторжного режима для политических заключенных. Как известно, такая политика в этом вопросе проводилась не только в Горном Зерентуе, но повсеместно, по всем каторжным тюрьмам России. *Ред.*

чинской каторги», о «недопустимых поблажках Е. Созонову». Властным языком печать Дубровина говорила о необходимости навести порядок в Горном Зерентуе. Что это значило, было понятно всем, в особенности политическим каторжанам этой тюрьмы.

Однако, памятуя события 1906—7 г.г., правящая клика решила на этот раз действовать несколько иначе. Открыто напасть на Созонова почти не было повода. Администрация прекрасно знала, что Созонов не принадлежит к числу так-называемых «волынщиков». Он не был зачинщиком тюремных беспорядков. Об этом единодушно свидетельствуют товарищи, сидевшие с ним.

«Ходили слухи, — говорит бывший член II Государственной Думы с.-д. Серов, — что Созонов является вожаком всех тюремных историй. Но из своих разговоров с ним я вынес впечатление обратное. Он учитывал положение на воле. Он являлся руководящим товарищем, как идейная величина, но не в смысле тюремных историй. В нем поражала скромность и тактичность. Он всегда удерживал товарищей от эксцессов. Он относился осторожно к своим поступкам».

На этом вопросе останавливаются и политические каторжане в своем докладе члену Государственной Думы Белоусову.

«Вокруг имени Созонова сложилась и кем-то раздувалась легенда, что он является руководителем во всех так-называемых «тюремных беспорядках». Эта сплетня не имеет под собой никакой фактической подкладки. Е. Созонов всем чинам администрации, которые имели с ним непосредственное соприкосновение, известен, как человек необычайно корректный».

Но сдержанности Созонова был предел. Высшая администрация, главным образом, не тюремная, а жандармская, полицейская, прекрасно осведомлялась о всей внутренней жизни политических в Горном Зерентуе. Предательство свило себе прочное гнездо в самом центре их жизни.

Вот об этом-то роковом пределе враги Созонова знали, и на нем была построена вся ставка.

Созонов «не мог простить оскорблений, как своих, так и товарищей. Там, где намеренно оскорблялось достоинство политических, Созонов не мог молчать и отвечал на это борьбой. Боролся он за честь и достоинство с Бородулиным, но остался жив, так как Бородулин все-таки не дошел до розог, хотя и угрожал ими».

Вот здесь-то, в этой готовности Созонова до конца отстаивать честь и достоинство революционера, и нужно искать ключ ко всем последующим событиям.

Если по целому ряду соображений неудобно прямо уничтожить Созонова, можно создать такие условия, когда он ока-

жется вынужденным покончить с собой. Так, несомненно, ставился вопрос о Созонове в тех закулисных тайниках, которые фактически управляли страной в годы реакции. Ряд фактов, приводимых ниже, несомненно, подтвердит эту мысль.

Начальником Горно-Зерентуйской тюрьмы в конце 1910 г. был капитан Чемоданов. По свидетельству начальника каторги, полковника Забелло, «введенный кап. Чемодановым без ненужных чрезмерных строгостей порядок в тюрьме, как наружный, так и внутренний, можно было считать, если не образцовым, то, во всяком случае, установленный им режим, по своей упорядоченности, не мог даже быть сравниваем с тем, каким я его застал два с лишком года тому назад».

В цитированном докладе депутату Белоусову политические каторжане говорят об этом же:

«Условия жизни политических заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги за последние три года постепенно ухудшались. С каждой переменой начальства вводились какие-либо изменения, сокращения и без того минимальной свободы, какою пользовались политические каторжане. За последний год в Горно-Зерентуйской тюрьме сменились два начальника: Покровский и Чемоданов. Каждый из них, подчиняясь духу времени, вносил в жизнь заключенных новые правила, ухудшавшие их положение».

Ясно, что при наличии спокойствия в Горном Зерентуе, не было надобности в смене начальника. И однако уже в сентябре стали поговаривать об уходе Чемоданова. Его заместителем называли Высоцкого. В том же сентябре в Горном Зерентуе производил ревизию инспектор главного тюремного управления прославленный Сементковский. После ревизии, по свидетельству Куликовского, он ходатайствовал об оставлении Чемоданова в Горном Зерентуе. Высоцкого он предложил назначить на более высокое место, на железную дорогу, вместо умершего некоего Завицкого. Это ходатайство успеха не имело. Чемоданов не годился для тех событий, которые должны были разразиться в Горном Зерентуе. Для этого нужен был патентованный палач. И таковой нашелся в лице Высоцкого. То был человек на своем месте, может быть, из одних только намеков понявший предстоящую задачу. И правящая клика в нем не ошиблась.

Кто такой Высоцкий? Удивительно единодушны отзывы всех об этом человеке. Его имя привлекло к себе внимание общества неслыханными преступлениями, творившимися им в Николаевских, Пермской губернии, арестантских ротах. По традиции столыпинского режима прославленных палачей, обыкновенно, после разоблачения их преступлений убирали... с тем, чтобы назначить куда-либо в другое место. Так случи-

лось и с Высоцким. Его убрали из Европейской России для того, чтобы назначить начальником с особой миссией в Горный Зерентуй.

Была ли это особая миссия? Да, безусловно, была. Это ясно видно из всего дальнейшего поведения Высоцкого. Да он и не отрицал этого.

«Первый раз узнали о назначении Высоцкого, — говорит Куликовский, — в половине сентября. Узнали и задумались. Слухи ходили о нем ужасные. Ему приписывался целый ряд преступлений, которые при помощи сообщников удалось сокрыть. Говорили, что это не чиновник, умеющий вводить режим, а человек, который предназначается для мести политическим. Ходили слухи, что Высоцкий назначается в Зерентуй с особой миссией и что назначают его видные «союзники». В доказательство указывали на безуспешность ходатайства за Чемоданова инспектора главного тюремного управления Сементковского».

В докладе Белоусову заключенные пишут:

«Стало известно, что Высоцкий—ярый сторонник телесных наказаний, что он не остановится ни перед какими крутыми мерами, чтобы заставить заключенных подчиниться его распоряжениям, что он обыкновенного убийцу и вора ставит на одну доску с политическими».

Рядом с этим любопытен отзыв о Высоцком начальника иркутского жандармского управления, полковника Познанского. В совершенно секретном личном письме директору департамента полиции Н. П. Зуеву от 10 декабря 1910 г. за № 6338 он пишет: «Высоцкий давно известен, как человек бездушный и жестокий. Он был начальником Николаевских арестантских рот и прославился там тем, что подверг телесному наказанию бывш. депутата I Государственной Думы Ананьина».

Вот в руки этого человека и попала судьба Е. Созонова.

Без долгих размышлений все поняли, в чем заключается сокровенный смысл этого назначения. И первым понял сам Е. Созонов.

— Высоцкого посылают для меня. У меня нет надежды на выход из тюрьмы, — говорил он.

Свои опасения Е. Созонов сообщил и Г. Н. Чемоданову. Последний в своей книге «Нерчинская каторга» сообщает:

«Как-то незадолго до приезда Высоцкого я зашел в одиночку Созонова... В этот мой приход Созонов был чем-то взволнован, в глазах была необычайная нервность...

— Что с вами, Созонов?

— Вам известно, что на-днях приезжает ваш заместитель, — ответил он мне вопросом, — и вы знаете, что это один из свирепейших тюремщиков России?

— Да, но ведь это только слухи, — возразил я, — зачем волноваться раньше времени?

— Для нас это не слухи,—сказал Созонов,—и его приезд будет чреват тягчайшими событиями для тюрьмы.

— Но только не для вас, Созонов. Сидеть вам остается всего три месяца. Ваше положение сидящего в одиночке и, наконец, ваше поведение всегда гарантируют вас от всякого столкновения, а три месяца пролетят живо, — пробовал я его успокоить.

Созонов снисходительно, как мне показалось, усмехнулся.

— А вы думаете, правительство так и выпустит меня отсюда? Вы не допускаете, что это назначение может быть также связано и с окончанием моего срока, и я думаю, что мне, несмотря на близость, не придется дождаться свободы.

Мысль показалась мне смелой и очень невероятной.

— Ну, вы преувеличиваете, — возразил я, — это было бы слишком тонко и жестоко.

— А вы не знаете правительства и его способов борьбы,— возразил он.

Во всяком случае, за два месяца до своей гибели он стал готовиться к концу. Его уверенность в намерениях Высоцкого оправдалась.

Когда известие о назначении Высоцкого стало фактом, всполошилась и воля. Сам Созонов предложил боевой организации принять меры к недопущению Высоцкого в Зерентуй. Эти меры были приняты. К сожалению, благодаря случайности (письмо не дошло во-время), Высоцкий благополучно проехал Читу.

---

21 ноября Высоцкий приехал в Горный Зерентуй. Вместе с ним прибыли и вышколенные им надзиратели.

Люди, знакомые со всей субординацией чиновничьей иерархии, прекрасно знают, каковы были взаимоотношения низших чинов с высшими. Низшее начальство, появляясь на новом месте службы, первым долгом представлялось своему высшему непосредственному начальству. Между тем, отношение Высоцкого, начальника тюрьмы, к полковнику Забелло, начальнику всей Нерчинской каторги, всех тюрем, было совершенно исключительное. Это отношение бросает яркий свет на необычайность назначения Высоцкого, на его исключительную самоуверенность. Как сообщает полковник Познанский Зуеву: «По приезде Высоцкий не представлялся начальнику каторги, полковнику Забелло, а на другой день, придя к нему, спросил:

— Как ваше имя и отчество?

Полковник Забелло, указывая Высоцкому на свои погоны, сказал:

— У меня есть чин.

На это Высоцкий возразил:

— Полковник вы для военных, а для меня вы Иван Иванович или Николай Иванович, вообще, как вас величают ваши знакомые?

Это поведение Высоцкого подтверждает и сам полковник Забелло. В своем секретном рапорте на имя военного губернатора Забайкальской области он пишет:

«Из частных источников мне известно, что коллежский ассесор Высоцкий совершенно не желает подчиняться моим распоряжениям и выслушивать мои советы и будто бы даже громогласно выразился: никакой власти со стороны начальника каторги я над собою не признаю, а если мне нужны будут какие-либо раз'яснения или указания, то на это есть главное тюремное управление и, вообще, высшие инстанции, с которыми я буду иметь сношения».

Высоцкий это подтвердил на другой день уже на деле.

«Подтверждением только-что сказанного, — пишет Забелло, — служит тот факт, что на мое секретное предписание не применять телесных наказаний без моего ведома, пока не ознакомится с заключенными, со стороны Высоцкого последовал протест, выраженный в рапорте, что он не будет исполнять мои распоряжения до тех пор, пока не получит особых указаний со стороны главного тюремного управления».

И начальник каторги Забелло обращается к ген. Киашко:

«В виду вышеизложенного, прошу ходатайства вашего превосходительства перед начальником главного тюремного управления об указании коллежскому ассесору Высоцкому, что на Нерчинской каторге главным начальником являюсь я, а, следовательно, все начальники тюрем находятся в моем непосредственном подчинении и должны исполнять все мои приказания, за последствия коих я несу ответственность».

После сказанного, можно ли сомневаться в том, что Высоцкий явился в Горный Зерентуй выполнить ему одному известную задачу.

Появление Высоцкого взволновало среду политических каторжан. О своих опасениях они довели до сведения полковника Забелло, который в ответ прислал сказать, чтоб они не волновались, так как он «сечь не позволит». Цену этому обещанию мы уже знаем из рапорта самого Забелло. Ответ этот никого не успокоил. Перед заключенными стал вопрос, как реагировать в случае применения розог. Решение на дикую расправу ответить своей смертью постепенно все более укреплялось среди заключенных. В обстановке удаленности

от центров общественной жизни страны, подавленности на воле политические каторжане не видели иных средств борьбы. Приняв это решение, стали запасаться ядами и другими орудиями смерти.

Стал готовиться к смерти и Созонов. 23 ноября он написал три прощальных письма — родителям, брату и невесте — и передал их на хранение П. Куликовскому. (Последующую историю этих писем мы изложим дальше). Были приняты меры для осведомления воли в случае трагического исхода событий в тюрьме. Было решено послать легальные, но условленные телеграммы, если кто-либо из политических будет наказан розгами, в Петербург и Саратов — в «Русское Богатство» Якубовичу и А. Прокофьеву: «Георгий заболел. Семья у предела скорби. О смерти сообщим особо». В случае самоубийства Созонова, по тем же адресам — «Андрей умер».

Решившись на эти крайние меры, заключенные все-таки постановили приложить все усилия к тому, чтобы избежать конфликта. «Тем не менее, — говорит Куликовский,—тюрьма решила пустить в ход все, чтобы поладить с Высоцким. Решили быть осторожными, корректными».

Первый пример в этом отношении был подан самим Созоновым. Он постригся на-голо и привел в порядок свой арестантский костюм, чтобы не вызвать замечаний своим внешним видом.

Но судьба его была во вражеских руках.

Была сделана еще одна попытка отвести руку смерти. П. Куликовский довел до сведения полковника Забелло, что политические каторжане и Созонов в первую очередь покончат с собой, в случае применения к кому-либо из них телесное наказание. Он это сделал в надежде на то, что администрация произведет обыск и отберет орудия смерти, благодаря чему товарищи будут спасены.

Обыска произведено не было.

22 ноября, после своего первого столкновения с полковником Забелло, Высоцкий расхаживал по коридору тюрьмы еще до приема ее от Чемоданова и громко говорил:

— Покажу я военным, в первую голову перепорю военных каторжан (имел в виду казачьего офицера Пирогова, военного фельдшера Петрова и других).

Этим предопределялся характер предстоящего приема тюрьмы. Нужно во что бы то ни стало применить розги к кому-нибудь из политических. Этим судьба Созонова будет решена, а, следовательно, и выполнена особая миссия Высоцкого.

24 ноября старший надзиратель Макаров (уволился после кровавых событий в тюрьме) сообщил заключенным, что при-

емка тюрьмы Высоцким от Чемоданова произойдет 25-го и что 24-го заблаговременно Высоцкий послал двух привезенных с собой надзирателей привезти два воза розог. Это было снова доведено до сведения полковника Забелло, но тот упорно твердил, что «ничего об этом не знает, что порки не будет».

24 ноября Высоцкий начал приемку каторги с вольной команды. Заметив некоторых вольно-командцев в вольной одежде (политические), он спросил надзирателей:

— Почему команда носит вольную одежду?

Ему указали со ссылкой на устав о ссыльных, что политические имеют на это право. На это Высоцкий ответил:

— Пускай сошьют одежду серого цвета, чтобы побольше походила на арестантскую.

После этого он обратился к вольно-командцам с речью, в которой говорил, что прислан высшим начальством усмирить каторгу и что он никаких начальниц каторги и их кухарок не признает (намек на жену полковника Забелло). Затем он спросил:

— Применялись ли к каторжным розги?

Один из надзирателей ответил, что в Горном Зерентуе случаев порки не было. На это Высоцкий заметил, что будет сечь за каждую провинность, и что никакой разницы между политическими и уголовными не признает. Узнав, что вольнокомандец Нейский не явился по болезни, Высоцкий послал к нему надзирателя с предложением явиться, угрожая в случае неисполнения привести с конвоем. Нейский явился.

По настоянию Забелло, Высоцкий все время обращался в третьем лице. В этот день никаких инцидентов не было.

На следующий день, 25 ноября, Высоцкий начал принимать тюрьму. Покончив с уголовными, он принялся за шестую камеру, где сидели политические. Стали вызывать по списку. Высоцким задавались такие вопросы: «ты по какому делу», или «как твоё имя». Одни не отвечали, другие заявляли, что на «ты» не ответят. Тех, кто заявлял, он тут же приказывал отводить в карцер. Таким образом было взято из 6 камеры 7 человек, при приеме «глаголя» — 2 человека. После приемки по списку Высоцкий заходит в камеру. Раздается команда — «встать смирно»! Все садятся. Высоцкий отдает приказание поднимать силой. Из этого ничего не вышло: поднимаемые, едва их отпускают, садятся снова. Все это происходит при попытках завести разговор с Высоцким, но он, не выслушав начавшего говорить, бежит на новую реплику со стороны других. Поднимает и сам. Видя бесплодность поднимания, Высоцкий призывает конвой. Но и тот ничего не мог сделать. Тогда он пригрозил розгами.

— Команда «смирно» не унижение, а унижение—розги,— говорит он.

Вся камера была посажена на карцерное положение.

По выходе Высоцкого из камеры заключенные об'явили голодовку. Из общих камер Высоцкий направился в одиночки. Созонов встретил его молча, но стоя, держа руку за спиной.

— Зачем рука там?—спросил Высоцкий,—надо опустить.

Созонов опустил.

— По этому месту сечь буду, — добавил Высоцкий.

— Я пережил Метуса и Бородулина, — спокойно ответил Созонов. (По другой версии он еще прибавил: «что будет дальше — не знаю»).

Высоцкий удалился.

День 26 ноября прошел без инцидентов. 27 ноября надзиратель Донцевич разносил по карцерам хлеб. Войдя к Петрову, он предложил ему. Тот в виду голодовки отказался.

— Бери и ешь, а то палкой в тебя запихаю, — сказал ему Донцевич.

Петров взял хлеб и выбросил. То же повторилось и в карцере, где сидел М. Сломянский. Донцевич донес Высоцкому, что Сломянский бросил ему хлеб в лицо. Высоцкий приказал:— Сломянскому 30 розог, и ты (Донцевич) будешь сечь!

Сейчас же четверо конвойных и фельдфебель вытащили Сломянского из карцера и привязали к скамейке. Донцевич стал с розгами и ждал.

— Чего зеваешь, я зевак не люблю, бояться нечего! Впрочем, позови фельдшера, — сказал Высоцкий.

Послали за фельдшером Крыловым, но тот, придя, отказался присутствовать при порке. Тогда был вызван второй фельдшер Казинас, который заявил, что у Сломянского порок сердца и поэтому его пороть нельзя. Несмотря на это, его подвергли истязанию. Порол Донцевич, считал удары сам Высоцкий. При каждом ударе он приговаривал:

— Не бросайся хлебом!

Сломянского избили до крови. На стене остались кровавые следы. Окончив экзекуцию, Сломянского отнесли в больницу.

Незадолго до этого помощник Даль привел пьяного уголовного вольнокомандца и посадил в карцер, где сидели политические. Последние заявили Далю:

— Или сажайте его одного, или оставьте нас одних.

В это время появился Высоцкий и приказал выпороть Павла Михайлова, как зачинщика. Михайлов принял стрихин, но без всякого результата. Тогда он принял морфий. Но так

как для действия последнего необходимо время, то П. Михайлов взял у товарища азотную кислоту, с условием, что выпьет лишь тогда, когда поведут на порку. Как только открыли двери карцера, надзиратели Донцевич и Кирпичников кинулись к П. Михайлову, но тот предупредил их, выпив азотную кислоту, и упал без сознания. Его унесли в больницу. По заключению врача, у него открылись язвы в желудке вследствие принятия кислоты в состоянии голода. Через некоторое время Высоцкий вызвал Петрова в контору, где после об'яснения с ним приказал дать ему 35 ударов. Надзиратели Кирпичников и Донцевич потащили Петрова. По дороге ему удалось снять наручники, и он сделал попытку ударить конвойного солдата, чтобы этим вызвать его на расстрел себя. Подбежавший надзиратель Сморщевский пытался удержать его, но сам получил сильный удар по голове. Донцевич и Кирпичников снова схватили Петрова, дотащили до места порки и бросили на пол. Петров снова встал и пытался броситься на штыки. Стоявший вдали Высоцкий приказал не колоть, а бить прикладами. Избитого Петрова наказали до потери сознания. Когда он очнулся, его повели в одиночку. По дороге он услышал, как Высоцкий приказал записать за ним еще 35 ударов за удар Сморщевского.

Вечером 27 ноября полковник Забелло узнал от Чемоданова и помощника Гарина о порке Сломянского и Петрова. Он вызвал Высоцкого и спросил его:

— Как идут дела в тюрьме?

— Прекрасно, — ответил Высоцкий.

— Вы, кажется, применили телесное наказание, но об этом не считаете нужным мне доложить? — заметил Забелло.

— Об этом я вам доложу в недельном рапорте, — возразил Высоцкий.

Такова была обстановка в тюрьме к ночи на 28 ноября.

У себя в одиночке Созонов, конечно, прекрасно знал о событиях дня. Несомненно, что решение окончательное и бесповоротное им было принято, когда он узнал о покушении на самоубийство Маслова и Пухальского (вскрыли себе вены на руках). Перед вечерней поверкой Созонов вышел в коридор на уборку. Подойдя к дверному окошечку камеры переплетчиков, он попращался с товарищами.

— Ну, прощайте, братики, — сказал он, улыбаясь обычной мягкой улыбкой и окидывая всех взглядом. Лицо его было бледно, но спокойно. Незадолго до поверки Е. С. написал записку своему другу Гр. Фролову, в которой извещал его, что имевшийся у него стрихнин он обменял на морфий, яд менее мучительный. Тогда же он обратился к товарищам со следующей запиской:

«Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить с собой. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя. А потому я должен умереть. Чувствую это всем сердцем; так больно, что я не успел предупредить двух умерших сегодня. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне и не искать слишком быстрой смерти. Если бы не маленькая надежда, что моя смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы жить и бороться с вами, товарищи. Но ожидать лишний день, это значит, может быть,—увидеть новые жертвы. Сердечный привет друзьям и спокойной ночи!

Егор».

На вечерней поверке Созонов был молчалив и ни с какими заявлениями к администрации не обращался. На коридоре дежурил надзиратель Фадеев.

После поверки Созонов остался один. Предстояло испить последнюю чашу.

Созонов не хотел умирать. Слишком многое влекло его к жизни. Он стоял на пороге свободы. Пусть это будет далекая ссылка в дебри Якутской области, но это все-таки была воля, была надежда на лучшую жизнь. Теперь наставал конец всем мечтам последних лет. Приходилось навсегда расстаться со всеми родными, близкими.

«Он хотел страстно жить,—говорит Куликовский.—Оставалось 2 месяца до поселения. Здоровье его за последний год было хорошее, да и раньше он не был сильно болен, кажется, не лежал даже в больнице. Удивительно нежная и глубокая любовь его к матери звала его к жизни. На воле была и его невеста. Мне знакома эта сторона жизни Созонова, а потому и ясна вся глубина страданий, какие пришлось пережить ему перед смертью».

Долго ходил он из угла в угол своей одиночки, бледный, глубоко задумчивый. Вероятно не раз в предсмертной тоске он искал выхода. Но его не было. Чашу нельзя было миновать.

Была глубокая ноябрьская ночь. Созонов в последний раз прижал к груди две маленьких иконки — благословление матери, точно прощаясь с ней, и принял яд. Потушив навсегда свое сердце, пылавшее великою любовью, он погасил лампочку и лег в постель.

Это было после трех часов. Молча, без единого звука, он погиб, вторично принося себя в жертву.

В четыре часа на смену надзирателю Фадееву пришел Балябин. Обходя одиночки и заглядывая в дверные прозурки, они заметили у Созонова потушенную лампу. Окликнув его несколько раз, они услышали слабый хрип, кашель. На предложение зажечь лампу, Созонов не отвечал. Тогда был вызван

старший надзиратель Черевко. Последний, открыв дверь, увидел Созонова умирающим. Был вызван фельдшер Казинас, который распорядился отнести Созонова в больницу, для чего было вызвано из камеры несколько уголовных. Около ш е с т и у т р а прибыл доктор Круковский, а до его прихода Созонову не было оказано никакой помощи. А между тем в это время его еще можно было спасти. Хотя смертельный исход для Круковского был ясен, тем не менее он сделал Созонову четыре подкожных впрыскивания. Все было уже тщетно. Егор медленно умирал, не проронив окружающим ни слова. Около семи часов утра его не стало. С бледным, но удивительно спокойным лицом он лежал мертвый на полу больничной палаты. На груди около шеи лежал носовой платок, в одном углу которого были завязаны две маленькие иконки.

В 8 часов утра его перенесли в одиночку, где раньше лежала М. Школьник. Там он пролежал до 10 часов. В 10 час. пришел помощник Гарин, составил акт о смерти, после чего его перенесли в мертвецкую.

По вскрытии трупа Созонова врачем Круковским было составлено следующее заключение:

«При подаче первой медицинской помощи Е. Созонову утром 28-го ноября в 6½ час., мною были обнаружены следующие признаки:

1. Бледность и значительное охлаждение всего тела.
2. Сужение зрачков без реакции.
3. Нитевидный, едва прощупываемый пульс.
4. Стерторозное дыхание (12).
5. Полная нечувствительность кожи на щипки, уколы.
6. Резко выраженная прострация.

Все это указывало на отравление каким-то наркотическим ядом, например, морфием. Так как вообще морфий действует довольно медленно при отравлениях, то я заключил, что Созонов мог принять яд еще вечером 27 ноября в количестве, достаточном для отравления. Обыкновенно все яды действуют на тощий желудок быстрее и сильнее, чем на наполненный. Также большая часть растительных ядов портится скорее, чем металлические яды, и тогда или совсем не действуют, или действуют очень медленно, даже при тощем желудке. Во всяком случае принятый морфий, как отрава, внутрь начинает оказывать свое действие через ½—1 час. Отравившийся начинает засыпать, рефлексы все понижаются, пульс замедляется и через 5—18 часов (смотря по дозе) наступает паралич сердца. Смертельная доза свежего морфия от 3 до 5 гран. Если же принять во внимание, что принявший страдает еще пороком сердца, то доза может быть еще меньше — 1—2 грана, чтобы вызвать смерть. В данном случае Созонов принял или порче-

ный морфий, или малое количество его, чтобы отравиться сейчас же, не зная того, что порченый морфий или малая доза его действует медленно.

Вскрытием обнаружено следующее:

1. Полное малокровие мозга, оболочек и наружных покровов.

2. Сгустки крови в правом сердце.

3. Пустой почти желудок.

4. Отсутствие каких-либо знаков насилия во всем организме.

Все это взятое вместе дает нам право заключить, что смерть Созонова наступила в данном случае от отравления. И я предполагаю, что он принял смертельную дозу морфия. Насколько верно мое предположение, это только можно доказать химическим анализом. Для означенного анализа и посылаются вышеупомянутые в протоколе органы. Уколы были сделаны мною для подачи помощи Созонову (кофеин и серный эфир). Рубцы на пальцах и в области правой части живота давнего происхождения и получились от ран, на жизнь Созонова никоим образом не могли иметь влияния. Во-время поданная медицинская помощь, наверное, спасла бы жизнь Созонову. Отсутствие знаков насилия указывает на то, что покойного не били и не принуждали принять яд, а что он сам принял добровольно.

Врач В. Круковский».

Почти одновременно с Созоновым покушались на самоубийство Кунени, Корешков и Одинцов. По настоянию доктора Круковского, после того как он поручился, что дальнейшей порки не будет, отравившиеся приняли противоядие. 28-го в одночке пытался покончить с собой Петров. Облив себя керосином, он хотел сжечь себя. Сбежавшиеся чины надзора потушили огонь и отнесли Петрова в больницу.

После порки Сломянского и Петрова полковник Забелло официальной бумагой сообщил Высоцкому о запрещении сечь, но на эту бумагу Васоцкий ответил также бумагой, что на применение телесного наказания ему даны полномочия законом. После этого Забелло лично в конторе вновь подтвердил свое запрещение, добавив:

— Хотя применять к каторжным телесное наказание и предусмотрено законом, но закон издан не для таких людей, которые не умеют им пользоваться.

После этого Забелло вызвал к себе тюремного врача Круковского и приказал ему признавать негодными для порки всех арестантов независимо от их физического состояния.

30 ноября начальник иркутского жандармского управления телеграфно донес департаменту полиции о смерти Созо-

нова. Департамент не поверил полковнику Познанскому, а послал срочный запрос:

«Горный Зерентуй. Начальнику Нерчинской каторги. Благоволите телеграфировать для доклада министру действительно ли умер каторжный Е. Созонов. Утвердительном случае, когда, отчего. № 522.

За директора (подпись)».

Лишь после телеграммы Забелло департамент полиции порадовал Столыпина смертью Созонова.

Чувствуя приближение гибели, Созонов написал три прощальных письма родным и близким и передал их П. Куликовскому. В вольной команде в это время содержался бывший депутат II Государственной Думы с.-д. Серов. При нем находилась его жена, которая служила передаточной инстанцией между волей и Горным Зерентуем. Для отсылки писем Созонова они и были переданы ей Куликовским. Несколько дней спустя после смерти Егора, его родными было получено от Серовой письмо, в котором она просила кого-либо из семьи Созонова приехать в Иркутск за последними письмами Егора. Выехала Любовь Александровна Созонова. По прибытии в Иркутск она попала в высшей степени подозрительную обстановку. С большими трудностями она разыскала лицо, которое должно было свести ее с «Ниной Александровной» (Серовой). После долгих поисков Л. А. Созонова разыскала Серову, которая вручила ей три чистых листка бумаги. Это были, по словам Серовой, последние письма Созонова, писанные химическими чернилами. Л. А. Созонова увезла их в Уфу, где их пытались проявить, но из этого ничего не вышло. Тогда письма были отосланы в Париж, где их проявляли всеми известными способами, но все с тем же результатом. Так и не удалось узнать содержания этих таинственных листков.

Слухи о гибели писем дошли до Куликовского. В письме к Фиалке он пишет: «Егор дал мне перед смертью доставить его письма на волю. Письма были невесте, родным и друзьям. Я до сих пор не знаю, что случилось с этими письмами. Дошли ли они по назначению? Или попали врагам? Прихожу в отчаяние при последней мысли. Письмо для Марии Алексеевны отдал я сам, кажется, в нехорошие руки. Остальные письма не смел послать по почте; ждал оказии, но был внезапно арестован. Доставить эти письма поручил другому лицу. Не знаю, как оно исполнило мою горячую просьбу. Чувствую себя виноватым перед всеми вами, близкими людьми Егора Созонова. Виноват особенно в том, что не предусмотрел своего ареста. Действительно, трудно было предусмотреть арест, так

как арестовать меня было не за что. Разве только за то, что у меня находились письма Егора. Но это едва ли могли знать жандармы, хотя я недавно и получил кое-какие сведения о провокации в Зерентуе. Но все это предположения. Во всяком случае арестовать-то меня было не за что. Если что-либо знаете о письмах Егора, сообщите пожалуйста. В Верхнеудинской тюрьме у меня искали эти письма, так как пересчитали перья в подушке, где хранились раньше эти письма. Об этом знал один человек в Зерентуе, и я подумал об его предательстве, В дороге получились еще улики против него. К счастью, я переложил их в другое место, и письма не нашли, да и не могли найти, так как я их до обыска отправил дальше».

В действительности случилось самое худшее. Письма попали в руки врагов. Внимательно наблюдая за Созоновым, жандармы ввели в самый центр общественной жизни Горного Зерентуя своего агента. Таковым была жена Серова. О письмах Созонова она сообщила полковнику Познанскому еще до смерти Созонова. В виду смерти Куликовского, ныне почти нельзя установить, когда письма им были переданы Серовой. Возникает даже вопрос, он ли передал, или кто-либо другой из вольной команды. Так или иначе, но письма попали в ее предательские руки. Жандармы приняли все меры к тому, чтобы скрыть их. Приехав в Иркутск, Серова передала письма полковнику Познанскому, а Л. А. Созоновой дала чистые листки бумаги [1]). Только после поисков в архиве департамента полиции среди документов по делу Созонова, присланных Познанским, эти письма были найдены мною и ныне они, наконец, увидят свет. Но не все те, кому они адресованы, могут их прочесть. Умерла Мария Алексеевна Прокофьева. Умер и отец Егора.

Узнав о гибели сына, отец Созонова обратился к министрам внутренних дел и юстиции с телеграммами:

«28 ноября в каторжной тюрьме в Горном Зерентуе умер сын мой, Егор Созонов. Почтительнейше ходатайствую перед вашим высокопревосходительством о разрешении мне перевезти его тело для погребения по христианскому обряду в г. Уфу и не отказать мне в ответе по адресу: Б. Успенская собств. дом. Разрешение ваше похоронить на родине прах моего сына по старообрядческому обряду религии предков наших одно может спасти убитых горем родителей. С. Л. Созонов».

Ответ Столыпина был краток:

[1] Сообщение В. Пирогова о письмах Созонова, заделанных в косяк камерной двери, об их находке уголовными, их уничтожении и пр., напечатанное в № 1 «Каторги и Ссылки», ни на чем не основано.

«От департамента полиции об'является, что министр внутренних дел не признал возможным удовлетворить ходатайство, изложенное в телеграмме от 5 декабря.

За директора департамента полиции Виссарионов».

Правительство поступило наоборот. Были приняты все меры к сокрытию могилы Созонова. Страшен он был своим врагам даже мертвый.

Только после февральской революции 1917 г. прах Созонова был разыскан и предан земле в г. Уфе.

Два лагеря русской общественной жизни по-своему реагировали на смерть Созонова.

Правящая бюрократия и стоявшие за ее спиной правые круги открыто выражали свою радость.

Правительство откликнулось на смерть Созонова официальным сообщением.

«В течение второй половины настоящего года, говорилось там, были получены указания, что революционные организации, собирая большие суммы денег, подготовляют массовые побеги политических арестантов, в особенности из тюрем Нерчинской каторги. Эти данные нашли себе подтверждение в факте обнаружения яда тиокол, отправленного в большом количестве в посылке из Иркутска в Зерентуй каторжному внетюремного разряда. Яд этот, повидимому, предназначался для отравления местного надзора и конвойной команды в целях устройства побега». А дальше неожиданно следовало:

«27 ноября начальник Зерентуйской тюрьмы на основании статьи 275 уст. о ссыл. признал необходимым подвергнуть телесному наказанию Сломянского и Петрова, после чего в виде протеста каторжные же арестанты Маслов, Пухальский и Одинцов порезали себе вены на руках, арестанты же Михайлов, Кунени и Созонов отравились морфием, отчего последний и скончался».

Таким образом была сделана попытка смерть Созонова связать с неудачным покушением на побег и отравлением чинов надзора. Но уже этим одним официальным сообщением убийцы Созонова выдали себя с головой. Не говоря уже о бессмысленности покушения на побег со стороны Созонова, которому в январе предстоял выход на поселение, они об'явили невиннейшее средство против туберкулеза — тиокол — ядом. Это лекарство, как абсолютно безвредное, даже по старому законодательству можно было продавать в аптекарских магазинах. Ныне мы можем установить, кто является изобретателем версии о «яде-тиоколе». Это все тот же жандармский

полковник Познанский, в течение долгих лет внимательно следивший за Созоновым.

В личном, совершенно доверительном письме от 29 ноября (еще до получения известия о смерти Егора, о чем Зуев узнал только 30!), директор департамента полиции Н. П. Зуев писал начальнику главного тюремного управления С. С. Хрулеву:

«М. Г. Степан Степанович! Из письма моего от 19 минувшего октября за № 116799 вашему превосходительству известно, что из Иркутска имела быть отправлена посылка, заключающая в себе значительное количество яда. В настоящее время начальник иркутского губернского жандармского управления (полковник Познанский) донес по телеграфу о том, что 16 октября сего года из аптеки Жарникова в Иркутске действительно была отправлена в Горный Зерентуй на имя вольнокомандца Петра Сошникова посылка, в коей по вскрытии на месте получения оказалось сто грамм тиокола, доза, по мнению местных властей, безусловно достаточная для отравления. Н. Зуев».

Вот на основании этого-то сообщения правительство и об'явило тиокол ядом.

Были ли разговоры в Горном Зерентуе о необходимости выписать яд? — Да, были, и от Серовой Познанский знал, что речь идет о яде для самоубийств на случай применения Высоцким розог. Эти разговоры начались с октября, и это было известно департаменту полиции из доклада того же Познанского. Об'явление тиокола ядом произвело сенсацию. Правительство поняло, что попалось с поличным. Оно даже не пыталось об'яснить это изумительное открытие. Зато оно распорядилось по телеграфу вынуть этот абзац из официального сообщения, посланного за границу по случаю смерти Созонова. Департамент полиции укоризненно известил Познанского, что «тиокол, оказывается, вовсе не яд». В своем путаном ответе Познанский смущенно признает, что сам по себе тиокол может быть и не яд, но если его смешать с каким-нибудь ядовитым веществом, он может быть очень опасен.

Читая ныне официальные сообщения о событиях в Зерентуе, ясно видишь, что правительство не особенно заботилось оправдать деяния своих агентов. Да и к чему это было, когда радость по случаю смерти Е. Созонова высказывалась открыто правящим классом. Когда с.-д. и к.-д. внесли в Государственную Думу запрос о преступных деяниях Высоцкого, правительственные партии (правые и октябристы) устроили сочувственную манифестацию в честь Высоцкого. Во время речи Чхеидзе, говорившего о самоубийстве политических, правый депутат Володимиров горестно вздыхал:

— Мало, мало!

Особенно рельефно выразил тогдашние настроения власть-имущих Марков II.

— Тут сообщают, — говорил он, — неизвестно зачем, о смерти Егора Созонова. Кто такой Созонов? Убийца Плеве. Я весьма сожалею и скорблю, что убийца достойнейшего государственного деятеля в свое время не был повешен, и, если он умер теперь, этому я только радуюсь. Слава богу, что убийца умер, и жаль, что он вообще жил на свете».

Октябристы во всем солидаризировались с правыми, и запрос был отвергнут. Правительство торжествовало.

Была и другая Россия. Там были другие настроения. Они не могли полностью проявиться. Все было придавлено столыпинским режимом. Тем не менее бурное возмущение широких кругов русского общества нашло себе выход. Протесты разразились, прежде всего, среди студенчества, которое устроило в ряде городов манифестации протеста против убийства Созонова. Вся независимая печать с поразительным единодушием клеймила зерентуйских убийц.

О подпольной России говорить не приходится. Все революционные партии печатно выразили свою скорбь по поводу гибели выдающегося революционера, свое возмущение чудовищной политикой правительства. Здесь смерть Созонова напомнила лишний раз о необходимости активной борьбы с монархией. В тиши столыпинской реакции эта смерть была призывом к борьбе.

Н. Ростов.

Акилина Логиновна Созонова.

(мать Е. Созонова).

Егор Сергеевич Созонов.

По воспоминаниям его матери [1].

Через два года после моего замужества, в 1879 г. родился у меня сын Егор. Я и муж с нетерпением ждали его появления на свет. Жили мы тогда в селе Петровском, Вятской губ., занимались хлебопашеством. Родился Егор к лету. Начинались у нас тогда покосы. Жалко мне было оставлять ребенка одного, но работа не ждала. Мне приходилось каждый день вставать в 3 часа утра и итти верст за 7—10, а приходила я домой с покоса часов в 10 вечера. Так как через год у меня родился второй сын, то с Егором нянчилась бабушка. Егор страшно к ней привязался и любил ее больше, чем меня.

Егор рос тихим, впечатлительным ребенком. Товарищей у него не было, детей своего возраста он не любил, как не любил ни игр, ни шалостей. Всегда оставался с бабушкой, когда другие шли в лес или купаться. Очень любил слушать сказки, которых много знала бабушка. Когда ему было 2 года, он обварился кипятком из самовара. Страшно обжег себе грудь и руки. Докторов и больниц тогда поблизости не было, и лечили мы его своими средствами. Долгое время он лежал в постели, ожоги заживали не скоро. Егор переносил боль спокойно. В 4 года у него была корь, а через год он захворал натуральной оспой. Оспу в детстве мы ему не прививали (тогда это считалось грехом), и оспа была у него в очень тяжелой форме. После болезни у него долгое время передергивались плечи, а кроме того пропала память и сообразительность. 6 лет дедушка стал его учить славянской азбуке, а 7 лет мы его повезли за 12 верст от нашего села учиться старообрядческим священным книгам. Учиться ему было очень трудно: он сидел за книгой целыми днями и ночами, но запоминал плохо. Потом учился в приходской школе. Когда ему исполнилось 10 лет, мы переехали в Уфу. Сначала он учился год в частной

[1] Записано со слов Акилины Логиновны Созоновой.

гимназии, а потом сдавал экзамен во 2-й класс правительственной, но провалился, и его приняли в 1-й, где он просидел два года. Егор страшно горевал и плакал, но один из учителей ему сказал: «Не плачь, Созонов, просидишь 2 года, тебе потом легче будет». И правда: с каждым годом ему было учиться все легче и легче. Увлекался он чтением. Спрячется с книгой и сидит тихонько целыми часами. Долго приходилось его искать, найдешь где-нибудь на сеновале и отберешь книгу. Учился Егор всегда без репетиторов и учителей, хотя ученье ему давалось трудно, но он был усидчив и прилежен и не отставал от других. В гимназии он вел себя тихо, за что учителя его любили и ставили в пример другим. С 4 класса он стал учиться лучше и потом все время был первым учеником. В старших классах он готовил бедных учеников бесплатно, но не говорил об этом нам. Гимназию он кончил 20 лет. Тогда еще он не интересовался ни революционной литературой, ни самой революцией. Он думал тогда о путешествиях в далекие страны. Егор в это время был очень веселым и живым, и в то же время ласковым и отзывчивым человеком, жалел и помогал бедным знакомым деньгами и советами. На следующую зиму после окончания гимназии он поехал учиться в Москву. За неимением мест на медицинском факультете он поступил на юридический с тем, чтобы на следующий год перейти на медицинский. На лето и рождество он приезжал к нам в Уфу. У нас была лесная торговля, и он иногда ездил по делам в Саратов или Чистополь. Из Москвы он привозил корни цветов и ягодные кусты. В Уфе он развел сад, ухаживал сам за ним целыми днями, по вечерам он мне часто читал вслух. На вторую зиму он уже поступил на медицинский факультет. Сначала без привычки ему было очень трудно работать над трупами, запаха которых он не выносил. Первое время он перестал есть и пить, все время ходил по улице, преследуемый неприятным запахом, но он твердо решил пересилить себя. О врачебной деятельности он еще думал, когда учился в гимназии. Но Егор не хотел оставаться в городе, а мечтал поступить впоследствии в какую-нибудь земскую больницу, чтобы помогать крестьянам. Окончив занятия на 2 курсе и приехав в Уфу на каникулы, он был неожиданно арестован; в Уфе он просидел 2 суток, а потом его перевезли в Москву. Поводом для ареста послужила нелегальная книжка, найденная около какой-то церкви в Москве, в которой лежал отпускной студенческий билет на имя Созонова. Егор просидел тогда несколько дней. После выяснений, что билет принадлежит другому студенту, он был выпущен на волю. И как в гимназии, так и теперь Егор не интересовался революционной деятельностью и социализмом. И только на 3 курсе он стал принимать участие

в запрещенных собраниях и сходках, одна из которых окончилась тем, что всех собравшихся заперли в манеже, а потом перевели в тюрьму. Мы долгое время не получали от него писем и беспокоились, так как слышали о московских беспорядках.

Когда его выпустили на свободу, он узнал, что многие студенты, в том числе и он, лишены права учиться в продолжение 3 лет. Уфимские студенты послали тогда телеграмму на имя Плеве о разрешении за это свободное время отбыть воинскую повинность и получили отказ. Приехав в Уфу, Егор стал живо интересоваться революционной литературой и старался познакомиться с политическими ссыльными и социалистами. Вскоре он всецело посвятил себя новому для него делу. Отец был страшно против этого увлечения, советовал бросить партийные дела и заняться чем-нибудь другим, но Егор не уступал. У него теперь завязались новые знакомства, появились товарищи, но на дом они к нам никогда не приходили, а книги он часто приносил к нам. Целыми днями теперь мы не виделись с ним, он уходил к товарищам, не приходил часто домой и ночью. Вскоре он был арестован. Через некоторое время я стала ходить к нему на свидания. В Уфимской тюрьме сидеть было очень плохо. Свидания давали под усиленным контролем. Однажды Егор рассердился на жандарма, вплотную подошедшего к нам и подслушивающего наши разговоры. «Я ударю тебя!» — закричал Егор и отказался от свидания. Жандармы переполошились, увели его. Я с неделю не ходила к нему на свидание. Потом меня вызывал начальник тюрьмы и просил уговорить Егора отказаться от голодовки. Оказывается, что Егор голодал после того случая неделю: Через 7 месяцев его выслали в Самарскую тюрьму. Через каждые три недели я ездила к нему на свидания. Егор никогда не жаловался на свое положение, всегда был веселым, успокаивал меня. Однажды, когда я пришла за пропуском на свидание, жандармский начальник мне сообщил, что Егора могут освободить, если отец его возьмет за 10 т. руб. на поруки. Мужа тогда не было дома, и я телеграфировала ему, прося немедленно приехать. Когда муж приехал, он пошел к начальнику, но узнал, что тот уехал в Златоуст для усмирения рабочих. В это время как-раз там происходила забастовка и расстрел рабочих. Благодаря этому Егора отказались выпустить, сочтя его участником в этом волнении. Из Самарской тюрьмы его выслали в Якутск, но по дороге он бежал. Пересыльных было много. Везли их на лошадях. Когда заехали кормить лошадей в одну из деревень, то конвойные не заметили, как он ушел на задний двор. Тогда еще у него не было мысли бежать, но когда он увидел из-за забора вдалеке лес и озеро, то ему страшно захотелось на волю. Он перелез через забор и пошел

сначала тихо к лесу. На озере баба полоскала белье. Пройдя немного дальше, он побежал. Добежав до опушки, он спрятался под первым попавшимся кустом. От усталости он не мог дальше бежать и у него хлынула кровь горлом. Часа через два в деревне поднялось волнение, шум, выстрелы: заметили его побег. Вскоре к лесу под'ехали конвойные на лошадях, но его не заметили. Собака-ищейка, бывшая с ними, подбежала к нему, но не залаяла, так как Егор часто кормил ее в дороге и она его знала. Ночь и день пролежал он на опушке леса, а на другую ночь решил итти дальше. Придя в следующую деревню, он купил с'естного на бывшие, по счастью, у него деньги, нанял лошадей и через несколько дней он был уже в Перми; пароходом он приехал в Рыбинск, пересел на поезд и доехал до Киева, а отсюда уже пробрался за границу. Мы долго о нем ничего не знали, как вдруг получили письмо из Швейцарии, где он писал нам о своей жизни, а также о том, что он хотел остаться там и докончить ученье. Как он приехал в Россию и как пробрался в Петербург для подготовления убийства, мы об этом ничего не знали. Отец совершенно не верил слухам и газетам, писавшим о «деле 15 июля». Уже за 2 дня до суда я была у него на свидании. О совершившемся недавно мы не обмолвились ни одним словом: кругом были жандармы, мы говорили о родных, знакомых. Егор был веселый, говорил, что сидеть ему хорошо. Через 1½ часа он стал со мной прощаться. «Говорят, что я останусь жив, я не верю этим слухам», — сказал он мне. Я же, наоборот, была уверена, что он останется жив.

На суде ни я, ни отец не присутствовали. Уж очень тяжело было бы слушать обвинения и приговор. После суда мне дали с ним свидание. «Твои слова сбылись, я остался жив», — сказал мне тогда Егор. Потом, на новый год (1905 г.) его увезли в Шлиссельбургскую крепость. Привезли ночью. Чтобы не видел дороги, надели мешок. Посадили его в одиночку, 2 месяца не давали освещения и книг, и целый год мы не получали от него писем. После октября 1905 года его перевезли в одну из сибирских тюрем. Он часто писал нам, писал всегда, что доволен судьбой. Часто просил нас присылать продуктов и материалов для своих товарищей, так как в некоторых тюрьмах сидеть было очень голодно. За несколько месяцев до своей смерти он усиленно звал меня на свидание, но я не смогла приехать. Он тогда писал мне о том, что он скоро будет свободен, о своих планах. Но он сам, наоборот, был уверен, что его не выпустят, о чем писал последнее время брату, не желая волновать меня. И правда, его предчувствия оправдались: 28 ноября 1910 года произошло то, что с таким усердием подготовлялось жандармами.

О Егоре Созонове.

1. На каторге.

На воле я его не знал. Моя первая встреча с ним произошла в конце 1907 года, в тюрьме Горный Зерентуй, Забайкальской области, в общей 4-ой камере. Его невесту, известную с.-р. Марию Алексеевну Прокофьеву, я встретил раньше в Бакинской тюрьме в 1905 году, но тогда я не знал, что она его невеста.

В Горный Зерентуй Егор был переведен из Алгачинской тюрьмы осенью этого года, а я позже пришел обратно в Зерентуй из Акатуя, где пробыл всего лишь три месяца.

До этой встречи я немного знал о Созонове. Знал, что это личность авторитетная и уважаемая. Все же не знаю, чем это об'яснить, но в то время Созонов не вызывал во мне любопытства, и я не стремился непременно поскорее познакомиться поближе. Сам же Егор тоже не спешил с этим.

Так мы и жили в числе 60 товарищей, несколько в стороне друг от друга, разговаривали только на фракционных собраниях.

Но первый момент встречи хорошо запомнился. Это было уже при огне, когда нас после обыска и приемки новым начальством впустили в общую камеру. Меня обступили знакомые товарищи, подошел и Егор. Его фигура заметно выделялась среди других: высокий, гибкий, более пожилой среди молодых сокамерников, с яркими, горящими глазами и продолговатым лицом.

В этой общей камере он жил недолго, кое с кем занимался и проводил время, как почти и все, за книгами. Из его общественных выступлений за это время помнится два-три. Он не был оратором, говорил ровно и тихо, но говорил всегда с весом и отстаивал свою точку зрения во всеоружии знаний и убеждений. Один раз он рассказывал о своем террористическом акте над министром внутренних дел Плеве, затем участвовал при обсуждении принципиальных вопросов нашей разроз-

ненной тогда на «большую» и «малую» коммуны [1]. Моя память ничего не сохранила из его взглядов на этот вопрос. Вне коммуны, индивидуалистом, как некоторые товарищи, он у нас никогда не был, и таким его трудно представить.

В общей камере Егор находился неофициально. Это было сознательное попущение местной администрации. Но об этом узнали и строго предписали изолировать его в одиночку. А где же было взять для него одиночную камеру? В тюрьме их не было, а те, которые пристраивались, не были еще готовы. Тогда администрация освобождает от уголовных одну небольшую камеру, кажется, на 8—10 человек, и водворяет туда Егора под более строгий надзор. В это время доступ к нему был более затруднителен, и на прогулку его выпускали тоже одного. Затем помнится еще момент, когда его почему-то снова перевели в общую камеру, а из его большой одиночки сделали для политических каторжан нечто в роде полубольничной палаты, куда, как больной, попал и я. Не прожил я в ней, кажется, и трех дней, как кто-то из членов фракции с.-р. предложил мне предоставить свое место Егору. Я тогда несколько удивился этому, но место все-таки уступил. Оказалось, что в это время для него готовился побег, и выйти в нужное время было удобнее всего именно из этой камеры.

Так некоторое время он, благодаря сравнительно свободному режиму тюрьмы и мирным взаимоотношениям с администрацией, менял свое жилище, и я не имел возможности, а, может, и не дерзал, узнать его ближе. Когда же отстроились одиночки, то его уже окончательно поселили в них, но все же так льготно, что он мог в свою одиночку пригласить жить одного или двух товарищей, кого он сам захочет. Это тоже было нарушением предписания главного тюремного управления. Зато при всяком посещении тюрьмы высшим начальством, наезжавшим к нам время от времени, этих его сокамерников выселяли, и Егор оставался в одиночке один. На прогулку он ходил вместе с нами, мог итти на кухню за обедом, за кипятком, за дровами для печки, и вследствие этого мы могли видеть его довольно часто.

Надо сказать, мы тогда переживали в тюрьме такое «золотое время», что многие говорили: если весь срок так будем отбывать каторгу, то можно будет сказать, что каторги мы и не нюхали.

Однако, и при таких условиях большинство товарищей не могло ближе узнать Егора и пользоваться его знаниями, а он сам не мог принимать более непосредственного участия в на-

[1] О «большой» и «малой» коммунах в Зерентуе см. статью *Г. Крамарова* в № 1 (8) «Каторги и Ссылки» за 1924 год. *Ред.*

шей коллективной жизни. Так, например, он не мог быть нашим постоянным представителем в сношениях с администрацией — нашим старостой.

Его авторитетом мы пользовались только в крайних случаях, как тяжелой артиллерией, например, при посылке депутатов к начальнику каторги для разрешения или улаживания каких-либо серьезных вопросов.

Было время, когда с ним очень считались. Не помню, от кого из высших тюремщиков исходило определение, что «Созонов—король каторги», что не тюремщики наводят порядки, а Созонов, и Созонов верховодит над каторжанами.

Конечно, это в общем чепуха, но показательно, как сама администрация на него смотрела.

В его присутствии тюремщики вели себя мягче. Даже сам Высоцкий, виновник его смерти, который всем нам при обращении намеренно говорил «ты», в одиночке у Созонова избегал этого. Знаменитый палач Селиванов, иркутский генерал-губернатор, в одиночке Егора мог только мягко сказать: «Созонов-то Созонов, а волосы надо обстричь».

Авторитет его и уважение к нему на каторге были большие. Уголовные арестанты знали его, как доброго и внимательного человека, и шли к нему с разными нуждами.

Ну, а мы, его товарищи по борьбе и неволе, мы его любили и уважали. И не уважать его было нельзя: слишком он был идеалистически чист и духовно прекрасен. В тюремной жизни, в особенности в каторжных буднях, на протяжении многих лет, в гуще невольно собранных людей, удивительно трудно всегда быть таким тактичным и внимательным, не срываться в своем настроении, быть той притягательной личностью, к кому идут многие — и большие, и малые — за разрешением порой очень щекотливых вопросов и с очень тяжелым настроением. И Егору это удавалось. Он был именно той личностью, которая на каторге нужна, как свежий воздух, как солнце. Один из товарищей всегда так и звал его: «солнышко». Это ласковое определение как-то само напрашивалось на язык. Так, один из наших юных тюремных литераторов, Федор Дрожжин, поместил в издаваемом у нас рукописном журнале «Наше» шутливую картину, где Егор был изображен солнцем, а вокруг него, как спутники солнца, вращаются члены фракции с.-р. [1].

На протяжении моей десятилетней каторги много людей я встречал, как при жизни Егора, так и после его смерти, но ни от кого и никогда я не слышал о нем плохого отзыва. Его

[1] О журнале «Наше» см. статью *В. Плескова*, «Из литературного архива Нерчинской каторги». «Каторга и Ссылка», 1923 г. № 6. *Ред.*

нравственный облик стоял на большой высоте и был безупречен.

В нашей тюремной коммуне было одно очень уязвимое место — наша материальная скудость. Были периоды, когда наш казначей выдавал нам на каждого коммунара по три пиленых кусочка сахара и по спичечной коробке махорки на целую неделю. Согрешить в это время было легко, в особенности на месте Егора; ведь он на улучшение своей пищи ежемесячно получал от отца 50 руб. и много посылок со с'естным, а сидел в одиночке. Но Егор был примерным коммунаром. Получая из дому много белья, он часто не имел смены. Нужда среди трехсот товарищей была огромная: один идет на поселение — нечего надеть; другой заболел — нужно что-либо теплое, и Егор отдает, а сам снова пишет родным, чтобы они еще что-либо послали из белья.

Строг и требователен был Егор к себе и к другим. Даже в мелочах: принести воды за него, когда мы видели, что самому ему трудно, он не разрешал.

Нарушение нашей внутренней конституции порицалось им со всей суровостью. Я хорошо помню, какой строгий запрос прислал он мне от имени фракции с.-р. за выпивку мною маленькой рюмки водки в больничной палате на пасху 1909 года, в числе, кажется, 14 товарищей. Это было официальное праздничное угощение всех больных нашим любимым фельдшером Тихоном Павловичем Крыловым. И за это я был исключен из состава фракции.

Его нравственная строгость живо передавалась и другим товарищам.

Вот два примера его влияния на товарищей:

«Однажды на общей прогулке, — писал мне в Алгачинской тюрьме товарищ Корольков после смерти Егора, — я стал рассказывать Егору Сергеевичу о своих приключениях и, увлекшись, хотел немного приврать, но посмотрел на него и умолк: стало стыдно!». А надо сказать — т. Корольков не из робких: за словом в карман не полезет и не легко смущается.

Другой пример с товарищем Шмидтом, участником массового и отчаянного вооруженного побега из Александровского централа, при котором были жертвы с обоих сторон. Жуткий побег, а сколько жуткого было пережито уже после побега! Этот побег, видимо, не раз мучительно переживался т. Шмидтом, и он писал мне:

«Если бы я знал Егора Сергеевича раньше, я не участвовал бы в этом побеге. Ах, если бы вы знали, что сделал с моей душой Егор».

В отношениях Шмидта к Егору есть еще интересная черта. Сам тов. Шмидт тоже из редких людей. Умный, образован-

ный, с большой отвагой и силой воли. Из его голубых глаз лилась кроткая и ласковая товарищеская простота и притягательность, с ним было душевно легко и к нему невольно тянуло. Быть другом Егора Сергеевича он был вполне достоин, и он любил Егора. Но и он, сильно любя Созонова, никогда не признавался ему в этом. «Я знаю, что он ко мне тоже очень хорошо относится, — говорил мне Шмидт, — но почему-то не смею».

Была как бы черта, которая отделяла Созонова от других: ее вы видели в горящих, глубоко проницательных глазах и чувствовали, что эту черту он очень чутко бережет. За пределы ее почти нельзя было переходить другим.

Вообще он чуток и внимателен, его глаза светятся ласковой добротой и он как-будто прост. Но вот именно как-будто. Вообще же он не прост. Его ни в каком случае нельзя назвать «рубаха-парень». Он не был так прост, как, например, наши другие любимцы: Карпович и Куликовский в Акатуе, доктор Попов-Бритман в Зерентуе. И не только со всеми окружающими его людьми он был как-будто на-чеку. И со своей многолетней невестой Марией Алексеевной Прокофьевой, которую он знал еще гимназисткой в Уфе и которую привлек в революционные ряды, он и наедине держал себя так, как-будто они были только добрые приятели.

На почве этой его особенности у него были иногда грустные переживания.

Ему казалось, что большинство товарищей относится к нему не просто, как к товарищу Созонову, а как к Созонову, который совершил террористический акт над Плеве. А ему хотелось простых, товарищеских взаимоотношений. Пробовал он изменить себя, чтобы быть проще, но изменить врожденное и то, что отточилось в процессе борьбы и страданий, уже не удавалось.

Мои с ним дружеские отношения возникли в конце 1909 года, когда я, по приглашению Созонова, попал к нему в одиночку.

2. В «одиночке».

Я уже сказал, что многие из нас издали любовались образом Егора и любили его, о большем не дерзали. Но жить с ним в одной маленькой одиночке и в то же время быть далеким от него — это было нелегко. И все же наши отношения могли бы на все время остаться такими: сам я не дерзнул бы изменить их. Он стоял на вершинах образования и умственного развития, его нравственный облик мог быть для меня только идеалом, и мне надо было бы тянуться и тянуться,

чтобы я мог гордо стать рядом с ним. Инициатива сближения, кажется, шла от него.

После мы делали попытку отойти друг от друга, но ничего из этого не вышло. Было как-то дико стать снова просто товарищами по фракции.

Что же его тянуло ко мне? Я, рабочий-столяр, был тогда (да и теперь тоже) полуграмотным юношей, очень скромным и незаметным. Нас таких было много, а сколько было лучших... и все же счастливый луч упал на меня.

В тюрьме, я думаю, больше, чем где-либо, ощущается сильная потребность иметь не только круг близких и очень хороших товарищей, а друга-товарища, с которым было бы легче изживать бремя неволи, общество которого не оставляло бы места чувству одиночества.

У Егора много было друзей-товарищей. Были такие, которые любили его так, как по-человечески, кажется, больше любить нельзя. Большой был круг друзей, но не было такого, какого искала его душа.

Эта потребность и тянула его ко мне. Я удивился тогда этому и указал на круг его друзей.

«Нет, — ответил он, — все это не то; я их люблю, но с ними мне просто уже бывает скучно. Я даже наперед знаю, что они мне ответят на тот или иной вопрос».

Я же был еще чистой и почти неразвернутой книгой. Я еще только формировался и таил в себе нечто новое.

Вот так и произошло наше сближение.

Быть с ним вместе и после этого мне все же пришлось недолго отчасти потому, что надо было предоставить место в его одиночке другим товарищам, нуждающимся в отдыхе и тишине. Да и мои головные боли гнали меня в мастерские, и я жил больше вдали от Егора.

Через это, а главное потому, что я был мало развит, я не сумел узнать больше внутренний мир Егора и его переживания.

Такой очень редкий и крупный момент в его жизни, как его переживания при известии, что член центральной боевой организации п. с.-р. Азеф, организатор покушения на Плеве— провокатор, остался мне почти неизвестным. Жил я тогда вдали от Егора и еще не был с ним близок. А после как-то об этом не говорилось. Знаю только, что это время для Егора было ужасно мучительным.

Он буквально сгорал от одного только сознания, что грязные руки предателя были причастны и к тому великому акту, в котором был участником он сам, и что это чудовище вонзило страшный нож в самое сердце его родной партии.

Его близкий друг, Петр Сидорчук, был тогда с ним в его одиночке и буквально не отходил от него. Он очень боялся, что Егор может кончить жизнь самоубийством, и бесцеремонно обшаривал его карманы, ища яд. Яд же, который Егор всегда имел при себе на всякий случай, у него был отобран. Сидорчук следил и ухаживал в это время за Егором, как родная мать за больным любимым ребенком.

Этот острый и мучительный период длился долго. Даже и тогда, когда он, казалось, уже изжил его, новые сведения, приходившие с воли, снова бередили его рану.

Но как ни тяжело и мучительно он переживал это событие, все же серьезными последствиями на его мировоззрении это не отразилось. Он попрежнему верил в идеал борьбы за рабочее дело, верил человеку.

Как отзвук этого события уже значительно позже, кажется, летом 1910 года, он мне прочел написанную им открытку заграницу, к Карповичу. Предательство Азефа, видимо, подействовало на Карповича так, что он совершенно потерял веру в людей и отошел от революционного дела. Егору было грустно за своего друга, и он хотел на него повлиять. Через симпатию к нам он пытался оживить душу Карповича и спрашивал его: «Неужели ты не веришь и нам и хочешь покинуть нас совсем?».

Очень болезненно и напряженно переживал Егор и другое событие в партии с.-р., это — издание Б. Савинковым его повести «Конь бледный».

По своей длительности и остроте переживаний это время в его настроении, пожалуй, немногим уступает периоду азефовщины. Тут опять была потрясена вся партия и ее моральный авторитет.

Надо было снова заглянуть в самые святая святых своих убеждений и громко сказать, как ты об этом думаешь и на чьей ты стороне.

Весь наш тюремный коллектив гудел в это время на протяжении нескольких месяцев, как встревоженный улей, гудел беспокойно и страстно. И Егору приходилось отвечать на все стороны.

Последний год его пребывания на каторге, год нашей дружбы, является, видимо, годом исключительно печальным в его настроении. Нередко бывали случаи, когда он по многу дней не выходил на прогулку, был молчалив и больше лежал на своем откидном щитке. Лицо и глаза горели от тяжкого горя.

Много было причин этому горю. Вести с воли были нерадостны: дикий разгул реакции, предательства провокаторов,

раздоры внутри партии, партийные неудачи, и ко всему этому родной брат, Зот Сергеевич, стоял на краю самоубийства и умолял Егора освободить его от данного обещания «жить для семьи».

— Вот видишь, сколько горя, — сказал он мне раз. — Во всем этом я бессилен чем-либо помочь, остается только изжить его.

В такие периоды иногда дело доходило до того, что он писал мне: «Если бы мне пришлось здесь умереть, я не пожалел бы, хотя знаю, что кое-кто из моих близких не перенесет моей смерти».

Идеалы борьбы бледнели до такой степени, что «если бы в моей душе не было чувства мести к своим врагам, я не знаю, чем бы я жил, — писал он мне: — порой кажется, что только этим и живешь».

Глядя на чудные картины забайкальской осени, отдаваясь этому созерцанию до самозабвения, он говорил: «Люблю осень, должно быть, и сам в душе ее переживаю».

Тюрьма — не воля! Если на воле революционные деятели сходили порой с ума от мятущегося душевного состояния и не находили достаточно живой струи воздуха, чтобы быть бодрыми и живыми, то в тюрьме за редкими исключениями к твоим скорбным переживаниям каждую минуту могут добавить новые.

Очень хорошо помню, как однажды, в минуты тяжелого настроения Егора, палачи добавили именно такую ядовитую пилюлю.

Во время нашей общей прогулки я пришел к Егору, чтобы позвать его итти гулять вместе. Он уже давно не ходил на прогулку и переживал в это время как-раз один из указанных периодов. На прогулку он не пошел и попросил меня побыть с ним вместе в его одиночке. Мы остались вдвоем. Нас заперли, и никто не мешал нашей дружной беседе и ласке. Я видел, что ему около меня хорошо, и он отдыхает от своих грустных переживаний. Вдруг слышим выстрел, мы встрепенулись. Но все вокруг было тихо, а к выстрелам мы почти привыкли: стреляли и раньше в одиночку Егора, стреляли как раз в окна общих камер, и вообще в нас постреливали, но почти всегда это нам сходило благополучно. Только чувствовалось, что на нас упорно надвигается каторжная грозовая туча. Возможно, что—так думали мы—случилось что-нибудь и на этот раз, и мы попробовали продолжать свою беседу. Но настроение уже было испорчено, и у Егора сорвалась фраза: «Уж не пир ли это во время чумы, что мы с тобой в этот момент радуемся близости друг друга».

Ждать разрешения тревоги пришлось недолго: к форточке нашей одиночки подбегают товарищи и сообщают, что «часовой убил Воробьева»[1].

По-истине, это была бочка дегтю в каплю меда.

В этом случае для Егора характерен еще следующий штрих.

К его неизжитому настроению прибавилось еще большое и грозное горе нашего коллектива — убийство тов. Воробьева. И казалось бы, во всем этом можно было забыть сорвавшуюся фразу: «Уж не пир ли это во время чумы». Но он не забыл ее и на другой день пишет мне: «Нет, это не был пир во время чумы».

Очень жаль, что память моя не сохранила очень интересного раз'яснения или определения, связанного с этой фразой.

Когда горя накапливается уж слишком много, то оно подтачивает силы человека и может даже парализовать их.

Я указал, как много горя было у Егора и как сильно оно его мучило. Но удивительное дело: когда горе шло извне и обстановка тюрьмы была такова, что отдаться внутренней скорби было можно, Егор мучительно страдал. Но коль скоро горе шло из непосредственно окружающих нас условий и угрожало нашему существованию, Егор преображался, уныние исчезало, его взгляд становился твердым и зорким. Перед приездом Высоцкого, нового начальника тюрьмы, Егор очень беспокоился за меня. Однажды вышло так, что я забылся и почти прикрикнул на него. На что он мне ответил: «Не беспокойся, когда нужно, я могу быть холодным и почти суровым».

Вот именно такое обратное действие оказывали на него грозные факты нашего быта. Они требовали от нас ясного сознания и полного самообладания. Нужно было, чтобы враги не видели нашей скорби и слабости. И Егор выступал в этих случаях во всеоружии своей большой силы воли.

Но не из этого только вытекало его преображение. Корни его души всегда самым теснейшим образом были переплетены со всеми товарищами и с их участью. Он всегда помнил, что ему надо итти туда, где он больше всего полезен и нужен. Забота о себе у него всегда была незначительная, но, когда замечалась всеобщая опасность, о себе Егор уже не помнил. Он действовал тогда со всей силой своего авторитета и способностей.

[1] Об убийстве Воробьева см. «Каторгу и Ссылку», 1922 г., № 3, ст. *Г. М. Крамарова* «Памяти Акима Воробьева». *Ред*

3. Перед «волей».

Очень интересны его мысли и настроения за несколько месяцев до окончания его срока каторги. Может быть, немногие знают, что ему оставалось отбыть в тюрьме всего лишь около трех месяцев.

Три месяца и — с в о б о д а!

Свобода!.. Только каторжные знают, какое это волшебное слово.

А вот на Егора оно как-будто не действовало должным образом.

Подумайте: на свободе уже много лет ждет его невеста — и, какая невеста! Ждет истомившаяся любимая мать, брат, который его любит, кажется, больше всего на свете, любимая партия, да и много много всего, о чем он так стосковался. И все же он как-то даже с неохотой об этом говорит. Почему же это так? Неужели правда, что ему было лучше здесь умереть, и он сознательно искал предлога к смерти?

О, нет, то была лишь дань железной решетке и грустным событиям на воле. Он любил жизнь и сильно любил.

Разве не сам он сказал нам в предсмертной записочке: «Если бы не маленькая надежда, что смерть моя может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы жить и бороться с вами, товарищи!».

Нет, он хотел жизни и свободы.

Да, он собственно понемножку и готовился к свободе и предпринимал кое-какие шаги.

Но посмотрите, о чем он думал в связи со свободой и что он думал делать на воле.

На протяжении многих лет тюремной неволи Егор жил в различных тюрьмах, в различных тюремно-товарищеских коллективах, переживал вместе с ними порой чудовищно жуткие моменты, как, например, в Алгачинской тюрьме (когда Бородулин разложил розги перед их камерой), сближался в это время со многими товарищами самым дружеским образом. Поэтому понятно, когда он говорил, что «слишком много оставил в тюрьмах самого себя».

И вот поэтому по выходе на волю «быть где-либо за границей, сидеть на берегу Женевского озера и знать, что здесь ты так нужен, примириться с этим, как мирятся многие, я не могу».

Прежде всего и больше всего по выходе на волю он думал о тюремном терроре, думал о мерах защиты томящихся в тюрьме товарищей.

«У меня есть там друзья, и я знаю, что со мной пойдут»,— говорил он по этому поводу.

Но до воли — еще несколько месяцев. В тюрьме это срок очень большой и особенно большой, когда ты видишь, что в окна, где сидят твои товарищи, подло стреляют, что даже на прогулке их убивают и умышленно стреляют в окно твоей одиночки. Ты очень хорошо понимаешь, что о тебе и друзьях твоих очень хорошо помнят и, видимо, готовят им такое, от чего заранее дрожь пробегает по всему телу.

Как же тут было думать о воле? А товарищи? Кто о них помнит, где защита?

А стрелять в нас не перестают, слухи все тревожнее.

И трепещет его бессильная мысль не в предвкушении встречи со своей невестой, а в жутком сознании:

«Что я могу для них сделать, как защищу от поругания святая святых?».

«Раньше со мной считались, — говорил он в это время, — а теперь, если еще и смогу я что-либо сделать, то разве только еще своей смертью».

Тюремная обстановка всегда такова, что не дает возможности заключенным забыться в условиях сегодняшнего дня. Она всегда заставляет их помнить, что условия могут быть изменены к худшему. Она держит их в нервном напряжении этого ожидания.

Последние месяцы до смерти Егора мы жили в этом особенно напряженном настроении. Мы готовились к защите нашего революционного достоинства.

Мы не ждали только, что это разразится так стремительно, что это выльется в такую жуткую форму и мы лишимся своего любимого товарища. Это произошло сверх нашего ожидания.

Но мы готовились к встрече и допускали возможность тяжелого времени и возможных столкновений.

4. Егор пробует «свое средство».

В наших условиях, как мы могли заранее выработать меры защиты, когда мы еще не знали, не видели своего непосредственного врага?

Что мы для этого имели? Ничего или — почти ничего. В нужное время у Егора была некоторая надежда получить защиту с воли.

Произошло же все на подобие вихря.

После вышеизложенного мной ясно, в какое жертвенное положение ставил себя Егор в наших условиях, его взгляд на тюремную борьбу уже понятен, и останавливаться на этом отдельно, кажется, уже не интересно.

Все же, указание отдельных штрихов, которые мне известны, я думаю, будет не лишним.

Ясно, что его взгляд на тюремную борьбу вытекал меньше всего из голого убеждения целесообразности или нецелесообразности тюремной борьбы, а из его особенностей утонченного нравственного облика борца-революционера, которые его сугубо обязывали ни в каком случае не поступаться тем «минимумом человеческого достоинства, без которого стыдно жить».

Сам же он не только не мог бы видеть себя подвергнутым телесному наказанию, «но, — говорил он, — я не знаю, как бы я смотрел в глаза администрации, если бы подвергли телесному наказанию кого-либо из моих близких товарищей».

И поэтому быть жертвенным до конца, выносить во имя идеала борьбы все, что бы с тобой ни сделали, Егор решительно не был в силах.

По этому вопросу у него, кажется, была большая переписка со Спиридоновой, которая держалась другой точки зрения, — что в тюрьме мы не должны бороться.

Ответственность за тюремную борьбу он чувствовал на себе и, чтобы предотвратить ее, избежать ее, ему надо было приложить все свои силы. Он всем существом чувствовал, что это — его нравственная обязанность, долг революционера.

Жизнь товарищей, их нравственное революционное достоинство—прежде всего, и для спасения этого у него нет большей жертвы.

Этим и только этим можно об'яснить, что он нам не разрешил попытаться убить Высоцкого из имевшихся у нас браунингов, а сказал: «Подождите, я испробую свое средство».

Ошибается товарищ Пирогов в своих воспоминаниях «Смерть Е. С. Созонова» [1], что я и Мошкин будто сообщали Егору о своем желании умереть. Нет, мы обращались к нему именно за советом, убить ли Высоцкого.

Как мы поняли ответ Егора: «Подождите, я испробую свое средство?». О, конечно, не так, как говорит товарищ Пирогов, что «прежде нас он покончит с собой». У нас и мысли не было, что под «его средством» кроется смерть. Мы слишком верили в его силу и авторитет и думали, что он ждет чего-нибудь с воли.

Плохими же были бы мы товарищами и друзьями, если бы так просто разрешили ему умирать прежде нас, да еще имея у себя браунинг. Мы бы там, может быть, костьми полегли, учинили какую-либо бучу, но попытались бы сохранить жизнь Егора для революции.

[1] «Каторга и Ссылка», 1922 г. № 3.

И вот, когда на другой день мы узнали, что он умер... нет, лучше уж об этом не рассказывать.

Настроение в тюрьме от этого известия достигло такого напряжения, что сердца замирали и водворялась гробовая тишина.

Заключенные всего могли ожидать, все допускали, но такой неожиданной возможности, что умрет Созонов...: Это было как-то свыше сознания.

Егор должен был жить, нельзя было допустить его умереть, — он не имел права умереть... И он умер.

Все в нас как-то смялось, сжалось. Невольно напрашивалась мысль:

— Да к чему же вся эта борьба, раз она уносит таких славных борцов за свободу?!

Григорий Фролов.

Горный Зерентуй. Вид тюрьмы снаружи.

ПИСЬМА
Е. СОЗОНОВА
1895—1910 г.г.

1895 год.

I.

8 октября.

Милый мой брат!

Желаю тебе доброго здоровья, счастья и всего хорошего. Извини, что долго не писал. Вот уже почти неделя, как приехал папа. Он вчера был именинник. Знал ли ты это? Если знал, то почему не поздравил? Гости были только из того дома, да Кельсины. У дяди родилась дочь. Крестить будут в среду, назовут Зиной. Милый брат! Пиши, как ты там живешь, чего делаешь? Не скучаешь ли? Сильно не скучай. Ты только зиму там проживешь, а весной, бог даст, приедешь к нам. Вот мы с мамой соскучились о тебе. Пиши хоть ради мамы, она очень беспокоится о тебе. Дела мои очень плохи. Не знаю, что и делать с латинским и греческим. Ничего из них я не знаю. А экзамены нынче у нас серьезные, работы пойдут к попечителю. Об успехах нашего класса по лат. и греч. ты можешь судить по тому, что Ляуданский получает двойки и высшею отметкою считается 3—. Может быть бог поможет натянуть в табели на троечку с мин. Работы по горло. А тут еще стали давать домашние месячные сочинения. И эти сочинения — уже истинные сочинения, пишутся без всякой помощи. Вот, напр., нам задавали такую тему: когда бывает полезно чтение книг?

Вот еще неделя и кончится четверть. Слава богу! Помог бы бог поскорее кончить шестой класс, а там опять куда-нибудь ехать. Милый мой! Как я рад за тебя, что ты уже свободен, что кончилось, наконец, скучное для тебя зубрение. А я, Зот, очень был бы рад учиться, если бы не эти мертвые языки. И, право, они мертвые. Они не только не приносят никакой пользы, но мешают, отнимают время занятий другими интересными предметами: историей, алгеброй, словесностью и физикой.

Извини, что я пишу тебе только об учении. Но ведь мне больше некому высказать всех моих опасений, которые волнуют меня и ночь и день, заставляют опускаться руки. Как я покажу табель, ежели в ней будет двойка? Желал бы я посмотреть на тебя в штатской одежде. Каким, чай, молодцом ты выглядишь. Пиши мне, Зот, где ты живешь, читаешь ли чего? Вот придет желанное лето, и мы опять с тобою, может быть, поплывем вместе. Вот весело-то будет. Мама тебе посылает большой, большой поклон и, как я, целует тебя. Может быть ты пожелаешь поделиться со мной чем-нибудь «особенным», то пиши через гимназию. Почему ты себе не оставил моей карточки? Я бы послал тебе, если бы был уверен, что она не будет для тебя только бумажкой. Что еще писать тебе? Семена папа хочет рассчитать. Он, ты наверное знаешь, привез из Саратова нового кучера Тимофея, который плыл с тобой. До свиданья! Будь здоров. Любящий тебя брат Е г о р.

Кланяйся Губареву! Поклон Елькину. Когда будешь писать сюда, то пиши сначала папе; он обижается, что ты сначала пишешь маме.

II.

26 октября, вечером. Уфа.

Дорогой брат!

Желаю тебе здорвья, успеха в твоих делах. 21-го я получил твое письмо. Спасибо! Как это письмо хотелось прочитать папе! Я не дал. Думаю, что если ты еще пришлешь письмо мне, то он его прочитает прежде меня (почтальон-дурак приносит его сюда на дом, а не в гимназию).

Вчера я получил табель, кажется, папа остался доволен. отметки мои: из закона, русского языка, математики и французского по 4, из лат. и греч. по 3 и из истории 5, поведение 5 и пятый ученик. А у Тихона опять две двойки, из русск. и франц. Он почти не занимается уроками; он возмужал и уже завел симпатию, ухаживает за Алексеевской барышней. Хоть ему и очень досталось, даже до слез, от его родителей (мама рассказала), но, по от'езде их, он снова продолжал, пока не приехал папа. Он ему сказал, что если он так будет делать, то пусть убирается, куда хочет. А то знаешь, как поэтично: придет из гимназии, не пообедает и до 7 час. вечера при звездах и при луне мечтает о ней и с ней. Спросим: «где был?» — «У Филонова, уроки учил». А потом видим, что прогуливается, правда, с Филоновым и с ней . . . Но будет. Знаю я ваши с ним отношения. Еще, пожалуй, не поверишь и меня же обругаешь. Книгу, которую ты выписал для мамы, получили; ма-

ленькая, тоненькая (150 страниц), а переплет отличный, с золотым тиснением.

У нас на прошедшей неделе были три праздника под ряд (пятница — годины по Ал. III, суббота — восш. на пр. Н. II и воскресенье). Вот три дня я прочитал. Читал Писемского (прил. к «Нови»). Боже, как мне понравился роман «Люди 40-вых годов»! Как все реально, правдиво, прямо из народной жизни. Прочитал 3 части и еще будет продолжение за следующий год. С таким нетерпением я жду. Милый Зотик! Прочитай этот роман, если можешь, то там, а то, когда приедешь сюда!

Завтра приедут из Москвы. У дяди Антипа дочь, Зина, что-то все плачет, едва ли жить-то будет. Она моя крестница, (кума — Маня Кельсина). Сивка из того дому отдали Софронову, у которого купили дачу. От Симонова привели нашу кобылу с жеребятами. Старший жеребенок как есть Боевой, только больше; его взяли в тот дом, а нам опять кобылку. Семена рассчитали.

Здесь погода все стояла отличная, было сухо. Только с воскресенья пошел снег. Сейчас хоть днем бывает и грязненько, а ездят уже больше на санях.

Мама тебе шлет большой, большой поклон и, как и я, целует. Будь здоров, не скучай, читай, молись богу и нас не забывай. Когда ты приедешь, пока ничего не говорят. До свиданья. Любящий тебя Егор.

Зот, вот что! Пиши ты на пробу Георг. Сергеевичу, до востребования, может быть, дойдет. А я в-аккурат через две недели справлюсь на почте, нет, пожалуй, чего скрывать. Пиши сюда, прочитают, так прочитают.

Мама тебе пришлет через недельку белья. Твои бумаги из гимназии еще не взяли: мне не дают, а папе лень с'ездить. У тебя была из гимназии библ. книга, несданная, это—«Жизнь животных» Брема, ее потребовали и я сдал. До свиданья, пиши письма чаще; мама по тебе очень скучает.

III.

11 ноября.

Милый, дорогой брат, здравствуй. Оба последние письма получил, спасибо, большое спасибо! Тебе я не отвечал потому, что и подумать об этом было некогда: вся эта неделя выдалась страсть какая трудная, уроков каждый день хватало за 12 час. Как я виноват, Зот, перед папой. Я выразил тебе в последнем моем письме опасение, нет, уверенность в том, что он распечатает твои письма. Дурак я, что мог подумать это про него. Зот, папу очень оскорбляет (вот не понимаю

почему!), что ты ему вовсе не пишешь, или пишешь, так позади мамы. Ты, Зот, этим и маму очень огорчаешь. Она знает, что ты ее любишь, но зачем же папу-то огорчать.

Нового здесь пока ничего нет. Стоит зима, 8° морозу. Лед на Белой еще не очень крепок. Папа на Цыгана купил натяжную сбрую, хочет купить городские сани. Для кабинета заказали диван и два кресла, через неделю сделают. Купили также гардероб ильмовый, под дуб, лучше тетенькинова. Буфет Антон еще и сейчас не сделал. Купили Алексеевский дом за 6.000 р. Не знаю, кто-то в нем будет жить, или Меркурий, или Антип.

Сегодня у нас день свободный, потому что гимназический акт. В эту четверть у меня пока, слава богу, отметки порядочные. Зот! Вот что я тебе посоветую делать ради препровождения свободного времени: занимайся каким-нибудь языком. Право, пригодится. А я буду серьезно заниматься франц. Про тебя говорят, что ты только приедешь к маслянке (очень жалко). Приедешь на маслянку, мы опять будем кататься с тобою. Сюда приехал какой-то дрянненький цирк, я еще в нем не был.

Мамочка шлет тебе большущий поклон. Вот что она просила написать тебе: «Во-первых, буд здоров! Во-вторых, не тоскуй. Ты хоть и до маслянки проживешь там, но маслянка нынче будет рано, кажется, 28 января. Большее прожил, меньшее как-нибудь проживи. Старайся. Здоровье свое береги. Купи шапку и сапоги вален., и чего когда купишь — уведомь. Знай, что каждую минуту здесь о тебе болит сердце». С своей стороны я прибавлю, что не одно мамино сердце, конечно, не в такой степени, как ее, болит о тебе.

До свидания скорого, желанного. Любящий брат Егор.

Спасибо за письма, пожалуйста, и вперед пиши. В понедельник Ваня именинник. Поздравь его потом письмом, он очень обрадуется. Егор.

IV.

19 ноября, 11 час. ночи. Уфа.

Милый, дорогой брат!

Желаю тебе доброго здоровия и благополучия. Что ты, милый Зот, как долго не пишешь? Здоров ли ты? Пожалуйста, напиши поскорее. Уведомляю тебя о совсем неожиданном обстоятельстве, случившемся со мной. В пятницу, 11-го был акт; я не ходил туда. В понедельник прихожу в классы, мне выдают за V кл. награду. Вот оказия-то! Это уже не за то ли, что я двойку получил из лат. на экзамене? Милая мамочка!

Она-то как обрадовалась! Дала мне полную историю Карамзина, только без примечаний, как приложение к «Северу» в одном томе. Так же неожиданно получил награду и Киснемский. Нового, кажется, ничего здесь нет. Стоит здесь страшенный холод, и всех нас заметало снегом. Папа вчера уехал по пристаням. Дядя Антип вот уже с неделю живет на новой даче. Наша дорогая мамочка что-то все хворает, вчера так ей очень дурно было. Наверное на нее влияют и погода и постоянные заботы о тебе; поэтому, чтобы она была спокойнее, пиши чаще. Сегодня она смотрела на твою карточку и все говорила: «Здоров ли мой Зотушка! что он так долго не пишет» и т. п. Что сейчас делаешь? Читаешь ли? До нас дошли слухи (через Тетерева), что камышинцы, в роде г. Сапожникова, тобой недовольны, недовольны, что над ними контроль. Так их и надо. Но и в своих поступках, Зот, ты должен быть осторожным, чтобы они не имели ни малейшего повода, как бы отомстить тебе. Слава богу, что вот уж и до рождества месяц остался. С уроками время идет очень быстро. Пройдет рождество, приедешь ты, придет пасха, а потом и экзамены. У нас в гимназии болтают, что по случаю коронации (предполагают, что она будет мая 6) все экзамены кончатся к 1 мая. Вот бы хорошо-то было! Тогда и на пристань можно. Ты, счастливец, наверное поедешь на Акташевскую... Но что-то еще бог даст, а пока нужно учить, чтобы с мечтами не остаться в VI кл. А ведь это очень может быть. При мысли о таких экзаменах, как устная геометрия и устные греч. с лат., и сейчас муравьи бегаю(т) по спине. Но бог не выдаст — свинья не с'ест. А сейчас молю бога, чтобы поскорее настало это страшное время, а за ним и красное лето. И тебе дай бог незаметнее провести время до нашего радостного свидания. Мама тебе кланяется, целует. Кланяйся Губаревым. Пиши, получил ли посылку. До свиданья. Любящий тебя брат Егор.

V.

26 ноября, 11 ч. веч., Уфа.

Дорогой мой брат!

Желаю тебе доброго здоровья и всего хорошего. Что с тобой случилось, что вот уже третью неделю ты ничего не пишешь нам? Может быть наши письма не получаешь, или сердишься на меня? Так извини, пожалуйста, если я в чем виноват перед тобой. Пожалей хоть маму. Она, бедная, измучилась вся, дожидаясь твоего письма. Что-то уж она больно часто хворает. Всю эту неделю пролежала, только сегодня бродила маленько, а сейчас опять мигрень. Папы все еще нет,

сейчас каждый день ожидаем его. Нового здесь, кажется, ничего нет. Как это ты вспомнил про дяденькины именины, он очень обрадовался твоей телеграмме. «Новь» дядя не стал выписывать за новый год, ибо за 95 год прислали только одну книгу «Живописной России». Папа наверное сам ничего не выпишет.

27, ноября. утром.

Ученье понемногу подвигается вперед. Сейчас-то еще все ничего, можно учиться, а вот как экзамены-то придут, тогда чего будем делать? Правильно Васильев выразился, сказав, что нынче предстоит перейти Рубикон (лат. и греч.). Быть или не быть? Если перейдем, все грамматики по-боку, ведь в VII и VIII классах только одни переводы. А теперь у нас многие берут уроки у Лисовского, как, напр., Киснели и Попов. Хоть это и хорошо, но по-моему не стоит, многого они в лишние 3 или 4 часа в неделю не узнают, а деньги платят громадные...

Антон буфет сделал. Хоть он его делал и больше полугода, а сделал нечисто. Новый кучер, не знаю, не привык что ли еще, ездит плохо. Кобылку чуть не испортили. Аширкин об'езжал ее и раздергал ей губы, а Тимофей (кучер) хомут рано снял и с плеч у нее сошла шерсть; сейчас она все еще не поправилась.

Не знаю, интересно ли тебе то, о чем тебе пишу; по крайней мере мне на твоем месте было бы интересно. Пиши, пожалуйста, и ты, Зот, как поживаешь, чего делаешь. Когда ты приедешь к нам (дай бог поскорее), я у тебя буду брать уроки в коммерции, ты уже сейчас [1] термины, качество, цену, и я надеюсь, что ты по-братски всему этому научишь и меня. Мамочка тебе шлет большой, большой поклон и просит писать. Дай бог тебе всего хорошего. До скорого, радостного свидания, милый брат! Любящий тебя Егор.

Поклон Лаптевым и Губаревым.

VI.

9 декабря, 11 ч. вечера. Уфа.

Милый, дорогой, хороший брат!

Здравствуй! Как поживаешь? Сперва же начинаю с того, что ты, может быть, приедешь к нам с дяденькой. Дай-то бог! Папа сказал дяденьке, чтобы он привозил тебя, если никаких особенных дел в Камышине нет и если Виссариону Арт. не придется часто ездить в Саратов. Итак, значит, все зависит от

[1] Пропущено «знаешь»; термины лесной торговли».

Висс. Арт. Ну, если только он не отпустит тебя, ну тогда... тогда узнает, что будет. Дай бог, чтобы ты приехал. Тогда тебе не придется проводить рождество и именины вдали от нас, а нам от тебя. Папа говорил, что тебе найдется дело и здесь, именно, ты поедешь на новую дачу. Теперь я здесь один. Тихон свое учение кончил и с каким триумфом! Ох, какой он мерзавец! Не знаю, зачем — может быть ума не хватило — он изорвал гимназический журнал. Положим, что сам-то он говорит, что журнал изорвали всем классом, а он будто-де только выбросил его в парк. Класс отперся и его (с приятелем Филоновым) три дня морили в карцере. Боясь двойки за поведение, он задумал по-добру по-здорову выбраться из гимназии. Накануне того дня, как изорвали журнал, были здесь его родители. Тихон на прощание распрощался с матерью и сказал ей чего-то в роде того, что он без них умрет. На следующий день была поездка на мельницу. Тихон написал на мельницу о всем случившемся (конечно, выставив себя невинным страдальцем) и просил их взять его из гимназии, говоря, что у него уже давно (только он не сказывал) страшно болит бок. Понятно, как слова Тихона на прощанье и весть о его болезни поразили тетеньку; она тотчас же слегла. В субботу приехал дяденька с приказанием тетенки привезти ей Тихона. В понедельник (4 дек.) Тихон уж был не гимназист. Нельзя вообразить его радости, когда он, надевши статский полушубок, повез меня в гимназию. Ну, хорошо ли, Зот, из своих выгод поступать так с матерью? Вот за это-то именно я его и обругал. А ведь в субботу, когда приехал дяденька, он с таким равнодушием похвалился передо мною в бане, что наверное «мое письмо больно испугало их» и «они подумали, что, пожалуй, я наложу на себя руки». Не знаю, как тебе кажется, а (я) этот поступок считаю не из красивых. Что еще тебе писать? Надеюсь, что ты приедешь сам и тогда поговорим. Мама тебе кланяется; она все хворает. Она, Зот, просила написать, что если ты не приедешь, то, чего нужно, покупай к празднику. Папа стал бирский купец. Новая дача — в Бирском уезде и из нее будут нынче вырабатывать не знаю — плот или белянv. До радостного свидания. Любящий тебя Егор.

Извини, что я тебе очень долго не писал. Домашнее сочинение не позволяло мне сделать этого. Про мои занятия не напишу, ибо я уверен, что ты скоро приедешь. Ваня очень сильно хворает, никогда еще так не хворал. У него болит бок (может быть воспаленье). Сейчас здесь ходит оспа, и боятся, как бы он не захватил. От всей души желаю ему поправиться. Пишу, тороплюсь. Е.

VII.

10 декабря. Уфа.

Милый брат!

Желаю тебе доброго здоровья и всего хорошего. Извини, пожалуйста, что я долго не писал, кажется, две недели. Всему виной моя лень да русское сочинение, которое надо было подать к 20 ноября, а я подал 7 декабря. Сегодня получили твое письмо. Вчера уехал в Самару дядя Меркурий, он поедет в Саратов и, может быть, в Камышин. Если позволит Виссарион Арт., то приедешь с ним сюда. С дядей Меркурием я послал тебе письмо, в котором выразил полную надежду на твой приезд. Но сегодня я узнал, что в Камышин он, может быть, не заедет и, может быть, ты не приедешь. Это скверно. Папа говорил дяде, что если там без тебя обойдутся, то тебе приезжать. В том же письме я тебе сообщал, что Тихон вышел из гимназии и рассказал почему. Если ты не получишь того письма, то я вновь тебе напишу. Вот что, Зот, с неделю тому назад получил я письмо со штемпелем из Камышина. Адрес довольно безграмотный. В письме заключается письмо султана Махмета запорожцам и ответ запорожцев султану. Не знаешь ли ты автора письма, т.-е. Эварницкого? Если знаешь, то спроси его, что он хотел сказать своим посланием... Занятия мои помаленьку идут. Вот, слава богу, и до рождества остались две недели. В эту четверть наконец-то мне удалось получить по закону 5. По другим предметам тоже отметки порядочные. На рождество мне много придется позаняться древними языками. Это необходимо для того, чтобы перейти в следующий класс. Если не приедешь к нам на праздник, желаю тебе провести его повеселее. Постараюсь до праздника еще написать тебе, и ты пиши. Мамочка целует тебя и я тоже.

До свидания, может быть скорого. Любящий тебя Егор.

Хорошо бы было, если бы как-нибудь устроилось(хоть бы ты сам устроил), чтобы тебе приехать. Вот весело прошел (бы) праздник, по-праздничному. Егор. Папа и дядя Антип поехали дня на два на новую дачу, куда ты, если приедешь, поселишься.

1903 год.

VIII [1].

Мать моя, я не называю теми всеми хорошими именами, которые подсказывает мне мое сердце, потому что прежде, чем

[1] Письмо это было написано Созоновым в начале января 1903 г., когда он содержался в Самарской губернской тюрьме.

ты можешь услышать эти имена, они уже полиняют и опошлятся под... Я жив и здоров, верь мне. Мое положение улучшилось, так как теперь занимаю много лучшее помещение, большое, светлое. Я решил воспользоваться твоим предложением, и чтобы не беспокоить вас хлопотами о каждодневной доставке провианта ко мне и потом, в случае неловкости и неумелости Матвея, ворчать на тебя при свиданиях, я буду пользоваться здешним столом. Буду получать два горячих мясных блюда: суп и жаркое. Очень жалею, что раньше не воспользовался этой возможностью: ведь так выгоднее и полезнее для меня и для вас спокойнее. Вообще, верь мне, что мне хорошо. Еще раз прошу тебя и настаиваю, не приезжай ко мне на свидания, пока ты одна дома. Страх за то, что ты еще раз можешь подвергнуться грубостям и оскорблениям, сводит меня с ума. Пускай потерпим долгую разлуку, это лучше все же для тебя и для меня, чем...

Передай мои поклоны тетушкам, Ване и сестричкам, тоже — отцу и брату. Итак, ничего, ничего не посылай, я буду покупать все сам. Мне это обойдется копеек 30 в день. Когда понадобятся деньги, напишу, пока достаточно. Книг пока будет. Если появятся новые — присылай.

Навсегда твой Егор.

IX.

Женева, Швейцария, воскресенье 9/22 ноября 1903 г.

Дорогой отец, дорогая мама, мои милые, славные, самые лучшие в мире родители. Как видите, я жив, здоров и невредим. Но живы ли вы и насколько здоровы, об этом я ничего не знаю с самого дня моей разлуки с вами, т.-е. с 11 августа. Не знаю также, знали ли вы что-нибудь о моем новом преступлении против вас, что думали, не получая в течение трех месяцев никаких известий обо мне, и как пережили это испытание?

Дорогой папа, милая, дорогая мамочка. Выслушайте меня, поймите и, если возможно, простите.

Мне еще хочется пожить по-человечески и я решил вместо того, чтобы потратить пять лет совершенно задаром в самой беспросветной глуши, среди голода, холода и умственного мрака, искать новой жизни. И, надеюсь, эту новую жизнь найду. Здесь к услугам: университеты, европейская наука, европейская литература по всем отраслям знаний. Здесь я могу спокойно отдаться науке и наконец-то привести в исполнение те мечты, которые манили меня некогда в нашем русском университете, но которые должны были оборваться и завять в самом зародыше. Устроиться здесь не стоит особого труда. Я уже почти устроился вольнослушателем в Бернский универси-

тет; действительным студентом — для этого необходимо представить аттестат за гимназию. Я этого, конечно, сделать не могу, пока я ограничусь тем, что буду слушать лекции и заниматься в качестве вольнослушателя. От этого я ничего не теряю. Через годик, когда я в совершенстве освоюсь с языком, я легко выдержу экзамен при швейцарской гимназии, и тогда все, что я уже сделал в качестве вольнослушателя, зачтется мне, как действительному студенту. Таким образом, всего через каких-нибудь три-четыре года я буду доктором; не правда ли, перспектива не особенно плохая, особенно сравнительно с тем, что меня ожидало.

И во всех других отношениях я выгадываю. Не знаю, правда ли, нет ли, и вам должно быть легче и приятнее при мысли обо мне, как о будущем докторе. Затем, несмотря на то, что нас разделяют целые государства, все-таки я от вас ближе теперь, чем если бы между нами лежала необ'ятная ледяная окраина. Мои письма отсюда вы будете получать самое большее на десятый день, не через три месяца и не через полгода, как оттуда, и приехать сюда из Уфы стоит много дешевле и скорее. О том, что я нахожусь среди чужих людей, в чужой стране, я не беспокоюсь. Здесь такие же люди, как везде. Во всяком случае, племя более родное для русских, чем звероподобные якуты и тунгусы, и даже умереть, погибнуть приятнее здесь — среди кипучей жизни, чем постепенно таять в ледяной могиле. Да, я глубоко верю, что не погибну здесь. Жизнь здесь обходится легче и дешевле, чем, например, в Москве. На 25—30 руб. можно прекрасно устроиться, как в Москве не устроился бы за 40 — 50 рублей. Первое время, пока не привыкну к языку и потому не могу пристать к какому-нибудь делу, конечно, будет трудненько. Ну, да как-нибудь протяну. Только бы прожить первые несколько месяцев, а потом уже все пойдет великолепно. Я не унываю, нахожусь в самом бодром настроении. Если бы только получить от вас весточку, и если бы в конце концов вы хотя немножечко успокоились и были здоровы. Бог знает, что я передумал за это время, пока, наконец, не прибыл на свое последнее место и пока ко мне вернулась возможность снова писать вам, известить, что я здоров, попробовать успокоить вас. Я виноват перед вами, но лишь постольку, поскольку грубая необходимость заставляет поступаться самыми дорогими, самыми родственными чувствами.

Дорогие мои! Мне иногда приходилось слышать от вас горькие, но незаслуженные упреки. Вы мне говорили: «Ну, чем ты еще недоволен, мы ли не любили тебя? Не сделали ли мы для тебя все, что только ты мог требовать от нас, и что только мы могли сделать?».

Дорогой мой папа, дорогая, милая мамочка. Поверьте мне, я чувствую глубокую благодарность к вам, я чувствую, что очень обязан вам. Знаю, что вы делали для нас, ваших детей, все, что могли. Знаю, что все ваши надежды, мечты, все ваше будущее и заключалось в нас, в ваших детях. Все это я знаю и всегда знал. Знаю и знал, что вы так любили нас, как, может быть, никто из других родителей. Ваша любовь к нам, ваши заботы вполне заслуживали того, чтобы мы, ваши дети, посвятили всю свою жизнь на успокоение вашей старости. Все это я знал, чувствовал, обо всем тысячу раз думал, мучился и страдал этими думами... И все-таки, вместо радостей, я причинял вам страдания, только одни страдания, да еще страдания такие, какие мог бы придумать лишь злейший враг...

Такова была моя судьба.

Если бы вы меня не любили, не страдали за меня, относились к моей судьбе равнодушно, мне не так бы страшно было. Но чувствовать, что ты волей-неволей собственною рукою наносишь тяжкие раны любящим тебя сердцам, чувствовать это — не дай бог никому. Не зная, как дорого мне обходится мое мнимое спокойствие, с которым я обрекал вас на страдания, вы могли считать меня жестоким, бессердечным, неблагодарным, утратившим сыновнее чувство... Тяжело мне было видить и знать, что вы иногда так думали обо мне. Но что-нибудь исправить, изменить я не мог. Как иногда я завидовал моим дядям, которые уже ничего не чувствуют, никого не заставляют страдать. И сколько раз я со скрежетом зубов говорил: «О, если бы я не родился».

Но я родился и был жив, и был обязан жить согласно своей судьбе. Не думайте же, что я равнодушно, легкомысленно, с легким сердцем переживаю то, что так дорого обходится вам; я знаю, вы не проклянете меня, не отречетесь от меня; знаю, что до последнего вздоха вы будете страдать и молиться за меня, любить меня еще больше, чем прежде, чем когда-нибудь. Знаю, что вашей последней мыслью будет молитва за меня.

Но знайте же и вы, что что бы ни случилось со мной, куда бы судьба ни закинула меня, хотя бы за тридевять земель, мой первый и последний вздох — для вас, мое самое чистое, пламенное, самое дорогое чувство, это — любовь к тебе, мой дорогой, любимый, добрый, умный, любящий, честный, благородный отец, к тебе, моя хорошая, бедная, больная, всю жизнь несчастная, страдающая и тысячу раз достойная любви, самой нежной, горячей любви, моя добрая, славная, дорогая, добрейшая мамочка. Поймите меня и призовите всю свою веру в страдающего Христа. Он вас утешит и поддержит. С каким восторгом, с какою нежностью я прижал бы вас теперь к своей груди, как горячо расцеловал бы вас... Но пусть это будет

заветной неисполнимой мечтой. Обрадуйте меня, оживите меня хоть своим ответом.

Если это письмо дойдет до вас, это значит, нашли возможным пропустить его к вам. В таком случае и вы можете ответить и мне, ничего не опасаясь. Пишите так: Швейцария, Берн, до востребования, Георгию Созонову. Но написать адрес надо по-французски или по-немецки. Кто-нибудь это сделает для вас. Письмо же самое пишите по-русски, на конверт наклейте марку в 10 коп. И всего через три недели буду ждать ответа. Дорогие мои, простите ли вы меня за то, что целые два с половиной месяца я оставлял вас без вестей? Но это было бы все равно, если бы я теперь был не в Швейцарии. И я вас предупреждал еще ранее, что из Якутской области письма идут месяца по три. Раньше написать вам никак не мог, и не только вам, никому другому также, чтобы не причинить каких-либо неприятностей.

Если не получу от вас ответа, это будет значить, что до вас не дойдут ни моя телеграмма, которую я вам послал вчера, ни это письмо. Отвечайте же мне немедленно, если это будет возможно для вас. Обнимаю и целую вас, мои дорогие, мои любимые папа и мамочка. Папу поздравляю с прошедшим днем ангела. Обнимаю и целую милого брата. Мой горячий привет тетушкам и сестричкам, всем родным. Ванечку поздравляю с наступающим днем ангела. Пока я в Женеве, завтра или послезавтра отправляюсь в Берн.

Любящий вас, ваш всегда Егор.

1905 год.

X [1].

21 ноября.

С жутким чувством начинаю мое первое письмо к вам. Целый год разлуки, триста шестьдесят дней и ночей беспрерывных мучительных дум и чувств с вашей стороны за меня, казалось, навеки канувшего в неизвестность. Осилили ли вы эти думы, переболели ли муки, живы ли еще? — вопросы, как нарывы, не переставая нывшие у меня где-то в глубине души, позади всех других дум, как бы радостны они ни были.

И теперь, в минуту, когда я пишу дорогие слова: отец, мать, брат, особенная тревога охватывает меня, и вопрос, живы ли, встает передо мной, как бы написанный необ'ятно громадными буквами; он подавляет меня невозможностью с уверенностью ответить: да, живы.

[1] Из Шлиссельбурга.

Но я беру себя в руки, гоню сомненье и буду разговаривать с вами, как с действительно живыми. Пишу и представляю себе, как вы дрожащими руками берётесь за письмо, читаете его, плача и радуясь.

Дорогие мои!.. одними этими словами хотел бы я исписать много листов, но слова, и много раз повторенные, не передали бы той душевной музыки, которая нежным и грустным аккомпанементом сопровождает их. Если бы еще прижать вас крепко-крепко к груди и замереть, — вы услышали бы, как бьется сердце — для вас, вы поняли бы.

Дорогие мои, жив я и жива душа моя. Знаю, много страшных мыслей приходило вам в голову, неизвестность создавала перед вами картины одну ужаснее другой. Вы расстались со мной еще с больным. В воспоминаниях вы, вероятно, ежеминутно видели меня умирающим вдали от вас, страдающим одиноко, без родной руки. Гоните же прочь все страшные мысли, ибо они совершенно не отвечают действительности. Все болезни, какие были, постепенно прошли, и я чувствую себя теперь физически совершенно здоровым. И руки и ноги снова в моей власти; мог бы снова работать, копать, рыться в саду иль огороде; да и делал бы это сейчас, если-б не зима. Обхожусь без костыля, с лекарствами знакомство прекратил, из себя цвету, аппетит волчий, сон богатырский. Одним словом, мне даже стыдно распространяться о моем здоровье, потому что я уверен, с вами дело обстоит не столь благополучно. Вот если бы я мог кому-нибудь из вас или даже всем вам одолжить этого добра! Относительно ушей, я должен признаться, дело плохо. Но глухота [1] уже не такой из'ян, чтоб из-за него стоило особенно унывать. Ну, не буду слышать музыки, от театра придется отказаться — и только. Себя самого слышу, своих ближайших собеседников тоже — с меня довольно. Что касается психической стороны дела, то и здесь могу сообщить вам только самое утешительное. Чувствую себя совершенно нормально; если и есть уклонения, так, во всяком случае, в приятную для меня сторону. Чую, как силушка по жилам так и переливается, право. Имея в виду ваше состояние, мне опять неловко хвалиться, каким миром преисполнена душа моя, сколько неизрасходованной энергии осталось еще у меня, как чешутся руки на работу и горит сердце от желания не заглохнуть преждевременно для жизни. О, вы, дорогие мои, бедные мои старики! Если-б я мог отдать вам часть моей молодости, обновить ваше здоровье, продлить ваши годы...

Дорогие мои. Наша разлука бессильна порвать наши связи, по крайней мере, для меня. Не проходит ни одной

[1] Последствие ранений, полученных 15 июля 1904 г.

ночи, чтоб я во сне не побывал дома, не повидался бы с кем-нибудь из милых. То я вижу тебя, мамочка, чаще всего тебя. Вижу тебя, как прежде, еще не очень старой, не такой больной и убитой, какою видел я тебя при последнем расставании. Вижу твое милое лицо, слышу твой голос, который, как музыка, ласкает мой слух, часто трепет радости пробегает по мне от прикосновения твоей нежной руки, я вздрагиваю и... просыпаюсь счастливый и в то же время несчастный, что так рано проснулся. Радость и грусть!.. Никогда я не вижу тебя печальной: вижу тебя, как ты хлопочешь в саду или в доме, уютно обставляешь нашу комнату. Но мне всегда грустно, когда я вижу тебя; в груди что-то закипает, что-то хочется сказать... бросаюсь к тебе, но пробуждение мешает счастью об'ятий, поцелуев и сердечных, всераз'ясняющих слов. Вижу также и тебя, отец. Тебя вижу всегда очень, очень старым, с серебристыми волосами, в грустном раздумье покачивающим головой, как бы силящимся что-то понять... точь-в-точь таким видал я тебя после смерти дяди, когда ты часто качал головою и повторял: «Ах, Антип, Антип!..» Я рвусь тогда обнять твою седую голову, и если не словами, так ласкою успокоить тебя и об'яснить... Но не все мои ночные грезы столь печальны. Иной раз посещают меня сны золотые, от которых вольней дышится; иногда я вижу себя в кругу всех родных, всей семьи: бодрые, веселые лица; как-будто ничего не изменилось или изменилось, так к лучшему. Особенно радуют меня дети, милые сестренки. Какие у них нежные ручонки, которыми они обнимают меня! Как свежи, как душисты их поцелуи! Славно, я просыпаюсь посвежевший и помолодевший душой, смеюсь и на весь день бодр и радостен... Но будет о снах! Хорошего помаленьку. Вы видите, как я вечно близко от вас. Я хорошо помню все наши семейные праздники, именины, рожденья и каждый раз праздную с вами иль, вернее сказать, за вас, ибо очень я сомневаюсь, сохранили ли вы еще способность отдаваться праздничному настроению. Вы понимаете, что мне отнюдь не необходимы ваши карточки, чтоб вспоминать ваши милые черты, вплоть до самой мелкой морщинки, но я все-таки до смерти жалею, что не получил их от вас: оказывается, это можно. Страшная жалость... Вы должны вознаградить меня сторицею за оплошность: когда будете отвечать на это письмо, приложите и карточки, и чем больше, тем лучше: ваши, отец, мама и брат, с Вани, сестренок. Вообще, кто ничего не имеет против меня, пусть докажет это присылкой своего портрета. Не ваше дело и не ваша вина, ежели карточек не передадут. Вы попробуйте. Вот будет радость для меня любоваться всякую минуту, когда захочу, на милых! Я надеюсь, никто не накажет

меня отказом, ибо при последних свиданиях я видел с вашей стороны такую любовь, что у меня и сомненья нет, чтоб кто-нибудь из родных мог питать ко мне нехорошее чувство. Твердая вера в это согревает меня тихим, радостным светом в настоящем и освещает будущее. Тяжело тому, за кем любовь и страх за любимых вечно волочится, подобно прикованной тачке: одно неловкое движенье, и они в бездне страданий. Но этот дорогой груз вместе с тяжестью удесятеряет силы несущего; благо ему сознавать себя любимым, а не ненавидимым: настоящее меркнет перед воспоминаниями прошедшего и грезами о будущем.

Так, значит, я жду от вас обстоятельного ответа (с приложением карточек). Пишите, не ленясь, не жалея бумаги, не упуская мелочей, о вашем здоровье, о ваших делах, о семейных новостях. Не пишите сразу, чтоб не позабыть чего-нибудь, сначала все хорошенько обдумайте. Знайте, что мы можем обменяться с вами письмами всего два раза в год, дорожите же каждым словом. Чем лучше и подробнее вы будете писать мне, тем для вас же лучше: ибо на большое письмо и у меня ответ найдется. А то здоровье уже не такая содержательная тема, чтоб всегда с успехом пользоваться ею, чувства же, волнующие душу, с трудом доверяются бумаге. Имейте в виду вот что: неизвестно, по правилу ли или же случайно, письма здесь получаются в большинстве случаев в январе и июле. Если пошлете в другое время, рискуете задаром потратить бумагу и напрасно измучить себя ожиданиями ответа. Условимся, поэтому: я буду писать вам в декабре и июне, или месяцем раньше-позже; разнице в два-три месяца не придавайте значения, не об'ясняйте того страшными предположениями, такое запоздание всегда легко может случиться по каким-либо мелким случайностям. Постарайтесь к подобного рода неожиданностям относиться похладнокровнее, зная главное: что я здоров и храню еще много жизнеспособности, энергии преодолеть и не такое настоящее, каким живу теперь. Вопрос, значит, не во мне, а в вас. Вы будете мучиться, в то время, как об'ект ваших забот чувствует себя спокойно и удовлетворенно. Поймите, какая несуразность.

Живя постоянно мыслью с вами, я в течение этого года, кажется, переживал вашу жизнь день за днем. Зимою вместе с вами жил в глуши башкирских лесов и рубил звонким топором высокие сосны и ели. Весною пел «зеленую» вместе с бурлаками, в веселой, хлопотливой и тяжелой сутолоке погрузки леса, и вместе с ними тихо-тихо, как во сне, проплывал на плотах мимо пробужденных ласковым солнцем деревень, шумных весенним гулом городов, душистых, по-праздничному нарядных лугов, просторных, как храмы, лесов, оглашаемых

смешанными хорами иволг, соловьев и кукушек... приволье и радость! А затем Саратов с его торговою горячкой..., но дальше я уже плохо представляю ход ваших дел. Многие перемены должны были произойти в районе вашей обычной деятельности. Имеете ли вы еще дело с Рязанско-Уральской жел. дор.? Как отозвалась на вашей торговле смерть управляющего? Куда вы деваетесь теперь с вашим лесом? За последнее время моей жизни произошло так много катастроф с близкими знакомыми, долго пользовавшимися благосостоянием купцами, что я не только теоретически, но и по опыту познал тщету богатства, к тому же, ты, отец, так стар, тебе судьба столь много дала пережить за короткое время, что трудно тебе будет справиться, приспособиться к новым условиям жизни. И помощника твоего главного, дядюшку Кирилла, пожалуй, на войну взяли: неужели не пощадят за толщину? Он ведь там все равно не успел бы догнать маленького, прыткого японца. Меня очень беспокоит и волнует вопрос о дяде, пишите о нем. Привет ему сердечный. А матери-крестной земно кланяюсь; свято храню память о ней, с признательностью и умилением вспоминаю о ее любви ко мне, которую я, увы! так мало заслужил. Что с нею? прошли ли у нее припадки ее мучительной болезни? Всех родных горячо обнимаю и целую. Где теперь живут тетушки Мария Сев. и Александра Ник.? Здоровы ли они? Что дети? милый Ваня, милые сестрички... ах, какие они все, вероятно, большие выросли — и Ваня, и барышни... пожалуйста, карточки со всех. Меня тяготит вопрос о Ване. Неужели вы исполнили свое намерение и прекратили его образование? — Вот было бы несчастье для него. Если бы вы обдумали это спокойно, то нашли бы, что это даже невыгодно для вашего дела: времена меняются, и то, что вы, учившись на медные деньги, пробились вперед, еще не доказывает, что и внукам вашим, или хоть Ване, образованье будет также излишне, а для меня судьба Вани укор: ведь я отлично понимаю, что именно мой-то пример и отпугнул вас от образования. Не буду вам писать об этом, ибо, уверен, мой голос здесь не будет выслушан. Помянет меня когда-нибудь Ваня недобрым словом... Пишите мне также о Кельсиных. Вот горемычные! что-то теперь с ними, где и как живут? Привет им! Еще нескромный вопрос, писать о котором я почему-то конфужусь, вероятно, потому, что не привык видеть тебя, братик, женатым. — Женат! какое важное понятие! раньше считался старшим братом, а теперь приходится без чечевичной похлебки уступить свое первородство и снять шапку, разговаривая. Так, вопрос о твоей дочке, а о моей, значит, племяннице... вот удружил, брат, дядей сделал. Так, как она, растет ли? Моей belle-soeur глубокий поклон и, если позво-

лено, братский поцелуй. Поклон бабушке, твоей дочурке и ее тетушке Тасе. Скоро, пожалуй, и она выйдет замуж, если только она по свойственному девицам легкомыслию не разлюбила своего жениха и не цыкнула на него: брысь под печку!.. Привет дяде Кузьме, тетушке Ксенье, Тихону. Что он, женился ли, наконец?.. Вообще, пусть не сердятся, если кого-нибудь не назову по имени, как в святцах... кланяюсь всем, всем желаю хорошей жизни, счастья — кто чего хочет.

А вам, мои родные, мои дорогие отец и мамочка! чего же вам-то пожелать? Ведь скоро новый год, момент, когда люди как бы отрываются от прошедшего и с обновленною верою смотрят в глаза будущему. Крепка ваша вера, я знаю, горами может двигать она, сдвинет ли она громаду вашего горя? За меня не бойтесь: и моя вера крепка и не ослабла она, и легко мое бремя для меня. Если может это утешить вас, так и будет оправдано мое новогоднее пожелание для вас. Больше я ничего не знаю, не придумаю, не смею высказать для пожелания. Вы, я уверен, понимаете, что я всей душой, последней каплей моей крови, пожелал бы вам всего, всего... что для вас самих желательно. А можете ли вы еще желать? Кончаю, чем начал — живы ли вы? Родные мои, склоняю голову перед вашей любовью, перед вашей великою скорбью, целую прах ног ваших, целую ваши старые седые головы, ваши печальные, морщинистые лица. Обнимаю вас, обнимите и меня заочно. Любите, не браните. Еще, и тысячу раз, до могилы моя любовь, моя признательность вам за все, за все. Ваш, как всегда, несмотря ни на что и навеки. — Ваш Егор.

Невесте моей привет [1]... тоскую по музыке; играют ли теперь ее пальцы? Или прежнее пренебрежение с ссылками на негибкость рук?... Мой упрек за загубленный талант и... привет.

1906 год.

XI.

Без даты.

Родные мои, ненаглядные! Пользуюсь случаем, чтобы поговорить с вами по душе. Не знаю, даст ли нам судьба счастье дождаться того времени, когда мы, свободные, опять сойдемся вместе, одной семьею — тогда все об'яснится, тогда-то надеюсь, вы совершенно поймете своего сына и будете не только любить и жалеть, но и гордиться им, а не стыдиться его, как, может быть, еще недавно.

Родные, великое счастье, что вы уже дожили до поры, когда события должны на многое открыть вам глаза. Раньше,

[1] Мария Алексеевна Прокофьева.

года два тому назад, вы не могли слышать ни одного голоса в защиту меня и моего дела. Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью; «честные люди» приговором суда навеки покрыли меня позором, осудили, как убийцу и врага общества... и весь этот позор свалился на вашу неповинную голову. Тяжело вам было— тяжелее для отца с матерью быть не может. Но теперь-то, поняли ли вы? Выслушайте меня!

Прежде всего, не будем искать смягчающих вину обстоятельств, не покривим душою перед богом. Вы знаете, я не в безумии решил и совершил мое дело. Никогда я не был осмотрительнее, чем когда решался. И не в один день решил!.. Нет! Долгие дни и бессонные ночи в Самарской тюрьме были проведены в муках раздумья [1]. Все передумал, взвесил, пережил ожидавшие вас страдания... Затем, не вините никого другого, кроме меня самого. Я не ребенок и, слава богу, говорят, не особенно глуп. Значит, мог понять, что делал, и не был игрушкою в руках каких-то злонамеренных людей, прятавшихся за моей спиной, по уверениям разной правительственной сволочи. Может быть, я даже другого натолкнул на такое же ужасное дело. Да, дорогие мои, ужасное дело... Я первый признал это. Вы знаете мой характер. Для того ли я был создан, чтоб проливать кровь? Вспомните мои молодые мечты о мирной деятельности на благо несчастного люда. И вдруг, при таком-то робком, миролюбивом характере, предо мной восстала страшная задача... и я не мог сбросить ее со своих плеч, я должен был ее выполнить, должен... и даже теперь, после всего случившегося, я не мог бы решить по-иному.

Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, позабыл о боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь, потому-то я совершил дело, что я чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой бог — требовали этого от меня. Мог ли я ослушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех труждающихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей... Но, вы скажете, что Христос не убивал, а прощал своих врагов. В том-то и ужас, что люди не доросли до христианских истин и, несмотря на пример и учение Христа, попрежнему остаются зверями. Мало того, они исказили,

[1] В 1902—1903 г. после ареста по делу Уральского союза с.-д. и с.-р.

запачкали своими грязными и окровавленными руками чистейшее учение Христа... Те, которые называются служителями Христа и которые вечно должны повторять народу: «любите друг друга», учить его, чтобы человек каждого человека любил, как самого себя, — эти-то лживые учителя оправдывают всю неправду на земле. Требования Христа — ясны; кто их исполняет? — Мы, социалисты, хотим исполнить их, хотим, чтобы царство Христово настало на земле. А насчет убийства, — так я обращаюсь опять к вашей религии. Положите руку на сердце и скажите, как перед богом: всегда ли и во всех ли случаях свята и непреложна заповедь: «не убий»? Если так, то почему же царя, по мании которого проливают реки крови, называют благочестивым, а солдат, которые избивали не только японцев, но и своих же братьев русских, величают христолюбивым воинством, хвастаются, что солдаты убивают за веру, царя и отечество? Значит, им можно убивать и, если они умрут на войне, то достойны за то царствия божия. Почему же такая разница? Или дело в том, что они убивают и умирают за отечество? Если только вы признаете, что война оправдывается на этом основании, то мы оправданы и убелены, паче снега. Мы воевали за отечество, за дело народа. Уже народ громко признает наше дело своим делом, и, если ему не дают открыто высказаться, то не мы виноваты, мы только того и желаем и добиваемся, чтобы сняли повязку с уст народных. Да, мы отдавали свою жизнь «за други своя» и получали за то не георгиевские кресты и медали, а позор, позорную смерть... — виселица заменила крест, который некогда предназначался тоже, как позорнейшее наказание. После нашей смерти враги наши глумились на наших могилах, предавая нас анафеме... Не слава прельщала нас... После страшной борьбы и мучений, только под гнетом печальной необходимости, мы брались за меч, который не мы первые поднимали... Не судите же нас строже, чем мы того заслуживаем, не будьте, как прокуроры, несправедливыми перед богом... Да, я виновен перед богом, но я спокойно жду его суда и знаю, что он будет судить меня не так, как здесь судили — судом неправедным. Не упрекайте еще меня за то, что я именно вас ввергнул в эту бездну горя. Подумайте, мог ли я иначе поступить, когда я слышал, как мой учитель говорил: «возьми крест свой и иди за мной» и еще: «кто возлюбит отца своего или мать свою больше, чем меня, тот недостоин меня»... Не он ли заставил свою мать увидеть его крестную смерть, а разве она меньше любила своего сына, чем ты, мама, меня? Не мог я отказаться от своего креста, мои бедные... Поймите же и простите... Поймите и поднимите свои поникшие под тяжестью горя головы, глядите всем прямо

в глаза и говорите всем гордо: наш сын был честный солдат и сражался за то, что он считал правдой. Счастье наше—уже недолго нам носить наш позор... Скоро, скоро общество, народ рассудят нас с правительством и скоро наши судьи попадут на наше место на скамье обвиняемых... Народ скажет про меня и моих товарищей, казненных и оставленных в живых, как сказал на суде мой защитник [1]: «бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными...—бросая бомбы в правителей, они хотели уничтожить кошмар, который давил народную грудь», — скажет и оправдает нас, а наших противников, тех, которые своими насилиями над народом доводили нас до необходимости проливать кровь, осудит и память их предаст вечному проклятию.

Будем ожидать этого великого и счастливого мига, а до тех пор не будем слишком предаваться печали по поводу тех небольших лишений, которые еще ждут меня. Они ничтожны сравнительно с тем, что могло бы выпасть на мою долю и что выпало на долю моих незабвенных милых товарищей Балмашева, Каляева и друг. Всегда помните о них, молитесь о них и о народном деле, а обо мне не горюйте. Не слушайте наших врагов, откройте ваши души и сердце для тех, которые говорят в пользу нашего, моего дела, будьте справедливы к делу вашего сына, окажите ему еще эту любовь... А вам моя любовь и вечная благодарность.

XII [2].

30 января.

Дорогие мои. Пишу наскоро. Сегодня меня увозят, как сказали, в Москву. Что ждет дальше — абсолютно не знаю. Надеюсь, департамент полиции не сочтет возможным долго держать вас в томительной неизвестности и своевременно даст вам раз'яснения относительно моей особы. А пока умоляю вас, не волнуйтесь преждевременно. Не беспокойтесь, не предавайтесь излишней тревоге за меня, что бы со мной ни случилось. Я уже писал вам в первом письме, что я заранее готов ко всякого рода переменам в моей судьбе и встречу их во всеоружии бодрости и хладнокровия. Так и случилось. Я не знаю, что со мной сделают, но чего-нибудь превышающего силы моего терпения, во всяком случае, не жду. Уверяю вас, я не настолько слаб и изнежен, хотя ваша любовь и нежная заботливость порядочно избаловали меня, чтоб придавать большое значение тем маленьким неудобствам, которые еще

[1] Н. П. Карабчевский.
[2] Из Шлиссельбурга.

могут встретиться на моем пути. У меня достаточный запас, по крайней мере, на несколько лет здоровья, бодрости и энергии, и вы можете быть убеждены, что я еще доживу до лучших дней. А вы доживете ли?..

К сожалению, вы, вероятно, по рассеянности, ничего не писали о своем здоровье (письмо ваше, наконец-то, получено, и в полной целости, т.-е. с приложением одиннадцати карточек). Если бы я дал волю фантазии, я мог бы бог знает что подумать, но предпочитаю об'яснить в лучшую сторону.

Меня очень обрадовал бодрый тон вашего письма. Я горжусь, что у меня такие стойкие и сильные духом родители, которые, несмотря на мрачное настоящее, с верою глядят в будущее, да еще меня стараются подбодрить. Велика ваша сила и вы вполне достойны, чтобы на вас оправдалось евангельское обещание: претерпевый до конца спасен будет.

Дорогие мои! рад неизреченно вашему письму и вашему дорогому подарку — карточкам: как-будто лично поговорил и повидался с вами. Теперь и разлука моя с вами будет для меня легче: ваши милые лица не только у меня в памяти, но и перед глазами, при том такие похожие, как живые. Спасибо, спасибо всем!

Итак, на прощанье заключим великий союз во имя трех христианских добродетелей: веры, надежды и любви, и в этом союзе наши личные временные бедствия потеряют в весе и пройдут, как сон... пока, наконец, не настанет день радостей. Будем верить и ждать. Не падайте духом, бодритесь. Пока шлю вам часть своего здоровья, бодрости и веры. Теперь еще относительно твоего завета, мамочка, чтобы я молился за тебя. Дорогая моя! За кого же мне молиться, как не за тебя и за милых сердцу. Моя первая и последняя мысль о тебе — моя утренняя и вечерняя молитва за тебя. А ты, молясь за меня, не забывай также вспоминать всех угнетенных и страждущих. Если молитвы, вообще, действительны перед богом, то чьи же лучше, сильнее и достойнее, чем молитвы страдающей матери? Не забывай же молиться о страждущих и угнетенных, и твое личное горе смягчится в любовном сострадании брату-человеку.

Дорогие мои! примите мой любовный привет, мои поцелуи. Живите — до свиданья. Пишите мне по прежнему адресу, или как вам будет указано. Пришлите мне денег несколько сот. И раньше было можно, а теперь очень пригодятся. Потом выясните вопрос о книгах и журналах, может быть, будет возможно. До свиданья же.

Ваш Егор.

Привет всем, всем... А я не удовлетворен вашим письмом в том отношении, что вы очень поскупились на сообще-

ние сведений семейного характера: ведь это же возможно, чего же самим себя подвергать излишнему урезыванию. В будущем жду более подробных сведений. А то ты, мамочка, позабыла даже обмолвиться хотя бы одним словом об отце... разве можно так?.. Ну, простите за журьбу, не сердитесь.

Ваш Егор.

XIII [1].

28 апреля. Бутырки.

Милый, родной мой! Надеюсь, вы не осуждаете меня за мое молчание во все это время нашей разлуки. Писать официально — не пишется, неофициально — боюсь, одобрили бы вы это. Поэтому я молчал, но, конечно, вам сообщалось все обо мне, точно так же, как мне о вас. Спасибо вам, дорогой, за те несколько любовных слов, которые вы в вашем последнем письме посвятили мне. Из них я в тысячу, не знаю, который раз убедился, как вы попрежнему любите меня и печалуетесь обо мне. Чем бы мне отплатить вам, чем порадовать?

Может быть, вас порадует тот факт, что моему терпению, за которое вы высказываете опасение, еще далеко до конца, что еще многое могу вынести, еще долго могу ждать. Не знаю, как вы там в одиночестве воспринимаете и понимаете текущие дела. Не чересчур ли давят на вас ужасы действительности, видите ли вы просвет впереди, надеетесь ли вы на хорошее хоть в будущем? Настоящее тяжело, и у кого вдобавок еще нет будущего, тому плохо живется. За себя могу сказать, у меня чудное будущее, до того чудное, что я готов еще долго, долго ждать его, только бы оно настало. А оно настанет и уже настает. Хотя бы мне самому не пришлось дожить до него, моя радость не побледнела бы оттого [2]. Могу ли я унывать теперь, когда все самые заветные, самые святые мечты мои осуществляются, претворяются в дело? Если хватило решимости пойти на смерть за дело, которое тогда мне самому казалось правым, но далеким, то что же, кроме глубочайшей радости, должен испытывать я теперь, когда живу и вижу, как дело день за днем из малой искорки разгорается в могучее пламя? Как должна удесятериться моя вера, способность терпеть, ждать, выносить!..

Не думайте, что я обманываю себя и легкомысленно закрываю глаза на все зло, окружающее меня. Да, это ужасно, почти нехватает человеческого терпения пережить все то горе, которым каждый день дарит нас — конечно, я говорю не про личное. И я убежден, что еще не скоро конец, что самое ужас-

[1] Письмо адресовано отцу.
[2] Зачеркнуто: «теперь вы поймете меня, когда я скажу вам».

ное, пожалуй, еще впереди. Может быть, мы стоим накануне момента, когда польются реки слез, горя и крови, и все-таки я убежденно говорю: наша берет!.. Вы знаете, что творится, знаете, как блестяще народ оправдывает нашу веру в него. Народ-богатырь растет не по дням, а по часам. То, что еще недавно казалось безумною мечтою несчастной кучки юношей-фантазеров, это претворилось в общенародное верование, выставляется, как самое первое и главное требование народа, которое и поддерживается всею силою народа. Пусть нас гонят, замучивают народ наш — наша берет!.. Ведь 130 депутатов в Думе [1] встали под то самое знамя, с которым я выходил на Измайловский проспект. Это уже сила, сила, которая, несомненно, будет главенствовать в Думе. Я не верю в мирный исход, я не жду от правительства ни совести, ни ума, ни сердца. Будет борьба великая. И в этой борьбе бороться и легче, и слаще, чем в одиночку. Я счастлив, что дожил до этого момента. Я проклинаю то проклятое время, когда злая необходимость заставляла нас, людей с чутким сердцем, брать на себя тяжелую роль народных судей и защитников. Дай бог, чтобы оно поскорее прошло и никогда больше не возвращалось к нам, это проклятое время.

Что ждет меня впереди? Не знаю и мало задумываюсь над этим. Все мои мечты, надежды, пожелания там, где кипит борьба за великое, святое, народное дело. Не скрою от вас, родной мой, да, надеюсь, это для вас и так ясно, что для меня уже нет иной жизни, иной деятельности, как жить и работать для народа. Если будет амнистия, в которую я не верю, то вместе с волей народ подарит мне обязанность отплатить ему за эту волю. К счастью, не этою монетою, которою я по силе возможности пытался отплатить народу за мои, за наши (всей нашей семьи) долги перед ним... Я думаю, у вас нет никаких оснований бояться за меня. Если для меня и мне подобных деятелей будет амнистия, это будет означать, что правительство решилось на коренные уступки, и тогда, значит, возможна будет мирная борьба. Если же правительство намерено еще сопротивляться и воевать, то никакой амнистии оно нам не допустит, и мы в безопасности просидим где-нибудь в тихом углу во все горячее время военных действий.

Дорогой, родной мой! Я пишу вам откровенно в надежде на то, что моя откровенность не только не огорчит вас, но, напротив, в случае неудачного исхода вопроса с амнистией и русскими свободами, поможет вам легче пережить первые разочарования. Я верю и терпелив, потому что мрачное настоящее не заслоняет для меня светлого будущего.

[1] Речь идет о трудовой группе I Государственной Думы.

Что еще мне прибавить ко всему написанному? Вы, пожалуй, в праве сказать: он все о себе и ничего о нас и для нас.... Родной мой! я так больно ощущаю ваше одиночество, в котором вы, старик, должны работать и заботиться для малых... И ничем, ничем я не могу тут помочь... Только бы вы не приписывали нашего поведения нашему бессердечию, нашей холодности... Вы и на свиданьях и в письме своем постоянно просили и просите «простить» вас «Христа-ради». Слышать это для меня невыносимо больно. Вас прощать?! Не думаете ли вы, что мы считаем вас в чем-нибудь виновными перед нами и поэтому так жестоки по отношению к вам?

Если бы жизнь наша продлилась тысячу лет, мы ежедневно и с утра до вечера должны бы были благословлять вас и благословляли бы вас... Прощаете ли вы нам? Если понимаете нас, то и прощаете.

Не знаю, что еще сказать. О делах ваших мне говорят на свиданьях. Меня все страшит мысль, как вы справитесь с осложнениями, которые ежедневно могут разразиться над хозяйственной жизнью страны. Может вспыхнуть настоящая гражданская война с ее разорениями. Было бы счастьем для вас, если бы вы имели возможность посократить дела.

Мне совестно, что вам так много приходится тратиться на меня. Каждое свиданье обходится вам бог знает как дорого, а без свиданий как же? мамочка не уезжает... и вас забросила. Скорей бы хоть увезли нас отсюда.

Куда бы ни увезли, верьте, ненадолго. Скоро, скоро все увидимся свободными и счастливыми. Обнимаю вас, дорогой, глубокоуважаемый и горячо любимый отец, крепко целую вас. И меня простите и благословите Христа-ради. Желаю вам здоровья, силы и успехов в ваших делах. Ваш жестокий, но бесконечно любящий вас сын Е. — Сестру и племянницу целую. Тетушка М. С. и Ваня боятся, как бы вы не рассердились, что Ваня думает оставить свою академию, чтобы перейти в реальное. А я так, наоборот, совершенно уверен, что по обсуждении вы одобрите такое решение. Держать Ваню в академии до окончания, это значит — отрезывать ему все другие дороги, кроме торговой. А захочет ли он, когда вырастет, и выгодно ли будет торговать лесом? Нет никакого сомнения, что через три-четыре года многое изменится в России. Вы, Ванины опекуны, обязаны даже перед памятью дяди Меркурия дать Ване в руки все средства образования, чтобы облегчить ему жизнь при новых условиях. Только не запугивайте, ради бога, себя моим примером. Вы же хорошо знаете, что не все студенты становятся революционерами, и что, наоборот, вся тяжесть революции переносится теперь в деревню,

в крестьянскую необразованную среду. Не бойтесь же образования. Да ведь к тому времени, как Ваня подрастет до студента, студентам и бунтовать-то не из-за чего будет, потому что свобода тогда, несомненно, уже будет здравствовать и процветать.

Подумайте хорошенько и одобрите Ваню и тетушку. Тогда Ваня попробует нынче же весной превратиться в реалиста. Здесь мы найдем прекрасное училище и устроим так, что и поступать будет не особенно трудно, без большой потери времени. — Привет!

XIV.

Май.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Если ты решилась уехать сегодня, то до свиданья. Смотри, не горюй обо мне. Ты своими глазами убедилась, что я здоров, бодр и весел. То же будет и после, даже в Сибири, если придется туда поехать. Пойми хорошенько, у меня нет страданий, я не могу страдать и мучиться: что бы мне ни выпало на долю, я все, все, даже смерть, с радостью приму за то святое дело, которому я навеки-вечные отдался. Я в него верю, как в спасение своей души; если бы мне самому не пришлось дожить до того момента, когда мое дело окончательно победит, я не пожалею об этом: если мы умрем, дело, которое мы любим больше всего на свете, будет жить.

Не оплакивай же меня, потому что я счастлив, так счастлив, как только может быть человек. Я глубоко верю, что рано или поздно и даже скоро я буду свободен, и тогда никто и ничто не помешает нам любить друг друга и свободно наслаждаться взаимною близостью. А до тех пор, во время нашей разлуки, думай обо мне не как о несчастном, страдающем сыне, думай обо мне, как о молодом, здоровом, сильном и бодром человеке, который радостно живет для своего великого дела. Крепись, верь, жди и надейся. Пойми, ради бога, ведь мы мученики нашей веры, нашей религии: как те отдавали свою жизнь за Христа, так мы готовы отдать свою за нашу правду, святую правду, которая по-моему идет от Христа. Разве можно плакать о мучениках? не плачь и о нас, потому что нам ведь и не приходится терпеть муки мучеников...

Итак, живи, будь здорова и бодра. Поддерживай отца.

Любящий тебя без конца, твой Егор.

XV.

Для Акилины Логиновны.

26 июня. Акатуй.

Дорогая мамочка! Пользуюсь случаем набросать вам несколько строчек. Это уже третье письмо: 2 отсюда и 1 из Сретенска. От вас пока получена 1 телеграмма, на которую тоже послан ответ.

Наше положение пока не выяснилось. Администрация поговаривает, что некоторых из нас скоро выпустят в вольную команду, ждут указаний и распоряжений из главного управления каторги, которое отсюда находится верстах в 30 (в Горн. Зерентуе). На-днях или в течение июля все выяснится. К тем, к кому не был применен манифест 1904 г., он применится теперь: тогда получаются сроки для Герш. и Мельн. по 7 л., а для Петруся — 5 л. Герш., Мельн. и Сик. должны сейчас же выйти в вольную команду, а Петрусь — на поселение [1]. На поселение посылают обыкновенно в Забайкальскую же область, приписывают крестьянином к какой-нибудь волости. И тут полная свобода. Вольная команда, это — жизнь около тюрьмы, но не в тюремных стенах; здесь тоже пахнет волей. Для меня срок еще не вышел, и месяцев с 9 или с год, вероятно, еще придется пожить в тюрьме.

Пока живется очень хорошо и вольготно. Нас здесь ждали и приняли с распростертыми об'ятиями. Товарищи готовились к торжественной встрече: делали подписку на грандиозный пир, собирались выехать за 16 верст (в Александровск. завод) на тройках, навстречу, при чем здесь ждал нас староста с хлебом-солью, как какого-нибудь губернатора... Но

[1] Григорий Андреевич Гершуни и Михаил Михайлович Мельников были присуждены в 1904 г. петербургским военно-окружным судом по процессу боевой организации партии с.-р. к смертной казни, с заменой бессрочной каторгой. Петрусь—Карпович Петр Владимирович, убивший 14 февраля 1901 г. министра народного просвещения Н. П. Боголепова и осужденный к каторжные работы на 20 лет. — Надежды Созонова на выход его и его товарищей в вольную команду не оправдались. Телеграммой от 15 сентября 1906 г. за № 1710 главное тюремное управление сообщило читинскому военному губернатору следующее: «Разрешение каторжным жить вне тюрьмы есть льгота, предоставление которой, на основании ст. 305 Уст. о ссыл., зависит от усмотрения начальства; в виду серьезности преступлений, совершенных упомянутыми в телеграмме 2795 лицами (Гершуни, Мельников, Созонов и Сикорский. *Б. К.*), главное управление не находит возможным разрешение перевода их в внетюремный разряд; необходимо применение всех мер к предупреждению побегов». Дело забайкальского областного правления 1906 г. О высланных из Шлиссельбурга на каторгу Карповиче, Гершуни, Мельникове, Созонове и Сикорском. Лист 45.

мы своим неожиданным приездом расстроили все замыслы товарищей, и встреча вышла проще, но не менее задушевной. Все эти овации и из'явления расположения мы, конечно, относим не на наш личный счет, а на счет любви и преданности тому великому делу, во имя которого все мы сюда попали. Но все-таки мне доставляет гордую радость видеть то уважение, которое окружает нашего дорогого Григ. Андреевича [1]: все, если не видят, то чувствуют цену этого человека, и нужно его видеть именно среди людей, чтоб по всей справедливости оценить его. Как я ни был подготовлен к тому, чтоб предполагать за ним различные таланты, но все же приходится удивляться ему: он как бы растет и развертывается на людях. Здесь он возвышается над всеми на целую голову. Впрочем, здешняя обстановка слишком даже низка, чтоб служить ему меркой. Нужна широкая арена, чтоб он развернул все свои силы. И для нашего дела непоправимый, страшный убыток, что такая могучая политическая сила скована в данный момент . . .

С нашим прибытием тюремная жизнь заметно улучшилась: мы привезли книг и денег; на деньги улучшили стол, так что каждый день стали иметь мясо и белый хлеб, чего прежде не полагалось. Если через месяц общество не поддержит нас, то снова придется перейти на прежнюю пищу.

Ждем газет и книг.

Дорогая мамочка, я здоров и бодр. Будьте же и вы с папой здоровы и не грустите. Сюда не ездите, пожалуйста. Страшно далеко ехать, утомительно, ненадолго не стоит, а надолго рискованно: хотя теперь свиданья с родственниками допускаются совершенно беспрепятственно, но наше положение может измениться к худшему каждую минуту, а для меня было бы мукой смотреть, как вас подвергали бы стеснениям, видеть, что не только я, осужденный, но и вы, свободные граждане, должны сносить капризы и смены настроений разных бурбонов. Молодым, если бы на то представилась необходимость, было бы приехать не столь трудно.

Жду с нетерпением ваших писем. Надеюсь получить от всех вас по письму с описанием всего, что случилось с вами за время нашей разлуки. Пока пишите не на мое имя, во избежание всяких недоразумений, по адресу: Забайкальск. область, через Александровск. завод, в Акатуй, Анне Григорьевне Шункман. Посылайте заказными. На заголовке письма ставьте для *Е. С.*

[1] Гершуни.

Привет вам всем, мои дорогие, любимые. Мой совет: моих писем не хранить, а предавать их уничтожению тотчас же по прочтении.

Пишите так же часто, как я. Целую тебя, мамочка, и папу.

Ваш Егор.

XVI.

Для Акилины Логиновны.

1 июля.

Вот видишь, дорогая мамочка, как часто я пишу вам. Писать, зная, что ответа не получишь ранее 1 — 1½ месяцев, не особенно приятно, все время преследует мысль, что все может измениться за тот период, пока идет письмо, теперь ведь все так быстро меняется на свете. Мы с жадностью каждую субботу и вторник ожидаем писем и газет, а потом, когда начинаем читать «самые свежие новости и слухи», то только смеешься: все эти новости уже давно выдохлись, прежде чем дошли до нас...

Дорогие мои! — пока что самыми лучшими радостными для меня новостями будут ваши письма, которые докажут мне, что в минуту писания этих писем вы были живы и здоровы. Жду с нетерпением и до получения, кажется, уже ничего не напишу вам — нет настроения.

Крепко обнимаю вас. Будьте здоровы.

Я уже писал вам, что здесь находится несколько моих земляков. Один из них, Винокуров, почему-то не получает никакого ответа от родных на свои многочисленные письма и телеграммы. Он не знает, живы ли они, или же отказались от него и не хотят иметь с ним никакого дела. Прилагаемое письмо передайте по указанному адресу; прошу вас побывать у отца В—ва и выяснить положение дел. О результатах напишите мне. Сделайте это для меня. Тысячу приветов всем вам, мои дорогие родные. До свиданья, мамочка.

Твой Егор.

XVII.

Акатуй. 4 июля.

Жив, здоров. Жду ваших писем. Всех приветствую, обнимаю. Дорогую маму целую. Взгляни на карточку, среди какой красоты нам приходится жить [1].

Ваш Егор.

[1] Написано на открытке с видом села Ангарского на озере Байкале.

Петрусь [1] выпущен в вольную команду и поселился вне тюремных стен, а мы остальные пока за решетками и замками. Московск. обещания не сбылись ни с кем из нас.

XVIII.

16 июля.

Момент, когда напряжены все силы государственной мощи, (хотелось бы быть) где-нибудь поближе от родного очага. Болит сердце за родных, за родину. — Дорогие мои, любимые, обнимаю вас с всею горячностью любви, желаю пережить все испытания и дождаться более счастливых дней. Всех вас целую, всем вам все мы шлем привет и горячее пожелание счастья, удач. Привет тетушкам, сестренкам, Ване, Любе, Мане. Будьте здоровы. Будь здорова, мамочка. Твой Егор.

XIX.

22 июля.

Дорогая мамочка! Наконец-то вчера получена от вас телеграмма. И то хорошо, по крайней мере узнал, что вы живы, а скоро, надеюсь, узнаю, что вы здоровы. Меня удивила фраза в телеграмме. Вы извиняетесь за «непозволительно долгое молчание». Неужели вы до сих пор еще ничего мне не писали и просто потому, что не нашли времени или не хотели? Стыдно! Особенно, если примете во внимание, насколько я был усерден. Но не станем браниться, только впредь будьте исправнее. Я и друзья здоровы и приветствуем всех вас! Обнимаю мамочку, папу, брата и всех. Ваш Егор.

XX.

Акилине Логиновне.

25 июля, вторник.

Дорогие мои! — не имею возможности писать вам много. Сегодня утром к нам привезли Спиридонову, Измайлович, Школьник, Фиалку, Биценко и Езерскую [2]. Все мы в страшном волнении, что нам выпало такое неожиданное счастье или несчастье жить под одной кровлей с Марией Александровной.

[1] Карпович.

[2] Привезены в Акутай из московской Бутырской тюрьмы. Спиридонова Мария Александровна по постановлению тамбовского комитета партии с.-р. 16 января 1906 г. на станции Борисоглебск убила советника губернского правления Луженовского за жестокое подавление крестьянских волнений и за организацию в Тамбове «черной сотни», приговорена к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Измайлович Александра Адольфовна участвовала

Еще не могу притти в себя. Последние несколько дней вся тюрьма словно с ума сошла от ажитации, от радостных хлопот и приготовлений к встрече. И встреча вышла торжественная, прекрасная, грандиозная, хоть бы под-стать большому городу: всякий из нас стремился выразить всю свою любовь, все благоговение к славной девушке [1].

14 января 1906 г. в покушении на минского губернатора Курлова и полицеймейстера Норова; приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Школьник Мария участвовала в покушении 1 января 1906 г. на черниговского губернатора Хвостова; приговорена к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Фиалка приговорена к каторжным работам за принадлежность к одесской организации партии с.-р. и за хранение бомб. Биценко Анастасия Алексеевна 22 ноября 1905 г. в Саратове убила командированного туда для подавления крестьянских волнений генерал-ад'ютанта Сахарова; приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгою. Езерская Лидия Павловна 29 октября 1905 г. покушалась на могилевского губернатора Клингенберга; приговорена к каторжным работам.

[1] *А. А. Измайлович* в своих воспоминаниях «Из прошлого», помещенных в № 7 и 8 «Каторга и Ссылка», так описывает эту встречу:

«Вот мы у ворот. Здесь нас подхватила живая, шумная волна, увлекла за собой, оглушила криками приветствия и громом революционных песен, осыпала цветами... Как сквозь сон, широко открытыми, ничего не понимающими глазами видели мы раздвинувшуюся перед нами завесу в каком-то заборе, украшенную цветами и громадной надписью: «Добро пожаловать, дорогие товарищи!» Она раздвинулась, и мы очутились в каком-то дворике среди нескольких десятков мужчин, женщин, детей. Они что-то кричали нам, широко улыбались, пели. И детишки впереди, маленькие, загорелые, в ярких рубашонках и платьицах, пели тоже и бросали в нас цветами. Кругом везде, со всех четырех сторон маленького дворика, деревья, гирлянды цветов, флаги, красивые надписи без конца: «Да здравствует социализм»! «В борьбе обретешь ты право свое». «Да здравствует партия соц.-рев.!»... А в одном уголке, особенно красиво убранном гирляндами зелени и цветов, на полотне фамилии нас шестерых и наверху слова « Слава погибшим... Живущим свобода»... Всего этого, конечно, сразу; мы, оглушенные и ослепленные неожиданностью, не могли разобрать, рассмотреть, а уже только потом рассмотрели, когда пришли в себя немного. Мы стояли под звуками марсельезы и дождем цветов, смущенные, растерянные. Я совершенно не знала, куда деться со своим облупившимся от солнца носом, пыльными босыми ногами, лыком, вместо давно потерянного пояса. Все это до смешного не шло к устраиваемым нам овациям. Оправившись немного, я стала искать в толпе знакомых товарищей. Их не было впереди. Еле-еле я нашла где-то в самом конце выглядывавшего Гершуни и где-то сбоку Созонова. Они все подошли к нам, когда смолкло пение, и расцеловались с нами. Повели нас в наше помещение: отдельный коридор и пять крохотных каморок. Все это, как и дворик, примыкавший к этому помещению, было украшено срубленными лиственницами, березами и флагами...

Как сон прошел весь этот день. Какие-то дамы, как потом мы узнали, жены каторжан, повели нас в баню, потом кормили обедом, снимали. Григорий Андреевич водил нас по всем общим камерам и знакомил нас со всеми товарищами. Потом в том же дворике за длинными столами, среди зелени цветов и флагов, все вместе пили чай.

Сейчас же по приезде нашем заходил к нам начальник тюрьмы. Расшаркивался, пожимал руки и все спрашивал, удобно ли будет нам в этих каморках».

1902 г.

1903 г.

Со снимка департ. полиции
1902 г.

Со снимка, сделанного на каторге
в 1906 г.

Егор Созонов.

По первому впечатлению не решаюсь говорить, как выглядит М. А. [1]. Когда глядишь на нее, сердце сжимается от тяжелых воспоминаний о том, что ей пришлось перетерпеть, прошлое подавляет настоящее.

Не стану писать больше, не могу. Жду от вас писем. Телеграмму вашу получил. А вы мои открытки получаете? Я посылаю с каждою почтою, т.-е. по 2 шт. в неделю.

Мы здоровы, бодры, все всем шлем привет.

Целую, обнимаю маму, отца, брата с сестрой, тетушек, сестричек, Ваню, племянниц. Пишите, пишите вашему Е...

Привет Мане. Всегда передавайте ей обо мне, а мне о ней.

Посылайте денег — для Спиридоновой; надо, чтобы она не нуждалась.

XXI.

1 августа.

Я жив, здоров, а про вас ничего неизвестно. Проходит лето, скоро Ване придется поехать учиться, а я еще ничего не знаю, как он устроился. Не знаю также, где вы проводите лето, может быть я не туда пишу, куда следует. Все-таки вооружусь всем терпением, на какое способен, и буду ждать еще недели две, потому что, судя по вашей телеграмме от 20-х чисел июля, вы только тогда послали письмо. — С нами теперь Спиридонова и еще пять девиц. О здорвье Спиридоновой писать ничего не стану, потому что еще мало прожили вместе и не успели присмотреться. Целую тебя, дорогая мамочка, целую всех вас.

Егор.

XXII.

19 августа.

Дорогая мамочка, привет. Вот в нескольких словах все приятные для тебя вести: я, а также все мои друзья, живы, здоровы. Живем по-старому, т.-е., по-маленьку, тихо, спокойно, как монахи, удалившиеся от суеты мирской. Вспоминаем старое, а значит и вас, наших родных, дорогих. Надеемся, у вас все более или менее благополучно.

[1] Созонов познакомился с Спиридоновой в Бутырках. Тогда же он и его товарищи по заключению Гершуни, Карпович и Сикорский написали Спиридоновой письмо, ярко рисующее их отношение к ней. В этом письме они, между прочим, писали: «Вас уже сравнили с истерзанной Россией, и вы, товарищ, несомненно — ее символ. Но символ не только измученной страны, истекающей кровью под каблуком пьяного, разнузданного казака, вы — символ еще юной, восставшей, борющейся, стойкой и самоотверженной России. И в этом — все величие, вся красота дорогого нам вашего образа». Письмо Созонова и его товарищей и ответ Спиридоновой были напечатаны в выходившей в Петербурге газете «Мысль», № 14 от 5 июля 1906 г.

Итак, целую, обнимаю вас, мама, отец, брат и всех дорогих. Пишите.

Да что же, наконец, сделалось с Ваней, ни строчки не пишет мне? Как он распорядился своей судьбой?

Ваш Егор.

XXIII.

26 августа.

Привет, дорогая мамочка! Я жив, здоров. Надеюсь и вы все здоровы. Целую тебя, папу, брата и всех милых. Пишите вашему Е.

XXIV.

Для Ак. Лог.

31 августа.

Здравствуйте, мои дорогие, ненаглядные! Уж не сердишься ли ты на меня, мамочка, за мои открытки, которыми я как бы отбываю перед вами письменную повинность. Сознаюсь, открытками я пользуюсь тогда, когда не пишется настоящего письма, а оставлять вас лишнюю неделю без известий обо мне я не могу. Поэтому знайте, мои открытки говорят не о моей лености и небрежном отношении к вам, а как-раз напротив, — о моей любви, тысячу раз любви к вам.

У нас за это время ничего не изменилось, хотя в России изменилось многое. Леса, покрывающие соседние горы, разоделись в осенний наряд. Листья пожелтели, но надежды и вера, несмотря ни на что, желтеть не хотят. Суровая зима скоро задушит в своих ледяных оковах всю окружающую жизнь, но вы ведь знаете, что мы живем для будущего. Что нам зима, что нам оковы, что нам самая смерть, когда там, впереди, широкий, весенний простор, весенняя красота, весеннее оживание всего, имеющего дыханье ...

Что смерть? — разве мы не верим, что мы живем для будущей жизни [1], где не будет печали, воздыханий, зла, несправедливости?

Отец, мамочка! Разве вы не верите в будущую жизнь?

Не вздыхайте же по вашем сыне, который тоже хочет жить для будущей жизни, и не жалейте его, что у него нет настоящей жизни.

Потом, это неправда, что у меня нет жизни: я живу самою полною, самою счастливою жизнью. Я испытываю величайшее в мире счастье жить так, как велит моя совесть, жить для своей

[1] Зачеркнуто «беспечальной жизни».

правды. Эту правду у меня никто не властен отнять: ни смерть, ни царь. Я умру, но моя правда, то, что для меня дороже жизни, останется жить. Она восторжествует, она будет жить вечно, а вместе с нею буду жить и я.

Ну скажите, кто из вас, из всех ваших знакомых, счастливее меня? Может-быть Тихон? Не разбито ли теперь все его счастье? Не жалок ли он теперь, как самый последний червяк? А ведь он имел гордость называть себя счастливчиком... Какое ненадежное, какое земное, низкое, презренное счастье!..

Я никогда, никогда даже, помнишь, мамочка, тогда, после суда, когда я уходил в Шлисс. могилу, не завидовал ему, а теперь я его жалею от всей души.

Итак, не жалейте меня, завидуйте мне: я счастливейший из смертных. Пусть идут зимние вьюги, ледяные оковы, зимний гнет. Я живу для весны, для будущего. Да здравствует весна! Да здравствуют тепло, свет, правда и справедливость.. Я чувствую, мое сердце велико и охватывает всех, кому нужны любовь и сочувствие. Все страждущие — мои друзья, мои родные, мои братья. У меня много горя, но много радостей. Я всем своим существом слился, спаян с моим народом... Да здравствует мой брат, моя мать, моя невеста — моя родина.

А вы, мои родные по крови, будьте счастливы, насколько можете. Из-за мрачного настоящего не теряйте из виду светлого будущего.

Живите, будьте здоровы, не падайте духом. Вспоминайте обо мне с любовью, но без слез, точно так же, как я вас вспоминаю. Друзьям всем: тетушкам, сестричкам, Ване, Кельс, горячий привет. Целую, обнимаю всех вас, отец, мама, брат, Люба и детишки в особицу.

Любящий вас Е.

Радуйтесь вместе с нами: Спиридонова поправляется не по дням, а по часам. Прекратились бред, кровохарканье, повышения температуры. Появилась сила, светлое настроение. Мы верим в скорое выздоровление. Друзья мои шлют вам привет. Прилагаю снимки — 3 шт.

XXV.

5 сентября.

Акатуй.

Привет! Здоров. Целую.

XXVI.

Для Акил. Лог.

17 сентября.

Мне посчастливилось: в течение одной недели получил письмо от папы и целых два от тебя. Я рад, дорогая. Теперь так мало радостного на свете. Каждый день приносит все более и более тяжелые вести. Нет конца страшной борьбе. Измученный, истекающий кровью народ обречен на погибель. Он должен бороться, бороться, если не хочет сам себе подписать смертный приговор. Он должен б о р о т ь с я подобно человеку, к горлу которого приставлен нож, ежесекундно готовый вонзиться в живое мясо. Бороться, бороться! Душно жить, нельзя жить в таких условиях... Мама! молись за тех, кто борется, молись, чтоб сильна и метка была рука их. Не плачь о тех, которые погибают в борьбе: они сами идут на смерть, чтоб другим дать свободу жить. Плачь и молись за тех, кто является невинною жертвой обезумевших, потерявших совесть, стыд, все человеческие чувства извергов. Плачь по народе, по его великим бессмертным страданиям, по его беспомощности, бессилии восстать и стряхнуть с себя палачей... Нет у народа сил постоять за себя... еще требуются иные, кто бы защитил его.

Но, дорогая, плача по страданиям, не теряй надежды на их конец, на светлое будущее, которое несомненно настанет. Может быть, мы до него и не доживем, но не все ли равно? Разве плохо, если из наших маленьких страданий расцветут, как цветы на могиле, яркие, пышные цветы всеобщего счастья, мира, успокоения? Разве не радостно будет, когда к нашим могилам будут приходить счастливые, веселые дети народа и станут любоваться на роскошные цветы, распустившиеся на наших могилах? Нам будет так радостно в наших могилах от сознания, что дети народа больше не страдают, что они могут мирно наслаждаться ласками матерей, могут мирно, честно и радостно работать для всеобщего счастья... Ах, как радостно будет нам отдыхать в могилах с мыслью, что мы за них, за детей народа, отстрадали...

Дорогая! — в своих печалях никогда не забывай, что ты болеешь одною болью вместе с миллионами русских матерей. Не забывай же чужих печалей и не предавайся слишком своей. Я бы очень, очень желал, чтобы тебе прочли в июльской книжке «Былого» «Годы скорби». Ты познакомилась бы с великою скорбью другой матери [1].

[1] С. А. Савинковой, матери Б. В. Савинкова.

Я рад вашим письмам. Странно и непонятно, почему это ты извиняешься, что мож. б. ты пишешь мне в своих письмах «не так», ... да еще высказываешь опасение, как бы не обидеть меня. Бог знает, откуда приходят тебе такие мысли. Я рад каждой твоей строчке... эта радость могла бы омрачиться только в одном случае: если бы ты вздумала хулить мою святыню. Но я знаю, насколько ты далека от этого. Поэтому, пиши, не стесняясь, все, что тебе бог на душу пошлет. Я рад, что все вы пока живы, здоровы. Мы здесь тоже здоровы, живем по-старому. Дорогие! — простите, может быть я затруднил вас. Прося у вас денег в прежних письмах, ведь я предупреждал, что сам я ни в чем не нуждаюсь, а наш монастырь нуждается; поэтому-то я и писал, чтобы вы присылали денег, но не из своих средств — личных средств на это нехватило бы и я не решился бы обратиться с такою просьбою — я просил о деньгах, которые могли бы собраться среди людей, признающих своею обязанностью помогать тем, кто борется... А мне денег не надо, не присылайте. Зато вы хорошо сделаете, если пришлете мне то, о чем я просил вас телеграммой: теплые, зимние вещи. Здесь уже настала зима, самая настоящая. Мы не можем надивиться, что так рано. Снегом заносит наши последние надежды на скорое свидание с вами... Но за зимой придет весна и надежды расцветут. Удивительно, откуда вы почерпаете слухи о нас. Никакого манифеста не применяли. Гр. сидит со мной, а Петрусю еще далеко до поселения, и т а к до весны!..

Нет ничего удивительного, если письма иногда опаздывают на несколько дней: иногда отправляем с оказией, выходят невольные задержки. Если будете посылать сюда посылку, то делайте так: посылайте на станцию Борзю (Сиб. ж. д.), а накладную (на пред'явителя) мне по обыкновенному адресу, т.-е. прямо мне в Акатуй. Старый адрес скоро будет недействителен. — До свидания, мои дорогие. Целую вас, мама, брат и детишек. Всем привет. Е.

XXVII.

26 сентября.

Привет! Здоров. Все по-старому. Целую, обнимаю. Е.

XXVIII.

2 октября.

Как поживаете, мои дорогие?

Мы — по-старому.

Была зима. Со снегом, с морозами. И вдруг опять тепло. Славная, ясная осень. Как в Уфе.

Все-таки пора запасаться на зиму. Глупо сделали, что не привезли теплых вещей с собою. Теперь жду вашей посылки. Получили ли мою телеграмму? Если нет, повторяю просьбу. Нужно:

Две романовских шубы, одну для меня, другую для товарища, на средний рост; валенки или бурки — трое мужских и четыре женских... Шапок теплых — три и перчаток вязанных с десяток.

Если все уже послано, тем лучше. Если не послано, присылайте скорее.

Не помню хорошенько содержания телеграммы. Может быть, там сказано было несколько иначе. Не беда, вторично не присылайте.

Кстати, если не послано, прибавьте еще банных мочалок (не волосяных), мыла марсельского и зубного порошку. Выписывать из Читы обойдется немного дешевле. Да там ничего не найдешь. Имейте в виду комплект на 10 человек.

Вот и все, в чем нуждаемся. Не присылайте ненужных вещей. Недавно Петрусь получил от своей матери ящик сластей. Вот — сумасшествие! Не подражайте этому дурному примеру.

Нас забывают мало-по-малу. Прекращается приток средств, и скоро придется положить зубы на полку. Видно, не до нас теперь. Ну, да как-нибудь просуществуем и на казенном.

Дорогая мама. Обо мне и о моих близких друзьях не беспокойся. Нам не хуже других и в общем всегда выходило, что лучше.

Мы бодры и здоровы. Пока все хорошо и все еще есть.

Чувствую себя крепко, как на зимних квартирах. Усиленно учимся, занимаемся, чтобы, когда вернемся к жизни, не остаться позади требований, которые жизнь пред'явит нам... Удастся ли подготовиться к этому, неизвестно. Но мы стараемся не терять времени.

Время летит незаметно.

Маруся [1] оправилась. И теперь она такой же товарищ, как остальные. Не приходится в отношении к ней бояться каждого жеста и слова.

Что о ней появляется в газетах, не верьте. Все ерунда. Газетам, очевидно, выгодно трепать ее имя. Доходят до того, что сочиняют за нее письма. Безобразие.

Вооружитесь терпением и ждите. Будьте так же бодры и спокойны, как мы. Дорогая мамочка! — будь зодорова. Привет всем дорогим, всех целую. Друзья приветствуют.

Любящий вас Е.

[1] М. А. Спиридонова.

Недавно получил от Вани письмо и ответил ему. Ничего, пусть продолжает свою академию. Только бы не переставал быть порядочным человеком. Остальное все приложится.

Как здоровье Зиночки после операции? Учатся ли девицы?

Задним числом поздравляю Зиночку с ангелом. И конечно желаю ей всего прекрасного. Сначала веселого, беззаботного детства. Потом — сделаться умною, хорошей девушкой.

Тебя, мама, поздравляю с именинником — ведь скоро папа именинник.

Куда вы девали Поповых и скоро ли разделаетесь с перестройкой старого дома?

Бедный брат! Глотаешь пыль от перетряски старой рухляди. От души жалею тебя. Привет всем. Кланяйтесь Ивану Ивановичу, приласкайте его.

Чтобы вы могли следить за моей аккуратностью, начиная с этого письма, я буду обозначать их номерами. Открыткам особый счет.

Итак — письмо № 1.

XXIX.

3 октября.

Дорогой, уважаемый отец!

Спешу принести вам мое поздравление с днем вашего ангела и мои душевные пожелания — чего? — всего, всего, что только может принести вам счастье, спокойствие, удовлетворение . . .

Желаю, чтобы вы жили долго, долго, пока и нам улыбнется судьба.

Целую и обнимаю вас горячо, от всего сердца.

Как живете? Скоро ли на отдых, в Уфу на новоселье? Все ли благополучно сделали?

У нас пока по-старому. Сидим у моря и ждем погоды. Ничего, что, пожалуй, еще долгонько ждать. Мы люди летами молодые, а терпением старые, богатые.

Учимся. Желаем сделаться полезными гражданами будущего нового государства . . . Благо, книг достаточно.

Скоро, очевидно, законопатят нас по-зимнему. С четырех часов будем под замком и времени в распоряжении будет еще больше.

Прикатила, было, в начале сентября зима, да, видно, устыдилась, что так рано . . . И опять удалилась. Теперь — ясная, совсем уфимская осень. Без дождей.

Мы все здоровы и бодры. Мои друзья шлют вам привет.

Итак, всего самого лучшего.

Любящий вас Егор.

Крестной, дяде Кириллу и всем знакомым привет.

XXX.

10 октября.

Привет вам, мои дорогие! С прошлою почтою получил от вас телеграмму с очевидно искаженным текстом. Что-то послано, не то 28, не то не 28. Ничего не понял. Думаю, это посланы меховые вещи и буду ждать их. — В субботу послал папе телеграмму. Если не получит, не по моей вине.

Все по-старому. Живы, здоровы. Радости впереди. Не теряйте веры. — Обнимаю мамочку и всех милых. Пишите.

Любящий вас Е.

Можно ли поздравить вас с новосельем?

XXXI

13 октября.

Дорогая мамочка! Спешу поделиться с вами великою радостью, которая выпала на долю акатуевских узников. Наша гордость, наш дорогой Григорий Андреевич [1] сегодня вдруг не оказался при вечерней поверке; как, что такое? — об этом, конечно, не нам знать, а кому следовает, т.-е., начальству . . . Бедное начальство, только бы ему не захворать от огорченья . . . Желаю нашим друзьям там наверху, разным Трусевичам [2] и Столыпиным, не особенно свирепствовать с досады. Дорогая, порадуйся вместе с нами — не все-то тебе плакать, да горевать. И молись за здоровье раба божия Григория, да здравствует на счастье народа . . . Обнимаю всех горячо.

любящий вас Е г о р [3].

XXXII.

14 октября.

Вчера уже послана вам открытка с извещением о побеге Герш. Но, вероятно, ее перехватят. Поэтому напишу подробнее.

За время нашего пребывания здесь у нас сменились уже 4 начальника. Мы застали здесь привольную жизнь. Не чув-

[1] Гершуни. Подробности его побега см. в его воспоминаниях «Мой побег» в Сбор. статей, издан. «Наша Мысль», № 1, Петерб. 1907 г., а также в книге *Гершуни* «Из недавнего прошлого». Изд. 1907 г.

[2] Трусевич — директор департамента полиции.

[3] Открытка со штемпелем начальника Акатуевской тюрьмы.

ствовалось тюрьмы. Дошло до того, что ежедневно половина тюрьмы уходила в горы и без всякой охраны, только на честное слово. С утра до вечера у нас в тюрьме торчали жены семейных, могли даже почти ночевать ... Сообщение с волей, пронос всяких вещей были, конечно, вполне свободны ... И, конечно, вышли безобразия. Мы заранее знали, что в нашей публике, среди сотни новоиспеченных революционеров, которые даже, может быть, и о революции-то никогда не мечтали, найдется много таких, которым наплевать на всякое честное слово. Поэтому мы ни разу не приняли участия в льготах и сидели в стенах. Между тем произошло то, чего следовало ожидать. Бежал сначала один, нарушивши слово. Начальника прогнали. Прислали нового офицера, бывшего на войне... Мы ожидали репрессий. И он на первых шагах хвалился, что при нем все будет смирно. Мы приготовились бороться, но бороться не пришлось, потому что вскоре оказалось, что бравый капитан только на словах храбр, а на самом деле — пьяница, человек взбалмошный, которого забрать в руки ничего не стоит ... При нем-то и началась потеха. Люди гуртом побежали из тюрьмы ... Происходило нарушение слова одно за другим, а капитан продолжал пить и пускать на слово ... Только Мельник. с Окунц. ушли в это время честно. В конце-концов капитана сместили и отдали под суд ... На смену прислали старика, который чуть не 20 лет прослужил в каторжной администрации... Тут мы опять ждали прижимок. Но ничего худого не случилось, только холостых перестали пускать на честное слово. А женатых пускали. И женатые надули. За это отдали под суд начальника и его помощника. Прислали, наконец, четвертого, бывшего помощника на Сахалине [1]. Старая собака. И этот сразу поворотил вкрутую ... Всякие выпуски из тюрьмы прекратил. Жен в тюрьму пускать перестал. Но, что касается внутренних порядков, то они попрежнему остались хорошими, т.-е. начальство во внутреннюю жизнь тюрьмы не вмешивалось. Мы радовались таким переменам, потому что прекратилась возможность для нарушений слова, что является сущим безобразием для всякого политического и вообще пятнает честь революции. Можно было теперь вести дело освобождения на чистый манер. И повели. За последнее время обнаружено три неудавшихся подкопа. Было тяжело. Но наконец-то мы вознаграждены, да еще так, что теперь можем удовлетвориться и посидеть спокойно лишний годик. Так или иначе с 13 октября наш Григ. Андр. на воле. Еще не окончательно в безопасности, но хочется верить, что не провалится то, что так блестяще началось. Вышло так.

[1] Зубковский.

В 6 час. вечера 13 окт., во время вечерней поверки, я и мой сожитель Сидорчук [1] сидели в своей библиотеке [2] и вели громкий и интересный разговор о погоде. На койке Григ. Андр. лежало нечто до того отвратительное, что становилось жутко... Растворяется дверь в нашу камеру и через порог заглядывает старший надзиратель. «Все дома?» — спрашивает он. Мы продолжаем спорить и мимоходом отвечаем: «все». Дверь захлопывается и запирается... Мы с Сид. с торжеством принимаемся за чай, то и дело призывая «Григория Андр.» выпить чайку... Уже прошло полчаса. Мы готовы поверить в полный успех. Как вдруг снова открывается дверь и входит надзиратель... Прямо к койке Герш., смотрит на нечто и спрашивает: «кто это тут лежит?» Я отвечаю: «Герш.». — «Хорош Герш., нечего сказать» и выходит оповестить администрацию о странной находке... Суматоха... Тюрьма моментально узнала о новости. Гогочет от восторга. А начальство бросилось в деревню, в Акатуй... Оцепили войсками всю окрестность, перерыли все сундуки у баб, заглядывали в подполья, в погреба, на сеновалы, даже в кринки с молоком — все искали Герш. Какой-то солдат сболтнул, что он видел Герш. вечером около деревни... Начальник был в полной уверенности, что захватит беглеца еще по свежим следам. Разослал гонцов по всем дорогам. Только утром на следующий день вспомнили, что вчера утром вывезли из тюрьмы в погреб бочку с капустой... Бросились в погреб и увидели: большая бочка, наполненная до половины капустой... Порылись в капусте и нашли гутаперчевую трубку, ввинченную в дно. На этом основании предполагают, что Григ. Андр. вынесли в этой самой капусте. А чтобы ему можно было дышать, и была проведена трубочка в рот. Вишь, как хитро, если правда... Тут только начальник вспомнил, что впопыхах он позабыл телеграфировать губернатору и по железным дорогам.

Таким образом, в распоряжении беглеца оказалось свободных 24 часа, и можно надеяться, что все закончится благополучно...

Начальник рвет и мечет, а мы злорадствуем [3]. Нет, серьезно, вся тюрьма отнеслась с самой искренней радостью, как-

[1] Сидорчук Петр, член боевой дружины волынского комитета партии с.-р., 24 апреля 1905 г. в Житомире убил входновителя еврейского погрома пристава Куярова. Киевским военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Отбывал наказание в Акатуе и Зерентуе вместе с Созоновым. В конце 1910 г. вышел на поселение и бежал за границу в Италию. 1 июня 1911 г. утонул, купаясь в море, в местечке Кави. О нем см. «Революционная Россия» 1905 г., № 73, корреспонденция из Житомира; письмо в редакцию прис. поверенных Вакара и Гольденвейзера, «Право», 1905 г., № 30 и некролог в «Знамени Труда», 1911 г., № 37.

[2] Созонов был тюремным библиотекарем.

[3] Зачеркнуто «за его усердие».

будто признает всю громадную важность события. Начальник сказал: «Ушел только один человек, но он стоит пол тюрьмы». Неправда — целой тюрьмы, даже неизмеримо больше.

Что за сим последует, неизвестно. Весьма вероятно, что и этот начальник полетит туда же, куда улетели его предшественники, и к нам пригласят еще более ретивое начальство. Пускай теперь... Теперь на все согласен. Если будет прижим, то ненадолго, до первой оттепели там у вас, на воле...

Дорогая мамочка! Порадуйся с нами. Для нас это великий праздник.

Сегодня получил ваше письмо с накладной. Спасибо за весточку и за вещи. Вперед уверен, что все будет как нельзя лучше. Будет нам всем тепло здесь, и мы будем с благодарностью вспоминать вас.

Вещи как-раз кстати — вчера началась настоящая зима с 15° морозцами.

Дорогие мои! Нужда заставляет меня снова обращаться к вашей помощи. Мы поиздержались и скоро останемся на бобах. Если можете, присылайте мне ежемесячно рублей 15—20. Не сразу, а ежемесячно. На это есть свои резоны. Итак, мои хорошие, мы остаемся здоровы, бодры и в самом радужном настроении, чего и вам желаем. Дорогая мама, не хворай, не грусти, не ленись и пиши почаще. Хоть открытками. Не пишите больше по прежнему адресу, пишите прямо мне, я уже писал раз об этом.

Обнимаю тебя, мамочка, всех детишек, сестренок, всех, всех... Всем привет горячий.

Это письмо свозите показать Володе и всем, кому еще интересно. Всего лучшего. Любящий вас Егор.

Вместо Г. А. с нами поселился Петрусь.

XXXIII.

21/24 октября.

Дорогая мамочка, поздравь меня, я теперь могу быть маляром. С того дня, как мы расстались с Г. А. и к нам перешел новый сожитель, Петрусь, мы занимались приведением нашей хаты на зимнее положение: замазывали щели глиной, штукатурили, белили. Работы было с утра до вечера на 3 дня. Выбились из сил, доработались до мозолей. Зато наша комната приняла чистенький, довольно уютный вид. И тепло, как у вас в комнатах. И подумай, все это дело рук наших. Но, главное, за работой мы незаметно провели первые и самые тяжелые дни разлуки. Разлука чувствуется сильно. Теперь надо заниматься, заниматься, учиться, учиться. Дорогая, будь

здорова и бодра. Я — как нельзя лучше. Привет всем, всех обнимаю. Е г о р.

Посылку еще не получил. Благодаря случайности, опоздал еще на одну почту. Привет.

XXXIV.

Для А. Л.

28 октября.

Надеюсь, вы все в добром здравии, дорогая мамочка! А у нас, к великому сожалению, не все: наша Маруся последние дни опять что-то дурно себя чувствует — кровохаркание, обмороки. Как видно, ее здоровье, несмотря на хороший наружный вид, хрупко и ненадежно... Грустно в такие скверные минуты, помочь ничем нельзя. И вот, когда ее положение принимает опять угрожающий характер, я снова обращаюсь к вам с просьбой: присылайте денег. Не сразу много, но все-таки не так мало в месяц, как я прежде писал. Присылайте рублей по 25—30 ежемесячно. Надеюсь, это не затруднит вас особенно. Скоро наша община прогорит совершенно. Средства не притекают, а народу все прибывает. На-днях еще пришло 30 чел. владивостокских солдат, т. ч. вся наша обитель битком набита. Подумайте, 160 чел. там, где полагается 80—100. И еще конца не предвидится. В библиотеке нас теперь четверо. Кроме Петруся к нам поселился еще один товарищ, с.-р., кавказец Прошьян [1]. Парень хороший.

О Г. А. пока ни слуху, ни духу. Может быть это хорошо. Все начинает входить в норму, начальство мало-по-малу успокоилось. И все по-старому. Начальника, повидимому, не сменят. Пострадал только один надзиратель, привратник, дежуривший у ворот в момент, когда вывозили бочку с капустой.

Вещей ваших пока еще нет. Должно быть, в дороге.

Ах, как нам нужны книги, если бы вы знали, а книг мало. Я обвиняю тебя, брат, и всех друзей за халатность. Чего вы не добьетесь, чтобы либеральные книгоиздательства снабжали нас книгами. Какие книги? да всякие, хорошие и старые, и новые, научные и научно-популярные, — по всем отраслям. У нас самый разнообразный состав публики, и всякому нужна своя книга... Неужели не найдется столько порядочности у этих филантропов, мечтающих о народном просвещении, чтобы хотя Акатуй-то обставить как следует... Прямо возмутительно.

[1] Прош Прошьян. См. о нем статьи *М. Спиридоновой* в «Каторге и Ссылке» за 1924 г., № 2 и 1925 г., № 2.

А про физическое голодание мы не смеем уже говорить... Вот теперь назначили по 1 р. 50 коп. ежемесячно на человека. И на это покупай все, что знаешь: чай, сахар, марки. А еда — это мясные щи один раз ежедневно и черного хлеба 2 фунта.

Неужели нельзя делать сборов в Уфе? Обратитесь к Володе. А пока всего лучшего. Обнимаю вас.

Егор.

XXXV.

30 октября.

Дорогая мамочка! Обращаюсь к тебе с просьбами. Если не очень затруднительно, устрой. Во-первых, ты должна вспомнить слова Христа, обращенные к тем, кто стоял одесную: «Я наг был и вы одели меня».

Мы наги. Т.-е., не я, собственно, но это все равно. Среди полутораста человек здешних товарищей громадное большинство не имеет и не имеет надежды завести белья. Мне пришла в голову мысль, что в ваших краях за дешевую цену можно достать холст и крестьянские самотканые изделия для рубах и остального белья. Если это действительно так, то купи, мамочка, несколько кусков холста и пестряди и пришли для нас. Будем чрезвычайно рады. Теперь посылать следует посылкой по почте или, если по жел. дор., то не на станцию Борзю, а на Сретенск, п. ч. сообщение с Борзей зимою у нас почти прерывается. Из Сретенска же к нам ежемесячно присылают товар для нашей лавочки. Поэтому, в случае посылки, вы посылайте... в Сретенск на имя Лукина.

В письме об'ясните, что посылка предназначается для меня.

Вторая просьба: среди нас много людей, которые очень желают учиться. Нужны учебники, а взять негде. Обратись к знакомым гимназистам, чтобы они собрали все им ненужное, и пришли нам. По всем предметам, кроме древних языков.

И третья, собственно не просьба, а подтверждение прежней просьбы. Сегодня я вам отправляю телеграмму о присылке 50 рублей. Эта телеграмма вызывается тем, что когда я несколько времени тому назад писал вам о присылке ежемесячного жалованья, я как-то не сообразил, что результаты просьбы могут быть не раньше, чем через полтора месяца. А деньги, между тем, уже нужны. Пришлось телеграфировать, чтобы расплатиться с долгами за этот месяц и не задолжать на следующий. Простите за надоедливость. Всем горячий привет. Обнимаю дорогих... А холст и пестрядь пришли, если не накладно. Шить не надо.

Любящий вас Егор.

XXXVI.

11 ноября.

Где вас искать своим письмом, мои дорогие? Дома ли в Уфе, или же в Саратове? Пишу туда и сюда. Ваши письма получил. Рад вашему здоровью. В своих письмах, адресованных в Уфу, я просил вас о присылке мне нескольких кусков холста и крестьянских тканей для белья. Наша обитель страдает наготой и нуждается в дешевом, крепком и немарком белье. Придумали, что самым лучшим материалом для этого могут служить крестьянские изделия. В ваших местах купить эти вещи не дорого. Купите же и пришлите почтой. Петрусь тоже написал своей старухе об этом.

У нас форменная зима. Ежедневные морозы в 25°. Бывает и за 30°. Но наша публика, должно быть, оклиматизировалась. В своей бедной одежонке безопасно и с удовольствием совершает часовые прогулки по морозу. То-то молодость и здоровье! Верьте же в нас и в будущее. Обнимаю вас.

Ваш Егор.

XXXVII.

12 ноября.

Из моих желаний писать вам исправно, кажется, ничего не выходит: то пишу по два раза в неделю, то не берусь за перо по целой неделе. В нашем положении люди становятся капризными. За днями напряженной энергии и жизнерадостного веселья наступает период пониженного настроения, когда всякое дело валится из рук. Знаешь, что небрежное отношение к письмам больно отзывается на те(х), для кого письма от нас являются единственным признаком того, что мы еще живы, и все-таки ничего не можешь подела(ть) с собой: лежишь, как истукан.

Дорогие мои! Вы теперь, судя по вашим последним письмам, должны быть в Саратове, все вкупе. Я всегда заочно радуюсь, когда знаю, что вы наслаждаетесь счастьем быть всем вместе. Какое громадное пространство между нами. И если бы только поверхностное. Но ведь и между нами, нашими сердцами день за днем строится высокая стена. Вы живете своею жизнью, у вас свои заботы, свои интересы. Я могу судить о них, только усиленно напрягая воображение. Там у вас новый дом, торговля, дети. Как все это далеко . . .

А для меня теперь не существует новых домов, с в о и х д о м о в, торговли, семьи. Весь мир наполнен горем, кровью, стонами.

Но об этом будет. Мы молоды и живы. День за днем нанизывается цепь, которая тянется к будущему. Мы почти не замечаем этой длинной вереницы дней. Встаешь в 7 час., сверкает морозное утро, оно гонит поскорее приступить к отбыванию ежедневной повинности. Прибираешь свою камеру, пьешь чай. С 9 до 12 чем-нибудь занимаешься: читаешь, пишешь или просто бьешь баклуши. В 12 обед, по звонку, как в тюрьме или на фабрике. После обеда чай. Обыкновенно приходят гости, товарищи из других камер.

Много шуму, много болтовни. Снаружи веселье, а внутри кошки скребут: ведь все мы молодые, полные сил, заброшены сюда, как отбросы в яму, тогда как там, за краями нашей ямы, измученная жизнь бьется в судорогах, рождая новое. А мы принуждены сидеть в яме, занимаясь пустяками.

Так проходит время до 2 час. В 2 я начинаю отправлять свои обязанности библиотекаря. Кончаю в 4, когда наша публика выходит на наш «Невский проспект». Это двор вокруг тюрьмы. С 4 до 5, когда зимний день уже побледнел, мороз крепнет. Но наша публика не боится 25°—32° морозов. Здесь их бояться не приходится, потому что это — ежедневное явление. Волна в 150 чел. заливает «Невский проспект». Шубы, летние пиджачки, арестантские армяки — у кого что есть. Над веселой толпой, быстро поскрипывающей по мерзлому снегу, висит пар дыхания и шум голосов, смеха... Совсем, как на Центральной улице нашей богоспасаемой Уфы. Иногда примутся в снежки: кто боится тумаков и снежной канонады, тот лучше и не показывайся в такой момент. В 5 час. поверка, запирают камеры. Мы, четверо, пьем вечерний чай и затем до 10—12 час. молчим и усердно занимаемся каждый своим делом. Когда ложишься в постель, в душе остается неприятный осадок: вот еще один бесцельно проведенный день, тогда как на воле...

Еще полтора месяца — время достаточное, чтобы только раз обменяться с вами письмом, и вы будете праздновать рождество, новый год.

У нас так мало разнообразия, что мы ничего не имели бы против, если бы наши родные прислали нам чего-нибудь, чем добрые люди знаменуют святки. Но это не должно быть очень прихотливо, и затем надо помнить, что нас свыше 150 чел. Впрочем, это может быть уже роскошь, так как у нашей публики нет самого необходимого: белья, книг и т. д., о чем я уже докучал вам. Мне совестно, но общественная нужда заставляет быть нахальным. Поэтому, извиняясь за упоминание о рождественских прихотях, я настоятельно прошу о присылке холста, пестряди на белье, потому что эти вещи более всего

подходят по своей крепости, дешевизне и немаркости к нашим потребностям. Затем — книг, книг и книг.

Ваше последнее письмо было адресовано почему-то не на меня, как я уже просил вас. Должно быть, вы не получили моего письма, в котором говорилось, чтобы вы больше не писали прежнему адресату. Имейте же это в виду. Будьте здоровы, мои дорогие. Обнимаю вас, мамочка, брат, тетушка, сестренок, детишек и всех, всех.

Любящий вас Егор.

XXXVIII.

19 ноября.

Дорогие мои, благодарю за деньги. Ваша щедрость равносильна вашей любви.

Вместе с приветом и всякими пожелания(ми) посылаю два снимка, с кого — думаю, не требуется об'яснений.

Мы пока живы, здоровы, а что будет впредь, на то божья воля. Во всяком случае обнимаю и горячо целую дорогого отца, милую, хорошую мамочку, брата, сестренок, тетушек и всех, всех.

Любящий вас Егор.

XXXIX.

1 декабря.

Привет дорогой мамочке. От матери Петруся я получил письмо, в котором она очень жалуется на тебя за то, что ты совсем позабыла ее, даже не отвечаешь на ее письма. Почему ты так холодно относишься к ней? Она так одинока без близких людей, и ей, вероятно, приходится еще тоскливее, чем тебе. К вам ко всем она очень расположена, совсем по-родственному. Но, говорит, насильно мил, видно, не будешь. Удели ей, мамочка, хоть капельку твоего сочувствия, напиши ей. Ведь пишет же ей тетушка М. С., и старуха рада.

Милая тетушка! Она столько доброты выказывает и ко мне... Я получаю от нее книги. Столько хлопот. Дорогая мамочка! Будь так же здорова, как и я... Пиши... Желаю мирных, безоблачных праздников. Привет всем дорогим. Обнимаю тебя, папу, брата.

Егор.

XL.

15 декабря.

Дорогие мои! Вероятно будет уже спустя лето ходить по дрова, если я поздравлю вас сейчас с праздниками, с новым годом. Пусть так: из этого опоздания на письме не следует, что я запоздал в душе. Все праздники душою я буду вместе с вами, буду целовать вас и желать вам всего, что вы могли бы

назвать своим счастьем. Не знаю, куда писать тетушке М. С. и Ване. Где они будут праздновать? Поэтому прошу вас передать Ване мои поручения относительно книг.

Передайте ему, что по моей просьбе нам сюда выслали бесплатно книги издательства Гранат (Москва), Общественная Польза, Дело и Комиссионер (Петербург). Раз присланные книги вторично присылать, конечно, не надо.

Привет вам, дорогие: мама, папа, брат, тетушки, Ваня и сестренки. Привет Любе с детишками.

Любящий вас Егор.

XLI.

16 декабря.

Дорогая мамочка!

Вероятно я доставил тебе немало беспокойства тем, что последнее время пишу лениво. Не беспокойся, родная, ничего особенного со мной не случилось. Я жив, здоров и бодр по-прежнему и попрежнему горячо люблю всех вас, а тебя, милая, родная, люблю бесконечно. Мне очень тяжело, что между мной и папой, или, лучше сказать, между моими и его взглядами вышло некоторое трение. Я не мог не написать ему того письма, которое написал, но из этого вовсе не следует, что я стал меньше любить его. Нисколько. Только больно, что у нас с ним нет такого взаимного понимания, как у меня с тобою. Между мной и тобою расстилается чистое, безоблачное небо. Ты никогда не подумаешь обо мне ничего дурного, не усумнишься в чистоте моих намерений и в силе моей любви к тебе. Это ты доказала тем, что, не зная причин, которые заставили меня обречь тебя на страдания, ты сердцем поняла меня и оправдала меня. Я убежден, ты никогда не стыдилась меня.

Итак, бесценная мамочка, не сомневайся в моих чувствах и не особенно упрекай меня, когда иной раз я позволю себе небрежно отнестись к своим обязанностям твоего корреспондента.

Мамуся! Не сердишься ли ты на нас с Маней [1] за то, что она как бы украдкой уехала, не сказавши тебе? Пойми, иначе было нельзя... Я уверен, ты поймешь. Если бы можно было всегда поступить так, как требует сердце!

Дорогая! Я слышал, ты собираешься весной навестить меня. Не знаю, что посоветовать тебе. Об этом еще рано говорить, многое может измениться к тому времени. Прошу тебя только об одном, не строй себе иллюзий относительно

[1] М. А. Прокофьева.

здешних условий. Все, что было раньше и что действительно могло соблазнить тебя, все это прошло. И теперь дело обстоит так, что приехать-то ты приедешь и свиданье можешь получить, но жить тебе здесь нельзя, и не только жить, а даже и переночевать в деревне нельзя... И это после того, как тебе пришлось бы проехать верст 200 на лошадях... Такое издевательство над тобой было бы для меня невыносимо. Но об этом рано еще говорить. Подождем — увидим.

Но не приходи и в отчаяние за нас. Ничего худого у нас не случилось... Конечно, сравнительно с тем, что было здесь летом, теперь стало хуже... Но ведь чего же и спрашивать с тюрьмы? Разве надолго может сохраниться такой порядок, какой был?.. То была дача, а не тюрьма. Да и теперь все еще лучше, чем было, напр., в Москве... Никаких стеснений во внутреннем распорядке нет... мы внутри стен живем сами по себе, сами себе пишем законы. Значит, особенно плакаться нечего. Одно плохо, ежедневно видеть, как люди полуголодают. Но исправить эту беду зависит от вас, наших родных и друзей. Как вы сами никогда не забываете о нас, так должны вы и других заставлять постоянно помнить о нас... Да и в этом отношении наши делишки, кажется, начинают направляться. Книжный вопрос тоже улаживается. На мои просьбы, с которыми я полтора месяца тому назад обратился во все прогрессивные книгоиздательства, я на-днях получил целую кучу книг, рублей на 100. И все задаром. И не только книг, даже прислали роскошные гравюры. Кроме того, и Маня с Ваней очень хорошо заботятся о нас.

Видишь, как все хорошо. Рождество мы проведем почеловечески. Наша милая, добрая т е т у ш к а из Читы прислала нам 200 руб. на «елку» [1]. Вся наша община отпразднует теперь, как следует... Кстати, эта тетушка на-днях едет в Москву к своей дочери. Она намерена навестить тебя по дороге. Дорогая мамуся! прими ее так любовно и так горячо, насколько ты только можешь. Ничего удивительного нет, что ты и родные любите меня и заботитесь о нас. Но, чтобы так полюбил чужой человек, как она полюбила всех нас, для этого нужно быть святым человеком... Мамочка! если только ты не постараешься хоть отчасти своим вниманием отплатить ей за меня и всех нас, я просто разочаруюсь в тебе... Нам никогда, никогда в жизни не отплатить ей за ее любовь. Она — наш здешний ангел-хранитель. Умоляю тебя, мамочка, обрати на это самое сильное внимание. Напиши об этом и тетушке М. С., что и ее я умоляю выказать по отношению к нашей тетушке

[1] А. В. Диковская-Якимова, член партии «Народная Воля», проживая в Чите, организовала посылку денег и книг политкаторжанам.

все сокровища своего сердца. Не зная, где они будут проводить святки, я пока не пишу им. Итак, мамочка, и все вы, мои родные, я верю, что все вы окажетесь на высоте вашего призвания. Приласкайте же тетушку. Нельзя ли ей в Москве устроиться у наших? Все, как есть все, теплые вещи получены в целости и сохранности. Как все полезно и хорошо. Спасибо за рубашки и фланель: на всех братьев и всех сестер хватило. Милые, дорогие! Уже поздно желать вам новогоднего счастья, мое письмо опоздает. Но знайте, где бы я ни был и что бы со мной ни случилось, сердцем я всегда с вами и в горе и в радости. Обнимаю все(х) вас крепко и горячо тебя, мамочка, папу, брата, тетушек, Ваню, сестренок, Любу с девчатами и Кельсиных. Всем привет и лучшие пожелания.

Любящий всех вас Егор.

XLII.

29 декабря.

Мне хочется верить, моя дорогая мамочка, что мое последнее письмо дошло до вас. Не стану повторять того, что там писал.

Прежде всего, спешу успокоить тебя. Опять появились неверные слухи о нашем житье-бытье. Пишут, и как-будто со слов недавно ревизовавшего нашу тюрьму чиновника, будто у нас люди умирают с голоду, от психического расстройства, заболевают острым ревматизмам оттого, что благодаря тесноте многим приходится спать на голом каменном полу.

Не понимаем, откуда могут появлять(ся) такие слухи: они только вредят нам тем, что, изображая нашу жизнь в неверном свете, невольно заставляют думать, что у нас здесь нечто противоположное слухам, нечто в роде рая. Слухи заранее подрывают веру в известия об Акатуе, и случись теперь у нас один из тех инцидентов, которыми так богата русская жизнь, мир не узнает истины, пока не сгниют кости пострадавших и пока, значит, виновные не успеют почить на лаврах.

Пока у нас никто не умирал и не заболевал с голоду, никто еще не сходил с ума, на полу пока никто не спит, и тем более на каменном, потому что у нас во всей тюрьме деревянные полы.

Правда, у нас хроническое недоедание, часто сидят без чаю, без сахару, частенько к вечеру нехватает казенного черного хлеба (хотя, надо сказать, от такого недоедания и недопивания страдает большинство, а не более счастливое меньшинство, — увы! как и везде!!). Правда и то, что население на-

шей тюрьмы в 2 раза превышает норму, поэтому воздуху не хватает, особенно вечером и ночью, когда мы замкнуты в четырех стенах... Все это правда и правда невеселая. Только этой правды должно быть достаточно для того, чтобы порядочные люди, гуляющие на свободе, не забывали о нас и делали все, что в их силах, для заслуженного облегчения политических каторжан. Незачем еще более расписывать и без того невеселую правду.

И, повторяю, пока мы все здоровы, энергичны, бодры, жизнерадостны, почти не замечаем неудобств нашего положения, помня, что теперь на Руси немногим и очень немногим весело живется.

И мы будем до тех пор здоровы и психически нормальны (за это мы можем поручиться), пока нас намеренно не начнут сводить с ума теми способами, на которые так изобретательны и щедры хозяева жизни. О, конечно, при желании они могут добиться нашего сумасшествия, в этом-то уже надо отдать им честь и справедливость. Но тут мы уже совершенно бессильны. Тут воистину некое божеское попущение.

Но пока — пока, мамочка, нас миновал глад, мор, нашествие иноплеменников и тысяча других напастей. А посему успокойся и не придавай значения неосновательным слухам. Зачем терзаться, пока еще нет причин для терзания. Мы молоды и сильны и можем многое вынести, насколько это зависит от нас. Будем же с верою ожидать будущего. Светлое будущее не за горами, и мы доживем, непременно доживем до него, если окажемся в числе тех счастливцев, которых минует горькая чаша настоящего.

Итак, мои ненаглядные, живите себе верою и надеждою, которые должны почерпаться вами, если не из политических, то из религиозных убеждений. Будьте здоровы и по возможности спокойны. Обнимает вас, дорогие мамочка, отец, брат, тетушки, сестры и сестренки любящий вас Егор.

Одновременно пишу тетушке М. С. С наступающим новым годом.

XLIII.

Или конец декабря, или начало января 1907 г.

Дорогой отец, дорогая мамочка и вы все, мои родные! Может случиться, что это письмо вручит вам человек, который по личному опыту знает нашу здешнюю жизнь. Как непосредственный свидетель, он расскажет вам, что пока мы все живы и бодры, так что родным нашим особенно нечего беспокоиться за нас.

Дорогие мои! Что мне написать вам? О том, что дела, совершающиеся кругом, скверны и что вам от этого должно быть особенно тяжело, писать нечего. Я не стану прикрашивать действительность и не стану подавать вам ложной надежды, что мы, именно мы окажемся теми счастливцами, которых минуют ужасы и несчастия, под которыми теперь гибнут тысячи семейств... Не станем закрывать глаза на то, что, может быть, нам суждено испытать еще горшее, чем мы уже изведали. Теперь ни у кого не может быть уверенности даже в завтрашнем дне... Дорогие! Не думайте, что я это пишу в минуту отчаяния... Нет, пишу я это после долгого размышления, считая себя не в праве писать не то, что думаю. Вы знаете, что творится на воле. И в ближайшем будущем поворота к лучшему ожидать невозможно. Черносотенная дума только узаконит все совершающиеся безобразия. Но, родные мои, почему вы не держитесь тех же убеждений, что я? Как было бы легко вам тогда! Я понимаю, как должно быть тяжело, беспросветно для вас. И оттого, что вам тяжело, мне тоже тоскливо и тяжело. Я могу поставить себя в ваше положение, пережить ваши чувства, муки, ваше настроение. Но, ради бога, поставьте и вы себя в мое положение хоть на минуту. Поймите, что я и мои друзья — мы не можем считать себя несчастными от того, что исполнение наших стремлений затягивается и что мы лично, может быть, и не доживем до счастья нашей победы. Победить — счастье, но и погибнуть в борьбе за победу своего идеала—тоже великое счастье. Ах, я боюсь, что эти мои слова не найдут отклика в вашем сердце, но вы не имеете оснований сомневаться в моей искренности. Вы видели меня, когда мне еще угрожала смерть, видели и тогда, когда я расставался с вами и с жизнью, надолго, может быть навеки уходя в Шлиссельбург. Вспомните, походил ли я тогда на несчастного? Напротив, не казался ли я женихом, празднующим свою свадьбу?.. Вы, конечно, признаете, что это было так... Что же теперь изменилось, чтобы я мог чувствовать себя несчастным? Разве то, что свершилось с той поры в России, не подвинуло м о е д е л о на десятки лет вперед, разве несмотря на все теперешние ужасы, на месте России не живет новый народ, н а ш, а не и х народ?.. Мы еще не победили, но каждый день приближает нас к победе... Среди ужасов смерти и крови рождается она, наша желанная свобода... Родная моя! Разве не в муках родила ты нас? и разве ты от этого меньше любишь нас?.. Также бесконечно дорога нам наша свобода, наше дитя, которое мы создаем и родим среди мук и крови. Не жалей же нас, что мы по-своему живем ради нашего счастья, нашей свободы, нашего дитяти.

Понимаете ли вы теперь меня? Теперь вы должны понять, что если я откровенно говорю о тех несчастиях, которые могут посетить нас наравне со всеми в России, то вовсе не малодушие руководит мною. Мы готовы с твердостью все встретить и глядим судьбе в глаза прямо, не опуская взоров. Будь, что будет, а наш долг всегда остаться мужественными людьми, честными революционерами.

Дорогие! Не беспокойтесь по поводу этого письма. Оно написано не потому, чтобы нам грозила какая-нибудь опасность. Пока у нас все по-старому и благополучно. Вас могут напрасно тревожить разные слухи, которых теперь ходит такая масса. Не всякому слуху верьте, а в нашей бодрости и готовности с честью встретить всякое испытание судьбы не сомневайтесь.

Итак, мои родные, дорогие, примите мои об'ятия, поцелуи, приветы. Будьте здоровы и возможно спокойны. Не забывайте писать мне. Почему не пишет папа? Не сердится ли на меня мой милый, любимый отец? Пусть простит меня, в чем считает виноватым, забудет все плохое с моей стороны и помнит, что я горячо люблю и уважаю его. Мамочку, брата горячо прижимаю к сердцу, которое всегда полно нежной любви к ним. Пишите.

Ваш. Е. . .

Передайте Ал. Кирил., что книг я получил всего две посылки в раз. Получил еще 100 рублей. Я ожидал, что вы пришлете оставшиеся от меня книги (Тургенева, Толстого, Достоевского), а также учебники. Но увы! Ничего пока нет.

Еще раз пишу, что теперь нам можно посылать только по почте, через Ал. завод, но не через Борзю и не через Сретенск.

1907 год.

XLIV.

1 января.

С новым годом, родные, дорогие мои! Мои лучшие, сердечнейшие пожелания. Вчера получил я и Петрусь три посылки с маслом. Подарок пришел как-раз кстати, без него пришлось бы встречать новый год черным хлебом. Большое спасибо за себя и за товарищей, которые, благодаря вашей щедрости, могли все угоститься маслом. Праздники наши начались весело, но под конец омрачились тем, что 53 из наших товарищей, солдат и матросов, переводятся на-днях в Зерентуйскую тюрьму, за 180 чел. (верст?). Страшно тяжело расставаться с людьми, с которыми успел сжиться до того, что полюбил их. Они идут в неизвестность, во всяком случае, не на сладкое

житье. А большинство из них принялись было самым серьезным образом за ученье. Учителей с ними никого не пускают. Привет.

Ваш Егор.

XLV.

2 января.

Почему не пишешь, дорогая мамочка? Не знаю, получаете ли мои письма. Пишите. Будьте здоровы. Целую тебя, папу, брата и всех милых. Я пока здоров и пока у нас все благополучно. Я все ждал, что вы пришлете мне учебников и может быть остаток моей библиотеки (Тургенев и др.), но ничего нет. Привет.

Ваш Егор.

XLVI.

5 января.

Дорогая мамочка! Привет! Получил твое письмо, в котором ты пишешь о своих путешествиях и кроме того жалуешься на Агафью Филип. [1] за то, что она смущает меня несправедливыми поклепами на тебя... Я ведь только хотел обратить твое внимание и вовсе не хотел браниться. Если ты не менее виновата, чем она сама, то тем лучше: пусть уж лучше она будет виновата, чем ты. А вперед, милая, добрая мамочка, ты все-таки постарайся и пиши ей хоть изредка. Да не ругай ты ее ради бога за поклепы, не огорчай старуху, у которой совсем нет близких людей... Ты у меня добрая и благородная, не будешь за пустяки взыскивать. Будь здорова, милая мамочка. Обнимаю тебя, папу, брата и всех, всех. Третьего дня от нас ушло в Горный Зерентуй 33 чел. товарищей, так что теперь нас осталось чел. 120. Стало пусто и тоскливо. На несчастье выдались очень морозные дни, итти будет скверно. Мы, остающиеся, отдали им все, что имели теплого: шапки, чулки, а также белье. Да вряд ли это спасет их от холода.

Привет.

Люб. вас Егор.

XLVII.

11 января. Акатуй.

Привет, дорогая мамочка! Мы живы, здоровы, надеюсь, что и вы понемножку бегаете. От тетушки А. Н. и Зины получил с последнею почтою поздравительные письма. Извиняюсь, что я со своей стороны не послал им отдельных писем. Передай им, что я не сделал этого только потому, что я их не выделяю из нашей семьи и, поздравляя вас, этим самым поздравлял и их тоже. Передай им, что я благодарю их за поздравле-

[1] Карпович, мать П. В. Карповича.

ние и привет, пожелай им от моего имени всего самого лучшего, главное — здоровья Зине.

Еще раз обнимаю всех дорогих. Привет!

Любящий вас Егор.

XLVIII.

22 января.

Привет, дорогая мамочка! Почему давно не пишешь? Здорова ли? Я с своей стороны здоров и новостей для сообщения пока, слава богу, не имею, потому что современные новости очень редко радуют. По уходе двух партий наших товарищей, у нас стало невесело, и мы все еще не можем привыкнуть к пустоте, которая у нас воцарилась вместо прежнего веселого многолюдства. Через три месяца пройдет царство мороза, и к нам заглянет весна. Пришли нам, мамочка, цветочных семян. Может быть удастся развести небольшой цветник, в прошлом году был... Пишите и будьте здоровы вы, все родные, дорогие. Всем привет, всех обнимаю.

Любящий вас Егор.

XLIX.

5 февраля.

Наконец получил твое письмо, дорогая мамочка! Рад, что вы по-маленьку дышите. Я заметил, что у вас, как весной, снова возгораются надежды [1]. Очень тяжело за вас: они скоро должны потухнуть, если уже не потухли. Ближайшее будущее не сулит нам ничего хорошего. Ждать и терпеть нужно не мало. Запасемся же терпением и не станем поддаваться обманчивым надеждам, потому что твердое спокойствие лучше, чем резкие разочарования... Относительно нас слишком не беспокойтесь, вы знаете, что мы отдались своей судьбе самовольно и, значит, всегда готовы с честью встретить все, что сопряжено с нашей судьбой... Ни жалоб, ни слез, ни раскаяний... Суровая, непоколебимая вера в свое, вера, перед которой бледнеет настоящее. Итак, не беспокойтесь о нас. Будь мужественна, моя добрая, кроткая мамочка. Ты слишком много придаешь значения таким мелочам, как получение или неполучение мною посылок. Неважно, если того или другого вовсе не получу или опоздаю с получением. Впрочем, кажется, все получаю. И вещи, и масло, и тетушкины посылки. Сарпинку еще не получил, потому что еще рано. Ты, мамочка, кажется, воображаешь, что у нас здесь такие холода, что жить можно только белым медведям. Это вам, жителям теплых стран, так

[1] Надежды на поездку в Сибирь для свидания с Е. С.

холодно думать о наших морозах. А мы, сидя здесь, не замечаем их. Часто бегаешь на дворе в одном пиджаке и даже ни разу насморка не схватил и уха не отморозил. А теперь уже скоро весна — так, месяца через три. Желаю вам веселой масленицы и здорового поста. Наш казенный пост будет только на 1 и последней неделе. Зато мы всегда по-маленьку постимся, а на масленице не будем кушать блинов. Бог должен быть справедлив и не осудит нас окончательно. Желаю вам всем здоровья и бодрости, всех обнимаю. Спасибо за карточку с маленькой веселой девицей.

Любя(щий) вас Егор.

L.

19 февраля

Родная моя! Считаю обязательным для себя поскорее уведомить тебя обо всем, происшедшем у нас, чтоб сведения, полученные из газет и др. посторонних источников, не причинили тебе излишнего беспокойства.

Я уже писал тебе о давно полученном распоряжении губ-ра выслать отсюда в Мальцевскую наших женщин. Целый месяц вопрос оставался висеть в воздухе, потому что нач. Зубковский не решался лишить больных женщин той ничтожной гарантии, которая предоставляется каторжанам законом последнему уголовному мужчине. Зуб-кий все ждал приезда врача, который засвидетельствовал бы болезни.

Недели полторы тому назад сюда наезжала из управления комиссия для освидетельствования здоровых уголовных. Казенный каторжный врач Рогалев осмотрел, между прочим, и женщин и нашел здоровье Сп-вой, Ез-кой и Шк. в таком состоянии, что зимний переезд для них был прямо недопустим. И если бы это были простые уголовные бабы, конечно, после такого диагноза никакая властная рука не решилась бы послать этих баб почти на верную смерть. Но ведь то были не уголовные бабы — чего стесняться с такими людьми, как Сп-ва, Шк. . . .

Мы одно время надеялись, что инцидент благополучно исчерпан. Наивные души! У нас еще осталась крупица веры, что есть все-таки предел произволу. И, конечно, жестоко ошиблись в своей детской наивности. Всего через несколько дней после наезда комиссии во главе с помощн. начал. каторги Ивановским, 11 февр. наш начальник получил категорическое предписание завтра же отправить всех женщин, не делая исключения и больным. На случай протеста предлагалось применить все средства.

Что оставалось делать? Для всех нас казалось прямо недозволительным подчиниться дикости, посылающей на смерть

наших товарищей. Те женщины, которые чувствовали себя более или менее здоровыми, конечно, соглашались ехать, но они и мы умоляли наших больных дать нам право отстаивать их, хотя бы ценою нашей жизни. Нам удалось убедить Сп-ву и Шк. остаться. 12 утром мы скрепя сердце, попрощались с уезжавшими. Теперь оставалось ждать, что-то будет. Нач. Зубковский решился ослушаться категорического предписания, шедшего вразрез с законом, и не отправил больных.

12 ночью меня и Петруся неожиданно вызвали в женские одиночки под предлогом, что Марусе дурно. Придя, мы увидели там чиновника, который об'явил, что он командирован выслать и оставшихся женщин, чего бы это ни стоило. — «В случае беспорядков в тюрьме я прикажу стрелять». Маруся и М. М. [1] принялись умолять нас снять с них тяжелый долг сопротивляться произволу и так. образ. вызвать расстрел. Добрая мамочка! ведь твое сердце давно поняло, что наш терроризм похож на кротость агнца сравнительно с той чисто-животной, безграничной свирепостью, которою отличаются те, на кого падают наши террористические удары. Две девушки-террористки не захотели быть причиною пролития крови из-за них. А у нас, двух мужиков, нехватило силы решить вопрос вопреки воле дорогих людей. Мы кое-как собрали и одели в наше мужское платье увозимых и простились с ними среди глубокой ночной тишины. Утром уехавшие женщины ожидали, как потом оказалось, Сп. и Шк. в Алекс. зав.

На утро после кошмарной ночи настал кошмарный день. Тот же ночной герой, оказавшийся нач. Алгачинской тюрьмы Бородулиным, приступил к введению реформ. Вся тюрьма переполнилась вооруженными солдатами, послышались переговоры Бор—на с войском: «Будьте хладнокровны и стреляйте, в случае малейшего протеста — только не попадите в надзирателей — это не входит в мои планы». На глазах наших старост, собравшихся переговорить, Бородулин играл браунингом и говорил: «Моя специальность—наводить лоск по тюрьмам. Я был начальником в Алгачах, теперь здесь. Я знаю, что меня могут убить, но я не боюсь и пройду по вашим трупам»...

Вся нынешняя демонстрация грубой силы, проделанная так торжественно г. Б., оказалась, в сущности, совершенно излишней, потому что не до защиты своих ног от кандалов было людям, у которых только-что выкрали Сп-ву. Нас заковали, переодели в арестантское платье, заперли по камерам, пуская на прогулку часа на 2—3 в день. Пять дней пробыл у нас карательный начальник, а мы пережили так много, как будто прошли целые годы. Приведя тюрьму в порядок, Б.

[1] Школьник.

вчера, наконец, уехал. Пока начальство у нас остается старое и дальнейших перемен не предвидится. Но надолго ли сохранятся остатки тех удобств, которые у нас еще остались (книги, газеты), ничего определенного не скажешь.

Дорогая моя, вот и все, что произошло у нас. Если э т о пережили, значит, много у нас живучести. Все переживем, все перетерпим во имя светлого будущего. Будь поспокойнее. В эти тревожные дни нам выпала великая радость: наконец Петрусь [1], просидевший лишний год, выпущен на поселение. Сегодня его отправили на место в Баргузинский округ. В пути он пробудет около месяца. Кстати, я не закован, потому что мой кандальный срок уже кончился. Будьте здоровы. Всех обнимаю.

Любящий вас Е г о р.

LI.

27 февраля.

Мамочка, родная, здравствуй. С прошлой почтою я получил от тебя телеграмму с вопросом, здоров ли я. Не знаю, чем вызвана эта телеграмма, тем ли, что вы не получаете от меня писем или же почему-либо имеете основания беспокоиться на мой и вообще на наш счет. Я сейчас же 24 ответил вам телеграммой. И сейчас пишу, что пока здоров, а впредь, — что я могу сказать про будущее? даже вы не можете сказать ничего верного за ваше завтра, тем менее — мы... А поэтому, оставим бесполезные воздыхания о том, что не находится в нашей власти, и будем попрежнему крепко верить в конечную победу светлой правды, — ведь так легко переносишь все несчастья, когда веришь в грядущее счастье. Ваши письма получаю, кажется, все. Родные, дорогие, будьте здоровы. Всех обнимаю.

Любящий вас Е г о р.

LII.

Акатуй, 28 февраля.

Родная, ненаглядная мамочка! Вчера получил твое милое письмо, которое, по обыкновению, дышит любовью ко мне.

Сколько тепла и радости всегда приносила она мне. Вспоминаю детство и затем следующие периоды моей жизни. И вижу тебя вечно любящей нас, вечно страдающей за нас... Родная, бесценная! ты знаешь, что я всегда любил тебя самой нежной благоговейной любовью и страдал оттого, что так мало давал тебе радостей. Что же поделаешь? — такова видно судьба современных детей и родителей...

[1] Карпович.

Знаю, ты никогда не проклинала, не упрекала меня за те страдания, которые я причинял тебе. И впредь не будешь.

Родная, будь порукой перед папой, что и его я всегда горячо любил и мучился от мысли, что между нами много такого, в чем мы не можем понять друг друга... Да простит он меня, в чем я согрешил перед ним.

Брата, милого брата, всегда крепко любил.

Все родные, все те, которые так много проявили любви ко мне, все они близки моему сердцу.

У всех прошу прощения в моих вольных и невольных прегрешениях. Не поминайте лихом.

Тебе, родная моя, отцу и брату мое последнее слово. Примите мой горячий, горячий привет. Обнимаю вас крепко, крепко целую.

Любящий вас, ваш навсегда Егор.

Сегодня меня отправляют в Алгачи, где я буду в полной власти Бородулина, в котором нажил личного врага. Несомненно, он постарается натешиться надо мной и так или иначе изведет меня. Если услышите что-нибудь худое обо мне, прочтите эту записку мамочке.

LIII.

28 февраля.

Мамочка, родная моя!

Сегодня я отправляюсь с 15 чел. других товарищей в Алгачинскую тюрьму, за 40 верст отсюда. Ты из газет или других посторонних источников узнаешь, что эта высылка является наказанием. Узнаешь ты и мое «преступление». Мне не нужно об'яснять тебе, ложно или правильно взводимое на меня обвинение. Ты меня знаешь и понимаешь, что, если бы я захотел что-нибудь сделать, что мне казалось бы нужным по моим взглядам, я сделал бы это, не взирая ни на какие угрозы. Много смешного и противного в том факте, что испугались или моего взгляда или непроизвольного движения, которым достают носовой платок... Да, тут много дикого и унизительного, — только для кого? Впрочем, чего удивляться, чего не бывает нынче на свете?

Для меня лично скверно то, что я стерпел многое, чего может быть не должно бы терпеть, я пережил увоз больных женщин, и именно теперь, после того, как все это я проделал с своим сердцем и терпением, вдруг мне приписывается роль «мстителя», от которой я сознательно, по определенным мотивам, отказался. Конечно, в этом есть ирония судьбы.

При первых слухах ты, может быть, не будешь знать, как к ним отнестись, я не хочу, чтобы вы, мои родные и близкие, считали за мной ту заслугу, которой я не заслужил.

Я бы за честь считал для себя признать ее за собой, но не имею на это права.

Итак, моя бедная, дорогая мамочка! Снова ты будешь страдать, мучиться из-за меня. Родная моя! Сегодня у меня нехватает нахальства обманывать тебя пустыми утешениями насчет ожидающего меня будущего. Будущее не заставит себя долго ждать и покажет, должна ли ты успокоиться, или же тебе суждены новые муки.

При первой возможности напишу тебе из Алгачей.

Родная, ненаглядная мамочка! Тебя, папу и брата обнимаю крепко, со всею силою горячей и благодарной любви к вам. Всех родных тоже обнимаю. Пусть никто не поминает лихом.

Еще и еще раз целую тебя, добрая, милая мамочка ...

Письмо твое последнее получил. Теперь мне адрес для писем и телеграмм: Забайкалье, Алгачи, тюрьма.

Всем привет. Вечно ваш Егор.

LIV.

А. Л.

Алгачи, 23 марта.

Родная, ненаглядная мамочка! Сердце больно сжимается, когда вспоминаю тебя и подумаю, как ты страдала и еще будешь страдать при получении известий о наших историях. Снова и снова тебе приходится переживать смертные муки, и, может быть, для тебя было бы легче, если бы тебе т о г д а в 1904 году пришлось пережить ужаснейшее из материнских страданий, зато уже последнее. А теперь, волей случайности, я остался жить и твои муки будут длиться еще долго-долго, до того великого момента, когда окончатся страдания всех матерей, в том числе нашей общей матери — родины ... Родная! У меня нет силы нашептывать тебе успокоительные слова: чему они помогут? Старайся помнить, что все, чем бы ни подарила меня судьба, все это будет лишь необходимым последствием моего служения делу, святому для меня, дорогому паче жизни и, помня это, ты поймешь, что во всех испытаниях, какие бы ни выпали на мою долю, я буду бодр, спокоен и по-своему счастлив, а в сознании этого и ты найдешь для себя источник сил, веры, бодрости и успокоения ... Христос-страдалец, которого мы с тобой так любим, велит мне поступать так, как я поступаю, и веря во Христа, ты не должна оплакивать меня. Много раз я говорил тебе, милая мамочка, об этом и поэтому не стану подробно распространяться, хотя теперь тебе нужна, мож. быть, вся сила твоей веры.

Не знаю, в каком виде дошли до тебя слухи о наших историях. Отправляясь сюда, я писал тебе, за что меня перевели

из Акатуя. Телеграммы, полученные мною 18 числа и тетушки М. С. с запросами о моем здоровье, подсказали мне то, чего не было в их кратких словах, то, что ты в смертельной тревоге. Я не мог раньше писать тебе, потому что все ждал какого-нибудь конца, хорошего или дурного, тому положению вещей, которое началось с первого же момента нашего прибытия сюда. Мне не хотелось ни напрасно заранее тревожить тебя, ни успокаивать ложными сообщениями, что у нас «все благополучно». Теперь я решаюсь, наконец, описать тебе все пережитое нами и даю тебе слово, что буду правдив. Было бы нелепо пытаться что-нибудь скрыть от тебя, когда наши события делаются достоянием всей России... Итак, верь мне...

Мы не ошиблись в своих предположениях, с которыми покинули Акатуй: нас везли в Алгачи, чтобы на нашей шкуре испытать всю силу каторжной инструкции. Что для заключенных в других тюрьмах Нерч. кат. оставалось мертвой буквой, то для нас должно было превратиться в реальные формы дела. По инструкции арестантам полагается иметь короткие волосы, ходить в сером, казенном платье, и вот решили остричь и переодеть нас в первый же момент нашего вступления в Алгачи. Напрасно мы, ссылаясь на усталость и очень позднее время нашего прибытия, заявили, что на следующее утро мы сами острижемся и что собственных вещей у нас почти нет, кроме того немногого, что у некоторых имелось на себе; на наши заявления нам ответили, что если мы не дадимся добровольно, нас остригут и переоденут насильно. Итак, насилие с первого же шага и какое бессмысленное, совершенно бесцельное насилие! Предвидя, что это только первое звено в целом ряде других насилий, которые не заставят себя ждать, мы не считали себя в праве уступить безмолвно в самом начале... Нас вводили по-одиночке в канцелярию, где уже находилась вся тюремная администрация во главе с Бородулиным. Грубо кричали: «шапку долой», приказывали раздеться, обращались на «ты». Конечно, невозможно было без протеста повиноваться такому грубому, вызывающему обращению, а когда человек заявлял протест и отказывался повиноваться, по приказу Бор—на, выскакивали из засады солдаты, срывали шапку, одежду, обнажали до-нага и затем насильно стригли. Бор. бесновался, орал, грозился, что он «сумеет усмирить нас, что от нас костей не останется», приказывал солдатам «бить прикладами, в голову». Двух первых товарищей, Штильмана и Рыбникова [1], особенно первого, действительно избили.

[1] Штильман, с.-р., 19 января 1905 г. в Одессе покушался на полковника Головина; приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Рыбников, член сибирского летучего боевого отряда партии с.-р.; участвовал в покушении 30 октября 1906 г. на генерала Ренненкампфа.

(Что касается меня, то со мною почему-то обошлись деликатнее, чем с другими. После моего отказа стричься, меня лишь посадили на стул. Не били, не ругали, это — правда, мамочка!). Переодеванье в общем длилось несколько часов, и только к полуночи мы снова очутились все вместе в отведенной для нас камере. Тут из взаимных рассказов перед нами ожила вся картина пережитого нами насилия. Было тяжело пережить даже начало, а что еще сулило будущее? Утром мы узнали, что посажены в тот же корпус, где сидели другие политики, преимущественно солдаты — их здесь до 50 чел. И что удивительно: нас в ночное время, не давши отдохнуть с дороги, при помощи прикладов стригли и переодевали, а местные политики почти все ходили в своем белье, своем платье и с вольно растущими волосами. Не доказывало ли это, что прием был сделан с специальной целью поиздеваться над нами? В будущем мы не могли ждать ничего хорошего; каторжную инструкцию мы хорошо знали, содержание кровавых циркуляров главного тюремн. управл. — тоже, и не только для нас, но даже для самих авторов «кровавых циркуляров» было совершенно ясно и понятно, что люди с чувством собственного достоинства, подчиниться режиму инструкций и циркуляров не могут. Нам навязывали борьбу и мы не могли уклониться от нее. С нами хотели говорить на «ты», от нас требовали снимать шапку при появлении начальства, выскакивать по команде «смирно», строиться на поверку. Ничего из этого мы допустить не могли. Первый же явившийся к нам помощник пригрозил нам, что нас «заставят» повиноваться. Прибывши в Алгачи в ночь на 3 число, мы тревожно провели дни 3 и 4 марта, ежеминутно ожидая появления палача. Мы были уверены, что он придет, и от этого прихода ожидали самого худшего. Он пришел только 5 числа. Случайно встретившись с тов. Рыбник. в коридоре, Бор. потребовал, чтоб тот снял перед ним шапку. За отказ товарища повели в карцер. Ожидая, что в карцере с тов. могут сделать что-нибудь ужасное, мы потребовали к себе Бор., грозя, если он не явится, выбить двери. Он явился с вооружен. солдатами. «Смирно. Встать. Шапки долой». Мы шапок не сняли и остались сидеть. Заявили: «Мы столь же виновны, как наш товарищ. Верните нам его или возьмите всех нас в карцер». Бор. ответил: «Вы арестанты, смеете еще рассуждать... Возьму, кого захочу». И приказал солдатам взять сидевших с края. Мы бросились к указанным товарищам и схватились за них. Солдаты стали бить прикладами. «Розог», — крикнул Бор. и розги были принесены. Мы все еще крепче сжались, схватились рука за руку и закричали, подставляя грудь: «Убей нас, палач, расстреляй,

но ты не посмеешь оскорбить нас». Солдаты снова кинулись на нас и принялись бить прикладами, кулаками, упавших топтали ногами. Через несколько минут бойня кончилась: одного товарища отняли и утащили куда-то, не то для истязания, не то в карцер. На окровавленном полу валялось несколько человек: один лежал ничком, не двигаясь, как убитый, на голове другого зияла кровавая рана, на лице третьего кровь, а один, схватившись за грудь, корчится от боли и дико стонет, еще один бьется в истерике. Перед нами стоят наши палачи-солдаты, и за их спинами прячется главный палач Бор. Картина ужасная, проживи век — не забыть ее. Спустя несколько мгновений молчания Бор. отдает приказание отнять у нас постели, чай, сахар. «Пускай сидят в светлом карцере». И ушел. На этот раз что-то задержало палача привести в исполнение свой гнусный замысел относительно розог. Мы очутились в светлом карцере (это наша же камера с лишением постелей и горячей пищи), а двое товарищей — Рыбн. и отнятый во время бойни — в темном. Нам удалось пережить и это вторичное насилие. После него самая смерть казалась нам желательной, и в течение первых нескольких дней мы ожидали, что она не замедлит. Что, кроме смерти, мог еще придумать для нас Бор.? Но после 5 числа Бор. не явился, и мы мало-по-малу начали успокаиваться... В эти ужасные дни много теплой радости доставило нам сочувствие всей тюрьмы, как политических, так и уголовных — первых мы удерживали от вмешательства в нашу борьбу с начальником. Уголовные принимали все меры, чтобы поскорее сообщить на волю о происшедшем. Посылали телеграммы к прокурору, губернатору и еще куда-то. Несколько таких сообщений провалилось и попало в руки Бор., так что он может судить о настроении тюрьмы и волей-неволей должен считаться с ним.

Теперь наши дела имеют такой вид. Наше карцерное положение кончилось. Нам вернули постели и казенную горячую пищу, но за то, что мы попрежнему не встаем перед палачом, нас лишили переписки и пользования собственными деньгами, книгами. Бор. явно обнаруживает желание миловать нас, если бы мы оказали знаки смирения. Даже пробовал вступить в переговоры, но наше право не ломать шапки перед палачом мы купили такой дорогой ценой, что продать его теперь за ласковые слова Б—на и за кое-какие подачки мы не можем. Будем пока сидеть без книг, без писем (по этому письму вы видите, что это зло еще не столь большой руки), на одной казенной баланде — все это, сравнительно, пустяки, зато мы чувствуем величайшее удовлетворение, когда Бор., обходя всю тюрьму, избегает заглянуть в нашу камеру, когда мы видим,

что во время поверки нам уже не кричат «стройся», а помощники входят без команды «смирно».

Что сулит нам будущее? Не станем заглядывать в него, потому что оно вне нашей власти. Может быть, хуже того, что было, уже не будет. У нас нет желания вызывать смерть, мы еще молоды, полны сил и чувствуем, что еще могли бы пригодиться для жизни. Поэтому, если наши враги не захотят нас убить или довести до смерти, мы будем жить и вынесем самые неблагоприятные условия неволи. Несмотря на все пережитые ужасы я чувствую себя здоровым, бодрым и сильным. По счастливой случайности я и 5 числа остался совершенно невредимым (даю тебе честное слово, мамочка, что это правда). Раны товарищей Ошко [1] и Кунина [2] зажили, но на долю моего земляка Винокурова выпало самое тяжелое. От приклада в грудь у него бывает кровохарканье, затем припадки. О, эти ужасные припадки, когда он бьется в судорогах, бредит, снова переживая страшную картину бойни и рвется куда-то, еле сдерживаемый нами на месте... Душа болит видеть его страдания. Бедная его мать! Постарайтесь успокоить ее. Доктор, осматривавший Степана, уверяет, что припадки не имеют эпилептического характера и следовательно не угрожают превратиться в постоянное явление: они пройдут, как только изменятся условия, вызвавшие нервное потрясение [3].

Из Мальцевской тюрьмы до нас доходят тревожные слухи, что женщины закованы и поставлены в ужасные условия заключения, что у Спиридоновой кровохарканье не прекращается и она не встает с постели, что Школьник в дороге простудилась (а у ней чахотка!)... Нам было тяжело пережить наши испытания, а когда дойдут до них слухи о случившемся здесь, они

[1] Ошко Иван, с.-р., за покушение на взрыв парохода в 1905 г. в Одессе осужден в каторжные работы. На каторге стал анархистом. В 1917 г. примкнул к левым с.-р. Член ВЦИК. В конце 1918 или в начале 1919 г. убит семеновцами. О нем см. «Памятник борцам пролетарской революции», вып. I, Моск., 1922 г., стр. 168.

[2] Кунин — бундовец, позднее меньшевик.

[3] Степан Винокуров, рабочий из Уфы, с.-р., товарищ Созонова по Акатую и Зерентую. В письме акатуевских заключенных, помещенном в № 1 газеты «Обзор» от 24 мая 1907 г., мы находим следующие сведения о Винокурове: «От сильного удара прикладом в грудь у него остались боли в боку, временами бывает кровохарканье. На третий день после избиения с ним случился припадок, начавшийся легкими конвульсиями во всем теле, все усиливавшийся и закончившийся дикой борьбой с призраками. Несколько человек наиболее сильных товарищей едва удержали его на месте в то время, как он вырывался и кричал, очевидно, переживал в бреду сцену избиения... За первым припадком последовали второй, третий и дальнейшие, иногда по нескольку раз в день. Зрелище мучений товарища, которому мы бессильны были помочь, наполняло нашу душу безысходной тоской».

будут вдесятеро мучиться за меня. И написать им не могу. Просто душа болит.

Ну вот, родная моя, я написал тебе правдиво, что у нас было, и как теперь обстоят наши дела. Зная истину, ты, по крайней мере, не должна преувеличивать ее в дурную сторону. До сих пор судьба, несмотря на все злоключения, попрежнему неизменно благоприятствует мне: я все еще невредим, цел и здоров и, может быть, настанет время, когда я, претерпевши многое, вернусь живой, чтобы обнять тебя и сказать: «Родная! теперь мы будем неразлучны, успокой свою седую, милую голову на моей груди, моя бесценная, многострадальная мать»... Ах, если бы когда-нибудь настало это блаженное время! В надежде на него будем бодро и стойко переживать треволнения настоящего.

Родная, пока не пишите мне, потому что ваших писем все равно не передадут в мои руки. Я, с своей стороны, буду пользоваться всякой возможностью, чтобы писать вам. Когда можно будет писать, я сообщу. В ожидании самого скверного конца я послал вам соответствующую записку. Не волнуйтесь, читая ее. Теперь дела пока не так плохи, как казалось первое время.

Ну, ненаглядная, милая мамочка, обнимаю тебя горячо и осыпаю поцелуями твою голову, лицо и руки; горячо целую папу, брата и всех родных. Привет всем от любящего всех вас Е г о р а.

Послезавтра день, когда, говорят, птица гнезда не вьет. Знаю, что вы будете проводить его торжественно. Не желал бы, чтобы беспокойство за меня отравило его для вас, а также светлые дни приближающейся пасхи.

Никаких посылок пока тоже не посылайте.

LV.

15 апреля.

Здравствуйте, родные, ненаглядные! Первое письмо послано мною отсюда в благовещенье и только сегодня, в вербное, представляется новая надежда снова отправить письмо. Перерыв чересчур продолжительный, и с болью думаю о том, чего стоило ожидание мамочке, для которой утеряна последняя отрада получать еженедельные известия от меня. 12-го числа я получил вашу вторую телеграмму со справкою о здоровье. Мне кажется, она подана вами сейчас же по получении моего письма. Хотя в том письме мало радостного, но все-таки вы должны были с радостью прочесть его, потому что оно опровергало преувеличенные слухи о наших собы-

тиях. Надеюсь, это письмо доставит еще побольше радости.

За все это время у нас ничего нового не случилось, а разве это не хороший признак, принимая во внимание, что ни мы, ни Бор. не изменились и не изменили своего поведения? Не значит ли это, что Бор-ну отдан приказ свыше работать полегче? Право, кажется, так и кажется, самое страшное уже миновало.

В начале апреля в тюрьму приезжал иркутский ген.-губ. Селиванов. Его приезд сошел благополучно и ничего нового нам не дал. Выходя из нашей камеры, он спросил Бор-на: «Саз. не был ранен и не лежал в лазарете? и газетные сообщения о нем все врали?» Так, вот в чем дело!.. Значит, в газетах писали, что я опасно ранен. Родная мамочка, какие муки переживала ты, когда до тебя дошли слухи о моей мнимой болезни!.. Но ты не должна особенно обвинять газеты; во-первых, потому, что они не могли своевременно узнать настоящей правды, а во-вторых, потому, что может быть только благодаря набату, поднятому газетами, мы и спаслись от дальнейших истязаний Бор. Не стану повторять новых уверений, что я остался совершенно цел и невредим.

Вскоре после от'езда ген.-губ-ра у нас начались разговоры с нач. каторги Метусом, который захотел расследовать случившееся и узнать всю правду. Мы дали ему подробное описание избиений... Он был очень любезен и нисколько не похож на Бор-на. Но эта вежливость — только покрышка того же содержания: ведь Бор. является простым исполнителем приказаний этого вежливого господина, в чем перед нами признались как Бор., так и сам г. Метус.

Понятно, зачем Метусу понадобилось производить расследование: просто для того, чтобы найти законное оправдание поведению Бор-на. Но этого ведь и искать не надо. Само собою разумеется, что Бор. законно прибегал к силе, потому что мы оказывали сопротивление. Мы ведь не скрывали, что сопротивлялись. Пусть Метус и министры ищут себе оправдания в законе, а общество должно рассудить, законен ли самый закон. Мы не можем подчиняться тому закону, повиновения которому от нас требуют. Мы открыто и смело подняли восстание против всего российского режима, а тут еще хотят судить о нашем поведении с точки зрения законов этого режима... Вся сущность наших продолжительных собеседований с г. М. клонилась к тому, что он доказывал законность, а мы старались заставить его понять, наконец, ту простую мысль, что он не должен гнаться за законностью, если не хочет борьбы с нами. Он уверял нас, что жизнь наша находится в безопасности, что «они» заботятся о нас. Поживем — увидим, кто и как о нас заботится.

Едва успела кончиться канитель с нач. кат., как началась новая: приехал из Читы прокурор и тоже начал расследование. Пошли те же разговоры. Все это очень надоело и опротивело и, кажется, уже окончательно закончилось... Расследование сделано, и теперь «закон» может произнести свой справедливый приговор, а общество может высказаться о самом законе.

Так обстоят наши дела в данный момент. Как видите, перемен к лучшему нет, зато можно надеяться, что вежливое обращение завоевано нами окончательно. Вряд ли еще раз осмелятся оскорблять нас — это для нас самое важное Над нами все еще тяготеет наказание: не разрешают переписки, не дают книг, лишают права пользоваться своими деньгами. Конечно, во всем этом приятного мало, но не так много уж и плохого. Подождем того времени, когда все кончится к лучшему. А кончиться к лучшему должно же когда-нибудь, рано или поздно. Я еще бодр и могу ждать, хватило бы силы у вас, мои дорогие.

От тетушки М. С. получена какая-то посылка, кажется, с чаем, мне ее не выдают. Вероятно, есть письма и от вас.

Милая мамочка! Я очень боюсь одного: как бы ты не вздумала приехать сюда — ничего, кроме излишних страданий тебе и мне твой приезд теперь не принес бы, потому что ты рискуешь совсем не получить свидания, или же получила бы такое, что пришлось бы начинать новую борьбу! Я не могу гарантировать тебе безопасность со стороны такого подлеца, как Бор. Умоляю тебя, не езди. Подожди более счастливых времен.

Дорогие, ненаглядные! Поздравляя вас с сегодняшним праздником, я заблаговременно обращаюсь к вам с тем приветом, который радостно зазвучит через неделю. В тот день я мысленно обнимаю и целую вас и говорю вам «Христос воскресе». Не омрачайте вашего светлого настроения грустью обо мне. Знайте, в этот день и я буду радостен, на зло всем Бор-ным. У нас не будет обычной пасхальной обстановки, но разве дело в обстановке, а не в душевном настроении? У меня на душе будет пасха и я буду с вами — не печальтесь.

Когда получите это письмо, снова пришлите телеграмму с запросом о здоровье — это будет вашим ответом. Родные! Пора кончать. Будьте здоровы, бодры и возможно спокойны. Я здоров и бодр. Всех обнимаю.

Любящий вас Егор.

LVI [1].

20 апреля.

Родной, дорогой мой, прости меня за ту мучительную сцену, которую тебе пришлось пережить благодаря тому, что я совершенно превратился в бабу и не мог совладать со своими развинченными нервами.

Но ведь я просил и умолял, чтобы ни мама, ни ты, никто из родных не приезжал сюда, не могу я больше выносить таких свиданий. Не беспокойся обо мне: расшалились нервы, а так я здоров. Прости, голубчик, пойми меня и прости, уезжай и не беспокой маму. Целую и обнимаю тебя. Ты знаешь, как люблю я тебя, и не припишешь мне жестокости по отношению к тебе.

О получении этого письма и о своем от'езде уведомь меня. Еще раз прости меня, не обвиняй в капризах и жестокости.

Маму старайся успокоить, насколько возможно.

Прощай и благополучного пути. Твой всею душой Егор.

Напиши о здоровье мамы, отца и остальных.

LVII.

26 апреля.

Дорогие мои, ненаглядные, отец и мамочка! Пишу вам снова, согласно своему обещанию пользоваться всяким удобным случаем сообщать вам о себе. И, прежде всего, отвечаю на вашу приветственную телеграмму, на которую я не ответил телеграммой же только потому, что брат сделал это. «Воистину воскресе!», говорю я вам и горячо обнимаю вас. Милая мамочка, ты можешь совершенно успокоиться насчет того, как мы провели пасху: светло и весело, потому что я виделся с братом, — богато, потому что брат угощал нас пасхальными яствами, куличами, яйцами, окороками, доказательством чего будет крупный счетец, который брат представит на ваше благоусмотрение, дорогой отец. Брат уезжает и пасхе конец! Увы! всегда так бывает, что за короткими днями светлой радости тянутся, бесконечно тянутся унылые будни. Но будем терпеливы и бодры, в надежде на будущее станем легче относиться к настоящему. Милая мама и сестра Люба! Мой завет вам — любите друг друга, попробуйте поближе подойти друг к другу: одиночество в минуту жизни трудную тяжело. Обнимаю всех вас, старых и малых. Получили ли мои карточки из Акатуя? Е.

[1] Письмо брату З. С. Созонову.

LVIII.

17 мая.

Что же это, родные, от вас нет писем? Кажется, пора бы... Жду с нетерпением. Я жив и здоров. У нас весна в полном разгаре. Вчера был первый гром и дождь. Все кругом получает ласковый зеленый колорит. Увы! Той красоты, какая была в Акатуе, здесь не будет: нет лесу. Мы разбили под окнами грядки, посеем цветы и овощи. Дорогая мамочка! Вызови к себе мать Петруся [1], приюти и приласкай ее; ей, бедняжке, должно быть, очень тяжело. Я бы написал ей, да не знаю адреса. Напиши ей, как я ее глубоко уважаю и горячо люблю. Пусть не тужит: доживем до лучших времен, когда все дорогие и близкие снова сойдутся друг с другом. Всем привет, всех обнимаю.

Любящий вас Егор.

LVIII-а.

29 мая.

Родная мамочка, дорогой отец! Обнимаю вас и целую ваши руки. Спасибо за поздравление и пожелание. Будем верить, что следующие именины будут все-таки веселее, чем нынче. Будем верить и ждать. Будьте здоровы и бодры. Какая умница тетушка М. С. А ты, мамочка, неужели все лето просидишь в городе? Поехала бы подышать куда-нибудь свежим воздухом. Передайте матери Степана [2], что его отсюда перевели в Зерентуй. (Адрес: Горный Зерентуй, в Забайкалье, тюрьма). Там ему будет несравненно лучше, потому что там лучшие условия заключения и есть доктор. Можно лечиться. Всем привет. Обнимаю вас.

Ваш Егор.

LIX.

8 июня.

Родная, милая мамочка, дорогой отец! Кроме одного письма от 6-го мая, от вас еще ничего не получено. Надеюсь, вы живы, здоровы? Обо мне не беспокойтесь: пока к худшему перемен еще нет. Слышал, что вы собираетесь приехать сюда и будто бы даже хлопочете о свидании. Родная, добрая мамочка, мне очень тяжело, но я прошу, настойчиво прошу тебя, ради бога и самое себя, не рискуй своим здоровьем. Свиданья при тех условиях, в которых они должны будут происходить здесь, измучат тебя физически и нравственно. Ты уедешь отсюда, не получивши никакого удовле-

[1] Мать Карповича.
[2] Винокурова.

творения, еще с большею тоскою в душе. А я? Обо мне уже лучше и не говорить. Видеть тебя страдающей на почве самых нежных и святых твоих чувств — для меня невыносимое зрелище. Это слишком большое испытание для моей выносливости... Родная! будем как можно меньше зависимы от других. Не станем искать милостей, ради бога, не надо их. Если ты подумаешь, чего будет стоить свиданье тебе и мне, ты согласишься со мной, что лучше не пускаться в такой далекий путь. Здесь не Москва и даже не Шлиссельбург, мамочка.

Говорю тебе и не обманываю тебя: я здоров, бодр, пока дышать еще можно. Будь только ты бодра и здорова, и тогда, может быть, мы дождемся, когда на нашей улице праздник настанет. Итак, мамочка, бодрость и вера, вера и бодрость. И хоть немножечко гордости, хотя ты, как истая христианка, последнее чувство считаешь греховным. Но припомни, даже Христос в делах, которые касались его святая святых, бывал непреклонно горд. Он и кнутом бил, когда следовало, и словом громил фарисеев: «Горе вам!», а на вопросы Пилата отвечал очень презрительно: «не имел бы ты власти надо мною, если бы тебе она не дана была свыше». Итак, добрая, кроткая мамочка, будем горды гордостью Христа. А поэтому не хлопочи, не езди. Пишите, милые. Всех обнимает любящий вас Егор.

LX.

13 июня.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Сегодня сердце мое с тобою целый день неразлучно. Я праздную вместе с вами день твоего ангела. Будь радостна и спокойна хоть в этот день. Мое желание, чтобы этот год был для нас счастливее прошлого, а если до счастья далеко, то хоть спокойнее. Обнимаю тебя и целую, целую твои ручки, бедные, исхудавшие ручки. На-днях получены мною письмо папы от 21 мая и твоя телеграмма. С каждым листком вашего письма прилетает ко мне вместе с вашею любовью веянье вашего горя, вашей тоски. Тоже громадной, неисходной тоской проникнуто письмо от Агафьи Тихоновны. Гроюет об исчезнувшем сыне [1]. Я ей ответил, чтобы напрасно не горевала, потому что не к худшему изменилось его положение. Кстати, забыл, как ее величают,— Тихоновна или Филипповна? Я здоров, родная. Привет всем родным. Пишите.

Ваш Егор.

[1] Мать Карповича, не успевшая еще узнать о судьбе сына, который в феврале 1907 г. был отправлен на поселение в Баргузинский уезд. бежал и по прибытии в Петербург вновь вступил в боевую организацию п. с.-р.

LXI.

20 июня.

Как поживаешь, милая мамочка? Вероятно, снова тоскуешь и горюешь, что Дума обманула ваши надежды? Брось, родная, не горюй напрасно. Если будешь соединять свои ожидания и свое счастье с Думой, то еще много-много раз и долго-долго тебе придется разочаровываться и плакать. Не тоскуй, не теряй веры и бодрости. Зима не лето — пройдет не это. Пройдут и наши печали, если у нас хватит сил ждать и жить. Берите с меня пример, вы, бедные, уставшие, исстрадавшиеся. Посмотрите, как я бодр. Я дождусь, доживу, насколько это от меня зависит... Будьте и вы здоровы, старайтесь как-нибудь тянуть время. Обо мне не беспокойся, мамочка. Пока ни в чем не нуждаюсь. И деньги и белье есть. Обнимаю тебя крепко и целую горячо. Всем родным привет. Поправляется ли Зина после операции?

Ваш Егор.

Скажи, мамочка, не находишь ли ты, что я редко пишу? Я пишу не реже раза в неделю, все ли ты получаешь, милая?

LXI-а.

5 июля.

Привет, милая мамочка! Здорова ли? не унываешь ли? Как здоровье папы и всех родных?

Я здоров и бодр. Шлю мои поцелуи и хорошие пожелания тебе, родная, и всем. Будь здорова, родная, хорошая мамочка, будь бодрой.

Твой Егор.

LXII.

8 июля.

Вот вкратце, что произошло у нас.

Бородулин украдкой уехал отсюда. Его место временно занял казак, есаул Измайлов. Первые дни он ничем себя не проявил, с одной стороны, чувствуя себя непрочным в Алгачах и рассчитывая скоро уехать в Мальцевскую, на смену уходившему Фищеву, с другой стороны — дожидаясь губернатора. 12-го числа, в ожидании губернатора, казак дважды приходил в тюрьму. При вторичном приходе встретился на дворе около кухни с двумя политическими, таскавшими воду из бочки в кухню. Один из товарищей был совсем без шапки, другой, Синцов, снял шапку при встрече с казаком, но сейчас же надел ее, так как надо было нести воду. Казак с площадной руганью подскочил к Синцову и начал наносить ему по-

щечины. Мало того, будучи сам без оружия, казак пробовал вытащить шашку из ножен у старшего надзирателя, чтобы ею зарубить Синцова... Эту сцену из коридора нашего корпуса через окно увидел Кунин и закричал казаку: «не смей бить, негодяй». Казак бросил бить Синцова и обернулся на крик: «кто кричал?» Кунин ответил: «кричал я, Кунин». — «Конвой сюда! арестовать Кунина». — «Зачем конвой, я сам пойду». — Все это происходило за нашими глазами, и когда мы успели понять хоть что-нибудь, вдруг в наш корпус входит казак. И сначала — в первую камеру, отведенную под лазарет для политических. (Бор. не решался держать нас в общей больнице). При входе казака, из четырех, находившихся в лазарете, сидел один Магазинер: по условию, заключенному с Бор., больные могли и не вставать при его появлении. Однако, казак скомандовал: «смирно, встать». Магазинер сидел и молчал. Казак еще раз повторил команду и, не дождавшись повиновения, приказал взять Магазинера в карцер (больного из больницы). Тогда Созонов тоже сел и сказал: «Тогда и меня возьмите в карцер. А вам руки пускать в ход не полагается». На это казак ответил: «Я никогда не дозволю такой дерзости. Если бы у меня была шашка, я зарубил бы его (вероятно, Синцова). А с вами (к Соз-ву) я поговорю после». В 3-й камере, где помещались остальные акатуевцы, при входе казака все стояли, по обыкновению. Но, несмотря на это, казак скомандовал: «смирно, встать». Это сверх инцидента во дворе было новым нарушением конституции. (С Бородулиным мир был заключен на условиях обоюдной корректности: команды уничтожаются, начальство, при входе к нам, снимает шапку и вежливо здоровается, мы встаем). В ответ все сели. Казак начал орать и грозиться, призвал конвой на подмогу и приказал ему прикладами поднимать, выстроить по двое, держать руки по швам. Кричал старшему: «Дайте сюда солдат понадежнее. С этими ничего не поделаешь. Вот придут казаки, тогда я им покажу». А солдаты усердствовали, но приклад пустил в дело только один: нанес удар в руку Давыдову. Поиздевавшись до-сыта, казак приказал отнять постели, книги, горячую пищу, посадил на парашку, всех заковал. Латина, который в ответ на ругань казака крикнул: «не бери нас басом», велел отвести в темный карцер. Так закончилась история в корпусе. Продолжение было в карцерах, куда были посажены избитый Синцов, Кунин, Магазинер и Латин. Казак заходил к ним и вел с ними разговор, подробностей которого не знаю. Знаю только, что был груб, говорил на ты, ругался. Латин, не вставший перед казаком и в карцере, снова подвергся насилию со стороны конвойных, и был жестоко избит. В ответ на побои и на ругань казака Латин сам осыпал палача

руганью: «подлец, мерзавец, негодяй». Казак велел принести розги, и розги опять были принесены... Был момент, когда мы снова переживали ужасную муку: нам донесли, что кого-то уже «выпороли»... Но розог пока в ход не пустили: казак только заковал Латина в ручные и ножные.

Кто-то растолковал казаку, что Магазинер болен и числится за больницей. Позвали фельдшера, тот подтвердил. Позвали доктора. Казак спросил: «Может ли Магазинер вынести наказание?». Доктор ответил: «Нет». Тогда казак приказал отвести Магазинера в больницу — не в лазаретное помещение для политических — и содержать его там строго изолированно, чтобы нельзя было сноситься с корпусом...

Так пока кончилась история... Продолжение будет, но какое? — Это известно одной пьяной душе казака. Да — пьяной: это — туша, заплывшая жиром, кретин, которому из всех человеческих добродетелей свойственны лишь разврат да субординация. Нельзя сказать, что история началась по заранее обдуманному плану: нет, просто в пьяном виде не удержался от армейской привычки драться. Кроме того, около него в роли Ментора и Мефистофеля торчит гнуснейшее существо в мире: помощник Метевский, вывезенный из России еще Бородулиным, шпион по профессии и по призванию. Есаул, понимая в тюремном мире не больше свиньи в апельсинах, во всем спрашивает совета у Мет-го, а этот — гадит, гадит, гадит, с восторгом, с упоением. Как все это глупо, дико и кому это нужно. Мир нарушен не нами, и не от нас зависит развитие истории. Мы готовы ко всему: к оскорблениям, худшим смерти, и к самой смерти. Пусть дадут нам жить более или менее по-человечески, или пусть поскорее убьют. Переделать нас в бессловесных животных даже Бор-ну не удалось, и пусть не мечтают об этом. Пока не пишите. Писем не пропускают, все сношения прерваны.

LXIII.

15 июля.

Юбилей — ха, ха, ха!

Зина, родная, не горюй: теперь всюду на свете идет так же дико, нелепо и скверно. Мы одни из многих. Ты знаешь, как горячо я тебя люблю. Но будь я на твоем месте, я помнил бы, что прежде всего общее, а потом личное. Обнимаю тебя горячо, горячо. Также всех дорогих. Будь счастлива в делах твоих. Еще раз целую тебя.

LXIV.

12 июля.

Письмо от 27 июня получил. Родная, ненаглядная мамочка моя, позволь-ка расцеловать твои печальные глазки и спросить тебя: за что это ты вздумала почти в каждом письме своем благодарить меня? за то, что я люблю вас, справляюсь о вашем здоровье, иногда поздравляю и высказываю пожелания? Но любовь моя разве стоит мне чего-нибудь? Разве так трудно любить таких славных, хороших и добрых стариков, как мои многострадальные родители? Еще вопрос, мог ли бы, вообще, кто-нибудь на моем месте не любить вас самою нежною, полною благодарности, любовью?.. Если уж вы благодарите, то что же мне делать? как я буду благодарить? Вся ваша жизнь была сплошною заботою о нас, ярким и пламенным доказательством на деле вашей любви к нам. А я — на что мне сослаться в доказательство?

Иногда мне приходили в голову дурные мысли, мне думалось: легко человеку, когда он один в мире, никто его не любит, зато никто не заплачет о нем, не станет страдать за него.

Если бы вы хоть чуточку поменьше любили меня, вам было бы легче примириться с настоящим положением дел, может быть, вы тогда сумели бы наполнить свою жизнь новыми заботами и радостями, которые постепенно вытеснили бы меня из вашего сердца. Но вы не из таких, которые легко забывают, и вот, вы продолжаете любить и страдать, любите и страдаете.

Итак, мамочка, не будем считаться любовью, не станем благодарить друг друга: все это лишнее между нами...

Значит, ты не собиралась ехать сюда? Как ни тяжело, как ни скверно, что вот уже 2-й год, как мы расстались и не виделись, все-таки лучше, что ты находишь в себе силы отказаться от поездки сюда. Это все-таки самое лучшее: меньше разочарований, меньше обид и оскорблений в самое нежное место. Будем ждать, будем жить, посмотрим, не принесет ли чего нового будущее лето. А это, слава богу, уже проходит. Да, проходит: здесь в сентябре уже полузима. А пока-что у нас разгар лета. Теперь у нас хорошо кругом: зеленые, спокойно задумчивые сопки; над ними глубокое ясное небо. Во время прогулок я часто ложусь среди нашего зеленеющего огорода и, глядя на небо, уношусь мыслью далеко-далеко за сопки. Что-то теперь поделывает бедная мамочка? молится, плачет?.. Ах, мама, от таких мыслей небо заволакивается тучами... В такие минуты вспоминаются мне люди, которые

в былые времена лежали здесь на моем месте и также уносились мыслями к своим дорогим. Сколько их было и как безмерно тяжелее им было! И все-таки они жили и ждали, верили, и многие, многие из них дождались счастья на воле обнять родных... Я хочу быть таким счастливцем, я буду, насколько это зависит от меня, жив и стану бодро ждать своего счастья. И, верю, дождусь, только бы вы не обманули меня. Смотрите же, храните бережно ваше дорогое здоровье. Не правда ли, милая мамочка, мы еще будем счастливы? Разве мы этого не заслужили? Будем, будем счастливы — станем верить в это, станем гнать малодушное отчаяние, будем верить и мы победим...

Будь же здорова, ненаглядная мамочка. Не давай себя печалить печальными событиями. В пример бери не чужих людей, а свою родную мать. Будь также долголетня, живи, будь здорова, бесценная мамочка, на наше счастье. Обнимаю тебя и всех родных.

Твой Егор.

Разве вы не получили моего письма, в котором я писал, что Степан ушел в Горный Зерентуй (200 верст отсюда)? Он теперь там и здоровьем, кажется, поправляется. Почему вы неправильно пишете мой адрес? Вот он: Забайкалье, Алгачи, тюрьма, имя, фамилия. И все тут. Так и для телеграмм.

LXV.

24 июля.

Давно уже не писал тебе, родная, ненаглядная мамочка! На это есть свои причины. Ты прекрасно знаешь, что насколько зависит от моей воли и моего доброго желания, я чист и исправен перед тобою. Мне самому никогда не хотелось бы причинить тебе хоть крупицу огорчения, напрасной тревоги. Итак, дорогая, не вини меня за невольное молчание в течение лишней недели. Об'яснения после. А теперь пока спешу уведомить тебя, я жив и здоров. Будь и ты здорова и спокойна. Обнимаю тебя и целую. Привет всем милым. Папу обнимаю.

Твой весь и всегда Егор.

LXVI [1].

27 июля.

Друзья, сегодня второй день нашей голодовки. Я ничуть не верю, что мы можем остаться победителями. Тем более,

[1] Письмо это предназначалось политическим каторжанкам, содержавшимся в Мальцевской тюрьме.

что завтра ждут приезда читинского губернатора, знаменитого господина, который не признает ничего, «кроме пуль и штыков». Его приезд может только ускорить неизбежный финал. Если же посещение Эбелова, паче чаяния, обойдется без острого столкновения, то впереди через несколько дней голодная смерть или самоубийство, если бы каторжная медицина вздумала попытаться насильственно вернуть нас к жизни, которая нам кажется хуже смерти. Обдуманно и спокойно идем к роковому концу, я чувствую себя обязанным отдать вам, а через вас и тому широкому кругу людей, которые имеют право спрашивать у меня отчета в моих действиях, — я чувствую необходимость отдать вам отчет, что заставляет меня броситься в безнадежную борьбу с левиафаном каторжного режима.

Маруся раз писала мне: «они не могут оскорбить нас». Правда ли это? Но почему же тогда П. [1] всегда считали своим долгом чутко прислушиваться к происходящему в тюрьме? Почему считала своим долгом смертью карать тех из тюремщиков, которые осмеливались мучить и оскорблять беззащитных пленников самодержавного произвола? П. никогда не становилась на точку зрения величественного презрения к оскорблениям, наносимым правительством революционеру. Почему же мы, пленники, должны проникнуться таким сверхчеловеческим настроением? Может быть, потому, что нас бьют, оскорбляют. Да, правда, это уважительная причина, чтобы заставить призадуматься — и я думал, думал... Воображением я переживаю бесчисленные страдания и оскорбления, под которыми изнывает народ, рвущийся к новой жизни и перед которыми наши «неприятности» все равно, как капля в море. Я знаю, что то, что проделывается с нами, проделывается и в других застенках, и часто еще в более ужасных формах. Я ожидаю, что найдутся люди, которые, узнавши о нашем протесте, могут пожать плечами и пренебрежительно скажут: «охота им было умирать по такому ничтожному, почти личному поводу, когда кругом кипит борьба мировой важности». Да, все это мною думано и передумано, и в результате, я все-таки считаю себя правым, что решаюсь умереть в борьбе с тюремщиками... Представьте себе такую картинку. Некий комитет получает известие: в такой-то тюрьме начальник бьет по лицу политических заключенных за то, что люди, хотя снимают шапку перед его высокоблагородием, но не хотят изображать из себя столба, трепещущего перед его могущественной особой. Этот начальник при помощи ружейных прикладов, розог и бесконечных издевательств пытается

[1] Т.-е. партия с.-р.

превратить политических каторжан в такое же безответное, трепещущее стадо, которое уже представляют из себя уголовные. Он смешивает политических и уголовных в одной камере для того, чтобы, прикрываясь формальностью, пред'являть и к политическим те же требования, что и к уголовным. А в чем будут выражаться эти требования, это же очевидно: долг каторжного, как существа, лишенного всех прав, беспрекословно и немедленно исполнять все начальственные приказания, иначе — пощечины, избиения, розги, площадная ругань, карцер — бесконечная лестница нестерпимых издевательств. Правда, последнего из издевательств — розог — фактически еще не применили, но ведь розги являются во всем их наглом великолепии при каждом взрыве начальнического самодурства, а это значит, что десятки раз приходится переживать гнусное ощущение «почти высеченного»... Представьте себя на месте этого комитета и подумайте, не загорелась ли бы у него душа от о с к о р б л е н и я за тех, чьим естественным защитником и мстителем он является?.. А если так, то чего вы хотите требовать от людей, осужденных чуть не ежедневно испытывать такие оскорбления на собственной шкуре? Чтобы они прониклись терпеливым ожиданием того момента, пока вольные люди удосужатся обратить свое тысячами вещей занятое внимание и на их несносное житье?.. Нет, покорно благодарю за такой совет. Мы еще сами можем и обязаны бороться за себя, не дожидаясь помощи со стороны. И мы будем бороться, чтобы нам дали жить по-человечески, или умрем, ибо жить под вечной угрозой пощечин, избиений и розог — чистый стыд и срам... Не считайте нас чересчур нервными и экспансивными: на нашем месте вы поступали бы вряд ли иначе. И затем наша гибель в борьбе против каторжного бесправия будет не бесплодной: левиафан настоятельно требует жертв и пусть он пожрет нас. Зато память о нашей кровавой гекатомбе будет сдерживать кровожадные аппетиты левиафана, и другим товарищам-каторжанам будет легче дышаться. Итак, я не вижу впереди ничего, кроме смерти, и иду на нее с сознанием своего права умереть. Вы знаете, что я люблю жизнь и хочу жить, — о, еще как! Смерть при таких условиях мне кажется насмешкой судьбы, но что же делать: жить в этих условиях еще хуже.

Привет вам, дорогие и глубокоуважаемые друзья. Привет П., которой остаюсь преданным до конца. Привет новой, в муках родящейся жизни.

Один из тех, которые погибают, не свершивши всего, что они могли бы свершить. Е.

Передать в Мальцевскую в случае, если наша борьба закончится смертью.

Дорогую Зину обнимаю.

Посылать и получать письма помимо конторы теперь не имею никакой возможности.

LXVII.

2 августа.

Мамочка, родная, здорова ли ты? Давно уже ничего нет от вас, не знаю, случайно ли или же по какой-либо более основательной причине. Но я не как моя бедная, болезная мамочка, я не даю воли своей фантазии и не позволяю ей строить дурных предположений, что да как. Нечего заранее мучить себя напрасными и часто пустыми треволнениями. Будем спокойно ждать своей судьбы: выпадет злая доля, ну, тогда крепись и справляйся с нею достойно. Минует беда — тогда, тогда, мамочка, мы обнимемся при личном свидании и порадуемся, что не напрасно жили и терпели.

Итак, драгоценная мамочка, тысячу раз повторяю, будь, будь жива и здорова, мужайся, береги свои последние силы для будущего, или счастья, безмерного, как море, или несчастья, глубокого, как современная жизнь. Тоже и папа, родной, добрый, всю жизнь заботящийся и работающий. Ждать нам, увы, долго, долго. И еще трагедия: я молод, вы стары и устали от жизни. Ждите, все-таки, берегите остаток своих сил, как догорающую свечу из драгоценнейшего воска.

О себе ничего не пишу. Надеюсь, что скоро напишу более подробное письмо. А пока — я здоров, цел и невредим. Огород наш на удивление, в полном цвету: есть огурчики, редька, морковь, репа, горох, бобы, укроп и помидоры (для супа), с'ели прекрасную, душистую редиску. И все это благодаря заботливости добрейшей в мире тетушки М. С. А вот с цветником неудача: кое-что взошло и расцвело, чтобы через какие-нибудь полмесяца повянуть, а большинство высадков так и не успеет увидеть сибирского солнца полными расцветшими глазками.

Обнимаю тебя, дорогая, бесценная, и папочку крепко и горячо, насколько могу. Всем остальным родным поцелуи и привет. Деточкам желаю расти большими и умницами. Сестренкам здоровья и хорошего ученья, взрослым спокойствия и бодрости в настоящем и побольше счастья в будущем. Привет перелетным птицам — тетушке М. С. и Ване. Будет ли он продолжать учиться? Тогда успехов и всего хорошего. Будьте здоровы, родные. Как вам и мне светит одно лучезарное солнце, так у меня и у вас в груди горит одна любовь, соединяющая нас нераздельно и вечно, хотя бы нас разделяли

еще бо́льшие пространства, стены, решетки и замки, даже смерть.

Я ваш моей неизменной любовью к вам всегда и весь.

Егор.

LXVIII.

Алгачи. 7 августа.

Мои добрые, мои старенькие папа и мама! Вот, шлю вам цветок эдельвейс [1]. Посмотрите, какой он чистый, как-будто седой или серебряный. Это потому, что растет он в горах где много солнца и света и откуда открываются далекие дали. Горный воздух делает его серебряным, а дали — седым, ибо, видя далеко, он знает, как много горя на свете и, — седеет, седеет. — Вы думаете, я ни с того, ни с сего взял да и послал вам этот цветок? Нет, на то есть у меня причины: во-первых, он принадлежит вам по праву, — ведь он вырос, ожидая вас и надеясь, что вы сами, своими ручками сорвете его, бродя по здешним сопкам; а во-вторых, — и это главное, — мне прислали два фотографических снимка, и на одном из них, в куче родных, вы оба. Папа, седой как лунь, серебряный, как вот этот цветок. Он седеет, видно, не по дням, а по часам. И ты, моя мамусенька, тоже делаешь успехи в достижении морщин. Ты хитренькая, взяла да покрыла голову платочком, чтобы не видно было, как ты поседела. Нет, я шучу, конечно, знаю, что носишь платок по другой причине. Снимок отчасти, конечно, самым туманным, скучным образом удовлетворил моей мечте — повидать вас. А свои поцелуи, которые я хотел бы дать лично вам, я должен послать на бумаге. Итак, целую, целую и обнимаю вас, мои бесценные, дорогой мой, добрый папа, милая моя, ненаглядная мамусенька. Будьте здоровы и живите долго, долго. Я живу по-старому.

Ну, до свиданья, когда-нибудь и как-нибудь. Привет всем родным и знакомым. Еще раз обнимаю.

Всегда ваш Егор.

LXIX.

12 августа.

Где вы и что с вами, мои бесценные, ненаглядные? Мамочка, отец, живы ли вы? От вас давно ни строчки. Я строю себе такое предположение: если не пишут, значит, пока все по-старому, пока живы и здоровы и беспокоиться не о чем. Кстати, может быть последнее время и я причинил вам беспокойство тем, что реже посылаю вам письма. Верьте, я делаю

[1] К письму приклеены два цветка эдельвейса.

все, что могу, и не беспокойтесь обо мне. Жив и здоров, как всегда. Как всегда, люблю вас и мечтаю, не лучше ли было бы, если бы мы были поближе друг от друга.

Не беспокойтесь же обо мне и, если возможно, пишите, пожалуйста, почаще: хотя бы одно, что живы. Родные, мамочка, отец, целую и обнимаю вас крепко и горячо. Остальных родных тоже.

Ваш Егор.

LXX.

22 августа.

Дорогая, милая мамочка!

Наконец-то получил от вас весточку: два письма — одно от 19-го июля, другое от 9-го августа и телеграмму. Бедная, добрая мамочка! Не станем искать причин, как да почему твое письмо от 19 июля дошло до меня 19 августа. Это факт, который, как он ни чудовищен, приходится признать не за сказку и который ты должна всегда помнить, чтобы на будущее время, в случае долгого неполучения писем от меня, не тревожить и не мучить себя дурными предположениями. Не правда ли, тебе ведь не нужно напоминать, что я «лишен всех прав», в том числе права любить вас и охранять, как того требует сердце, полное любви и благодарности, ваше спокойствие. Ты по опыту знаешь, справедливая мамочка, что когда от меня зависело, т.-е. в прошлом году, а также и в нынешнем до самого последнего времени, я писал тебе чуть не с каждой почтой. И теперь с охотой и радостью я бы делал то же самое, но... Но я не знаю, дойдет ли и когда, может быть, тоже через месяц, до тебя это письмо. Бодрости, бодрости и веры в будущее, бедная, измученная мамочка! Верь, если только у нас хватит сил переждать и пережить настоящее, оно пройдет, как хмурая туча, после которой небо становится еще чище, яснее и природа с новым ликованием и новыми силами начинает новую, прекрасную жизнь. Вы, мои хорошие мамочка и отец, вы в своем одиночестве и страдании стоите, как те могучие дубы среди поля, над головами которых гремели бури и непогоды и которые остались целы и невредимы, несмотря на то, что удары времени оставили неизгладимые следы не только снаружи, на коре их, но проникли страшными ранами до самого сердца. Когда я долго не получаю писем или когда держу в руках свеженькое, только-что полученное и еще непрочтенное письмо, я с трудом борюсь с вихрем подозрительных мыслей: «старики, ведь они измучились». Но затем я припоминаю все, что вами уже пережито и осилено, и тогда в моей душе вспыхивает согревающее пламя гордой веры в вас: «не таковские мои-то, богатыри! Столько пере-

жили, значит, найдут в себе силы победить невзгоды настоящего». Вера в вас не покидает меня, и с тем бо́льшей бодростью гляжу я в глаза будущему, потому что там, впереди, не только исполнение того, ради чего бог мой, вера моя повелели мне пожертвовать вами, родные, но снова встреча с вами и полная возможность любить вас без вечного страха, что что-нибудь внутреннее или наружное разлучит нас и развеет в разные стороны света белого. Не правда ли, прекрасно будущее и оно стоит того, чтобы ждать его . . .

Родная! Пока я пишу тебе одной. Папе не пишу, хотя уже давно получил от него письмо, в котором он напоминал о больной крестной. Надеюсь, мамочка, ни папа, ни остальные родные не поймут мое молчание дурно — я не ответил папе и не писал родным потому же, почему стал реже писать тебе. Виноват не я. Об'ясни ты им это, пожалуйста. Может быть, через некоторое время можно будет написать им подробные письма, и я, конечно, не премину сделать это . . . Кстати, папа в своем письме спрашивал, получил ли я 100 р., посланные дядей Кир. Вас. еще в феврале; кажется, да, получил, но до письма папы не знал, откуда те деньги, поэтому своевременно не поблагодарил дядю и крестную, что теперь делаю от всего сердца.

Ты уже несколько раз спрашивала в своих письмах, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Мудрено на это ответить просто «да» или «нет». Ответить «нет», будет ложь; ответить «да», но ведь вы помочь не в силах, потому что нуждаюсь не я один, а сотни товарищей, сотни находящихся только на Нерчинской каторге. Раньше каждый из нас имел хоть возможность тратить по 3 руб. ежемесячно (конечно, покупая только самое необходимое: чай, сахар, мыло, марки). Теперь же траты сокращены до 1 руб. 50 коп. и уже пришлось отказаться от фамильного чая (здесь очень дешевого, по 50—60 коп. за фунт) и довольствоваться казенным кирпичным. Финансовые дела наши так плохи, что затруднительно послать лишнее письмо. Сами посудите, что может ответить любой из нас, когда его спрашивают, не нуждается ли он. По чистой совести, я могу сказать тебе вот что, милая мамочка. Насчет белья и одежды, вообще, оставь всякую заботу: все равно напрасно потратишься, не выдадут мне . . . Относительно денег, я уговорился еще с братом весной, чтобы мне присылали ежемесячно рублей по 15—20 на личные расходы, на марки, телеграммы, на то, чтобы выписать иной раз необходимую книгу. Если вы будете присылать мне эти деньги регулярно, буду очень рад и благодарен. Или так: возьми себе за правило в каждом своем письме прилагать по 4 семикопеечных марки на два ответных письма. А телеграммы посылайте с оплачен-

ным ответом. Тогда я буду чувствовать себя более независимо в отношении к корреспонденции. Если бы мы жили поближе друг к другу, я иной раз позволил бы себе роскошь попросить тебя прислать мне чего-нибудь. Но мы живем как-будто на двух отдельных планетах, пересылка страшно дорога и пропадает всякая охота желать чего-нибудь.

Пора кончать, родная. Никогда не сумеешь высказать всего, что бы хотелось. Ну, ладно, самое главное — я здоров и бодр, живу верой в свою правду, верой в будущее и любовью к вам, мои горячо любимые... Обнимаю вас крепко. Будьте живы, здоровы и бодры. Обо мне не тужите.

Сердцем весь ваш Егор.

Родным и знакомым всем привет. Как поживает Николай Николаевич?

LXXI

Горный Зерентуй. 9 сентября.

Ну, дорогие, родные мои, здравствуйте. Снова можете поздравить меня с новосельем. Еще не успел хорошо ознакомиться с новым местом, судя по первому впечатлению, на этот раз я не прогадал. Вы знаете, самое главное, чего я жажду, в чем страшно нуждаюсь, это, чтобы хоть на время дали спокойно вздохнуть. Может быть, этот маленький отдых я здесь получу. Тюрьма большая, каменная, на манер российских. Около сотни товарищей, в одной камере со мной до 40. Сижу на втором этаже и имею удовольствие видеть не стены, а кусочек воли: сопки, деревню, движение людского муравейника. В камере чистота, о которой заботятся сами товарищи, и, несмотря на многолюдие, сравнительная тишина: публика усердно занимается, читает, учится. Значит, и я могу погрузиться в науку, за которой позабываешь о замках и решетках. Родная, милая мамочка, тебя особенно прошу, не тревожь себя понапрасну предположениями о моем переводе из Алгачей сюда: насколько нежелателен и зловещ был прошлый перевод из Акатуя в Алгачи, настолько же желанно было новое перекочевание. Верь мне, ничего страшного за этим переводом не скрывалось. От Алгачей до Горного Зерентуя что-то около 230 верст. Я ехал целую неделю, погода почти все время стояла чудесная, осенняя, и я только желал одного, чтобы путешествие продлилось подольше, чтобы успеть надышаться воздухом лесов, гор и полей, насмотреться на развертывавшиеся передо мной широко-свободные картины. Но, увы! — путешествие кончилось, и я снова в стенах. Здесь я нашел кое-кого из близ-

ких друзей, по которым тосковал в Алгачах, от одного этого будет житься легче.

Получила ли ты, мамочка, мое последнее письмо, которое я послал перед от'ездом из Алгачей? Там я об'яснял, как поудобнее устроиться с денежными вопросами. Я просил в каждом письме прилагать марки для ответа, а телеграммы присылать не иначе, как с оплаченным ответом. Здесь я человек совершенно лишенный собственности: всякая вещь, каждая копейка, приходящая на чье-либо имя, поступает в общее распоряжение всех товарищей. Денежная нужда здесь страшная, все, что было, приходит к концу, получений ждать неоткуда, а только в этой тюрьме свыше 100 челов. товарищей. Впрочем, то же самое в Акатуе и Алгачах.

Моя просьба: не может ли кто-нибудь из родных, имеющих беллетристические произведения русских писателей (Тургенева, Достоевского, Толстого, Горького, Л. Андреева и др.), поделиться с нами своими богатствами? За присылку каждой такой книги буду очень и очень благодарен. Иностранным писателям: Гюго, Диккенсу, Золя и др. буду тоже очень рад. Книжный вопрос для нас очень важный вопрос, особенно, когда так плохо с пищевым вопросом: хорошая умственная пища помогает забыть о недостатке физического питания.

Дорогие мои, родной папа, милая мамочка, я так рад, что вы снова вместе. Всем сердцем моим с вами, родные, добрые, не хворайте, будьте бодры, живите. Вы, папочка, простите меня, что я не ответил вам на ваше милое письмо: были причины, которые мешали мне. Пережиты кое-какие треволнения, о которых вы слышали, вероятно, стороной. Теперь снова все улеглось, успокоилось, и вы не имеете оснований беспокоиться за меня. Целую ваши добрые ручки, обнимаю вас. Привет дядюшке Кир. Вас., милой крестной, всем родным и знакомым Всем желаю здоровья и всего хорошего.

Ваш всем сердцем Егор.

Телеграмма от 30 августа из Уфы получена. Я отсюда телеграфировал туда.

LXXII.

Гор. Зерентуй. 17 сентября.

Дорогой отец, родная, милая мамочка! Пишу вам вторично отсюда. Твое последнее письмо, мамочка, получено мною уже здесь: пространствовало оно довольно долго. Там ты что-то тревожишься насчет меня. Успокойся, родная! Ничего серьезного, и если было что, так теперь все уладилось. Я

здоров и бодр, как всегда. Снова счастлив жить вместе с близкими товарищами, с которыми так хорошо жилось в Акатуе. Скоро я обращусь к вам с просьбой прислать книг. Похлопочите, пожалуйста. Если скажете в книжном магазине, что книги для меня, то дадут большую уступку. — Здесь чувствуется уже дыхание зимы. Хорошо, что я на месте, никуда не надо ни итти, ни ехать.

Родные мои, бесценные, будьте здоровы. Обнимаю вас от всей души. Дядюшке Кир. Вас. и всем родным привет. Хорошая мамочка, напиши, пожалуйста, матери Петруся, что письмо ее, а также коробку с фруктами получил. Не ответил по независящим от меня обстоятельствам. Благодарю и целую ее.

Ваш Егор.

LXXIII.

1 октября.

Не знаю, куда я должен писать вам, дорогие мои. Есть ли кто дома? Боюсь дальнейшим молчанием обеспокоить вас и пишу на всякий случай, авось кто-нибудь получит это уведомление о том, что я жив и здоров и обнимаю всех дорогих.

Егор.

Получил ли папа мое последнее письмо в Саратов, в котором я сообщал о получении 50 руб. по телеграфу?

LXXIV.

Гор. Зерентуй. 7 октября.

Дорогой папа! Поздравляю вас со днем вашего ангела. Мое желание—увидеть вас по окончании всех наших мытарств в добром здоровье, бодрым, счастливым, проводить вместе с вами еще много, много ваших тезоименитств. Не знаю, побалует ли нас судьба, но мое желание в этом отношении так сильно и так постоянно, что обратилось в веру, которая не покидает меня в самые безрадостные минуты моей жизни. Чем печальнее настоящее, тем ярче и желаннее кажется будущее. Родные! Письмо ваше из Саратова от сент. получил. Одно время, узнавши, что вы покинули Саратов, поехали в Москву, я не знал, куда же писать вам; этим только и об'ясняется мой десятидневный перерыв в переписке, не беспокойтесь же. Вы теперь так напуганы, что тревожитесь по всякому случаю. Не стану вам подавать ложных утешений, но взываю к вашему мужеству, вашей вере в будущее счастье, к вашему желанию этого будущего. Будем бодро сносить удары настоящего, будем прези-

рать их: ведь они теперь сыплются так щедро, что нехватило бы человеческой выносливости, если бы на каждый из них обращать внимание. Не оплакивайте меня, не убивайте себя постоянным горестным переживанием моего положения. В том-то и дело, что я свое положение в действительности переживаю легче, чем вы в вашем воображении. Благодаря этому перенесению тех страданий, которые должен был бы чувствовать, я не чувствую, и которые с удвоенною остротою переживаются вами; выходит то, что ваши силы расходуются быстрее моих. Принимая во внимание вашу старость, этот факт кажется особенно печальным и угрожающим. Итак, родные, бесценные, бодрости, побольше бодрости!

Если бы вы немножечко поменьше любили нас...

Несколько слов о себе. Мало-по-малу я привыкаю к новому местожительству. Единственный недостаток его, к которому, кажется, так и не удастся привыкнуть, это — многолюдие и проистекающий из него вечный шум. Спим на нарах вповалку, бок к боку; кажется, камеры переполнены выше всяких пределов, но с каждою неделею пределы все увеличиваются, как у резинового шара при надувании. Россия не устает присылать к нам все новых и новых товарищей. Кого тут только нет? Встречаешь таких хороших людей, что сердце привязывается к ним братскою любовью, случается, конечно, и противоположное: это неибежно при многолюдии. Представьте себе большую комнату 10 шагов шириною и 13 длиною, 2 саж. высоты, в четыре больших окна; вдоль всех четырех стен нары, сплошь занятые постелями; во всю длину камеры стол, который, как мухами, облеплен жителями комнаты во время обеда и чая и не свободнее в обычное время; каждое местечко, где светлее, поближе к лампе, берется с бою... Внешность камеры производит благоприятное впечатление. Стены и потолок выбелены, а за чистотою пола мы сами наблюдаем. В солнечный день, когда сквозь открытые окна к нам вместе с чистым воздухом льются золотые лучи и простор сопок, у нас становится даже весело. Пока еще стоят хорошие осенние дни: ясное небо днем дарит теплом и светом, так что забыл бы об осени, если бы не желтый, безжизненный фон сопок. Изредка в воздухе мелькают снежинки. Я нигде не видал такой чудесной осени, как здесь в Забайкалье. Время проходит довольно безалаберно: шум, наполняющий камеру целый день, дает возможность заниматься только в немногие часы позднего вечера или раннего утра. Другие выработали способность заниматься не взирая ни на какой шум, а я все еще не приспособился. Удивляюсь я нашей публике: стены, неволя, у каждого на воле страдает какая-нибудь близкая дорогая душа, питаются скверно, и все-таки это такой веселый народ, столько хранит в себе бод-

рости, сил, что, глядя на него, еще больше веришь в грядущее счастье. А твои личные несчастья тонут в море общего, когда подумаешь, что все они, твои товарищи, испытывают то же, что и ты. Может быть вам испытания даются потому и тяжелее, что вы страдаете в одиночку. — Если бы вы знали, как хорошо чувствовать себя частицей большого целого, не иметь ничего своего: не только имущества, денег, куска хлеба, но и ощущения своей отдельности — горе, и радость — все общее... если бы вы были способны понять и прочувствовать все это, вы узнали бы секрет, который делает нас столь выносливыми и бодрыми, столь мало чувствительными к тому, что там, где-то на воле, принято называть личными несчастиями. А все-таки, когда вспомнишь о вас, о ваших особенных страданиях, ни в чем не находящих себе утешения и смягчения, — снова превращаешься в того же слабого, маленького мальчика, каким я чувствовал себя когда-то около вас. Болит душа за вас и хотелось бы целовать, обнимать вас, мои дорогие, добрые, исстрадавшиеся без конца...

На прощанье, еще раз обнимаю вас, дорогой папа и дорогая мамочка. Будьте здоровы, родные. Привет всем остальным.

Ваш Егор.

Вчера вечером получил вашу, папочка, телеграмму — Ряжск — Х. Пользуюсь приложенной квитанцией на оплаченный ответ и посылаю вам в Москву поздравительную телеграмму. Жаль, вы не указали адреса, и теперь я не знаю, попадет ли телеграмма в ваши руки. Знайте же, что ответ был послан. Сообщите мне адрес тетушки М. С. Всего хорошего.

Егор.

LXXV.

Гор. Зерентуй. 18 октября.

Дорогой, глубокоуважаемый папочка. Не знаю, застанет ли вас эта открытка в Саратове. Получивши вашу телеграмму из Ряжска, я отвечал вам и поздравлял в Москву до востребования. Должно быть вы этой телеграммы не получили. Потом я телеграфировал вам в Саратов. Два раза получил от вас по 50 руб. — сердечное спасибо за заботу. Пишите, как ваше здоровье. Я писал вам в Уфу. Я здоров. Обнимаю и целую вас, дорогой, милый папочка.

Ваш Егор.

LXXVI.

Гор. Зерентуй. 18 октября.

Так давно ничего не знаю о твоем здоровье, дорогая, бесценная мамочка. Из письма папы из Саратова, а также из его телеграммы из Ряжска я знаю, что вы были в Москве. Зачем? Здорова ли ты? Не лечиться ли ездила? По получении этой открытки ответь мне о своем здоровье телеграммой. Получаешь ли ты мои письма? Обо мне не беспокойся. Я здоров. Мало-по-малу в Горно-Зер. тюрьме собираются все мои лучшие, ближайшие друзья, с которыми так хорошо жилось прошлый год в Акатуе. Поэтому живется мне легко и будет сравнительно легко даже в самые трудные минуты жизни, знаешь, по пословице: на людях и... Благодарю и целую тебя и папочку за присылку денег: два раза получил по 50 руб. Не забывай, мамочка, посылать мои приветы матери Петруся. Будь здорова, родная. Обнимает тебя бесконечно любящий тебя

твой Егор.

Всем привет. Я посылал папе в Москву поздравительную телеграмму.

LXXVII.

1 декабря.

Дорогая, бесценная мамочка. Наконец-то получил от тебя весточку — московское письмо от 10-го ноября. Едва-едва нашел тебя снова—сколько только и куда я ни писал в поисках за тобой. Родная, ненаглядная мамочка, я счастлив известием о том, что операция твоя сошла благополучно и что здоровье твое маленечко поправляется. Хочу верить, что теперь после операции твое здоровье будет вообще лучше. Не расстраивай себя, хорошая мамочка, вечными заботами обо мне: чему быть — тому не миновать. Когда придет горе, успеем нагореваться. А пока живы, будем верить в себя, в свои силы и в будущее. Я здоров, мамуся, ни в чем особенно не нуждаюсь. Если пришлешь мне белья, не будет лишним. — До праздников, надеюсь, буду еще писать. Но если случайно не напишу или не получите, то пусть эта весточка будет для вас частицей моей души, а она — душа моя — вечно с вами, как в будни, так, особенно, в те моменты, когда чувствуется особенная потребность быть в родном кругу. Обнимая тебя, родненькая, горячо, обнимаю папу и всех дорогих.

Ваш Егор.

Одновременно с этим пишу тетушке Марии Севаст. О получении твоего предпоследнего письма (из Питера) я уже уведомлял.

LXXVIII.

4 декабря.

Дорогая сестра! Из вашего письма от 18/XI узнал, что многое из моих писем к вам не понято. Не знаю, чем это об'яснить: должно быть теми условиями, в которых приходится переписываться. В утешение вам скажу, что и я далеко не все понимал в каждом из ваших писем. Постараюсь вкратце передать вам содержание прежних писем так, чтобы вы поняли, наконец. Я сообщал вам о том, как живет теперь каторга. Вы знасте о нашей июльской истории в Алгачах: это было нечто более скверное, чем издевательства Бор-на и Метуса. Теперь я удивляюсь, как мы пережили месяц безумия. Да, это было сплошное безумие. Начать с того, что гроза нагрянула на нас неожиданно: кажется, Бор. был идеалом каторжного начальника и сумел-таки поставить режим в Алгачах на должную высоту. Но только-что он уехал, как его заместитель, казак Измайлов, ни с того, ни с сего, без всякого вызова с нашей стороны начинает новую эру вытягивания жил. — Теперь дело уже шло не об исполнении предначертаний высшего начальства, не о планомерном проведении в жизнь каждой буквы инструкций, а о разгуле бесшабашного казацкого самодурства, действующего по принципу: я начальство и могу в с е делать. Измайлов начал с того, что собственноручно избил одного товарища-политика — за что? — за то, что тот, раскланявшись с начальством, осмелился надеть шапку, чтобы освободить руки для работы. Он избивал прикладами, принуждая людей стоять так, как стоят солдаты в строю. За то, что покрутишь в его присутствии усы, — карцер и приклады. За то, что осмелишься говорить: «г. начальник», вместо «ваше благородие» — карцер и приклады. — Отказываешься итти в церковь прислуживать при церемонии, в которую не веришь, — за это приклады и портупеи: «Ну-те, молодчики, заставьте его пойти в церковь»! — говорил он конвойным про одного политического, отказывавшегося исполнять должность причетника, и «молодчики», снявши свои портупеи, погнали бегом ослушника—ведь это немногим лучше розог, это уже телесное наказание. Уголовных Измайлов порет частенько, а политикам беспрестанно угрожает розгами. Заперевши одного политика в карцер, он приказывает положить около двери розги, чтобы тот мог видеть их сквозь щелку и «чувствовать». Все поведение Измайлова — сплошное издевательство. С ним, как единой стихией, невозможно бороться, можно только, покорившись ему, сделаться рабом его прихо-

тей или... умереть... И вот, в июле мы начали голодовку без всякой надежды на победу. Но воле начальства было угодно отсрочить нашу смерть. Мы проголодали семь дней.—Измайлов был временно отстранен от должности начальника Алг. тюрьмы: повидимому, само высшее начальство поняло, что безумие Из—ва превзошло меру человеческого терпения. Но прошел месяц, меня между тем перевели в Зер., и вот Измайлов—снова и окончательно утвержден начальником Алг. тюрьмы. Его поведение одобрено Селивановым и Эбеловым [1], вся вина взвалена на нас. Носился даже слух, что кто-то из нас, бунтовщиков, наказан, кто карцером, кто увеличением сроков каторги. Не знаю, правилен ли этот слух, он сообщен нам, как величайший секрет. После моего от'езда из Алг. и утверждения Измайлова начальником тюрьмы, положение оставшихся товарищей сделалось до того невыносимым, что они мечтали о смерти, как об избавительнице. В конце-концов почти всех их перевели сюда, но на смену им послали новую партию политических в 28 чел. Конечно, сейчас же по приходе их в Алгачи в начале ноября 19 человек из них были избиты прикладами «так тяжко, как еще никогда не били в Алг.». Многие попали на 15 сут. в карцер и опять угрозы розгами. Они пишут, что не видят иного исхода, кроме самоубийства. Мы, хотя у нас лично нет конфликтов, чувствуем себя близко заинтересованными в судьбе алг—цев и решили, что в случае применения розог к кому-ни-будь из политических на Нерч. каторге (не только в нашей тюрьме) будем протестовать вплоть до смерти. Значит, впереди карийская трагедия [2]; погибнут, конечно, лучшие... Пример Измайлова соблазняет и других тюремщиков: в Акатуе тоже нечто ужасное, там свирепствует капитан Шмарченко [3])... Конечно, наши испытания неизмеримо меньше тех страданий, которые переживает вся страна, но сознание этого не снимает с нас долга защищаться от произвола так, как можем и умеем. Пусть поймет нас воля и не обвиняет, если погибнем.—Вот в каком положении находимся мы и вот о чем писал я в прежних своих письмах. Помнят ли о нас в далекой России, не знаем, но вблизи, кажется, друзей мы не имеем. — Простите, сестра, за невеселые новости, оставьте их втайне от мамы. Привет.

Ваш Егор.

Письмо не подлежит оглашению.

[1] Селиванов — иркутский генерал-губернатор. Эбелов — военный губ. Забайк. и атаман Заб. Каз. войск.

[2] Автор имеет в виду знаменитую карийскую трагедию 1889 г., окончившуюся самоубийством нескольких заключенных.

[3] Начальник Акатуевской тюрьмы.

Для Любы С — вой.

Мама не должна знать содержание письма.

Забыл кое-что прибавить. Маруся Сп. очень больна, она тает, как свечка. И это служит для всех нас предметом неутешного горя. Если бы ей теперь воля и юг, может быть еще можно бы было спасти. Внутренние отношения среди заключенных имеют в себе тоже много тяжелого; отражение настроений воли: интеллигенция и рабочие, партийные и беспартийные и т. д. Тюрьмы переполнены, живем без воздуха. Голодаем; белья нет. Силы, очевидно, истощаются, близок момент, когда начнутся повальные заболевания и сумасшествия. Среди того вечного шума, который преследует вас круглый день, при скверном питании, при мелочных внутренних неурядицах и вечном ожидании конфликтов занятия почти невозможны. Но все-таки, вы сделаете нам великое благодеяние, если будете снабжать нас книгами: только за книгой мы забываемся и отходим душой. Всякая книга будет пропускаться, если у ней будет скромное, чисто научное заглавие. Если до лета ничего не изменится, то стану просить своих стариков хлопотать о моем переводе в Россию: не только Шлис., но и самая дорога кажется мне заманчивой, все-таки отдохнешь немного; с удовольствием вспоминаю о дороге из Алгачей сюда. Наши больные нуждаются в кофе и некоторых иных продуктах, но покупать это не имеют средств. Присылайте изредка на имя Лидии Пав. [1] (она здесь в лазарете). Пришлите ей также цементу для пломбирования зубов. Пришлите новую книгу В. Чернова «Философские и социолог. очерки». Сообщите открыткой в Петербург, издательство «Труд и Борьба», что две их посылочки на мое имя получены. Спасибо. Лучше всего книги и посылки посылать на имя Лидии Павл. (Гор. Зер., тюремный лазарет). Послали ли г. Хлороформову 35 руб.? Переведите телеграфом. О получении этого письма сейчас же известите меня.

LXXIX.

7 декабря.

Привет вам, дорогой папа и милая мамочка! По моим вычислениям этот привет должен дойти до вас как-раз к праздникам. Поздравляю и обнимаю вас от души. Да не омрачается для вас день радости грустными воспоминаниями обо мне. Мое сердце, мои мысли с вами, родные, бесценные; все, что есть самого ценного во мне, будет с вами, и не печальтесь, что

[1] Езерская.

только наши тела отделяются многотысячным расстоянием. Буду вызывать в своем воображении картину вашей жизни: надеюсь, к праздникам вы все собиретесь вместе, чтобы в своем, родном кругу отдохнуть для новых забот. Отдыхайте же полнее, всею душою пейте счастье отдохновения. А я — я тоже отдохну в воспоминаниях о вас, моих близких, ненаглядных. Обнимаю и целую всех вас вместе и каждого в отдельности, всем желаю здоровья, бодрой, светлой жизни и всего, всего самого лучшего. Не посылаю родным отдельных поздравлений, но зато прошу вас, папа и мамочка, сказать всем им, что этот привет относится и к ним. Привет от верного вам

Егора.

LXXX.

11 декабря, суббота.

Дорогой отец, дорогая мамочка!

Повинуясь вашему желанию, я пишу вам. О чем же писать? — сами знаете, не о чем... Ну, я жив и здоров, бодр, спокоен и жизнерадостен,—все это может быть даже в излишней мере, когда я знаю, в каком состоянии находитесь вы.

Еще хотелось бы мне написать вам так, чтобы каждое слово письма дышало любовью, которая бы могла хоть немножечко согреть вас, осветить вас в вашей тоске, в ваших страдниях... Такого письма отсюда я написать не могу и не умею.

Дорогие мои, бедные, горячо любимые! — простите меня. Преклоняюсь перед вашими сединами и морщинами. Прощайте же. Любящий вас до последнего вздоха, благодарный вам без конца — ваш Егор.

Если не придется еще написать, то напоминаю вам, что в приближающиеся праздники я буду душевно вместе с вами. Наша взаимная любовь осталась крепкой, и ее не победит не только расстояние, но даже самая смерть. Для меня это великая радость. Простите, прощайте. Вас обоих, мои дорогие, и милого брата обнимаю и крепко целую. Горячий привет всем родным, тетушкам, деткам: пусть дети растут и будут счастливы за нас за всех.

Ваш Егор.

LXXXI.

15 декабря.

Маме.

Родные мои, бесценные! Сегодня только 15-е декабря, но я спешу написать вам мое новогоднее поздравление, потому что мне кажется, если вы в день нового года останетесь без

моего письма, то для вас и праздник будет не в праздник, а тот, кто печален в новый год, рискует быть печальным целый год. Ненаглядные мои, дорогой папочка, милая, хорошая мамочка и вы все — остальные дорогие, родные, уж вы как-нибудь постарайтесь провести день нового года повеселее, чтобы наступающий год не обманул вас и дал вам хоть капельку счастья. Пусть это будет даже не самое счастье, а отсутствие какого-нибудь нового несчастья. Я же буду в тот день молиться, чтобы бог был справедлив к вам, чтобы злая судьба, наконец, позабыла вас. О, судьба, судьба! Достаточно, слишком достаточно ты мучила моих бедных, дорогих стариков, пощади же их, дай им отдохнуть. Никаких благ я не прошу, только одного отдыха. Неужели ты, судьба, так несправедлива, что не видишь, сколько прав имеют они на отдых?!. Итак, родные, я буду молить об отдыхе для вас. Если этот год пройдет сравнительно спокойно, без новых смертельных тревог, то, может быть, мы и доживем до настоящего счастья, когда обнимем друг друга на свободе. Во имя этого светлого счастья, силой веры в него будем жить и ждать...

Обнимаю вас всех вместе и каждого в отдельности и целую горячо и крепко. Любите друг друга и хоть взаимной любовью поддерживайте дух. Будьте здоровы и обо мне не беспокойтесь: я пока жив и здоров и люблю вас с каждым днем все сильнее, крепче, горячее.

Ваш всем сердцем Егор.

Прилагаемый список для Вани, чтобы он знал, в каких книгах я, главным образом, нуждаюсь. Еще раз напоминаю, что у книг страшных заглавий не должно быть.

Привет и поздравления Ек. Ник. и всему ее семейству; мои приветы ей передавайте всегда, даже когда я не пишу об этом: я не пишу в предположении, что вы сами знаете о вашем долге передавать мои приветы всем родным.

LXXXII.

18 декабря.

Гор. Зер(ентуй).

Дорогой, уважаемый отец!

Настало время послать вам поздравление с новым годом и высказать мои пожелания. В последних вы не сомневаетесь, но поздравить — с чем же может поздравлять человек в моем положении? Могу ли я подарить вас хоть лучом надежды, что испытания наконец кончатся и будущее вознаградит вас за минувшее? По совести — нет, ибо даже за завтрашний день не могу поручиться.

Пережита смертельная болезнь после акта, пережит Шлиссельбург, пережиты Метус и Бородулин, пережит даже Измайлов. Но сколько еще Измайловых ждет меня завтра, после завтра, на каждом шагу? Нам не стесняются в глаза говорить о том, что если мы живы до сих пор, то вовсе не потому, что «нас уважают, как порядочных людей», и что, если бы да кабы, то нас давно бы всех перебили, потому что «все мы подлецы и разбойники»!.. И нас убивают, если не прямо, то косвенно, если не сразу, то медленно. Из Алгачей избитые прикладами пишут: «для нас одно спасение — самоубийство» [1] — убивают те, которые имеют незавидное мужество говорить в лицо безоруженному «вы — подлецы и разбойники».

На наших глазах происходит окончание истории, начатой Ждановым и Аврамовым [2] и продолженной Метусом и Бородулиным. Эти незабвенные «четверо», память которых кровавыми буквами записана на вечные времена в черном синодике истории, сделали с Марусей Спиридоновой то, что она тает, как свечка, и перед нами все яснее и ближе роковой конец. Этого конца ж е л а ю т, его с о з н а т е л ь н о в ы з ы в а ю т: вот уже несколько месяцев, как под разными предлогами оттягивают переезд Маруси в лазарет. О, как хотят добить Сп—ву, как завидуют славе незабвенной «четверки»! — Перед Марусей ставят дилемму: перевод в лазарет вместе с ее ближайшим другом Измаилович, которая одна только и может помогать больной, но при непременном условии выселении из лазарета двух больных товарищей: Езерской и Каплан [3]. Маруся э т о й дилеммы, конечно, не примет и предпочтет догорать в убийственной для нее Мальцевской тюрьме... А мы — мы неужели станем равнодушно смотреть на смертоубийство, совершаемое над бесконечно дорогой нам Марусей, той Марусей, за отмщение страданий которой люди с восторгом шли на эшафот?.. Нет, мы не имеем права быть «зрителями» совершающейся на наших глазах драмы. Пусть у нас руки связаны, но если мы бессильны защищать ее активно, то еще можем умереть вместе с нею.

[1] Подробности об избиениях в Алгачах см. в статье *А. П. Станчинского* «В Алгачах», в № 3 «Каторги и Ссылки».

[2] Жданов, помощник пристава в Тамбове, и Аврамов, казачий эсаул, прославились теми истязаниями, которым они подвергли М. А. Спиридонову в 1906 г. после ее ареста. О ней см. в книге *В. Владимирова*. Мария Спиридонова, М. 1906 г.

[3] Каплан Фаня Ефимовна, анархистка, в 1906 г. была арестована в Киеве по делу о взрыве бомбы и приговорена к пожизненной каторге. Сидя в Мальцевской каторжной тюрьме, стала социалисткой-революционеркой. В 1918 г. покушалась на В. И. Ленина. Расстреляна. О ней см. статью *И. Волковичера*. «К истории покушения на Ленина», в № 18—19 «Пролетарской Революции».

Отец! — В то время, как человечество будет кликами приветствовать новый год, мы будем умирать голодной смертью.

Отец! — Пойми, что это единственное, что может сделать твой сын, чтобы остаться достойным себя... Пойми, и прости за такой новогодний подарок. Об'ясни маме необходимость и честность моего поступка.

Обнимаю вас, дорогой, любимый отец. Надеюсь писать вам еще раз.

Ваш до последнего дыхания Егор.

LXXXIII.

25 декабря.

Родные, горячо любимые!

В этот день особенной радости для счастливцев и удвоенной грусти для обойденных судьбою хочу напомнить вам, что для чувства, спаивающего нас, нет пространства и что думами я вместе с вами, в кругу близких, милых сердцу, родных. Весь день сегодня я ощущал веяние радости... Мне не хочется вспоминать то тяжелое, что осталось позади, я хочу передать вам, что несмотря ни на что, я все еще жив и чую в себе еще неизрасходованные силы жизни... Милые, какое тихое, спокойное, какое безоблачное счастье чувствовал я сегодня. Если бы вы там также безоблачно провели этот день!.. Светило ли и для вас такое же яркое солнце? — чувствовали ли вы мое присутствие среди вас?—любили ли вы друг друга чистой, неомраченной любовью? Если все это у вас имелось на-лицо, то и вы были сегодня счастливцами...

С внешней стороны мы сегодня были тоже наверху благополучия. Благодаря тому, что кое-кому из товарищей прислали посылки, мы имели обычные, праздничные вкусные вещи. Услышать об этом мамочке будет, конечно, особенно приятно.

На-днях получил письмо мамы из Москвы от 1 декабря, посылки еще нет. Заранее радуюсь ей. Прошу передать Ване, чтобы он книг по ранее посланному списку не посылал, потому что многие из указанных там книг уже получены товарищами. Пусть он имеет новинки: живя в Москве, он ежедневно проходит мимо витрин книжных магазинов и видит, чем живет интеллигентная мысль. Книги, это — Ванина обязанность. А мамочка пусть позаботится о белье и иных полезных вещах. Если мамочка станет изредка присылать разные мелочи, в роде чулок, гребешков, мыла, почтовой бумаги и конвертов, на что здесь приходиться тратить деньгу, урезывая расходы на чай, буду очень благодарен.

Как чувствует себя мамочка после операции? Как здоровье папы? Не снимались ли вы в этом году? — Если да, при-

шлите карточки. Хочется поглядеть, сильно ли вы постарели. Нет ли у вас семейной группы?

Как учатся Ваня, Зина, как живут детишки?

Родные! — всех обнимаю, начиная с вас, мои старые, бесценные папочка и мамусенька, и кончая малышами всех рангов. Будьте здоровы и бодры.

Ваш Егор.

LXXXIV.

26 декабря.

Сегодня получил письма Любы и Зины, целую их. Зиночка по-немецки пишет великолепно. Что, если бы она также хорошо писала по-русски.

Бедная сестра, опять ее совершенно не поняли. Когда же этому будет конец? Я измучился за нее...

Почему Виктор Викторович так убивается? Насколько я знаю, его сестренки обеспечены, в общем они имели около 3.000 руб. дохода.

Привет, дорогие. Пишите так же часто и так же хорошо, как я — или, может быть, и вы моими письмами недовольны?

От души поздравляю именинника, обнимаю его горячо и желаю счастья и успехов.

Весь ваш Егор.

1908 год.

LXXXV.

1 января.

С новым годом, родные, бесценные! С новым годом, дорогой, уважаемый папочка! С новым годом, милая, родимая мамусенька! Обнимаю вас крепко, горячо, всей душой, всем сердцем желаю прежде и больше всего здоровья. Затем—бодрости, веры в будущее. Если будет здоровье, да прибавится согревающая сердце вера, то вы сможете победить ваши старые годы, вашу измученность и доживете до того, увы, еще не близкого дня, когда свободные обнимите свободного сына, который вас так любит, но волей судьбы принужден был сделаться для вас причиной неисчислимых страданий. Всем остальным близким дорогим желаю, чтобы новый год каждому принес наиболее желанное им. Детям желаю светлого, беззаботного счастья и успехов в жизни: пусть растут умными и честными людьми и пусть им и тем, с кем связана их судьба, выпадет счастье и только счастье без отравы... Все это касается всех, как живущих под одною кровлею с вами, также и тех, которые отделены от вас большим и малым пространством. Пе-

редаете ли вы приветы тетушкам А. Н. и М. С. с их домочадцами?

Пишите, как провели праздники? — кто был дома и кого не было? — дома ли папа? Прошу его не беспокоиться по поводу одного слишком мрачного письма, которое я писал ему в Саратов. Как видите, погода часто меняется, и очень темное вчера сегодня кажется серым. Человек живуч и многое переносит и со многим мирится ради того великого, чем живет душа . . . Так и я: жив бог мой, жива душа моя и я сам жив.

Не беспокойтесь же обо мне, мои добрые, любимые. Пишите почаще — вашему Е г о р у.

Прилагаю для мамочки мою карточку самого последнего времени — о получении не забудьте известить.

LXXXVI.

3 января.

Спешу известить дорогую мамочку о получении всех посылок. Очень, очень благодарю и целую тебя и тетушек М. С. и А. Н. Все получено в целости и в самом лучшем виде. Особенно рад белью, оно очень хорошо, впору. Масло, сухари и кофе — роскошь. Спасибо, родные! Теперь пока не посылайте ничего. А то и за это совестно, так много хлопот и расходов. Будьте здоровы, мои родные, беззаветно любимые. Обнимаю и целую всех вас вместе и каждого в отдельности.

Ваш Е г о р.

Зине напишу отдельное письмо.

За все ваши посылки слабым вознаграждением пусть будет хоть моя карточка, которую я послал вам при новогоднем письме. Привет всем.

LXXXVII.

11 января.

Привет милой, ненаглядной мамочке! Привет дорогому отцу!

Ваше письмо от 26/XII получил вчера. Оно порадовало меня странной радостью. Время перед праздниками — самое тяжелое для меня время, потому что больше всего чувствуется ваше положение.

Время праздников — время светлого, повышенного веселья для всех и время особенно обостряющейся грусти для вас, мои ненаглядные, покинутые. Со страниц вашего письма веет тихою грустью, а я уж этому рад, все-таки она свидетельствует о том, что, кроме нитей, неразрывно, непрестанно связывающих вас со мной, есть еще иные нити, привязывающие вас к жизни, далекой от меня и близкой вам. Я был бы счаст-

лив слышать, что ты, мамочка, все больше и больше привязываешься к детишкам, находя в них отраду и успокоение. Люби их, возись с ними побольше, они своею чистою, детскою любовью будут помогать тебе жить. Это твои маленькие доктора. Я буду очень рад получить карточку, где буду видеть бабушку, окруженную внучатами. Пришлите, пожалуйста, карточку.

Родная, добрая мамуся! Обо мне не беспокойся. Я здоров и бодр. К сибирским холодам мы привыкли здесь, — это только вам, европейцам, они кажутся нестерпимыми. Потом наши камеры ведь все-таки топят, правда, не так жарко, как, бывало, Маша натапливала наши горницы. Но жить можно и здесь. И я буду жить, пока живется, охота дожить до лучших времен.

Я уже извещал вас о получении всех ваших посылок и благодарил вас за них, и еще раз благодарю.

Почему тетушка А. Н. рассталась с бабушкою своих дочурок? Недавно я ей писал. И как они все живут? Пишите обо всех и подробнее. Не забывайте передавать моих приветов и пожеланий.

Недавно получил письмо от М. А. Я уже писал ей раньше и еще собираюсь писать. Привет дорогой Мимозе . . . [1].

Получили ли мою карточку, посланную с праздничным приветом?

Как страшно велико пространство, отделяющее нас! Как многое может измениться, пока только идет письмо! Вы, посылая мне письмо, может быть, жили самыми богатыми надеждами, которые дымом рассеялись к тому моменту, когда письмо дошло до меня.

Точно так же и наоборот . . .

Из этого следует, как было бы хорошо, если бы мы были поближе друг к другу. Может быть, это, в конце-концов, так и придется устроить. Но хлопотать об этом должны уже вы, а не я.

Обнимаю вас, горячо и горячо целую всех до единого. Пишите любящему вас беззаветно Е г о р у.

А на присланное мамой белье не могу налюбоваться, давно уже не носил такого человеческого белья. Спасибо.

LXXXVIII.

14 января.

Родной, дорогой мой папочка! Мне очень больно, что я своим письмом заставил вас мучиться от беспокойства за меня. Дело в том, что в тот момент, когда писалось письмо,

[1] Мимоза здесь и ниже — условное имя М. А. Прокофьевой.

обстоятельства были действительно очень плохи. Я рассуждал так: если я сам не уведомлю его о несчастии, то он все равно узнает из посторонних источников и будет, может быть, от этого страдать еще больше. И написал вам... На этот раз обошлось не так печально, как я предвидел, хотя и не особенно радостно, и я думаю, вы не станете сильно бранить меня за то, что я доставил вам напрасное беспокойство. Я делал все, чтобы поскорее успокоить вас, и писал вам на святках и даже телеграфировал — все домой, что теперь я здоров и нет оснований пока беспокоиться за меня. Но вы, вероятно, уехали из дому раньше, чем получились мои письма. Простите же меня, дорогой, добрый папочка!

Вашему завету терпеть до конца я всегда следую и сил терпеть у меня еще надолго хватит. Горяча и непоколебима моя вера попрежнему. Но, родной мой, вы знаете мои взгляды и правила, которые руководили мною в жизни, и вам известно, что бывают такие положения, мириться с которыми я не считаю себя в праве. Об'яснять это вам, думаю, лишнее, потому что вся моя жизнь свидетельствует об этом. Я хочу, хочу жить — хочу, потому что я еще молод и люблю жизнь, потому что чувствую в себе еще неизрасходованные силы, потому что я не принадлежу себе — все мое сердце отдано будущему и, наконец, потому, что я еще не получил от жизни с в о е г о с ч а с т ь я; я люблю вас, хочу снова быть вместе с вами, родными, близкими, хочу урвать у судьбы хоть немножечко счастья, любви, чтобы бросить его к вашим ногам, мои бедные, истомившиеся. Не знаю, сбудутся ли мои мечты, но я не теряю надежды, что они, мои мечты, сбудутся. Сам я от них не откажусь ни за что. Ну, а если судьба жестоко надует, — это уже ее дело и спорить против ее произвола я бессилен.

Знаете, папочка, какие дикие несчастья случаются иногда с человеком: идет человек беззаботный, полный радости и надежд, идет, может быть, туда, где его ждут дорогие, любимые люди, или на хорошее важное дело, и вдруг, откуда-то падает камень на голову человека и нет человека! А сколько таких камней в жизни — удивительно, как еще не пришибло одним из них...

Я обхожу эти камни, насколько могу, но за постоянную удачу и впредь поручиться, конечно, не могу. О, как много этих камней, если бы вы только представили себе!..

Итак, дорогой папочка, пока-что я здоров и не беспокойтесь обо мне. У вас и так беспокойств по горло и вы должны справляться с ними один, мой одинокий, уважаемый папочка. Дай бог вам долгой жизни, много сил и здоровья.

Будьте же здоровы! Обнимаю вас крепко и целую.

Любящий вас сын ваш Е г о р.

Вы простите меня, что вам я пишу редко, но я часто пишу домой, а это ведь все равно вам. За вашу постоянную заботу обо мне и за присылку денег я ваш неоплатный должник, бесконечно благодарный вам. Привет Саратову и всем, кто меня там помнит.

LXXXIX.

20 января.

Привет дорогой, милой мамочке! На-днях получил твою последнюю посылку: какао, кофе, масло и валенки. Спасибо, родная. Ты стала меня очень баловать, я уже давно отвык от такой роскоши.

О себе нового сообщить ничего не имею. И это хорошо: теперь хорошие новости очень редко бывают, и как ни плохо старое, все-таки держишься за него — по привычке.

Сижу себе в одиночестве, читаю, а в минуты отдыха уношусь мечтой к вам, моим милым. И грезится мне то радостное, то печальное: ведь так далеки мы друг от друга, такая особая у каждого жизнь. Живы ли, здоровы ли? Может быть, в эту минуту страдаете? Есть что-то успокоительное в сознании своей безнадежности: все равно, ты бессилен и ты ничему не поможешь. Пусть события развиваются, пусть судьба шутит свои дикие шутки: мой долг и мое единственное утешение, которого у меня ничто не отнимет, это — оставаться верным самому себе.

Ищите же и вы утешения в сознании своей правоты и в вашей вере.

Да, получил сегодня телеграмму Любочки и встревожился: не напрасно ли она собирается ехать к сестренке, значит, та больна. Боюсь за сестру, боюсь и за Любу. Родные, бесценные, берегите ваше здоровье, следуйте правилам благоразумия. Все вы такие хрупкие, ненадежные и не хотите слушать добрых советов лечиться, пока есть еще время. Вот и Любочка не послушалась, а я давно, ведь, советовал.

Пишите, по крайней мере, почаще.

Родная мамусенька! Лечишься ли ты, принимаешь ли ванны, как предписали врачи? Исполняй все требования медицины и будь здорова, любимая.

Может быть, еще доживем до более светлых дней.

О своем Егоре думай без печали: он бодр и здоров, а любит тебя безмерно. Всех, всех обнимаю.

Ваш Егор.

Привет детишкам. Поцелуй Зине, Тоне и тетушке А. Н.

XC.

23 января.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Уведомляю тебя о получении твоей посылки (от 2 янв.) с книгами. Не найду слов, чтобы выразить мою радость и мою благодарность. Этот подарок самый лучший из всех, которыми ты так щедро осыпаешь меня последнее время. Спасибо, спасибо, родная, добрая! Буду очень благодарен, если ты и впредь будешь делать то же самое: от этого ведь я никогда не отказываюсь.

В вашу Уфу, вероятно, попадает кое-что хорошее, интересное. А справляться о том, что может мне понравиться, вы должны в магазине Алексея Кирилловича [1]: там ведь я был постоянным покупателем. Будь здорова, дорогая, я здоров. Привет всем. Тебя обнимает твой Егор.

Пришлите пары две белья из пестряди, надо. И белья из белого холста. Две наволочки. Личного мыла, филодермину (для рук).

XCI.

30 января.

Дорогая, бесценная мамочка! Твое письмо от 13 января получил (и марки при нем). Я так рад был прочесть, что святки прошли для тебя в хлопотах. Но я боюсь, что дела, дающие забвение, дурно отразятся на твоем здоровье. Береги его, ненаглядная мамусенька, и исполняй все предписания врачей. Принимай ванны, делай массаж. Храни, насколько можешь, драгоценную жизнь. Авось доживем до чего-нибудь хорошего. Почему ты не пишешь, получила ли ты в моем новогоднем письме мою карточку? Неужели не получила? Кажется, не все мои письма доходят до тебя. В этом я уже не виноват, родимая. А пишу тебе каждую неделю, иногда даже чаще. То белье, которое ты прислала из Москвы, как-раз впору, меньше не надо. Все твои посылки, о которых ты упоминаешь в последнем письме, я получил. Благодарю за все И деньги получаю. Будь здорова, дорогая. Обнимаю тебя и всех милых. Е. Белья еще пришлите.

XCII.

10 февраля.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Письмо твое от 20 января получил. Спасибо, моя хорошая. Я очень рад, что доставил тебе такую большую радость своим новогодним подарком,

[1] Алексей Кириллович Прокофьев, отец М. А. Прокофьевой. В его доме в Уфе помещался книжный магазин с.-р. Булановых.

мне бы хотелось почаще радовать тебя, но, к сожалению, не имею возможности. О посылках — твоей последней и тетушки М. С., когда получу их, сообщу тебе. Удивляюсь, что еще до сих пор не получил денег, высланных вами 14 января. Как вы послали, почтой или телеграфом? А прежнее все получено. И за все благодарю и целую. Родная моя! через неделю масленица, потом пост, пасха, а потом и весна! Так быстро летит время. И это хорошо. К чему бы нас ни привело время, к радости ли, к горю ли, хорошо, что настоящее проходит: в нем мало утешительного и не пожелаешь, чтоб оно тянулось подольше. Впрочем, мы еще живы, а значит и будем жить, как подобает настоящим живым людям: будем бодро проходить по дороге своей жизни к светлому будущему. Если выживем, то дождемся его. Будем же жить и верить. Я здоров и бодр. Будь и ты здорова, родная, будь здорова на зло всем своим болезням, лечись, пожалуйста, прошу тебя. Пиши больше и чаще — о себе, о внучках, о родных. За кого выходит Мария Ник.? Если свадьба состоится, поздравь ее от моего имени и передай ей, что я от всей души желаю ей самого полного счастья, самой полной и хорошей жизни. На-днях получил письмо от Аг. Тих. [1], такое печальное письмо, страшно жаль старушку. Она, вероятно, в каждом письме моем надеется найти один ответ на вопрос, который она постоянно задает мне, — о своем сыне. Но что я могу сказать ей, кроме одного, что он, конечно, жив. Читаете ли вы, мамочка, с сестрой, как я просил ее? Твое письмо, несмотря на грусть, которою веет с его страниц, все-таки порадовало меня тем, что ты в своем горе не забываешь общего горя, частичкою которого являются все наши испытания. Когда дышишь заодно с другими, то легче дышится. Я так начинаю любить своих племянниц за то, что они своими детскими ласками согревают бедное, уставшее, исстрадавшееся сердце бабушки. Из них наверное вырастут умные, хорошие девицы. А если они будут побольше ласкать и радовать свою бабушку, то за это, наверное, будут счастливее нас. У нас теперь, мамусенька, зима кончается, чувствуется поворот к весне. Дни становятся длинными, светлыми. Иногда так пригревает, что притаивает. На прогулке не можешь надышаться свежим, опьяняющим воздухом. Где есть жизнь, там и свои радости, хоть малюсенькие. Видишь ли ты солнце, радуешься ли дыханию приближающейся весны? А мне солнце напоминает прежние ясные дни, мой сад, мои цветы и мою ласковую мамочку. Как-то она бродит теперь?.. Папе не забывай передавать мои приветы и поцелуи. Ну, до свиданья, родная, хо-

[1] Карпович.

рошая. Целую твои руки и глаза. Дай бог тебе здоровья. Всем дорогим привет.

Твой всегда Егор.

Да, отвечаю на твой вопрос: письма твои из Питера и Москвы получил.

XCIII.

24 февраля.

Мои дорогие, бесценные. Как я рад, что вы, наконец, вместе, не знаю, надолго ли. И я могу ответить сразу, — вам, папочка, на ваше письмо от 1 февраля и на твое последнее письмо, мамочка, от 10 февраля.

Мой дорогой, уважаемый папочка, прежде всего, не знаю, как теперь ваше здоровье? Прошла ли ваша болезнь? Бывают моменты, когда я при получении телеграммы от вас начинаю дрожать, не решаясь заглянуть в нее: что она приносит с собою — радость или горе? Да, родной мой, будьте лишь вы здоровы, а я буду здоров и бодр, насколько это от меня зависит... Очень жалею, что напугал вас своей телеграммой. Мне не пришло в голову, что вас смутит меньшее число слов, чем было оплачено в ответе, я полагал, что обратите внимание на самые слова, а не на количество их.

Милая мамочка! За письмо от 10 февраля спасибо. Деньги ваши я уже получил, а посылок все еще нет. Но это, конечно, потому, что посылки идут с почтой, а письма со скорым поездом. Как жаль, что масло опоздало к масленице. Начинается пост. Для нас он немногое переменит; думаю, что можно надеяться, что умеренность в течение всего года зачтется на весах вечной справедливости за строгое пощение в продолжение нескольких недель. За наше солнце, мамуся, не беспокойся, оно у нас светит так же светло и тепло, как и у вас там. И у нас здесь день стал длиннее, и хотя бывают морозцы, но иногда так пригревает, что чувствуется близость весны.

Весна, весна! Говорят, она приносит ежегодно новые надежды. Я здесь не верю весне и не жду от нее ничего хорошего. Моя вера выше этого и заглядывает много дальше, чем на одну весну.

Пройдет еще не одна весна, которую я должен буду провести здесь, в этом я твердо убежден и ни мало не удручен этим. Впрочем, от вас зависит, то-есть, отчасти и от вас, буду ли я здесь или где-нибудь поближе к вам. Повторяю, личные выгоды не заставляют и не могут заставить меня желать переме́нить место заключения — трудно решить, где лучше и где хуже — и этим я не желаю руководствоваться, но, может быть, вы сочтете нужным, чтоб я был поближе к вам. Выиграем ли мы от этого что-нибудь, судите сами, вам лучше знать, где —

как живется... Одно ведь несомненно для меня: пока я нахожусь здесь, я не увижусь с вами до самого конца срока: вас я не ожидаю к себе, а нас на побывку ведь не пускают и пускать не будут. Вот и решайте, стоит ли вам хлопотать (в главн. тюремн. управл.) о моем переводе куда-нибудь. Поправляется ли брат? Чем он лечится; вероятно, старыми лекарствами, в роде опольдекока [1] — я уж и названье-то забыл этого милого лекарства, с которым был знаком еще в детстве. Все это ерунда, давно дискредитированная успехами новой науки, нужно что-нибудь посвежее.

Недавно получил большое письмо от Вани и две открытки от Нины [2]. Милая Нина, она все еще помнит, как я когда-то любил живопись в духе Нестерова, и прислала мне открытку с юноши «Сергея Радонежского». Новейший стиль мне теперь больше нравятся, мои любимцы теперь: Шишкин, Левитан, Едли, Ге, Штук и друг. художники, умеющие передавать душу природы и человека, как она сказывается на самом деле, а не в мифах... Если вам иногда нечего писать или не время, то, чтобы хоть заявить о самом факте вашего существования, мои родные, дорогие, посылайте открытку с видом и надписью в несколько слов. Ну, будьте здоровы, ненаглядные. Обнимаю вас. Если я согрешил в чем против вас, то сегодня прощеный день и я прошу у вас прощенья. Ваш Егор.

Мамочка, лечись и береги свое здоровье. Папе не смею советовать этого, дела ему всегда мешают. Пишите об его здоровье.

XCIV.

18 февраля.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Получил от тебя письмо от 4 числа и обеспокоился твоим сообщением, что ты давно ничего не получаешь от меня. Я ведь пишу тебе часто и мне тем тяжелее услышать, что мои желания обеспечить твое спокойствие пропадают даром. Твоя ответная телеграмма немного успокоила меня надеждой, что ты получила мои хоть последние письма. Родная! Если ты долго ничего не получаешь от меня, присылай телеграмму с оплаченным ответом и я сейчас отвечу. Вы будете знать, что я жив, и успокоитесь. Теперь с нетерпением ожидаю твоей карточки. Хочу и боюсь увидеть, чем-то стала моя милая, больная мамочка, постарела и похудела, должно быть, страшно. Пишите мне о папе, оправился ли он после своей болезни. Меня все больше и больше привлекает мысль сократить расстояние, разделяющее нас. Если бы вы похлопотали о моем переводе в какую-нибудь из более близ-

[1] Автор говорит об оподельдоке.
[2] Зот Созонов.

ких к вам тюрем, может быть что-нибудь и вышло бы. Если бы я был даже в Александровском централе (около Иркутска), то и в таком случае вы бы могли видеться со мною раз или два в год. Правда, такие свиданья мало дают радости. Может быть даже больше горя, чем радости, но все-таки для вас было бы легче чувствовать меня поближе к себе. Здесь же нет никакой надежды увидать вас до самого конца, а когда он будет? Подумайте об этом, а я не прочь переехать куда угодно, только бы для вас было легче. К сожалению, до сих пор не получил денег, о которых вы писали мне в письме от 13 января, и не понимаю, куда они запропали. Пока нет и посылок. Непременно, хоть открытками, уведомляйте о получении моих писем. Будь здорова, дорогая, не изнуряй себя ради бога чрезмерным постом. Обнимаю тебя и нашу сестру и детишек. Привет всем родным.

Ваш Егор.

XCV.

6 марта.

Дорогие мои, папочка и мамочка! Что-то давно не получаю от вас писем. Последнее было от 4 февраля. Впрочем, на-днях получил вашу телеграмму от 4 марта и я не беспокоюсь вашим молчанием. На ваш вопрос в телеграмме, получил ли я деньги от 14 января и от 13 февраля, я вам ответил, что февральские деньги получил. Это потому, что о получении январских денег я ничего не знал и еще теперь не знаю. Надеюсь, судьба этих денег для меня раз'яснится, и тогда я уведомлю вас. Мамочка писала о какой-то посылке от тетушки М. С. — ее тоже не получил. А ваши посылки все получены, я уже писал вам об этом. Вот прошла неделя, как я обладаю вашими карточками, а я все еще не могу наглядеться на них: мой первый взгляд утром, когда я просыпаюсь, моей милой мамочке. Пишите почаще, родные. Если не письма, то присылайте хоть открытки с извещением, что вы живы-здоровы. Вот я недавно получил от Шуры [1] три прекрасные, любимые мои открытки: «Мысль», «Юноша Сергий» и «Могила Бёклина». Ничего не пишет, кроме привета. Но знать, что тебя помнят и помнят даже, что ты любишь — это не мало... Интересно, как-то вы решите вопрос о том, чтоб мне переселиться поближе к вам. Жду ваших писем с нетерпением. Получили ли мои письма, которые я послал вам числа 27 февраля — уже не помню чисел. Хочется хоть письмами сокращать расстояние, отделяющее нас. Сердцем же я всегда с вами, мои дорогие, любимые. Всех обнимаю. Ваш Егор.

Я здоров. Желаю вам здоровья.

[1] Зот Созонов.

XCVI.

11 марта.

Милые, дорогие мои папа и мамочка!

Письмо ваше от 17 февраля вчера получил. Шло оно необыкновенно долго — и не мудрено: самое письмо помечено 17, а на штемпеле конверта стоит Уфа — 20. Где же оно могло валяться целых три дня после того, как было написано? У вас или в каком-нибудь учреждении? Выяснить это полезно и интересно в том отношении, что, судя по вашим сообщениям, многих из моих писем вы не получаете. А я пишу очень семейные, родственные письма, я не сомневаюсь, что они свободно прошли бы через любую цензуру — проходили же точно такие же письма из Шлиссельбурга через департамент полиции. Я убежден, что отсюда письма отправляются; где же, в таком случае, они пропадают? Что это, простая случайность, может быть?

Во всяком случае знайте, что я с своей стороны не виноват против вашей любви ко мне и никогда не манкирую моими обязанностями по отношению к вам.

Ну, милая мамусенька, на случай, если не получишь предыдущих писем, уведомляю тебя еще и уж чуть не десятый раз, что все ваши посылки, о которых упоминается в твоих письмах, получены. Письма ваши, повидимому, дошли до меня тоже все. Также и то письмо, в котором ты сообщала о получении моей карточки. Деньги ваши, как февральские, так и январские, получены. Вы видите, что с этой стороны сравнительно все хорошо, пишите же почаще мне, не ленитесь. Я же вам буду писать так, как только могу.

У вас неисчерпаемая тема для писем. Всех родных я люблю и, когда вы сообщаете мне подробности про кого-нибудь из близких, я бываю так рад, как-будто повидался с человеком, о котором пишете.

Как растут дети? Как учатся сестрички Зина, Тоня и Лида? Как поживает тетушка Ал. Ник. и Ек. Ник.? Пишите побольше о Зине. Вероятно тоже невеста стала, и я, пожалуй, так и не успею побывать на свадьбе моей крестницы. Здорова ли она? У ней такое плохое здоровье, у моей любимой Зиночки, что я не перестаю о ней заботиться.

Если бы Маня и Зина были умницы, они почаще бы писали мне. Ведь они охотницы писать, — как, бывало, часто переписывались со своими сестрами, — почему же меня позабывают? А пишет ли Маня Семену, как раньше? Пусть пишет. Если мне не хочет, то пусть пишет ему — пусть хоть он будет счастлив за меня.

Да, время летит. Уже середина марта. Хотелось бы, чтобы это была середина мая. Иногда хочется вычеркнуть из своей жизни несколько недель, месяцев, проспать полгода, год. Когда подумаешь, что надо пережить завтра, послезавтра и т. д., то дни превращаются в тяжелые камни, которые надо поднять на гору и перевалить через нее... Верьте, буду жив, так все перенесу во имя того, чтобы перевалить через гору и там на просторе обнять вас. Я здоров и бодр — вот все, что зависит от меня и что я могу обещать вам.

Если бы и вы, по чистой совести, могли обещать то же, мои милые, старые, измученные! В случае долгих перерывов в моих письмах присылайте мне телеграмму и не мучьте себя дурными предположениями насчет моего здоровья.

Будьте здоровы, родные мои. Обнимаю вас, папа и мамочка, сестер, Любу и Зину и всех милых. Привет всем.

Ваш Егор.

От Вани никаких книг не получал. От тетушки были получены посылки, кажется, еще на святках, с бельем и какао (это, вероятно, еще ты, мамуся, посылала). Ты все, мамочка, пишешь приветы моим друзьям. Но теперь я живу один; с Марусей не переписываюсь совершенно и твоих приветов передавать не могу. Не знаю даже, как здоровье Маруси. Вот почему я ничего не пишу тебе о ней и о друзьях моих.

XCVII.

29 марта.

Привет вам, мои родные, дорогие! После вашего письма от 11 марта ничего больше не получал. Надеюсь, вы здоровы. Я тоже жив, здоров. Не беспокойтесь, что начал писать реже: вы знаете, я делаю все, чтоб не доставлять вам лишних беспокойств, и пишу так часто, как только могу... Не могу опомниться от горестного известия о смерти моего бесценного дядюшки. Лучше бы я умер десять раз... Тяжело невыносимо. Прошу я вас, пожалуйста, пришлите мне книги (купите или выпишите): 1) Гефдинг — Проблемы философии, 2) Паульсен — Введение в философию, 3) Арнольди — Учение о нравственности, 4) Лаас — Наука и позитивизм. (Точного названия сочинений Арнольди и Лааса не помню, в книжн. магазинах знают), 5) Геринг — Система критич. философии, 6) Мах — Научно-популярн. очерки (не «Анализ ощущений»).

Ну, будьте здоровы, милые мои, дорогие. Обнимаю и целую вас всех. Привет всем. Пишите чаще.

Ваш Егор.

XCVIII.

4 апреля.

Мамусенька, хорошая моя, не тревожься, пожалуйста, из-за того, что я стал меньше писать. Ведь подумай, как долго нам пришлось переписываться, пора всем словам иссякнуть. Но это не значит, что истощился тот источник, из которого рождались наши слова: любовь наша не изменилась.

Часто я думаю теперь о тех далеких, далеких временах, когда мы мало говорили друг с другом, но сильно чувствовали нашу взаимную связь. Бывало, придешь или в далеком детстве прибежишь откуда-нибудь, уставший или огорченный, прикурнешь около родимой: моя голова у тебя на коленях, а твои милые руки легко перебирают мои волосы, и душа сразу сделается легкой и светлой. Как часто я нуждаюсь теперь вот в такой близости с тобой. А слов не надо, слова перестают давать что-нибудь живое, превращаясь в скелет. Подождем же, может быть когда-нибудь и настанет время, когда для нас оживет старое, станет снова живым. А настанет ли оно, — это не в нашей власти.

Здорова ли ты, дорогая? Тебе предстоит еще две недели поста, две недели истощения. Во сколько-то станет тебе весь пост! Хоть бы порадостнее встретила пасху.

Большое, большое спасибо тебе за посылки (2 головки сыра, 3 ф. масла, какао, кофе, бумага, конфекты и проч.). А у меня снова просьба к тебе: не сможете ли вы прислать мне 2 пары ботинок из крепкого материала и самых простых. Одну пару по ноге брата, а другую 29 № (не калошный, а сапожный №). Если нельзя 2 пары, то пришлите одну № 29.

Товарищи меня уверяют, что иногда слышат жаворонков. А я их не слышу. Но тепло и свет я слышу и чувствую, что весна пришла!

Капризная здесь весна, наверное еще и снег увидим, и стужу. Но теперь хорошо. Здесь только и хороши первые два месяца весны, а затем летом стоит жара, духота, от которых негде спастись. Ну, за эти два благодатных месяца постараемся отдохнуть от зимы.

Как-то вы там распорядитесь своим летом, если вам не придется приехать сюда (а я почти не верю, что свиданье наше состоится). Как вы относитесь к ожидаемой комете? Убежден, что нимало не волнуетесь. Я тоже не думаю об этом. Ведь та случайность, которой угрожает комета, стоит у нас за плечами ежеминутно. А сколько, вероятно, болтовни и тревог по этому поводу!..

Будьте все здоровы, мои родные, дорогие. Всех обнимаю. Всем желаю хорошей встречи пасхи. «Друг друга обымем». Если мы всех не умеем обнять, то «обымем» хотя бы ближайших. Забудем друг другу все, чем могли взаимно огорчить, и вполне отдадимся нашей любви. Обнимаю вас всех, всех.

Помните, как хорошо мы встречали пасху в 1906 г. Сколько радости приносили вы тогда нам в нашу Пугачевскую башню. Никогда я не забуду и пасхи 1907 г. Это одно из самых светлых, самых радостных воспоминаний моей жизни. Спасибо всем, кто дарил мне в прошлом столько радости. А теперь поживем и на проценты от прошлого.

Ваш Егор.

Привет Шуре.

XCIX.

10 мая.

Дорогая мамочка! Как поживаешь? Здорова ли? Как папа? У вас теперь наверное совсем весна. Видишь ли ты ее, мамочка, любуешься ли? «Всякое дыханье да хвалит господа», знаешь, кто это сказал? Дыши же, мамуся, дыши и отдыхай под теплым солнышком. Последнее время почему-то я очень редко получаю вести от вас. Случайно ли это, или же есть на то особенные причины? Все ли вы живы, здоровы? Пишите о детях. Вот кто наверное чувствует, что пришла весна. Наш сад теперь оглашается их звонкими голосами вперемежку с птичьим гомоном. От одной этой музыки можно исцелиться от тоски и сопряженных с нею болезней. А Зина и Тоня, бедняжки уже отжили свое золотое, беззаботное время: гимназия, экзамены совсем омрачают весну. Помню, я снова увидел весну только после того, как кончил гимназию. Пишите, как у них обстоит дело с экзаменами.

Не знаю, все ли мои письма доходят до вас. По вашим ответам трудно судить, потому что вы отвечаете не на каждое письмо. Еще раз советую вам почаще присылать открытки, тогда не надо будет часто писать большие письма. И вам хорошо, и мне лучше, чем сидеть совсем без вестей. Дома ли Люба? Может быть она уехала куда-нибудь, почему тогда не известите меня, я бы понял причину молчания и перестал бы ломать себе голову.

Прошу Любу, — дорогая сестра, известите Шуру, чтобы она писала мне. Пусть она не считает меня таким виноватым, каким я кажусь поневоле. Она знает Якова, зовет еще его «ригористом», он не имеет права пожаловаться на нее, а у ней к тому еще меньше прав, потому что Яков был усерднее ее. Но такова ирония судьбы, пожелавшей, чтоб весь его жар и

любовь бесследно погибали в пространстве. Походатайствуйте, сестра, за меня и за бедного Яшу перед Шурой.

Ну, а как дела у тетушки М. С. с Ваней. Приедут ли они на лето домой, или же опять упорхнут куда-нибудь в теплые края? Как ученье Вани? Передайте им мой сердечный привет и пожелания всяких благ. Вообще всем привет. Это обычная моя просьба, о которой я поэтому часто забываю, чтобы вы приветствовали от моего имени всех родных.

Будь здорова, мамочка, того же желаю папочке. Обнимаю вас обоих от всего сердца. Обнимаю всех родных. Не забывайте, пишите любящему вас Е г о р у.

С.

24 мая.

Дорогая мамочка! Получил от тебя и тетушки М. С. посылки (кофе, белье, почт. бумаги, две книги). Спасибо вам, мои дорогие, добрые. Получил также твое письмо без даты — не знаю, когда оно писано и послано. В нем 2 марки. И за него — спасибо. Так жаль, что хозяйство столь много мешает твоему леченью. Где же твоя верная Устинья, куда она девалась? Может быть ты все-таки сумеешь избавить себя от лишних хлопот и с'ездишь куда-нибудь на лето полечиться — неужели этого нельзя сделать при всем желании? Выходит, что ты еще менее свободна, чем наш брат, потому что у нас, в случае болезни, полная возможность отлеживаться. Все жду писем от Любы и Зины, но их нет. Пишите, как сойдут экзамены у детей. Я здоров. Скоро вы будете праздновать мой праздник, и вот новая причина для слез и воздыханий. Голубушка, мама, не грусти, не тоскуй по мне. Авось, дотянем и мы до светлых времен, а теперь будем жить утешением, что другой жизни мы бы сами не приняли, если бы нам предложили ее. За меня не беспокойся, моя бодрость и вера не падает. Сколько мне лет исполнится? 30? Впереди еще много годов. Только бы вы протянули, мои старенькие, дорогие. У нас, видно, лучше, чем у вас: сопки совсем зеленые, веселые; погода ясная, теплая. Вчера гремел гром. По вечерам иногда откуда-то издали доносится аромат черемухи. Совсем, как у нас в саду от соседей. Ух, какой у нас там славный сад, часто я вспоминаю его красоту. А самое красивое в нем — это то, что вы, мои дорогие, ходите под его аллеями. Мамочка, будь здорова, ненаглядная. Где папа? Привет ему. Обнимаю вас всех, родные, хорошие мои.

Ваш Е г о р.

CI.

31 мая.

Милая, дорогая моя мамочка! Письмо твое от 13 мая с приложением послания от крестника Феди получил. Спасибо, моя хорошая мамусенька, за ласковое письмо. Я всегда так рад по письмам твоим узнавать, что любовь твоя ко мне и моя к тебе дают тебе вместе с морем горя хоть капли радости. Ты веришь, я не беден любовью к вам, моим дорогим, но так уж устроила судьба, что сердце мое для вас, как зарытый клад, не много радостей купишь на его богатства. И все-таки я вижу, ты веришь, что я люблю вас — вера в вашу веру для меня огромное счастье.

Недавно праздновал свои именины. «Праздновал» только с вами, никому здесь не сказавши о своем празднике. Получил вашу телеграмму и весь ушел в мечту о вас... Вы там наверное много молились, много плакали и мало радовались. А я, грустя о вас, всегда отдыхаю, уносясь мыслью в родные края, к тебе, моя ласковая, тоскующая мамочка. Мысленно обхожу каждый уголок нашего дома, наших роскошных садов, да, роскошных! только теперь понял всю их прелесть. Веришь ли, я отсюда слышу запах наших сиреней, погружаю свое лицо в ароматное море жасминов. И всюду, всюду я чувствую присутствие моей милой мамочки. Вот я рву цветы, взлелеянные моей собственной рукой, и несу их тебе в дар, моя горячо любимая мама! Улыбнись же мне радостно, как бывало раньше, позабудь о прошлом горе, позабудь на миг о том, что ждет еще нас впереди... отдохни на мысли, что моя любовь, моя полная нежности и преклонения любовь вечно с тобою... ведь самая лучшая часть моего существа — мое сердце, — вечно с тобою. О моих печалях не думай, не печаль себя ими, ибо печалей моих я не променяю на все сокровища мира. Может быть это письмо придет как-раз ко дню твоих именин. Ничего, кроме любви своей, я не могу послать тебе в подарок. Я не буду распространяться о своих пожеланиях, ибо ты и так знаешь, что если бы дело зависело только от них, то ты была бы самой счастливой матерью на свете. Пусть детишки покрепче поцелуют тебя за меня, а ты представь себе, что это наше детство ожило, в их чистых, беззаветно радостных поцелуях. И опять отдохни...

Поздравляю Зиночку с наградой. А других? почему не пишите, как они учаться? Всем детям веселого лета. Мне кажется, что Зина, Тоня и Лида чересчур серьезны. Давайте им побольше свободы, не делайте из них преждевременно взрослых — еще успеют ознакомиться с разными отказами жизни,

а теперь пусть берут у нее одну радость. Чем они занимаются, что читают? Если им не трудно, если есть собственная охота, пусть иногда пишут мне. Только пусть сами, без диктовки. Ошибок пусть не боятся, я отметок ставить не буду, а искреннему вольному слову буду рад.

Уведомьте, если тетушка и Ваня приедут домой. Тогда я и им вместе с вами буду писать.

Что мне ответить Феде? Прежде всего, спасибо ему за письмо. Вот удивился-то, когда вдруг узнал, что из маленького, почти всегда плачущего бутуза уже вырос умный молодой человек. Очень радуюсь этому и от всей души желаю ему счастливой и хорошей честной жизни. Не знаю, что ему посоветовать — отсюда трудно заниматься советами. Я верю, что вы, мои дорогие, сделаете все возможное для вас, чтоб помочь Феде выбраться на честную хорошую дорогу и, прежде всего, если он способный, поможете ему запастись знаниями. Передайте Феде мое пожелание всего самого лучшего. Привет его матери и нашей неизменной Маше. Право, когда я думаю о нашем доме, я не могу себе представить нашу семью без них. А где же Устинья и ее дети? Где Матвей? Где, наконец, Федор?

Пишите мне, как живет Ек. Ник. со своими семейными. Кончил ли Ваня гимназию? Как живет единственная теперь Ек. Никол.? Каковы их дела в материальном отношении?

А что Ольга Иван. и все ее питомцы, начиная с Анат. Ал.?.. Эх, какая все это старинушка! И сколько жизней прожито позади, сколько невознагражденного горя, неудовлетворенных надежд — осталось там, в тумане прошлого!.. Пиши, мама, где счастье? И если ты встретишь человека, который назовет себя счастливым, посмотри, нет ли у него повязок на глазах, и имеет ли он уши, чтобы слышать. Не в счастье дело и не хочу я его — вот заключение, которое навязывает мне вся наша прошлая жизнь. Я отнюдь не считаю себя несчастным и, если бы в моих руках было переделать жизнь мою заново, то я не сделал бы многих ошибок, которые делались часто по неопытности, но с дороги своей я не свернул бы. Человек — сам кузнец своей судьбы. Молот — в его руках; мысль о том, что следует выковать, принадлежит ему. На что же может жаловаться кузнец? На плохую плату за работу? Но тот, кто работает не за деньги, и на это не имеет права жаловаться. Я, мамочка, ни на что не жалуюсь; считал бы для себя падением, позором снизойти до жалоб. И ты не жалей меня, как несчастного, страдающего. Ты знаешь, если бы я захотел, я бы одним почерком пера раньше и теперь мог круто изменить свою судьбу. Но я этого не хотел и никогда не захочу. Не обижай же меня сожалением. Если можешь найти под-

крепление себе в твердости моей веры, то черпай его у меня, я от этого не обеднею.

Родная, если бы ты знала, как смело и бодро гляжу я вперед за грани тех туч, которые закрыли от тебя свет божий, тебе стало бы легче. Любя меня, верь в меня, дорогая.

Ну, до свиданья! Обнимаю тебя, папу, Любу, тетушек, Ваню, сестренок, детишек, всех родных, дорогих. Я здоров. Пишите.

Ваш всегда Егор.

Присылайте иногда марок, открыток и штемпелеванных конвертов. Впрочем, вы и так присылаете всего много, спасибо вам.

CII.

7 июня.

Родная, дорогая моя мамочка! Я так рад и благодарен вам, что вы стали писать почаще. Теперь у меня нет тех скверных дней, когда, бывало, стоишь в стороне и смотришь, как другие получают письма, а ты остаешься, что называется, при пиковом интересе! Теперь и я каждую неделю бываю счастливцем, осязая в своих руках ваше письмо. Повторяю еще раз: я буду вполне удовлетворен, если вы будете присылать мне не всегда письма, но и открытки. Если процесс писания писем слишком волнует тебя, мамочка, то я прошу тебя не баловать меня слишком дорогою ценою твоего здоровья.

Ну, моя родная мамуся, через несколько дней ты именинница. Как сильно и особенно я пожелаю тебе в этот день здоровья. Кроме здоровья, пожалуй, больше нечего желать, потому что если будет достаточно здоровья, если ты сохранишь себя до более счастливых времен, то, надо верить, мы уже сумеем отвоевать у жизни много хорошего, теперь недоступного нам. Думаю, теперь догадаешься ли ты к 13/VI прислать мне телеграмму с оплаченным ответом, чтобы дать мне возможность поздравить тебя по телеграфу. Если не догадаешься, будет плохо: не знаю, как тогда быть с поздравлением. И если мне не удастся послать тебе в тот день мои пожелания, не пойми это за забывчивость с моей стороны и не отравляй своего праздника. Дорогая мамочка, я все-таки не хочу расстаться с надеждой, что ты сумеешь вырваться из домашней неволи, чтобы провести это лето так, как требует твое здоровье. Если есть какая-нибудь возможность для этого, ради бога не отказывайся от нее и лечись. Делай так, как посоветуют доктора.

Эх, какие иногда роскошные дни выпадают здесь! В этой забытой и проклятой богом стране природа бывает иногда так прекрасна, что своей красотой превосходит все, что продается

за золото в Швейцариях, Италиях и т. д. А какие чудесные цветы растут здесь! Идя с работы, арестанты успевают по дороге нарвать такие букеты, от которых не отказалась бы невеста-принцесса. В лугах вашей России вы никогда и нигде не найдете такой роскоши в цветах. Какие краски, какое изящество в строении чашечки. А такую чистоту неба вы встретите только в пустыне — да у нас ведь пустыня, зеленая и волнообразная, как море в бурю. Мы — отшельники, выброшенные на необитаемый остров среди угрюмого океана сопок.

Как дорожу я каждой весточкой, долетающей от вас. Недавно получил письмо от маленькой Зины и от вас, Люба... Спасибо, дорогие! Еще раз поздравляю Зину и Тоню с гимназическими победами и жду от них маленьких, но милых писем. А вы, сестра, простите меня за прежние упреки, вы их, кажется, не совсем поняли. Лучше об'ясниться, к сожалению, не умею при таких условиях переписки. Моя прекрасная сестра, в а с я не упрекаю, дайте мне руку и скажите, что вам лично я не причинил огорчения. Я не настаиваю на том, чтоб вы часто и много писали мне: достаточно будет, если вы иногда черкнете мне пару-другую слов, особенно, если у вас есть что-нибудь интересное. Я еще плохо ознакомился с моею прекрасной сестрицей и не знаю, чем она живет, если бы знал, писал бы больше. Хочу верить, что та мрачная полоса жизни и настроения, о которой вы говорите, пройдет; что вы сами делаете для того, чтоб она прошла? Не поймите этого вопроса за какой-то вызов — нет, я просто спрашиваю, пробуете ли вы сделать жизнь красивою и интересною при т е х условиях, в которых вы живете? Литература, знание, — да ведь часто только в этом можно утонуть с головой, радуясь своей жизни.

Спасибо вам за красивую открытку, хотя на Шуру [1] она не похожа. Справьтесь у Ал. Кир., получила ли Ир. [2] мои открытки (посланные кн. маг.).

Теперь мое слово к тетушке М. С. и Ване. Поздравляю вас с возвращением на родину. Очень жалею, что мой ответ на твое письмо, Ваня, где-то пропал. Вы так добры ко мне, так баловали меня своими посылками, что мне особенно грустно быть, хотя бы и без вины, виноватым перед вами. Прежде всего благодарю вас за все. Что касается твоих вопросов, Ваня, то насколько я запомнил их, я должен ответить тебе, как я смотрю на твое намерение поступить в инст. путей сообщения. Против самого института, как рассадника известной отрасли науки, я, конечно, ничего не имею. Но вряд ли я смогу согласиться с тобою в вопросе о ценности тех практических

[1] М. А. Прокофьева.
[2] Она же.

мероприятий, для которых насаждается уважаемая наука. Дело, ведь, не в том, можно ли т е б е остаться при «прокладывании дорог» чистым, когда, по твоим собственным словам, все «прокладыватели дорог» заслужили свою весьма определенную репутацию; конечно, можно иногда остаться белым вороном, среди стаи черных. Дело не в этом, а в том, насколько необходимо и прекрасно самое «прокладывание дорог». Ты знаешь меня и вряд ли можешь сомневаться насчет моего мнения по этому поводу. Я вижу другие цели, необходимые и прекрасные, — цели, по отношению к которым «прокладывание дорог» часто является обманом. Что касается твоего толкования известного девиза, то при т а к о м толковании его пришлось бы оправдать волка, нападающего на овечку. Я так жалею, что не могу писать тебе так, как хотелось бы. Верь в мою любовь к тебе и мое искреннее желание тебе всего, что в моих глазах является лучшим.

Ну, до свидания, обнимаю тебя, мамочка, папу и всех вас, родные, дорогие. Пишите, у кого найдется минута для меня.

Ваш Е г о р.

CIII.

13 июня.

Родная моя!

Сегодня я праздную вместе с тобою. День прекрасный. Смотрю на небо и думаю, столь же ли оно безоблачно над Уфою. Ясно ли сегодня у тебя на душе? Слышишь ли, мамочка, как я обнимаю тебя, целую твое милое лицо, твои ласковые глаза, твои руки? Я ведь сегодня с тобою. Мечтаю, как через несколько лет мы будем проводить с тобою этот день вместе... Я засыплю тебя цветами. Ты будешь сидеть под их ливнем счастливая, беззаботная. Ты протянешь ко мне свои руки, чтобы осязать меня и увериться, что ты видишь меня не во сне. С твоего лица не будет сходить тихая, счастливая улыбка. Родная моя, горячо-любимая моя мамочка! Как я хочу, чтобы ты дожила до этой поры, чтобы я мог дать тебе хоть капельку счастья за все то горе, которым так щедро дарила тебя жизнь. Живи, мамусенька, будь здорова, лечись, бодрись душою. Верь в меня, в мою полную преданности и нежности любовь к тебе, в мои силы.

Хочу об одном поговорить с вами. Может быть, это лишнее, тогда не сердитесь. Я знаю, что в наше тяжелое время многие падают духом. Под гнетом своего личного горя забывают о том, что раньше ценили выше жизни. Мне известно, что теперь началось поветрие среди родителей заключенных; часто, без ведома своих осужденных детей они начинают хлопотать о смягчении их участи. Я доверяю вам и знаю, что вы без

моего согласия не сделаете ни одного шага на этом пути. Во всяком случае, вы знаете меня и должны понимать, что своими хлопотами вы добились бы не облегчения, а отягощения моей участи, ибо неожиданным подарком заставили бы меня сделать что-нибудь такое, что надолго бы отдалило момент нашего свидания. Прошу вас и требую от вас всегда помнить, что я ничуть не изменился сравнительно с тем, кем вы меня видели осенью 1904 г. и потом в 1906 г. Для меня никакие подарки немыслимы, недопустимы... Еще раз простите за это замечание. Нам всем — мне и вам, мои бесценные — будет лучше, если вы не поддадитесь искушению, которому теперь поддаются многие исстрадавшиеся родители. Верьте только в мою веру и бодрость, крепитесь сами и будем жить стойко и честно. Если дождемся, будем так счастливы, что позабудем о всех прежних страданиях. Если же не дождемся, найдем утешение в сознании того, что каждый из нас жил так, как того требовали от него совесть и его бог. Я знаю, что вы любите меня особенною любовью, тою, которая не закрывает от ваших глаз, что много на свете страдающих матерей, матерей, еще более несчастных, чем ты, мамусенька. Ты уже умеешь жить горем этих неутешно страдающих и умеешь находить забвение от своего личного горя в мысли о них. За это я и люблю тебя особенною любовью, более высокою и жгучею, чем когда-то. Я преклоняюсь перед тобою, моя страдающая мама; мысль о тебе высоко поднимает меня и повелевает мне быть честным до конца. Если бы я теперь согрешил, я сделался бы преступником по отношению к тебе, потому что чем бы я тогда оправдал те великие страдания, которые ты из-за меня перенесла и переносишь? Понимаешь ли ты меня, моя дорогая, моя хорошая мамочка?

Ну, я кончаю. Теперь я счастлив: получаю от тебя и от сестры еженедельные весточки. Вчера получил от вас обоих красивые открытки. Спасибо, продолжайте в том же духе. Тетушку М. С. и Ваню благодарю за последнюю посылку из Москвы, особенно благодарю их за присылку двух книг Фулье, которые я давно хотел иметь. Прошу Любу посмотреть, не остались ли после меня еще какие-нибудь книги. Помню, у меня был Авенариус — «Философия, как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил». Если эта книжка еще жива, пришлите мне ее. Пусть Люба пришлет список всего, что, может быть, еще имеется из моей библиотеки.

Горячий привет всем родным. Всех обнимаю. Папочке передавайте мои поклоны и пожелания. Обнимаю тебя, милая мамочка. Твой Егор.

Деньги 50 руб. получил. Спасибо.

CIV.

21 июня.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Снова почему-то не получаю ваших писем, тогда как приготовился получать каждую неделю. Получаете ли вы мои? Уже конец июня, а вы, кажется, попрежнему торчите дома. Дождетесь осени и будете жалеть— если не вы, то я пожалею, что вы не воспользовались летом, чтоб ремонтировать ваше здоровье. Будь я около тебя, мамуся, я бы строго взыскивал с тебя за пренебрежение здоровьем. Вот, если бы ты была здорова, то могла бы когда-нибудь приехать сюда повидаться. Некоторым матерям это удается. Но тебе с твоим здоровьем нечего и рисковать. Сибирские дороги ужасны тем, что приходится в течение нескольких дней ночевать в поле; иногда под дождем. И еще риск: несмотря на все потраченные труды в Питере — испросить разрешение в главн. тюр. упр., — несмотря на тяжелую дорогу здесь, можно приехать сюда в очень неудачное время, когда свиданье даст вместо радости лишнее страданье. Если бы ты была покрепче, то еще можно бы рискнуть. Но теперь страшно за тебя. Лечись же, мамуся, это необходимо во всех отношениях. С моим переводом поближе к вам, видно, заглохло. Ну и пусть будет так. Вероятно, это для вас лучше. Скверные свидания хуже, чем никакие... Не тужите, не беспокойтесь обо мне, я здоров. Не забывайте писать. Что поделывает Ваня? Интересно бы познакомиться с ним поближе: чем-то он стал? Как, не думаете ли вы уже его женить? я даже наверное не знаю сколько ему лет? Лет 18—19? И вообще, когда я думаю о детях, то представляю их себе такими, каких когда-то знал, няньчась с ними и любя их. А что в них осталось от прежнего? Новая жизнь, новое поколение — ох, старики, мы старики! Ну, до свиданья, мои родные, дорогие. Молодые и старые. Всех вас обнимаю. Будь здорова, милая мамочка. Целую тебя. Ваш старик Егор.

Привет папе. Сейчас получил твою открытку от 5 июня Удивляюсь, что ты не получаешь моих писем. Я пишу, как раньше, регулярно.

CV.

28 июня.

Родная, ненаглядная мамочка, здравствуй... Письмо твое от 9 июня получил. От души и до слез готов целовать тебя и смеяться, я вижу твою маленькую хитрость, добрая мамочка: ты теперь решила не беспокоить меня и будешь теперь постоянно уверять меня, что ты и здорова и весела. Увы! не обма-

нуть тебе меня своими увериениями, вижу, как за твоей улыбкой прячется грусть, тоска и горе. Когда я писал тебе, чтобы ты не горевала, я вовсе не хотел этим сказать, что я не желаю знать печальной правды, хочу приятного обмана. Ты не поняла меня, бедная, хорошая мамочка. Не бойся писать мне правду, не бойся писать мне, когда тебе делается особенно тяжело и тоскливо, не будь со мною, как в гостях у чужих людей. Твои старания скрыть от меня свое горе все равно ничему не помогут: я прочту между строк. Будь со мной откровенна и доверчива, родная; увидишь, тебе будет легче. А знать, что, делясь своими горестями, ты все-таки чувствуешь некоторое облегчение, для меня несравненно лучше, чем видеть твои напрасные усилия скрытничать передо мной. Будем друзьями, бесценная мамочка. Исполнишь ли ты свое обещание, моя старенькая, исстрадавшаяся мамочка, будешь ли желать и стараться, насколько это от тебя зависит, жить так же долго, как бабушка? Береги же свое здоровье, береги свою драгоценную жизнь: не слишком изнуряй себя постом и молитвами. Ради будущего счастья вернуть старый семейный мир живи и береги свою жизнь.

Мы пока живем себе по-маленьку. Спокойно. Читаем и учимся усердно. Помним, что вся наша жизнь еще впереди. Непременно хотим выйти полезными гражданами.

Погода ясная, жаркая. Дожди редко. Едим редиску из своего огорода, благодаря тетушке М. С., приславшей семена. Скоро лето перевалит на осень. Тем лучше. Пусть с бешеной скоростью мчится время тоски и неволи: впереди кипучая жизнь.

Будем жить, ненаглядная, бесценная мамочка. Будем бодры и здоровы телом и сильны духом. Не хочешь (ли), поделюсь с тобою здоровьем и бодростью? Пиши, родная, да не скрытничай передо мной. С кем же тебе и быть откровенной, как не со мной?

Обнимаю тебя и целую твои добрые, худенькие ручки, твои печальные глаза и седую голову. Всем родным привет и хорошие пожелания. Будь здорова, родная.

Всегда твой Егор.

Может быть Агафья Тихоновна не едет потому, что у ней нет денег. Не пошлешь ли ты ей на дорогу?

CVI.

30 июня.

Родная моя мамочка, открытку твою от 11 июня получил. Я очень рад, что ты, наконец, решилась отправиться в путешествие. Может быть, это письмо не застанет тебя уже дома;

тогда пусть оно догонит тебя среди прекрасных Кавказских гор и будет моим поздравлением по поводу твоего благополучного прибытия туда. Я уверен, что наши маленькие путешественницы легко справятся с трудностями дороги. Если они немножко поскучают и покапризничают в пути, то сторицею будут вознаграждены на месте. Для детишек — множество новых, развивающих впечатлений. Для тебя, моя дорогая, хворенькая мамуся, я жду от Кавказа всяких благ. Очень буду жалеть, если с вами вместе не уедет сестрица Люба. Что могло бы помешать ей? Хозяйство? дом? Но разве это уважительная, а не придуманная причина? Эх, полноте... Всем бы вам поехать отдохнуть, кому запастись здоровьем, кому новыми силами для жизни...

Не знаю, кто останется дома — к тому моя просьба: пожалуйста, пришлите мне крепких нитяных носков (белых), белую рубашку из парусины и такую же рубашку. Только не таких огромных размеров, как вы присылали прошлый год в Алгачи. Вы, кажется, предполагаете, что я здесь очень растолстел и вырос. Не совсем так... Заодно пришлите зубного порошку, пару зубных щеток, расческу и мыла для лица. Туфли из крепкой кожи.

Пишите, получаете ли мои письма. Я пишу попрежнему часто. Передавайте мои приветы папе. Ну, до свиданья. Обнимаю тебя, дорогая, хорошая мамочка. Будь здорова. Я здоров. Привет всем родным. Пишите. Ваш Егор.

Моя большая просьба: вместо того, чтобы присылать на след. месяц сюда обычный ваш подарок, пошлите те же 40 или 50 руб. по след. адресу: Ростов на Дону, Крыловский пер., 36, Нине Абрамов. Бакаляр, для Л. Плесковой. Пожалуйста, сделайте так. Эта сумма будет потом уплачена [1].

CVII.

5 июля.

Дорогая моя мамочка! Письмо твое от 17 июня и открытку Любы («Всюду жизнь») получил. Спасибо вам, родные. Поздравляю сестру с дочкой, а тебя со внучкой. Счастья старым и малым! Очень жалею, что ваша поездка на Кавказ расстраивается. Может быть еще снова наладится. Ты, мамочка, в конце

[1] Лидия Абрамовна Плескова, социал-демократка, посвятила себя делу помощи политическим заключенным. Занималась пересылкой денег и книг заключенным в Зерентуйской тюрьме. Через нее же шла нелегальная переписка содержавшихся в тюрьме социал-демократов с волей. О ней см. заметку *А. П. Станчинского* «Памяти умершего друга Л. А. Плесковой» в № 1 «Историко-революционного Бюллетеня» за 1922 г.

письма сделала приписку, что вместе с ним присылаешь 8 почт. марок и лист почтовой бумаги. Увы! ни того, ни другого я не получил. Не забыли ли вы вложить их в конверт? Иначе, как же могли пропасть? На конверте была надпись, сделанная местной тюремн. конторой: «ни марок, ни бумаги при вскрытии конверта не оказалось». Вероятно, вы забыли вложить. Постарайтесь припомнить и напишите мне, в чем дело. Которая из сестер приехала к Любе? Я очень рад, что теперь Любе не будет так скучно. Я надеялся, что, пользуясь вакационной свободой, дети будут изредка писать мне. Но я позабыл то, что хорошо помнил, когда сам учился, — что лето создано для отдыха, а не для переписки. Поэтому я вполне понимаю их и оправдываю моих милых лентяев и лентяек... Я уже писал вам, что последнюю посылку тетушки М. С. (с учебником итальянского языка, Фулье и друг.) получил. Еще раз благодарю за нее. Пишите, родные мои, и постарайтесь, чтобы все, посылаемое вами, не пропадало. Будь здорова, дорогая мамусенька. Я здоров, всем привет. Тебя крепко обнимаю. Передавайте мои приветы папе. Ваш Е г о р.

CVIII.

19 июля.

Родная моя мамочка!

С великим удовольствием приветствую тебя с прибытием на Кавказ. Я уже потерял было всякую надежду на твое путешествие, как вдруг получаю телеграмму от папы, что ты в Ессентуках. Браво, браво, мамочка, ты еще можешь иногда проявлять совсем молодую энергию. Судя по твоей последней открытке, ты собиралась не на Кавказ, а на Балтийское море. Почему ты изменила свое намерение? Надеюсь скоро получить от тебя описание твоего путешествия. Но с кем ты поехала и кто будет твоим секретарем?

Если писать для тебя теперь будет затруднительно, ты не смущай себя беспокойством обо мне и посылай сюда лишь коротенькие открытки с уведомлением о твоем здоровье — с меня этого вполне достаточно.

Милая моя мамочка, отдыхай хорошенько! Ты приехала на Кавказ слишком поздно и в твоем распоряжении остается очень немного времени для лечения. Это жаль. Постарайся же использовать свой короткий курс как можно лучше.

Я верю, что самый воздух Кавказа подействует на тебя благотворно. Когда-то ты с восхищением рассказывала о той красоте, которую ты нашла на Минеральных водах, — о парках и удивительных деревьях в них, о горных прогулках. Теперь ты, наверное, будешь большой домоседкой. А может быть

Кавказ вернет тебе силы, и ты будешь в состоянии вновь посетить старые знакомые места... Желаю тебе всего, всего лучшего. Обо мне не грусти. У нас теперь тоже славно. Прошли дождики, и погода стоит удивительно хорошая. Расцвела, наконец, наша грядка: резеда, левкои, гвоздики, флокс, астры, табак, — видишь, какая благодать! На прогулках все жадно жмутся к цветам, любуются, не смея дышать, чтоб дыханьем своим не испортить нежных красавцев. Никакие надписи в садах и парках не оберегают цветов так хорошо, как оберегает их здесь наша любовь. А какие золотые воспоминания навевает на нас аромат резеды... родные места, дорогие люди, вся неувядаемая прелесть прошлого — обо всем этом нам говорят цветы. И наши мечты, наверное, светлее, радостнее тех снов, которые будут сниться тебе среди роскошной кавказской красоты.

Еще раз, не грусти, мамусенька. Обо всем, что мне понадобится, буду писать сестре Любе, она пришлет. Ты же освободи себя от всяких забот. Будь здорова, моя любимая, обнимаю тебя от всего сердца. Я здоров.

Твой Егор.

Маленькое раз'яснение: в твоем последнем письме встречается такая фраза: «будь спокоен, без твоего согласия, мы станем хлопотать». Принимаю это за простую описку. (Вы хотели написать обратное: «не станем хлопотать») и потому не беспокоюсь. Не правда ли, вы поняли меня и не причините мне напрасного горя. Я верю в вас.

CIX.

19 июля.

Дорогой папа!

Простите, что не пишу вам отдельных писем. О самом главном, о том, что, жив, здоров и постоянно люблю вас, я еженедельно докладываю мамочке, — боюсь, что если бы стал писать о том же еще вам, то мог бы надоесть. Вы знаете, как монотонно наши дни проходят год за годом, а сегодня чувствуешь себя ровно на том же месте, где находился в это время год и два тому назад. Если и замечаешь перемену, то нет особенно охоты писать о ней. Вы догадываетесь о ней без слов. Страшно трудно писать отсюда. Но очень радостно получать ваши письма, без них чувствуешь себя одиноким, забытым, хотя и знаешь, что забыть меня вы не можете...

Я очень рад, что мамочка сумела-таки вырваться на Кавказ, сегодня я ей пишу по присланному вами адресу. Дай ей бог всего хорошего. Обращаюсь еще к вам, милый папа, с тем же, о чем писал мамочке. Я очень прошу вас не подавать ника-

ких прошений о смягчении моей участи, ибо все, что бы вы ни сделали в этом отношении, я принужден буду обратить так, что вместо смягчения для меня получилось бы очень чувствительное отягощение. Пишу об этом не потому, что боюсь с вашей стороны каких-нибудь попыток в данном направлении, но просто на всякий случай: мне известно, что за последнее время многие из наших родных принялись за хлопоты о смягчении. Хочу, чтобы вы знали, как я смотрю на такие вещи. Простите, что решаюсь писать об этом, но так для меня и для вас лучше.

Кто из родных в Саратове? дядюшка Кир. Вас., крестная?— Всем привет и лучшие пожелания. Часто вспоминаю всех родных, попрежнему милых сердцу. Какими стариками, наверное, стали они, когда я сам старею! Если бы мои волосы были другого цвета, то много бы среди них теперь оказалось седых... Но я здоров и бодр, как всегда, и надеюсь еще много видеть и пережить! Только бы вы жили.

Родной мой! Ваши денежные подарки ежемесячно получаю. Вы понимаете, что я считаю себя в неоплатном долгу у вас — увы! он и останется всегда неоплаченным. Вы можете судить, как я должен быть благодарен вам за поддержку, если я скажу несколько слов о нашем благосостоянии... дожили до того, что пьем (казенный) кирпичный чай, расходуем по 5-ти кусков пиленого сахара на день, а часто и тех не бывает, а дальше — все казенное: черный хлеб, баланда, вечером—гречневая каша. Это, конечно, еще не худшее, что случается в жизни, мало ли теперь народу мрет с голода — это из ваших даже писем видно. Я не жалуюсь, конечно, хочу лишь подчеркнуть пред вами, что ваша помощь мне не тратится на роскошь. Еще раз, спасибо вам, дорогой папа.

Будьте здоровы, родной, дорогой мой. Желаю вам успехов во всех ваших предприятиях. Пишите хоть изредка и помаленьку. Привет всем. Обнимаю вас. Любящий вас Егор.

CX.

19 июля.

Дорогая сестра! Последнее письмо мамы и ваши открытки получил. Я очень рад, что мамочка, наконец, уехала. Сегодня пишу ей на Кавказ. Очень жалею, что появилось серьезное препятствие к вашему путешествию, последнее, как видно, было бы далеко не лишнее и для вас, а то вы прирастете к одному месту. Страшно жалею и не совсем понимаю, что жизнь все время глядит на вас своей скучной стороной. Все-таки можно было бы попробовать повернуть ее; она ведь такая штука, что седлает человека, если сам он теряет власть над нею. Но мне

совестно писать об этом издали, а для вас читать эти благие слова, конечно, только скучно. Простите же...

Не удивляйтесь, что вы не все в моих письмах понимали. Когда-нибудь это об'яснится, а теперь уже дело прошлое. К вам, сестра, моя просьба: вы теперь остались одна дома, пожалуйста, сделайте то, о чем я просил маму в последних письмах, т.-е. пришлите мне: открыток, штемпелев. конвертов, зубных щеток, мыло для лица, гребешок, пуговиц, крючков, ниток, чайную эмалированую кружку. Все это (кроме последнего) для нас здесь чуть ли не предметы роскоши. Да, кроме того, пару ручек, коробку перьев (№ 86), несколько карандашей — простых и химических. О книгах своей просьбы не повторяю: это моя постоянная песня. Можете ли вы устроить так, чтоб в следующем месяце мои обычные 50 руб. были посланы не сюда, а по адресу, который я указал раньше. Это необходимо на один только раз. Будьте здоровы и счастливы, милая сестрица. Обнимаю вас и детишек. Ваш Егор.

CXI.

26 июля.

Дорогая, милая мамочка!

Пишу тебе второе письмо в Ессентуки. Жду от тебя приятных вестей о твоем здоровье. Соберется ли приехать к тебе крестная? Если да, то обними ее за меня и передай ей мое задушевное желание поправиться. Вот домоседки: так боятся длинной дороги, что из страха перед ней на целые годы откладывают лечение. А взгляните на нас. Правда, мы молоды, но в одном ли этом дело? Нужно еще верить, что за горой, где небо сливается с землей, еще не конец света, там, в неведомой и потому жуткой дали от нас, тоже есть солнце, есть и люди, хотя другие. Нужно также верить, что всякой дороге бывает конец: как бы ни устал, когда доберешься до цели, тогда отдохнешь. Раз есть на-лицо обе эти веры, то можно два раза прокатиться так, как, например, я прокатился на самый конец света, — туда, где еще несколько верст — и земля кончится крутым обрывом, на котором в далекой глубине воет океан... Помнишь, с каким страхом провожала ты меня в Якутскую область? С того дня много воды утекло, и я далеко уехал дальше, чем за северный полюс. А все-таки — стоит мне крикнуть свое «люблю тебя, мамочка», и недели через три мой крик дойдет до тебя. Всякой дороге бывает конец. Будем верить, что ты благополучно с обновленными силами вернешься домой. Также и я когда-нибудь вернусь «домой», хотя постаревший, но по-прежнему любящий вас. Будем верить. И если жизнь наша оборвется раньше, чем сбудется наша мечта, то что из этого?

Разве жизнь во имя дорогой мечты, с постоянно греющей и светящей верой, не хорошая, не завидная жизнь?

Не надо только в будни забывать то, о чем мы по праздникам читаем в молельнях! Почему жизнь, легенды о которой так умиляют нас, когда они только легенды о другом человеке, начинает пугать нас и кажется нам такой трудной, когда она пред'являет нам хоть часть тех требований, во имя которых жили легендарные люди? Почему мы веру отделяем от жизни? Почему богу только молимся, а не живем с ним и в нем? Ничего страшного, ничего невозможного нет, мама, для того человека, который захотел жить богом, отдавая ему каждое дыхание. И если ты встретишь такого человека хоть раз в жизни, то знай, что ты видела самого блаженного человека на свете. Мы очень далеки от этого совершенства, но мы должны стремиться к нему: неправда ли, мамочка? в этом мы с тобой согласимся. А если это так, то не светлеют ли наши страдания, не превращаются ли они в очищающий путь к совершенству? Забудем же мы о наших личных страданиях, пойдем даже навстречу им, если того требует наш бог. И будем счастливцами в самом несчастье. Все это не слова, не сказки, — напротив, все это уже доступно для самого обыкновенного человека. С радостным убеждением говорю я тебе об этом, милая мама, и прошу не горевать обо мне.

Будь светла и радостна, когда думаешь обо мне. Живи, дыши, копи силы для новых испытаний, с верой в конечный отдых.

Будь здорова, родная. Обнимаю тебя горячо и крепко. Пиши.

Твой всегда Егор.

Я здоров. О том, что мне надо, пишу Любе. Она пришлет, а ты не беспокойся.

CXII.

26 июля.

Дорогая сестра! Открытки ваши от 7 и 10 июля получил. Скучненько вам будет теперь одной дома, особенно после того, как уедет ваша сестра. Из желания не давать вам скучать буду надоедать вам просьбами. На-днях я уже просил вас о присылке кое-чего. Теперь снова. Пришлите не одну, а две эмалированых кружки с блюдечками, 2 эмалированых ложки, 2 эмалированых глубоких тарелки. Я переселяюсь на житье в одиночку и хочу быть обеспеченным хоть этими предметами первой необходимости. В одиночке буду жить не один. Буду очень благодарен, если вы примете за правило присылать мне ежемесячно полтора фунта чаю (по цене не дороже 1 р. 60 к.) и по куску мыла для лица. Все это роскошь, недоступная при

жизни в общей камере, — там часто даже в кирпичном чае и простом мыле (для стирки) бывает недостаток. Пишу «ежемесячно», потому что сколько бы вы ни прислали, к концу месяца все равно ничего не останется; посему не прошу много.

Спасибо вам за то, что вы взяли на себя труд рыться в старом барахле в поисках за оставшимися после меня книгами; увы, видно, все исчезло, а оставалось много хорошего: кроме чисто научных книг, была у меня хорошая беллетристика. Кое-что я взял с собой в Сибирь, но многое осталось. Ну, на нет и суда нет. А не заметили ли вы в барахле цельных учебников? В учебниках у нас страшная нужда, я об этом уже много писал. Если есть что-нибудь (кроме учебн. по латыни и греческ.), пожалуйста, пришлите. Все посылки могут быть посылаемы только почтой; иных путей нет.

Очень тяжело чувствуется отсутствие родного человека на воле, который бы следил за всеми книжными новинками и присылал мне самое интересное. Когда обратишься к родным с просьбой прислать книг, они спрашивают: каких? как-будто я здесь знаю, какие книги родились на свет... Если сами родные не могут справиться с книжным вопросом, они могли бы обратиться к содействию людей сведущих. Неужели и этого нельзя устроить? Книги можно бы было выписывать из книжного магазина Карбасникова (Москва, Моховая). Я ведь не прошу много, только самое интересное — не больше. При этом нужно иметь в виду одно правило: книг со страшными названиями посылать не надо. Ну, привет вам и вашей сестре. Детишек обнимаю.

Любящий вас Егор.

CXIII.

2 августа.

Дорогая, добрая сестра! Благодарю вас за посылку. Вы так любезны и догадливы, что, кроме просимого, не позабыли прибавить какао. Это баловство, конечно, но не грех иногда и побаловаться после каторжной баланды и кирпичного чая. После такого угощения приходят хорошие мысли в голову. Вспоминается родина с ее липами и чудесным душистым липовым медом... Знаете, у нас здесь даже огурцов не бывает. Баланда, кирпичный чай, черный хлеб и 4 куска сахара на день. Кто курит — махорка. И все тут... Ну, спасибо вам еще и еще раз. Ваши странные «обезглавленные победы» получил. Почему вы не черкнули ни одного слова и прислали совершенно чистые открытки. Я не упрекаю, а просто любопытно. Может быть, не все дошло? Обнимаю вас и детей. Привет отправительнице посылки. Ваш Егор.

Маме послал уже два письма и открытку, по адресу: Ессентуки, дача Громова. Сейчас получил открытку от вас (17/VII) и первое письмо от мамы. Привет.

Не можете ли достать и прислать мне карточку Шуры, только самую с о в р е м е н н у ю? Нет ли у вас драмы Ибсена «Бранд» — пришлите.

CXIV.

5 августа.

Милая, дорогая мамочка! Пока все еще не получил от тебя кавказской весточки, но я не беспокоюсь. В Кавказе я очень уверен и верю, что твои письма оттуда могут быть только хорошие, полные надежд на выздоровление. Воздух, горы, купанье и ты, моя милая мамочка, — все это мне рисуется в самых розовых красках. Прав ли я? Не спеши, мамуся, с возвращением домой. Живи там до последнего хорошего осеннего дня. Боюсь одного: получаешь ли ты мои письма? Послал в Ес. два письма, кроме этой открытки. Домой и в Саратов для тебя не пишу. Вчера получил от Любы посылку с бельем, зубным порошком, мылом, какао. Спасибо тебе и ей. В белье я теперь не нуждаюсь. И вообще, оставь заботу обо мне. Люба позаботится, о чем надо. Ты же лечись, отдыхай и думай обо мне легко. Я здоров, люблю тебя и полон надежд дожить до свидания с тобою. Будь и ты здорова. Обнимаю и целую тебя горячо. Твой Е г о р.

Сейчас получил твое первое письмо от 14-го июля. Видишь, ты только на два дня дальше теперь, чем была в Уфе. Очень горько слышать про твои болезни, но я все-таки хочу верить в твое выздоровление. Письма я писал тебе на дачу Громова без обозначения улицы.

CXV.

9 августа.

Дорогой папа! На той неделе получил от мамы первое письмо из Ес. Пишет, что в середине августа, наверное, уедет домой. Не надеясь на то, чтоб мое письмо могло застать ее еще на Кавказе, пишу вам обоим. Получила ли мамочка два моих письма и открытку, посланные в Есс.? На Кавказ я возлагал много надежд, и мне было так грустно получить от мамы унылое письмо: у нее так много болезни, что, кажется, все Кавказы в мире не помогли бы ей... Но я все-таки верю, что мамочка поправится: если не леченье, так вера поможет ей... В ваших краях теперь холера. Часто сердце сжимается тревогой за вас... но, чему быть, тому не миновать. Мы так давно расстались и так разлучены далью, что уже сотни раз могли

бы сделаться жертвами всяких случайностей. Притупилась способность мучиться ожиданьями. Что бы там ни случилось, моя любовь вечно с вами, родные, сердцу милые, и моя светлая вера в правду вечно при мне. Все, что может случиться с нами, ведь все это случится не над нашей любовью и верой. Будем же бодры душой. Условия моей жизни снова немного изменились: здесь выстроили одиночный корпус. Со вчерашнего вечера я в одиночке. Будем жить втроем в маленькой камере. Чисто и тихо, как давно не бывало. Пишу вам сегодня мало, потому что еще не устроился на новоселье. Я здоров. Будьте и вы здоровы. Обнимаю вас. Привет родным.

Любящий вас Егор.

CXVI.

12 августа.

Где-то ты теперь, моя милая, дорогая мамочка, дома или где-нибудь на Балтийском море? Хорошо, если бы последнее? Плохо я что-то верю в это, всегда выплывают осложнения, которые мешают тебе сделать то, что необходимо для твоего здоровья. А как славно, должно быть, теперь где-нибудь на взморье! Я никогда не видал настоящего моря, но люблю его. И когда я буду снова вольной птицей, мы с тобою, родная моя, непременно поедем погреть наши старые кости на морском песочке, под южным солнцем — правда, мамуся? А наше короткое лето уже повернулось к нам спиною. И хорошо это: лето здесь самое мучительное время, потому что от его жары некуда скрыться. На дворе нет ни кусточка, да и сопки кругом голые. В камерах духота. А осень здесь бывает обыкновенно роскошная: ясная, ведреная. Не знаю, все ли мои письма доходят до вас. Последний месяц я ограничиваюсь одними открытками. Пожалуйста, пришлите еще штук 20. И штемпелеванных конвертов тоже... Не можете ли вы приобрести и прислать мне вышедший в этом году «Сборник» [1] со статьями Гарденина, Савинкова, Брешковской и др. Я видел случайно об'явление о его выходе. Пожалуйста, достаньте и пришлите. Почему вы не справитесь, как я просил вас, у Ал. Кир., получает ли сестра Ир. [2] мои открытки? Я ей регулярно пишу. Шуру за ее постоянное внимание благодарю от всей души. Вот человек, которого я не могу ни в чем упрекнуть. Прошло четыре года, как я в тюрьме, и пять лет, как я расстался с вами. А сколько лет уже прошло с того дня, как я последний раз видел родную крышу? Как начнешь считать, то и спутаешься...

[1] Сборник статей Антонова, Баха, Брешковской и др., 1908 г. В сборнике собраны статьи из «Революционной России» за 1902—1905 г.г.

[2] М. А. Прокофьева.

Ну, не будем оборачиваться назад, станем глядеть все вперед и вперед. Будьте здоровы, родные. Будь здорова, мамусенька. Обнимаю тебя и всех. Твой Егор.

CXVII.

16 августа.

Родные мои, дорогие папа и мамочка! Обещал вам написать на этот раз побольше, и вот опять ограничиваюсь открыткой. Простите, мои хорошие! Иной раз хочется писать многое, по душам, но когда примешься осуществлять свое желание, то видишь, что все это уже давно писано и переписано за 3-то года, как мы ведем переписку. Если бы можно еще было говорить действительно душа в душу, то, вероятно, каждый раз нашлось бы у нас друг для друга живое, теплое слово. Но до живых ли слов, когда больше всего заботишься не о том, чтоб побольше открыть душу, а о том, чтоб сдержать ее чистые проявления? Вы меня понимаете, потому что ведь и вы находитесь точно в таком же положении. Поэтому, простите меня за краткость. Вы знаете самое главное: я здоров, бодр, крепок духом и любовью к вам. А остальное все приложится... Будьте и вы здоровы и бодры, мои ненаглядные. Всего вам хорошего. Письма мамочки с Кавказа получил. Вообще, теперь я очень благодарен вам за письма; большей энергии, чем та, которую вы проявляете в своей переписке, я от вас не требую. Привет и лучшие пожелания крестной, дяде Кир. Вас. и всем родным и знакомым. Обнимаю вас. Ваш Егор.

CXVIII.

16 августа.

Дорогая сестра, спасибо за открытки («Вечеринка» и «Любитель соловьев») и за марки. Последние очень и очень кстати. Вот времячко-то настало — приходится сидеть без чаю, без сахару. Полнейшее банкротство. Ничего, привыкнем понемногу. Бывает ведь и хуже. И, может быть, это временно. Поблагодарите Шуру за письма. Получил от 10—11/VI и 7/VII. Первые почему-то очень задержались. Уже недели две тому назад были получены письма с более ранней датой...

Получаю письма от мамы с Кавказа; писать туда ей перестал. Почему-то она собирается прекратить свое леченье очень рано.

Очень жалею, что ваша американская сестрица [1] уже покинула вас! Я о ней и раньше слыхал. Вы не знаете, я очень

[1] Сестра Л. А. Созоновой, О. А. Аверкиева, училась медицине в Америке.

много слышал о вашей семье [1], только не от того, от кого бы больше всего следовало (этот-то господин слишком неразговорчив, не правда ли?). Мне рассказывали о вас осенью 905 г., знаете где? в старом Шлиссельб. и знаете кто? нет, вы не догадаетесь... [2]. Особенно много я знаю о вашей матушке. Я рад, что мы теперь так близко породнились. Побольше бы вам тепла и радости. А то наш дом знаменит своей способностью угашать все радостное в жизни. Обнимаю вас, родная. Детишек целую.

Ваш Егор.

CXIX.

23 августа.

Дорогие, милые мои папа и мамочка, спасибо вам за деньги. Они пришлись очень кстати, чтобы выручить нас из беды. А до этого было такое безденежье, что две недели пришлось сидеть без сахару и без мыла. Только мыло да сахар и напоминают нам о том, что когда-то и мы были культурными людьми. Спасибо же вам за вашу заботливость. От мамочки еженедельно получаю письма. Плохо ей, бедняжке, помогает Кавказ. А мы вот здесь, несмотря на скверную обстановку и плохое питание, все-таки тянем. Вот что значит молодость...

Люба мне тоже пишет и иногда присылает посылки. Прошу мамочку не беспокоиться обо мне, я всем обеспечен. Будьте здоровы, родные мои. Передайте привет дяде Кир. и крестной, всем знакомым. Всяких успехов! Обнимаю вас.

Любящий вас Егор.

CXX.

23 августа.

Дорогая сестричка! Получена, но мне еще не выдана какая-то посылка, вероятно, та, о которой вы упоминаете в последней (от 9/VIII) открытке. Заранее благодарю вас. Пожалуйста, ответьте, будут посланы деньги туда, куда я вас просил (вместо обычной ежемесячной субсидии мне)? Простите, что не ответил о Винокурове. Я его не вижу, потому что он все время живет в больнице. Физически он выглядит очень хорошо, но с ним бывают эпилептические припадки. Я ему передал, что о нем беспокоится мать, и он, наверное, напишет сам. Получаете ли вы письма от тетушки М. С. и А. Н.? Как они живут? Передайте им привет. От Зины изредка получаю от-

[1] Мать Л. А. Созоновой, Елена Ивановна Прушакевич, по мужу Аверкиева, привлекалась по делу 193-х; отец—Александр Николаевич Аверкиев также был причастен к революционному движению 70-х годов.

[2] Т.-е. слышал не от брата, В. С. Созонова, а от Г. А. Гершуни, находившегося в близких отношениях с семьей Аверкиевых.

крытки; здорова... Милая сестра, очень большая просьба: выпишите из Петербурга, книжн. магаз. «Право», или из Москвы, Карбасникова, ту часть речей и сочинений К а р а б ч е в с к о г о, где помещены его «Т р и с и л у э т а». Меня очень интересует, что он насочинил о Грише, бабушке и еще о комто... [1]. Пожалуйста, сделайте это.

Просьбу о карточках Шуры беру обратно, она уже удовлетворена. А открытки пусть она пишет. Всего вам лучшего. Целую ваши ручки, целую детишек.

Ваш Е г о р.

Мамочке вы мои открытки не посылайте, для нее я пишу в Саратов.

CXXI.

30 августа.

Дорогой папа! Письмо ваше от 11-го августа (и в нем 5 марок) получил. Спасибо, спасибо, что сообщаете о делах, но очень жаль, позабыли сказать о своем здоровье. Надеюсь, оно сносно. Вам, милый папа, и хворать-то некогда. А мне верьте, когда я вам пишу, что я здоров телом и духом, — здоров настолько, чтоб не унывать и бодро смотреть вперед. В материальном отношении живется не блестяще и с каждым днем прогресс. Но ведь на то и дана человеку способность, чтоб привыкать. Привыкаешь обходиться без сахару, мыла. Привыкаешь даже ко вшам. Если бы после нашего житья у вас за пазухой прямо в такое положение, то, конечно, было бы трудненько. Ну, а постепенно — ко всему привыкаешь и меньше всего обращаешь внимание на эту чисто-внешнюю сторону. Поэтому не беспокойтесь вы там, родные, обо мне, как я сам о себе не беспокоюсь. Еще о старом. Вы, папочка, пишете, что где-то справлялись, с кем-то советовались насчет хлопот за меня, и вам ответили, что бесполезно. Поймите меня хорошенько, чтоб никогда не вышло ошибки. Если бы вам обещали даже полную удачу, и то вы не должны были бы хлопотать, потому что для меня такой подарок совершенно неприемлем [2]. Я не плюну на самого себя. Иначе мне стыдно было бы потом

[1] Речь идет о книге *Карабчевского* «Около правосудия», в которой помещен очерк «Три силуэта» — Гершуни, Брешковская и Созонов.

[2] Здесь недоразумение. Е. Созонов, повидимому, неправильно понял письмо отца. С. Л. Созонов переписывался с Карабчевским по поводу срока наказания Егора. Н. Ростов передал в редакцию письмо С. Л. Созонова, найденное им в архиве Карабчевского: «Многоуважаемый Николай Платонович! Простите, что беспокою Вас второй раз. Сыну моему Егору с применением всех манифестов срок наказания был определен в 7 лет. В его сопроводительных арестантских бумагах срок выхода на поселение значится 28 января 1911 г. Неужели манифесты не применят к нему и придется отбыть заключение 20 лет, назначенные судом? Меня очень взволновало Ваше письмо, но

жить. Понимаете ли, до чего могли бы вы меня довести при всей моей любви к вам и при всем желании дать вам спокойствие. Есть у меня нечто такое, что заставило меня разбить вашу жизнь, и это же самое не позволит мне вернуть вам заслуженное успокоение ценой отказа от того, во имя чего разбита ваша жизнь. Зачем же были тогда все ваши страдания? Поймите, поймите и не вините меня. Считаю этот вопрос покончен-ным.

Мамочке в Ecc. не пишу. Надеюсь, что она теперь или у вас, или в Уфе. Ну, какой она вернулась с Кавказа? Поправилась ли хоть немножечко? Господи ты, боже мой, как хочется верить в возможность ее выздоровления!.. У нас уже настоящая осень: дождь, грязь, холод. Серое небо плачет об ушедшем лете. А мы должны радоваться: еще одно лето с плеч долой. Остается, если не произойдет перемен, два с половиною года: правда, не так уже много сравнительно с тем, что прожито? Недавно кончились 5 лет первой ссылки, в которую вы отправляли меня в 903 году из Самары. Если бы жизнь текла без всяких осложнений, то лишь через полгода вернулся бы я к вам. Значит, теперь надбавка всего в два года. Не горюйте же. Будьте здоровы и бодры. Всего вам лучшего. Обнимаю вас, дорогие, родные папа и мамочка. Привет сердечный всем.

Любящий вас Егор.

Получаете ли мои открытки? Посылаю уже, кажется, третью. Не сердитесь, что ограничиваюсь открытками.

CXXII.

6 сентября.

Дорогая сестра! Посылку вашу получил. То-есть, все из нее получил, кроме книг; последние еще в просмотре. Я очень вам обязан за ваши заботы обо мне. Спасибо за карточки. Эта особа, что вместе с вами и детьми, конечно, ваша сестра? Очень рад с нею познакомиться хотя таким образом. Детишки, судя по зимним карточкам, сильно выросли. Обе девочки очень похожи на вас — это очень хорошо: будут красивыми. В своих беленьких платьицах они напоминают мне нежные, чистые гвоздики, выросшие в нашем саду. Целую их с величайшей ра-

успокаивает немного то, что вам не был известен приговор в окончательной форме. Очень прошу Вас, Николай Платонович, ответить мне, знали ли Вы об окончательном приговоре и можно ли сделать что-нибудь в настоящее время с применением 23 ст.? Остаюсь с искренним к Вам уважением Ваш покорный слуга Сергей Созонов».

Таким образом, в переписке С. Созонова с Карабчевским речь шла только о применении прошлых манифестов.

достью. За присылку Шур. карточек большое спасибо, раньше я получил не такие, маленькие.

Боюсь о чем-нибудь просить вас, слишком уж злоупотребляю вашей добротой. Спасибо за все. Недели две не имею от вас открыток. Сам пишу еженедельно. Прошлый раз поздравлял вас с будущим ангелом. Если той открытки не получили, то примите поздравление с прошедшим. От всей души желаю вам всего, чего только хотелось бы вам самим. Обнимаю вас и детишек. Привет всем.

Ваш Егор.

Открыток от Шуры все еще не получаю.

CXXIII.

13 сентября.

Милые мои, родные папа и мамочка! Вместе ли вы теперь и здоровы ли? Дай вам бог радости и здоровья. Мои пожелания вечно устремляются на эти два блага для вас, а у вас, судя по письмам мамочки, нет ни того, ни другого. Кавказские письма мамы такие печальные... Эх, жизнь, жизнь! Ну, а все-таки, наперекор судьбе, будем любить друг друга и верить в светлые дни, когда отдохнем... Обо мне, родные, не печальтесь, я здоров. Ходят какие-то смутные слухи о том, что Нерчин. каторга будет уничтожена и мы все перекочуем куда-нибудь поближе к родным палестинам. Мы газет не читаем и не знаем, насколько правильны эти слухи. Вам виднее. Вот тогда и исполнится то, о чем вы хотели было хлопотать, но раздумали. Что из этого выйдет, лучше ли, хуже ли — положимся в этом на судьбу. Будь, что будет, а мы станем любить друг друга и верить в свет и правду. Судьба судьбой, а человек должен оставаться самим собой и итти туда, куда ведет совесть. Куда бы она ни привела, к счастью или несчастью, только так по совести и следует жить. Ведь вы, мои дорогие, учили меня этому... Будьте здоровы. Обнимаю вас со всею моею любовью. Всем привет.

Ваш Егор.

CXXIV.

13 сентября.

Милая, дорогая сестричка! Получил ваше заказное письмо от 20 августа. Очень, очень благодарю, обнимаю и целую вас, моя добрая. Письмо пролежало довольно долго на почте — вот почему я упрекнул вас слегка в прошлой открытке за то, что перестали писать. Я уже благодарил вас за посылки. Вас или тетушку Ал. Ник. благодарю за мед (на холсте стояло от А. Соз.)...

Как поживаете осенью? Наверное не весело. От всей души желаю вам душевного света и тепла, — при них все внешние непогоды бессильны и не страшны. Зина здорова? Пишет ли она вам?

Родная, такое спасибо вам за Ибсена. Не найдется ли из него еще что-нибудь отдельными или дешевыми (суворинскими) изданиями? (Здесь, кроме присланных вами «Бранда», «Борьбы за престол» и «Комедии любви» есть еще «Строитель Сольнес» и «Доктор Штокман»).

Целую вас и детишек. Привет всем родным, кто дома.

Ваш Егор.

CXXV.

20 сентября.

Родные мои, дорогие и милые папа и мамочка! Ваш денежный перевод получил. Спасибо, мои добрые. Где теперь мамочка? В последнем письме она обещала телеграфировать мне о своем выезде с Кавказа. Телеграммы еще не было. Буду очень рад, если пребывание мамочки на Кавказе продлится подольше. Там, вероятно, стоит чудная осень. Вот и у нас после ненастья иной раз проглянет такой ясный денек, что твое лето. Нигде я не видал в хорошую погоду такой удивительной осени, как здесь: ясно и чисто, как в горах. Воздух бодрый, живительный. Лето здесь хуже осени: нет зелени.

Мне Люба прислала бессмертников из нашего сада. Мои воспоминания о родных местах несравненно свежее, чем эти неувядающие цветы.

Эта открытка получится вами незадолго до ваших, папочка, именин. Надеюсь поздравить вас своевременно. А теперь все же шлю вам горячий привет и задушевные пожелания, чтобы день вашего ангела прошел для вас светло и радостно и чтобы за ним последовал столь же радостный и светлый год, а за ним много, много других... Мама наверное проведет этот день с вами. Поздравляю и ее. Будьте оба здоровы и бодры, мои дорогие, ненаглядные. Обо мне не беспокойтесь, я здоров. Моя отрада—постоянно думать о вас и глядеть в будущее, когда все будет безоблачно, светло, когда мы получим полную волю любить друг друга так, как хочется. Хорошие мои, милые, обнимаю вас крепко. Всегда душою с вами. Ваш Егор. Привет родным и знакомым.

CXXVI.

20 сентября.

Дорогая сестра! Поздравляю вас с прошедшим днем ангела. Хотелось послать вам телеграмму, но вы знаете, как дорога здесь каждая копейка. Если бы я был дома, я засыпал (бы) цветами

мою прекрасную сестричку и постарался бы, чтобы целый день 17 сентября светлая улыбка не сходила с ее лица, говорят, что это приносит счастье.

Наверное наши путешественницы и путешественники уже вернулись с моря. Как их здоровье? Передайте им мой горячий привет, пожелания и поцелуи. Что предполагает делать Ваня?

Пишет ли кто-нибудь Шуре? Теперь открытки от нее получаю и сам пишу ей регулярно, как самый любящий из братьев. Пусть она не беспокоится обо мне, когда мои известия запаздывают. Напрасно ее открытки идут в заказных письмах, благодаря этому достигается только то, что они залеживаются несколько лишних дней на почте. Лучше всего посылать в простых письмах.

Добрая сестричка! Нет ли в уфимск. книжн. магазинах сочинений Гете в переводе русских поэтов? Не только «Фауста», но всех его произведений: если есть, — пришлите. Будьте здоровы. Обнимаю вас и детишек. Любящий вас, ваш брат Е.

CXXVII.

27 сентября.

Милая, ненаглядная мамочка! На этой неделе получил телеграмму о твоем приезде в Саратов. Предполагая, что ты проживешь там недолго, решил начать писать тебе домой. Милая моя, хорошая мамусенька, значит напрасно ты с'ездила на Кавказ! Экая печаль!.. Где же твое здоровье, куда оно задевалось? Горе да кручина высушили его, видно. Но ты, моя любимая, не поддавайся кручине и живи верой в будущее. Вот у тебя теперь еще больше забот и радостей: прибавилась третья внучка. Наверное, такая же хорошая, как первые две. Дай бог тебе побольше радоваться на них. До серьезных печалей с ними еще далеко... Чем больше ты дашь им ласки теперь, тем лучше будут они, когда вырастут, ласка облагораживает человека. И давая нежную любовь ребенку, можно с спокойною совестью думать о его будущем: что бы с ним ни случилось, он всегда останется человеком, п. ч. сердце ему дано хорошее... Закладывайте же вы хорошие сердца в деток, обеспечивайте им человечность. Этим вы будете правы перед богом. Милая мамусенька, будь здорова, будь бодра, будь спокойна душой. Обнимаю тебя, моя дорогая... Дорогая Люба, сестра моя добрая, получаете ли вы мои открытки? От вас их давненько нет. Поцелуйте Зину и передайте ей мое пожелание всего, всего самого лучшего. Дети начали учиться, всяких им успехов. Тетушкам, Ване, сестренкам и деткам привет. Обнимаю вас всех. Будь здорова, мамусенька. Любящий тебя, твой Егор.

Сейчас получил открытку Любы от 12 сентября. Спасибо. О деньгах теперь уже не надо беспокоиться, они посланы.

CXXVIII.

27 сентября.

Дорогие, горячо любимые мои папа и мамочка! Вашу телеграмму (кажется, от 22 сен.) получил и ответил вам на нее. Итак, моя ненаглядная мамусенька покинула Кавказ и, повидимому, с таким же здоровьем, с каким приехала на него. Это очень, очень печально. Как жаль, что обстоятельства помешали мамочке выехать на курорт пораньше весной, может быть тогда она получила бы больше пользы. Тетушки, как видно, тоже вернулись домой. От добрейшей А. Н. была даже посылка с прекрасным медом, который принес в себе всю липовую прелесть родины. Спасибо всем вам за любовь, за заботы. Обо мне, мои милые, не беспокойтесь. Я здоров и всем обеспечен. Из последнего кавказского письма мамы следует, что она моих открыток не получала. Отчего это? Я писал в Саратов в каждую установленную здесь очередь, т.-е. еженедельно. Пишу открытки, а не письма, потому что за первые можно больше ручаться, что они непременно дойдут до вас. Теперь и свиданья бывают маленькие, на которые едва успеешь сказать: «здравствуй и прощай!» В открытках я успеваю сказать все-таки больше этого, — во всяком случае, самое главное для вас, что я жив и здоров, что бодро жду светлого будущего, которое всецело будет принадлежать нашей любви . . . Не огорчаетесь ли вы на меня за открытки? Не знаю, сколько мама пробудет в Саратове; начинаю писать ей домой. Очень счастлив, что все вы целы, будьте только больше здоровы. Горячо и крепко обнимаю и целую вас. Привет родным. Ваш Егор

CXXIX.

4 октября.

Милая, ненаглядная моя мамусенька! Мне телеграфировали из Уфы о твоей болезни. Ты, конечно, будешь недовольна тем, что мне открыли истину. Родная, хорошая моя, не тревожься этим. Лучше всякая правда, чем приятный обман, который может дымом рассеяться в любой день. Ты знаешь, как люблю я тебя, и знаешь, какое горе для меня узнать о твоей болезни, но ты должна верить в крепость моего сердца, которое много уже испытало и всегда готово еще к дальнейшим испытаниям.

Родимая моя, позволь мне любить тебя и горевать о тебе, как подобает сыну и человеку, крепкому духом. Позволь не скрывать от тебя своего горя, но ты не болей моим горем. Все, что посылает мне судьба, я беру без жалоб: пусть будет, что должно быть. Наш внутренний свет не должен гаснуть от этого.

Пусть он вечно горит, горем ли, радостью ли, как жертва богу. Сердце человека должно быть неугасимой лампадой, которую зажигают ведь не только в дни радости, но и в дни печали. Возлюбленная мамусенька, верь в мою любовь, верь, что она не погаснет во мне до моего последнего вздоха, но будь спокойна насчет меня. Что бы ни случилось, будь спокойна насчет меня. Вот теперь, когда ты страдаешь, моя душа вьется около тебя, льнет к тебе с желанием тихою любовной лаской облегчить твои муки. Тихо, тихо целую ручки твои, глаза твои, моя милая, бесценная, моя страдающая мамочка! Эти бледные, худые руки выносили меня, они ласкали мою еще детскую голову. Эти печальные ласковые глаза всегда таили для меня любовь и ласку. Ты дала мне не только жизнь, но нежной любовью своей вспоила и вскормила душу мою. Всем, что имею, обязан я тебе, моя родимая. Ты, может быть, не знаешь, как я это чувствую. Во всех моих чувствах и мыслях горит твоя нежная ласковая душа. Ты как-будто живешь во мне или я — тобой . . . Что же может значить для нас не только разлука, но и самая смерть? До последнего вздоха моего ты со мной, моя возлюбленная, моя нежная мамусенька! Страдая, будь спокойна насчет твоего сына, ибо он страдает, но бодро несет свой крест без жалоб . . . Припадаю к постели твоей и целую руки твои и жду, чтобы ты положила их на мою голову и отпустила мне все мои вольные и невольные прегрешения против тебя. Ты знаешь, только долг мой, как я понимал его, заставлял меня распинать твою любовь ко мне. Если бы я не осмелился наносить раны твоей любви, я был бы недостоин ее. Если же я преступал границы должного, то прости меня: скорблю об этом не переставая и готов бы каждую твою лишнюю каплю слез, пролитую по моей вине, искупить ценою крови своей.

Прости меня, мамусенька, сегодня мне больше не пишется. Люблю тебя, страдаю твоим страданьем, хочу твоего выздоровления и покорно готовлюсь принять всякое испытание. Поправляйся и будь спокойна насчет меня. Не скрывайте от меня истины и уведомляйте о ходе болезни.

Дорогой, родной мой папочка! Хотелось, чтобы день вашего ангела прошел в безмятежном спокойствии, но судьба распорядилась по-иному. Родной мой, обнимаю вас со всею моею любовью. Будьте бодры духом. Обо мне не беспокойтесь и не держите меня в неведении. Прошу и умоляю вас, пишите всю правду о мамочке. Целую вас обоих, моих милых, дорогих, любимых. Всем сердцем с вами, всегда ваш Егор.

Привет всем.

Еще и еще раз обнимаю и целую мамочку.

CXXX.

4 октября.

Дорогая сестра! Прошлую субботу я решил снова начать писать мамочке домой, но из ваших телеграмм узнал об ее болезни, и теперь рассчитываю, что она не выедет из Саратова, пока не поправится. Надеюсь, вы не будете держать меня в неведении о ходе ее болезни.

Мне жутко думать о мамочке. Вынесет ли она? А если теперь вынесет, то насколько такая тяжелая болезнь подорвет ее и без того хилое здорвье! Эх, горе, горе! Когда и где ему конец?

Родная, добрая! Благодарю вас за посылки. Получил обе: варенье, конфекты, белье и проч. Особенно благодарен вам за обещание устроить высылку книг. Только помните, что книг с сердитыми названиями присылать не надо, все равно пропадут задаром.

Не знаю, исправно ли доходят до вас мои письма. Я пишу исправно. Вот Шура жалуется, что ей приходится подолгу сидеть без вестей от меня. Тоже бывает и со мной. Не знаю, кто виноват в этом. Вернулась ли Шура из деревни? Пишу ей вместе с вами.

Передайте мой привет тетушкам, Ване, сестренкам. Всем всего хорошего. Вас и детишек обнимает

любящий вас Егор.

CXXXI.

11 октября.

Дорогие, родные мои папа и мамочка! В телеграмме, полученной мною от вас на этой неделе, ничего не говорилось о здоровье мамы. В своем ответе я спрашивал, поправляется ли мамуся. Мой вопрос пока остается без ответа. Не хочу строить на основании этого дурных предположений. Родные мои! Мои мысли все время около вас. Только открываю утром глаза, уже думаю: «Как-то они там? Может быть сегодня что-нибудь получу?» Но день проходит, известий нет. А на утро я снова жду. Я научился ждать и верить вопреки зловещей действительности. И теперь вот верю. Верю, что милая моя мамусенька поправится. Родная, хворенькая моя, так-то вылечили тебя кавказские ванны! Лучше было бы, пожалуй, если бы ты совсем не ездила туда. Как теперь ты переберешься домой? Дома в наших теплых и уютных комнатах ты наверное будешь больше чем где-нибудь застрахована от разных случайностей. Обо мне, мамуся, не беспокойся. Если все будет благополучно, то через

два с небольшим года мне предстоит воля. На этот срок моего здоровья хватит с избытком. Только бы ты дожила до минуты свиданья. То-то будет радость! Забудем обо всех минувших страданиях. Милая, ненаглядная мамочка, займи моей веры и моего здоровья, поправляйся, родная. Обнимаю тебя нежно и горячо, мою хорошую. Обнимаю папочку. Будьте оба здоровы. Здесь уже почти зима. Хорошо, бодро в воздухе. Привет всем родным и знакомым.

Любящий вас, всегда и весь ваш Егор.

CXXXII.

11 октября.

Дорогая сестра! С нетерпением жду каких-нибудь известий о маме. Поправляется ли она? Факт вашего молчания говорит как-будто за то, что, по крайней мере, нет ухудшения. Верю и надеюсь на лучшее.

Прошлый раз я не ответил на ваш вопрос, откуда я узнал о вас и вашей матушке еще прежде, чем породнился с вами. Конечно, от Гриши [1]. Как он умел любить всех своих друзей и какое широкое было у него сердце, способное вместить любовь к друзьям с важными заботами о важных делах! Володю [2] я, конечно, помню, как помню все, напоминающее о первых шагах порывания в неизвестную даль. Очень рад, что он не забывает меня: человеку жизни так нетрудно забыть мертвеца. Привет ему.

От вашего брата пока еще ничего не получил. Он ведь знает мои симпатии. Что нового в этом отношении? Вышел какой-то сборник, посвященный Марксу. Нет ли еще чего-нибудь, в этом роде, родного, близкого сердцу?

Добрейшая сестра! Не пришлете (ли) вы мне какой-нибудь теплой обуви? Только моя нога больше, чем вы думаете, присланные летом скороходы оказались малы. № калош, которые когда-то я носил, уже не помню. За присылку питательного очень, очень благодарен. Не оставляйте и впредь вашими милостивыми заботами.

Вместе с этим пишу открытки маме и Шуре. Справьтесь о получении их.

Привет всем родным. Вас и деток обнимаю.

Ваш Егор.

[1] Гершуни.

[2] Кисменский, с.-р., бывший вместе с Е. Созоновым в Уральском союзе с.-д. и с.-р.

CXXXIII.

18 октября.

Дорогие, родные мои папа и мамочка!

Так и не дождался вашего ответа на мой телеграфный запрос о здоровье мамы. Решил считать ваше молчание за добрый признак. В расчете на то, что мамочка при первой возможности поспешит возвратиться домой, пишу ей сегодня же маленькое письмецо в Уфу.

Как теперь в Саратове насчет холеры? У нас вот благодать: в наши отдаленные края даже холера боится заглянуть. И слава богу, конечно, а то плохо бы пришлось нам при нашей тесноте.

Теперь у нас настоящая зима, со снегом и морозами. На дворе, как выйдешь на прогулку, воздух просто чудо. Летом в самое лучшее время всегда попахивает тюрьмой. Зимний мороз очищает атмосферу нашего двора, — дыши, как где-нибудь в санатории на альпийских вершинах. Хорош мороз и для наших матрацов: вынесешь на полчаса на двор, всем насекомым смерть . . . Плохо вот только здесь с сахаром: то и дело сидишь без оного. Сибирские купцы, как видно, люди не запасливые и поэтому регулярно через известный промежуток времени остаются без самых необходимых товаров.

А впрочем, молодость и бодрый дух все превозмогают. Я жив и полон веры в лучшее будущее. Родные, не обманете ли вы моих надежд с вашим здоровьем? Будьте здоровы во что бы то ни стало. Обнимает вас любящий вас Е г о р.

Привет всем родным.

CXXXIV.

24 октября.

Дорогие, любимые мои папа и мамочка! До сих пор не имею от вас ни одного письма. Почему это — не знаю. С Кавказа мамочка писала часто, еженедельно, а по приезде в Саратов замолкла. Не ропщу на нее. Она, бедняжка, хворает. Вчера получил от Любы открытку, в которой она говорит, что мамочка собирается в Петербург лечиться. Эта открытка—первое известие о маме после того, как я узнал о ее болезни. Слава богу, хоть она жива. Доходят ли до вас мои открытки? Я пишу вам каждую пятницу или субботу, чаще уже нельзя. Если вы подолгу не получаете от меня известий, спрашивайте телеграммой и не беспокойтесь понапрасну. Я здоров. У нас стоит настоящая зима с хорошими морозами. Как-то у вас? Долго ли еще пробудете в Саратове? Милая мамусенька, поправляйся

здоровьем и обо мне не беспокойся. Видишь, я уже давно ничего не получаю от тебя, но не перестаю быть бодрым и спокойным, потому что знаю, что чему быть, тому не миновать — наша жизнь не в наших руках, зато над своим сердцем с его любовью мы вольны. Душою я всегда с тобою, хожу вокруг твоей постели, обнимаю тебя и охраняю твой покой. Будь здорова, моя милая, ненаглядная... От матери Петруся [1] на-днях получил письмо, все тужит, бедняжка. Отвечаю ей сегодня. Обнимаю вас, папа и мамусенька. Привет всем.

Ваш Егор.

CXXXV.

25 октября.

Милая, ненаглядная мамочка!

Из открыток Любы узнал, что ты собираешься в Петербург лечиться. Желаю тебе благополучной дороги и спокойствия. Лечись, не тревожа себя печальными мыслями обо мне. Я здоров и бодр настолько, что терпеливо ожидаю от вас с папой писем с известием о ходе твоей болезни. Может быть вы пишете мне, но письма ваши не доходят до меня. Конечно, это очень грустно, и я не могу не грустить по такому поводу. Но я научился держать в руках свои нервы и свое воображение; заставляю себя, и часто удачно, не замечая настоящего, жить мыслью в будущем, — там, где мы будем вместе, где забудем горечь разлуки и свободно отдадимся радостной любви друг к другу, без всяких помех. Милая мамусенька, будь и ты бодра и будь здорова.

Пишу тебе в два конца: домой и в Саратов, не хочу, чтобы тебе приходилось хоть лишний день ожидать от меня известий. Ты не сердишься (ли), что я мало пишу? Если бы я почаще получал письма или маленькие известия от тебя, то писалось бы больше. Трудно много писать, когда мало знаешь, что с дорогим человеком, которому пишешь. Впрочем, я не упрекаю тебя, мамусенька, не сердись только ты на меня.

Обо мне не беспокойся. Люба заботится обо мне, как самая лучшая сестра в мире. Не знаю, когда и чем отплачу ей за заботы.

Дорогая Люба! Обнимаю вас за посылки. Получил сегодня. Из книг пока получил только Гефдинга, а насчет Карабчевского раз'яснится на-днях. Спасибо вам за открытку от 7/X. От наших галахов ничего лучшего я и не ожидал, о ходе дела можно было судить по началу. Посылаете ли мамочке и Шуре мои письма?

[1] Карповича.

Передайте сердечный привет тетушкам и Ване, сестренкам. Всех обнимите. Обнимаю вас и детишек, Нину. Будьте здоровы.

Будь здорова, родная мамусенька. Нежно обнимаю тебя и целую твои руки.

Всегда любящий тебя, Егор.

CXXXVI.

Октябрь.

Милая, ненаглядная моя мамусенька!

Так, видно, меня и не известят о твоем здоровье. Было бы слишком жестоко, если бы промолчали об его ухудшении. Я не могу так дурно думать о своих родных. Предпочитаю верить, что наши делишки понемногу поправляются. Дай-то бог, моя родная! Ты очень мало веришь в силу медицины, но крепко надеешься на силу молитвы. Лечись, чем можешь, только будь здорова, моя дорогая, моя милая мамусенька. Как давно я не получаю писем ни от тебя, ни о тебе. И все-таки я спокоен, потому что хочу быть спокойным. Что поддаваться напрасным тревогам? Будет, что должно быть, судьбы не обойдешь, особенно, когда руки окованы. Плакать будем, тогда сил не будет терпеть и верить, а теперь грудь еще полна самой бодрой веры.

Дорогая моя, ласковая моя мамочка, не знаю, где ты, и пишу тебе в два конца — домой и в Саратов. Скоро ли наши родные стены будут иметь счастье принять в свои теплые об'ятия свою добрую хозяйку? Скоро ли истосковавшиеся внучки обнимут своими рученками свою милую бабушку? Когда ты дома, мое сердце спокойнее: так безопаснее для твоего здоровья. И кроме того, в кругу близких, за надоедливыми, но привычными домашними заботами ты скорее размыкаешь свою грусть-тоску...

У вас, вероятно, теперь самое скверное время, смесь осени с зимой, холодная слякоть. А у нас уже зима настоящая. Больше недели лежит снег, хотя маленький. В окна вставлены внутренние рамы, печки отопляются. Сегодня были в бане, и так-то любо было попариться после холодка, которого здесь не выгонишь никакою топкою. Эх, если бы да наша уфимская баня: чистота, тепло! Когда вернусь, наверное буду ходить чуть не ежедневно. Вообще, когда вспоминаю наш дом, то сколько приятных вещей всплывает в моей памяти, — вещей, на которые раньше не обращалось внимания. Вот, хотя бы идеальная чистота наших комнат и чистое белье, меняемое чуть ли не ежедневно. А твое кулинарное искусство, моя славная мамуся! Эх, куда, куда вы удалились весны моей златые дни... Не подумай, что воспоминания о благах семейного рая наводят

на меня тоску, — нет, они вливают в мое сердце бодрость и силу ждать, ждать годы, только бы дождаться, наконец, счастья обнять вас, милых, под домашней кровлей. Родные, милые, живите и вы, будьте здоровы телом и бодры духом. Если преодолеете время, счастье еще вернется к нам, я верю, всей душой верю в это.

Милая мамуся и дорогая Люба! Прошу вас прислать мне несколько пар теплых чулок. Когда выбираете что-нибудь для меня, то берите крепкое. Скороходы, присланные вами летом, оказались с картонными подошвами. Знайте, что починить здесь мне не по средствам. И ходить здесь ведь не по ковру. Пожалуйста, обращайте внимание на крепость. Мои открытки уже все на исходе, пришлите новых. Пришлите несколько тетрадей (ученических), разлинованных в прямую клеточку, как вот эта бумага. Мне необходимо для занятий высшей математикой. Книг от вас пока еще не получал. Да и писем давно нет. Так и не знаю, где тетушки и как устроился Ваня. Черкните, милая Люба, хоть пару слов о всех родных. Шуре передайте прилагаемый привет. Если мамочка еще не вернулась из Саратова, перешлите ей это письмо. Как поживает Нина? [1].

Пишите почаще, хоть немножечко. Обнимаю всех. Милую, ненаглядную мамусеньку обнимаю и целую.

Любящий вас Егор.

CXXXVII.

1 ноября.

Дорогой папа, милая мамочка! Получил ваше письмо, спасибо. Хорошая, ненаглядная моя мамусенька, как грустно все то, что ты пишешь. Так и вижу тебя, мою бедную, хворенькую, исстрадалась, устала до того, что уже смерть кажется отдыхом. Нет, моя ненаглядная, мы еще поживем. Из всех сил будем стараться поправиться и жить, чтобы дожить до хороших времен, когда отдохнем еще здесь, под ясным ласковым земным солнышком. Милая, не беспокой себя сожалениями о том, что теперь не можешь часто писать мне. Пусть мысль обо мне дает тебе одну только радость. Я бодр и всей душой своей вблизи тебя и в нашем светлом, хорошем будущем. Настоящее с его заботами для меня не существует. Подавляю в себе дурные мысли о твоем здоровье. Пока еще дышим, хочу думать о лучшем. Придет конец, ну, значит, так суждено. И тогда все-таки скажем: мы жили не напрасно. Будь же здорова, моя милая, родная, будь бодра духом. Осыпаю поцелуями твои милые

[1] Брат Егора — Зот Сергеевич.

ручки, целую твои печальные, страдающие глаза и нежно, нежно обнимаю. Всегда твой, любящий тебя и благодарный тебе без конца. Обнимаю папу. Привет всем. Ваш Егор.

CXXXVIII.

1 ноября.

Дорогая Люба!

Получил ваше письмо и письмо и открытку Шуры. Спасибо вам, мои родные! Вы так ласковы ко мне. Теперь мне необходима воля хотя бы для того, чтоб отблагодарить вас всех за вашу любовь и заботы. Года через два с небольшим моя мечта, может быть, исполнится, и тогда, тогда — эх, что тогда будет! Только бы вы все были живы-здоровы... От мамы получил первое письмо из Саратова. Она, родная, так устала, что успокоение видит в одной только смерти. Как бы хотелось обнять ее, чтобы вернуть к ней бодрость и желание жить.

Спасибо вам за посылку. Теперь я с избытком обеспечен теплым бельем и не боюсь сибирских морозов. Очень благодарен за Карабчевского. Читали ли вы его? Не правда ли, много курьезного? Как понравилось Нине? Из Читы родные мне прислали хорошей беллетристики: Гоголя, Гончарова, Достоевского и проч. Вот славно! Если бы еще Тургенева. Передаете ли вы Нине мои поклоны? Обнимите ее крепко, крепко и скажите, что и правда, как хорошо и праведно служить единому богу; в этом счастье. Желаю ей счастья от всей души. Также и вам, родная моя. Тетушку М. С. обнимаю за гостинец. Больше двух лет не ел фруктов, и вдруг — такая роскошь! Яблоки дошли в лучшем виде. Спасибо же ей!..

С следующей посылкой пришлите почтовой бумаги, такой, как эта. Какого хорошего мыла прислали вы мне, и впредь присылайте такого же, прозрачного. Пришлите «Учебник новой истории» Кареева. Я не стесняюсь с своими просьбами — вы не обессудьте, родная!

Пришлете ли вы мне 270 руб., о которых пишет Шура?.. Вот и 1 ноября 1908 г. Как скоро идет время, будто спишь! А у вас тоже? Ну, будьте здоровы. Привет и всего хорошего тетушкам, Ване, сестренкам. Обнимаю вас, Нину и детишек.

Любящий вас Егор.

CXXXIX.

8 ноября.

Родные мои, дорогие папа и мамочка! Сегодня получил вашу телеграмму с извещением, что здоровье мамы поправляется. Я долго ждал этого радостного известия и теперь вознагражден за свое терпение. Счастлив безмерно. Родная, не-

наглядная мамусенька, обнимаю тебя нежно и бережно. Ты теперь будешь желать поправиться. Велики твои страдания, но ты победишь их верой в лучшее и желанием этого лучшего. Будь бодра, моя хорошая. С кем ты поедешь в Петербург? Если без своих, будет тоскливо. Может быть и Кавказ мало помог тебе, потому что ты там была почти одна. Я вспоминаю, как мы с тобою жили в Москве. Тогда я плохо ухаживал за тобой. Теперь сумел бы лучше. Обо мне, дорогая, не беспокойся. Люба пишет мне часто. Недавно прислала теплого белья. Не знаю, как благодарить ее за заботы. Ты, когда думаешь обо мне, то помни только одно, что я всегда люблю тебя, постоянно душою с вами, родными, и в том будущем, когда мы будем вместе. О выезде из Саратова, надеюсь, уведомите. Тогда буду писать домой или туда, где ты будешь.

Дорогой папочка! Деньги получил; благодарю вас. Надеюсь, вы здоровы. Читали ли вы, как Карабчевский описал вас в своей книге «Около правосудия»? Прочтите, интересно. И маме прочтите. Обнимаю вас обоих, моих дорогих.

Ваш Егор.

Привет дяде Кир. Вас., крестной, Дмитр. Никол. и всем.

CXL.

8 ноября.

Дорогая Люба!

Вчера получил вашу телеграмму с извещением о том, что мамочка физически поправляется. Очень рад и большое вам спасибо за уведомление. От мамы из Саратова было всего одно письмо и невыразимо печальное. Она, как видно, очень устала страдать. Где-то теперь она и поедет ли в Петербург? И с кем она поедет? Одной ей будет очень тоскливо. Я понимаю, как она скучала, живя в Москве, я тогда очень плохо ухаживал за ней. Теперь сумел бы лучше.

На этой неделе не получил ни одного письма ни от кого из вас. Ну, что же, безденежье бывает перед деньгами, тоже, надеюсь, и с письмами.

Вспомнил, что Ваня скоро будет именинник. Передайте ему мое поздравление и задушевное пожелание. Как он поживает в нашей богоспасаемой Уфе, не скучает ли? Кроме занятий уроками, что читает? Хорошая ли теперь библиотека в Уфе и подписываетесь ли вы в ней? Даже в старое время, когда уфимская библиотека не отличалась интересом, и то я был одним из усерднейших ее подписчиков. Теперь она, наверное, все-таки помолодела.

У меня снова просьба к вам. Купите или выпишите из Москвы «Введение в философию» Роджерса, издание московской комиссии самообразования. Может быть название автора я переврал, но в этом издании есть только одно «Введ. в философ.», и книга эта, наверное, в продаже имеется. Все еще не получил «Введ. в философ.» Паульсена. Может быть вы забыли про него, или его нет в продаже?

Попрошу еще вас прислать: зубного порошку (только запечатайте хорошенько, а то приходит всегда рассыпанным), зубных щеток штуки три и расческу, 3 эмалиров. столов. ложки.

Не присылайте таких нежных вещей, как яблоки, испортятся. У вас есть много иных хороших вещей: масло, сыр, мед, если уже хотите побаловать.

Вот сейчас получил телеграмму из Саратова: здоровье мамы поправляется. Рад, счастлив. Хоть бы побольше поправилась, чтоб не надорваться еще сильнее во время предстоящего поста.

Родная, милая Люба, как поживаете? Теперь вы редко пишете о себе. Пишите хоть пару строк, право же интересно. Хоть пару строк. Что вы боитесь давать себя мне хоть чуточку? Если бы я был ближе, то сумел бы растормошить вас. А теперь мои вопросы кажутся вам, наверное, нетактичными, навязчивыми. Но вы только поверьте, что я часто и много думаю о вас... Читали ли вы «В темную ночь» Деренталя, рассказ, помещенный, кажется, в последних книжках «Русск. Бог.» за 1906 г.? Прочтите и скажите, понравится ли вам. А в сборнике «Терн. венок» Ковальского рассказ «Человек, который...»? А сборник рассказов Грина: «Шапка-невидимка»? ..

Что вы читали у Л. Андреева? «Рассказ о семи» понравился ли вам и Нине? Если вы читаете, то пишите иногда об этом, хоть немного. Как мне хочется поближе узнать вас и создать что-нибудь действительно общее, родственное между нами. А то остались вы у меня в воспоминании после свиданий в Москве, как красивая, нежная мечта, и я наполняю ее изящные, но пустые рамки своими вымыслами. Как должна чувствовать себя такая в нашей обстановке? Вот мысль, которая концентрирует в себе все мои думы о вас. Если бы вы знали, какого тайного доброжелателя имеете вы в моем лице. Обнимаю вас и целую ваши руки, моя прекрасная сестрица. Целую детишек, Нину.

Передайте привет всем родным. Всем всего лучшего.

Ваш Егор.

Деньги получены. Большое вам спасибо, родные, добрые.

CXLI.

15 ноября.

Родная, ненаглядная мамусенька! Получил от тебя второе письмо из Саратова, еще более грустное, чем первое. Прежде всего, моя хорошая, благодарю за доверие, с которым ты не побоялась поделиться со мной своею скорбью. Теперь я вижу, что ты не только любишь меня, но и веришь в мою силу вынести всякое испытание. Ненаглядная моя, позволь же, позволь взять твои бледненькие, худые ручки, чтобы принять из них часть твоих мук. Ты видишь, я стою перед тобою склонившись и жду, чтобы ты поделилась со мной, своим сыном и другом, твоими скорбями. Люблю тебя, желаю тебе еще долгой, долгой жизни, но моя любовь выше страха за твою будущность. Что бы с нами ни случилось, будем ли мы жить, или кто-нибудь из нас будет взят судьбой, наша любовь друг к другу выше смерти.

О, моя милая, ненаглядная мамусенька, верь этому и, если можешь, найди в моей любви хоть маленькое облегчение для своих страданий. Вот тысячи верст разделяют нас, уже целые годы не видались мы с тобой, а убавилась ли наша связь? Разве я теперь не с тобою вместе? Разве не чувствую, как ты страдаешь? Милая моя мамусенька, я верю, что твоя вера даст тебе силу бодро перенести все твои страдания. Если будешь бодра, я надеюсь — здоровье твое направится. А через два года, когда я буду снова свободен, я уже постараюсь, чтобы в сердце твоем появились новые силы. Господи боже ты мой, как много дней и недель прошло с тех пор, как я был вырван из родного дома. Поди, не только люди, но и стены нашего дома постарели от старости. А я — узнаешь ли ты меня? Мне кажется, я нисколько не изменился. Но это, вероятно, только кажется. Во всяком случае, чувствую себя бодрым и здоровым.

Родимая моя, очень я боюсь за наступающий пост: как бы ты во время его не подорвалась окончательно. Пожалей себя, милая.

Родной мой папочка! Ваши дела в Саратове, вероятно, скоро кончатся. Желаю вам здоровья и всяких успехов. Обнимаю вас обоих крепко и нежно моих, дорогих, милых. Передайте привет дяде Кир. Вас., крестной. Также — Дмитрию Николаевичу.

Обо мне не беспокойтесь. Живу любовью к вам и думами о вас.

Всегда с вами и всегда ваш Егор.

CXLII.

15 ноября.

Родная, дорогая Люба!

Письмо ваше с красивыми открытками («Христос» Крамского и пр.) получил. Спасибо. Как-будто вы знаете вещи, которые я особенно люблю. Этот «Христос» — одна из тех картин, о которой я думаю, что раз существуют столь дивные произведения человеческого творчества, — человек хорош и жить стоит.

Посылку, упомянутую в вашем письме (валенки и проч.), еще не получил. А все прежние посылки получены. Я не перечислял всех вещей, полученных в них, потому что мне казалось достаточно, если я писал, что все получено. Вы не беспокойтесь: если бы мне чего-нибудь не выдали здесь, я бы известил вас, чтобы вы напрасно не тратились на присылку вещей негодных и бесполезных.

Деньги ваши 375 руб. получил и уже благодарил вас за это.

От мамы из Саратова получил два письма, бесконечно грустные. Язык не поворачивается говорить слова утешения. Хотелось бы молча обнять ее и целовать без конца. Все-таки хочу верить и верю, что она победит свою болезнь и свою усталость. Ведь только два года — а там я ее молча обниму и буду целовать без конца, без конца.

Кажется, вчера был именинник Ваня, — я, по крайней мере, думал, что вчера, и от всей души пожелал ему и тетушке М. С. всяких благ на многие лета...

Милая Люба, обнимаю вас, детишек и Нину крепко и нежно, как самый любящий из братьев. Привет и пожелания тетушкам, сестрам (теперь уж, пожалуй, неловко называть их сестренками, поди, совсем невесты!) и Ване. Привет всем родным и знакомым.

Ваш Егор.

CXLIII.

22 ноября.

Дорогая моя, ненаглядная моя мамусенька, сердешная моя мамочка, как здравствуешь? Поправляешься ли понемножечку? Улыбаешься ли хоть раз в неделю? Веруешь ли в будущие светлые дни? Ждешь ли еще иных? Не знаю, кто за тобой ухаживает, и не знаю, умеет ли тот, кто ухаживает за тобой, давать тебе забвение твоих страданий. Ты, наверное, всегда одна со своими печальными мыслями! По-неволе душа омрачится тяжелым отчаянием. Эх, если бы мне побыть с тобой хоть с месяц, я бы заставил тебя и в муках твоих увидеть свет!.. Знаешь ли ты, что выше нет для человека, если он сумеет побе-

дить свои муки и в них увидеть свет?.. Этому учит тот, кого распяли... Ты только помни всегда, что ведь и он по-человечески страдал, вот как и мы с тобою страдали бы на его месте, и тогда ты захочешь подражать ему. А когда захочешь, по-настоящему захочешь, то и сможешь. Я не смею напоминать тебе об этом, потому что ты ведь не хуже меня это знаешь. И я знаю, что ты победишь свои муки и увидишь свет. Моя дорогая, моя миленькая мамочка, будь бодра душой и верь в лучшее. Обо мне не беспокойся. Бывает тяжело, бывает тоскливо, но я вас люблю и вера моя крепка, как прежде. Никогда свет не меркнет для меня, и в самые трудные дни отчаяние далеко от меня. Верь в меня, как я верю в тебя. Будем жить даже в муках для света. Так указал тот, кого мы оба любим, как самого светлого из светлых... Обнимаю тебя и папочку крепко и нежно. Всегда ваш и с вами Егор.

Душевный привет родным.

CXLIV.

22 ноября.

Родная, милая Люба!

Посылки ваши (валенки, колбаса, масло, мед, бумагу и пр.) получил. Очень, очень благодарю вас. Особенно за бумагу. Такая прелесть, что жалко писать на ней свою каторжную чепуху. Бумага ведь тоже умеет краснеть за мелкость мыслей, передаваемых ей. Но я уже давно потерял «совесть» в этом отношении. Где возьмешь мысли — особенно умные мысли, когда вся твоя жизнь ограничена почти тем, «сколько человеку земли надо» — помните, как в рассказе Толстого? Я очень и очень боюсь, что огорчаю мамочку бессодержательностью своих открыток. Как много значит для человека два-три года разлуки: теряется почва под ногами, теряется уверенность в своей способности дать что-нибудь важное, нужное, живое тем, кто так дорог, но кто так страшно далек от тебя, далек временем и пространством. Ведь мысль моя сжата и что она может выдумать нового, кроме того, что уже десятки, может быть, даже сотни раз повторялось за эти годы?.. Ты все такой же и настолько такой же, что можешь только теми же словами, что и раньше, повторить о своих чувствах. Как это действует на мамочку?

Люба, сестра, пишите о мамочке. Пишите откровенно, как она выглядит. Если бы я хоть чуточку мог заглядывать в обыденную жизнь мамы, я сумел бы поддерживать свою связь с нею попрежнему ярко-живою... Из себя, вы понимаете, мне с одной стороны очень легко выкапывать такие слова, которые ощупью добираются до вашей жизни, но связь, построенная

на таких словах, выходит слишком уж отвлеченной. С другой стороны, мне трудно, даже невозможно «выкапывать из себя» — и это еще понятнее.

Эх, как мало себя даете вы мне, мои родные, и как быстро подчиняетесь вы силе обстоятельств.

А удобно ли, что я обременяю вас (по отношению к маме удобно ли) поручениями (насчет Шуры)? Не бросается ли маме в глаза разница моих усердий? Напишите откровенно, тогда я приму меры . . .

Скажите, Люба, почему все еще выходит замедление с открытками Шуры? Почему они приходят сразу по две? Значит, залеживаются? Голубушка, Люба, постарайтесь, чтобы этого не было, это — моя личная просьба к вам, вы должны понять меня. Я уже просил вас не присылать открыток в заказных письмах — это лишь замедляет и часто надолго.

Я уже сообщал вам, что письма Шуры я получил. Писал я также вам (недели две тому назад), как быть на будущее время. Вот почти год пишет мне Шура и пусть пишет попрежнему. Нет смысла переменять обычай, раз он еще хорош . . .

Если бы вы, мои родные, писали бы мне почаще, ведь письмами только и живешь. Ну, да я не требователен, пусть только хоть один из вас пишет исправно, пусть хоть Шура . . .

Теперь, как материалист, свожу на низменные материи: уже недолго до рождества. Я не стесняюсь просить вас прислать к праздникам побольше разных вкусных вещей. Надо же, может быть в последний раз, вспомянуть старину.

До свидания, дорогая Люба. Крепко жму вашу руку, обнимаю вас, детишек и Нину. Сердечный привет всем родным. Мамочке все время посылаю открытки в Саратов.

Любящий вас Егор.

CXLV.

28 ноября.

Родная моя, ненаглядная мамусенька! Снова тебе испытание! Бедную тетушку Прасковью помню, конечно, но только по имени. Ты, мамочка, напрасно усугубляешь несчастье, прибавляя к печальному факту еще печальнейшее об'яснение: смерть тетушки, наверное, произошла случайно, неожиданно для нее самой. Зачем ты отравляешь себя дурными предположениями? Родная, милая, успокойся и прими новое испытание, как новую пробу твердости твоей веры. Не падай духом, мамусенька. Помни, что человек может вынести все, если захочет, даже крестную муку. Жить в счастье все могут, надо уметь возвыситься над страданьем. Ты, моя возлюбленная мамочка, уже много страдала и показала огромную силу. Я верю в твою

силу и верю, что она победит в тебе. Ты своим примером покажешь людям и нам, твоим детям, как может быть велик человек в своих человеческих страданиях. Низко, низко склоняюсь перед тобой, обнимаю твои ноги и целую их, моя исстрадавшаяся, моя возлюбленная мамочка. Родная, милая, моя любовь с тобою, мое сердце с тобою. Помни, что я всей душой хотел бы разделить каждое твое горе. Целую нежно твои ручки, твои глаза, всю тебя. Будь бодра. Дай бог тебе здоровья. Вас, дорогой папа, обнимаю крепко.

Весь с вами Егор.

CXLVI.

29 ноября.

Дорогая Люба! Не написал вам утром. Пошел в баню и угорел, теперь писать не могу, извините. Не будете ли настолько добры купить и прислать мне пенснэ для близоруких № 8 — пару и № 16 — одно.

Пожалуйста, упаковывайте лучше ваши посылки, а то какао почти никогда не доходит в целости, рассыпается. Также и зубной порошок.

Обнимаю вас, детишек и Нину. Привет родным. Привет Шуре.

Еще раз простите за бестолковое письмо.

Любящий вас Егор.

CXLVII.

6 декабря.

Родная, ненаглядная моя мамусенька!

Надеясь, что к праздникам ты вернешься домой, я, кроме открытки в Саратов, посылаю тебе это письмо в Уфу...

Ну, как поживаешь, моя хорошая? Лучше ли хоть немножечко прежнего? Бодрее ли духом? Светлее ли в думах?

Моя родимая! Скоро праздники. Следовало бы к тому времени запастись хоть капелькой радости. Посылаю тебе свою горячую преданную любовь. И, если она даст тебе радость, черпай ее полными пригоршнями. Моя любимая, моя ненаглядная мамочка, отдохни душой, чтобы в новый год войти с подкрепленными силами, с надеждами и желанием будущего. Не посылаю тебе теперь всех предпраздничных пожеланий, потому что еще рано. Но сил и бодрости желаю тебе и теперь. На этой неделе не было писем от тебя. Но это ничего. Ты не тревожься тем, что лишнюю неделю оставляешь меня без вестей. Я хорошо понимаю и уважаю твои причины и всегда спокоен. Я буду очень рад узнать, что ты, наконец, дома. Внучки, пожалуй, и не узнают бабушку. Будут ли они

теперь так же чудотворно, успокаивающе действовать на твою тоскующую душу? Еще прошлую зиму твои письма почти всегда дышали бодростью. Если бы к тебе вернулось хоть прошлогоднее здоровье!

Не знаю, где искать папу с моими поздравлениями. Будет ли он на праздниках дома? Передайте ему мои горячие приветы.

Надеюсь, дорогая Люба, вы в отсутствии мамы не постесняетесь прочесть письмо с обращением к мамочке. Я пишу вам в письме к маме. Ибсена 6 том, наконец, получил. Большое спасибо вам за него. И снова просьба. Теперь уже наверное вышла книга Авенариуса «Человеческое миропонимание» в переводе Самсонова (а не Федорова) в Москве. Пожалуйста, выпишите для меня. Также Гюйо — «Иррелигиозность будущего», перевод Фриче.

И еще: пришлите, пожалуйста, черной шерстяной материи поларшина для глазной повязки одному кривому моему приятелю [1]. Или, может быть, не шерстяной? Вам, как даме, лучше знать, что больше годится для данного случая. Родная Люба! И от вас нет писем. А пишет ли мне Шура? Передайте ей мой привет.

Если вы все, мои родные, милые, вместе, обнимаю вас всех гуртом и каждого в отдельности. Каждому желаю всего самого лучшего для него.

А мамочку, дорогую, больную обнимаю бережно и нежно. Будьте все здоровы.

Любящий вас всех Егор.

Пришлите, пожалуйста, мне таких конвертов, как этот, т.-е. штемпелеванных. Они очень удобны тем, что вместе с конвертом обеспечена марка.

Их вы могли бы послать бандеролью, как прошлый раз открытки.

CXLVIII.

12 декабря.

Мои родные, милые, мои горячо любимые папа и мамочка!

Это письмецо придет к вам на первых днях праздников. Оно передаст вам мои задушевные пожелания, мою любовь и привет. В эти дни, когда особенно чувствуется разлука, моя душа как-будто освобождается от неволи и свободная, радостная, на крыльях любви к вам и воспоминаний нашего прошлого, возвращается в родные края. Вспоминается каждая ме-

[1] П. Сидорчук.

лочь из тех времен, когда мы были неразлучны, когда праздники собирали всех нас под родную крышу. Оживленные воспоминанием мелочи создают мне иллюзии самой тесной, непосредственной близости с вами. Я могу живо представить себе час за часом течение праздничных дней и вас; представляю это и таким образом делаюсь участником вашей жизни. Помните это и дни отдыха не омрачайте грустью по мне... Я с вами, родные, милые...

Будешь ли ты немножко здорова, мамусенька? Твое последнее письмо из Саратова от 25 ноября меня несказанно порадовало своим тоном, более бодрым, чем то настроение, которым были проникнуты твои предыдущие письма. Я недаром верил в твою силу, способную победить всякие испытания. Я верю, что ты проведешь праздники и встретишь новый год со светлым, спокойным духом.

Очень жаль детишек, поправятся ли они настолько, чтоб отпраздновать елку? Помню, Ваня писал мне, что в прошлом году елка очень удалась. Желаю детишкам здоровья и веселья, а взрослым глядеть да радоваться на детскую радость.

Родная, милая Люба! Вы меня извините, если мои письма иной раз очень дисгармонируют с тем, что вам приходится переживать в момент их получения. Мы так далеки друг от друга, что иногда невольно впадаешь в нетактичность. Простите, сестра. Спасибо вам за заботы и не беспокойтесь обо мне. Получил от вас письмо от 15 ноября и открытку, по почт. штемпелю от 21 ноября. Из посылок получил пока вещи: тетради, чай, масло, зубн. порошок и проч. А книги еще в цензуре. Все они настолько благонамеренны, что, надеюсь, будут получены.

Еще раз спасибо. Желаю детишкам здоровья, а вам — отдыха. Я буду счастлив, если Шура будет писать мне. Отказываясь от всяких надежд на большие письма — скажите ей, что я уже отказываюсь от этого, — я помирюсь и с тем, если она будет писать мне немножко побольше, чем открытки. Передайте ей мой привет. На этой неделе я получил две телеграммы, одну — от Любы, другую — от папы. В обоих успокоительные известия о здоровье мамочки. Я ответил на обе. В Саратов я уже не пишу.

Мои дорогие! Вы передадите мои поздравления, приветы и пожелания тетушкам, Ване, сестренкам, всем родным. Я очень рад, что все вы, наконец, вместе. Обещанную карточку мамы жду с нетерпением. Как-то она теперь выглядит, моя хворунья. Вы знаете моего акатуевского приятеля Петра Сидорчука, я вам писал о нем и даже карточку его посылал. Вот у него тоже есть мать, которая любит его столь же горячо, как ты меня, мамочка. Она больная и должна работать целые сутки,

не покладая рук, самую тяжелую, грубую работу, чтобы достать 20—25 рублей в месяц для пропитания семьи. И несмотря на этот каторжный труд — вечное полуголодное существование. Бедному Петру наверное еще тяжелее, чем мне. Мамочка, не забудь послать поздравительное письмо матери Карповича. Будьте здоровы. Обнимаю всех.

Любящий вас Егор.

CXLIX.

20 декабря.

Мои милые, дорогие, родные папа и мамочка! Я рад, что пишу вам домой. Наконец-то вы, вечные странники, вернулись под родную крышу. Дай бог вам отдохнуть под ней и запастись новыми силами для благополучного совершения пути вашей жизни. Пусть он будет длинный, длинный. Родные! Как встретили вас старые знакомые стены? Попрежнему ли приветливо и тепло? Все ли в добром здоровье? маленькие растут? большие делаются старше? .. Эх, как хотелось бы взглянуть на вас хоть одним глазком тогда, когда вы вот так вместе. В такие моменты сплочения семьи под одною крышею к вам разве не возвращается более счастливое прошлое, разве оно не сидит среди вас невидимым гостем и не принимает самого близкого участия во всех ваших современных радостях и горестях, которых, увы, куда больше, чем радостей? А если сидит и принимает участие, то ведь и я там же, среди вас, среди призраков прошлого. Родные, не считайте меня отсутствующим, ибо любовь моя, думы мои всегда с вами, мои любимые, незабвенные. Разве не чувствуешь ты меня, мамусенька, всегда около себя? В самые трудные твои минуты я невидимо являюсь к тебе и приближаюсь и нежно, так нежно, что ты не слышишь, обнимаю тебя и столь же нежно нашептываю тебе ласковые слова: родимая, родимая, отдохни! возьми мою любовь и отдохни. Забудь муку ... Ты, мамусенька, разве не видишь, что в те редкие мгновения, когда тебе удается забыться, я охраняю твой покой и тихо, тихо целую твои смежившиеся глаза, чтобы им привиделись легкие, отрадные сны? И в те моменты, когда скорбь твоя драгоценной каплей падает в огромную чашу, в которую ангелы собирают все слезы людские, ты не слышишь разве, как обвиваю я твои ноги? Родная, ненаглядная, забудь думать о разлуке, потому что души наши неразлучны. И не падай духом, милая! Забудь о примерах прошлого, которые подрывают у тебя веру в себя. Для тебя есть и другие примеры, более достойные твоего подражания. Когда-то ты любила слушать, когда тебе читали

о «страстях господних». Родная, все величие человеческого духа сказывается, когда его посещает страдание. Телом лечись, а духом мужайся!.. Прости, родимая, что я осмеливаюсь говорить тебе так. Но ведь в сыне своем признала и друга. И я, как друг, хотел бы поддержать тебя в страданиях твоих. Как-то, мамочка, встретилась с детишками? Не будут ли они теперь беспокоить тебя своею детскою шаловливостью? А может быть рассеют тебя и заставят иной раз улыбнуться...

Купите для них чего-нибудь и подарите от дяди Егора — пусть хоть по имени знают меня. И когда вернусь к ним, то найду в них друзей. Вы всегда так делайте: на елку, в дни их именин, — всегда дарите им что-нибудь от моего имени.

Не знаю, чем и как мне отблагодарить милую Любу за подарки, которыми она так щедро снабжает меня. Вот вчера получил три посылки — со снедью, почт. бумагой, конвертами и мылом. Получено все и в самом лучшем виде — спасибо, спасибо, дорогая. Ну как, отдохнули ли теперь немножко после страды во время болезни детишек? А теперь вот к вам приехала больная мамочка! Родная, любите ее... Ну, будьте все здоровы, мои милые. Тетушкам, сестрицам-барышням, Ване горячие приветы и пожелания... Мой привет Шуре.

Мамочка, ненаглядная, будь здоровенька, не тоскуй. Я здоров и бодр. И люблю, люблю тебя всегда.

Всех вместе и каждого в отдельности обнимаю, целую.

Ваш Егор.

Сегодня получил письмо от Агафьи Филипповны [1]. Бедная. Стара, ослепла на один глаз, другой тоже слепнет от катаракта. Через два месяца предстоит ей операция. Пожалуйста, напишите ей ласковое письмо. Прошу об этом тетушку М. С. Надо же поддержать старушку, у которой никого нет. Пересылаю вам письмо А. Ф. [1]. Вам оно будет интересно. Дайте его непременно Шуре, она сумеет немножко утешить старушку.

CL.

28 декабря.

Мои дорогие, мои милые папа и мамочка! Шлю вам и всем родным мой рождественский привет и предновогодние пожелания. Надеюсь, вы встретили праздники, как следует, т.-е. в более или менее хорошем, светлом настроении. Очень обрадовала меня ваша общая телеграмма: как-будто распахнулось окно и я увидел дорогую родную картину, родной дом, и там все вы вместе протягиваете ко мне руки и приветствуете меня. Я всей

[1] Матери Карповича.

душой откликнулся на ваш привет и хотел бы обнимать, обнимать вас...

Как я и говорил вам, все эти дни я почти не чувствую себя здесь, все мои думы у вас, вокруг вас. С утра первого дня думал-думал о вас, наконец, после обеда уснул, спал полдня, потом всю ночь — зато и видел же сны. Сон меня окончательно перенес к вам. Обыкновенно я вижу вас такими, какими знал вас в прошлом, — много моложе, бодрее и здоровее, чем вы теперь. Но этот раз, например, видел Ваню, прежнего Ваню, еще мальчика, как и прежде мы ездили с ним в собрание на елку; Ване досталась какая-то коробочка, и он радовался, как ребенок. Ваня, пожалуй, и не узнал бы себя в том мальчике, который мне снится. Да и вы, мои ненаглядные, старенькие, папа и мамочка, тоже не узнали бы себя в моих снах. Ведь когда я уходил от вас, лет семь тому назад, вы еще не были такими седыми, какими сделались теперь. Каждый раз, как я встречался с вами на свиданиях, я видел вас слишком мало, чтобы мимолетное, как сон, впечатление от свиданий могло вытеснить из моей души образы, слагавшиеся там годами. Родные мои, если бы вы знали, как мне помогают жить воспоминания о нашем прошлом! С ними я как-будто живу полною жизнью.

Сегодня получил письмо Любы от 8 декабря (в нем 15 марок). Спасибо, сестра, что не забываете. О получении посылок (сыр, масло, ветчина, бумага и конверты) я уже извещал. Я очень радуюсь, что, наконец, кончилось ваше одиночество. Представил я себе встречу Нины с вертлявым Жоржем и мне смешно стало. Нина его, конечно, сразу раскусила. Интересного он ей ничего, конечно, не дал, да и не мог дать. Напротив, в его собственных интересах(перехватить деньжонок в минуту жизни трудную) было встретиться с Ниной. Обращать внимание на его отзывы о людях, особенно о таком его антагонисте, как приятель Петруся, не стоит... Ну, да об этом не стоит... Вы, родная Люба, не беспокойтесь, что мало пишете. Я понимаю, что я для вас еще незнакомец. Вот погодите, вернусь домой, и когда вы увидите во мне настоящего брата, то и разговоры у нас пойдут иные. Разве может художественное произведение не нравиться только потому, что в нем говорится о страшных вещах? Жизнь часто еще страшнее, чем вымыслы художников и, однако, жить можно и нужно, пока в груди есть дыхание, а в сердце огонь. Для меня Леонид Андреев тоже чужой, ибо у него совсем иной взгляд на жизнь, чем у меня, и однако я не перестаю восхищаться (им), как художником... Книг из Москвы еще не получил; вы уведомьте, какие высланы. Я уже просил вас прислать «Братьев Карамазовых» Достоевского; остальные здесь теперь есть. Пожалуйста, выпишите для меня М а х а «Познание и заблуждение», изд. Скирмунта и К а р-

станьена «Введен. в критику чистого опыта». Вы знаете, что вся философия Виктора Михайловича [1] основывается на Махе и Авенариусе. Теперь наверное очень много нового по философии эмпириокритицизма. Присылайте все, что появляется. Философия ведь никогда еще не выходила и, надо надеяться, не выйдет из числа дозволенных предметов. Вам стоит только немножко похлопотать, чтобы доставить мне огромное удовольствие — и даже больше, чем удовольствие. Ниночка, ведь это же серьезно. Ну, будет и об этом.

Родные, милые, будьте здоровы, как я здоров. Всех обнимаю, всех, всех, начиная с больших и кончая маленькими. Экие вы все неэкономные! Ведь я же вам много раз писал, чтобы открытки Шуры в заказн. письмах не посылались. Для чего это? Только затяжка. Мамусенька, будь здорова. Обнимаю и целую тебя. Любящий вас Егор.

1909 г.

CLI.

3 января.

С новым годом, родные мои, дорогие папа и мамочка! С новым годом, все остальные родные, братья, сестры и сестренки, тетушки и племянницы! Всех крепко обнимаю, всем желаю всего лучшего на свете... Для себя желаю поскорее получить возможность обнять вас всех в действительности. Будьте здоровы телом и бодры душою — это первое и самое сильное мое пожелание. Если оно исполнится, к нему приложится остальное...

Накануне нового года получил ваши подарки: 2 посылки от Любы (сыр, ветчина, какао, монпансье) и посылку с сухарями от тетушки М. С. Благодарю вас всех и за все... Из книг, бывших в последних посылках Любы, получены пока не все. (Проблемы идеализма, Клейн, Наумов, Астырев). Когда-то я просил вас прислать последние «Очерки» Виктора Михайловича и сборник статей из «Р. Р.» [2]. То и другое уже получено. Спасибо.

Как здоровье мамочки? Обнимаю ее... Я здоров.

Любящий всех вас Егор.

Пожалуйста, пришлите учебник древней истории Кареева.

[1] Чернов.
[2] В. Чернов. Упоминавшийся ранее сборник статей из «Революционной России».

CLII

10 января.

Родные, дорогие мои папа и мамочка.

Вот миновали и праздники. Год начался и потек своим чередом — что-то он принесет нам к своему концу? Вспоминаю, как начался минувший год, и вижу огромную разницу. В прошлом году от вас приходили хоть и не радостные, но все же еще бодрые вести. Получил кучу праздничных писем: сначала от тетушки А. Н., Вани и трех сестренок. Господи, как я рад был их письмам. Милые каракульки детских ручонок... Но на-днях пришло твое письмо, мамочка, — оно писано накануне рождества. Боже мой, какое это грустное письмо — разбились мои надежды, что домашняя обстановка и дни праздников развеют твою тоску хоть немножечко... Нет, нет, не хочу думать, что дело так плохо, как тебе, мамусенька, кажется.

Ты еще оправишься духом и с бодрой верой взглянешь в будущее. Дом и дети еще окажут на тебя свое исцеляющее действие. Ты просто с дороги не можешь оправиться, — с дороги и после тяжелого настроения, навеянного чужбиной. Голубушка, мамочка, оглянись кругом, — разве не родные, все милые лица вокруг тебя? Разве все они не болеют за тебя душой и разве не дорого бы они дали, чтобы увидеть тебя снова бодрою? Ищи себе поддержки в их любви... Гони прочь мрачные думы. Много горя на свете, — у каждого свое. Ты ведь это знаешь. И тот, кто победит все испытания и вынесет светлую — я не говорю святую, а светлую — душу из мрака жизни, только тот может сказать: я шел за Христом... Родная, Христос нес крестную ношу не только для того, чтобы ему молились, а для того, чтобы шли за ним. Пусть каждый из нас не теряет своего света до последнего вздоха. Только теперь, видно, настало для тебя настоящее время доказать свою любовь к Христу. Ты говоришь: бог наслал на тебя твою болезнь, говорят: без воли божьей ни один волос не падет. Но оправдания человек добивается через свою личную волю, иначе не было бы греха... Поэтому, смотря на свою болезнь, как на испытание, посланное тебе богом, ты все же должна выдержать это испытание, должна сопротивляться силе болезненности. Пусть болезнь, но дух твой должен быть светел... Родная, ненаглядная. Если бы я был около тебя, я на коленях сказал бы тебе эти слова, тогда они, может быть, не показались бы тебе не подходящими. Я осмеливаюсь говорить тебе так потому, что зовешь меня не только сыном, но и другом... Не беспокойся за свои письма: правда, тяжело, очень тяжело читать твои письма, но я с радостью возьму тяжесть, заключающуюся в них,

если только для тебя облегченье поделиться со мною ею. Пиши, родная, пиши так, как-будто бы говорила лично со мной. С нетерпением жду твоих писем.

Письмо ваше напомнило мне, что на-днях были именины Зота. Сегодня послал поздравительную телеграмму. Не могу ответить всем поименно на поздравительные письма, прилагаю при этом общий ответ для всех. Получил посылку Любы, но из нее мне выданы пока трое пенснэ. Книги еще в просмотре. Пенснэ очень понравились ... Признаться, я немного разочарован посылкой: там не было ничего с'естного. Эх, как вы оплошали, дорогая Люба ... Забыл вам в прошлый раз упомянуть, что какао не рассыпалось. Не присылайте вареной ветчины — портится. Вот сыр и масло не портятся. Тургенева не посылайте, его уже выслала Шура. Передайте ей мой привет.

Дома ли еще папа и долго ли пробудет? Всех вас обнимаю горячо, крепко, мои родные, милые. Будьте все здоровы.

Мамусенька ненаглядная, будь здорова. Будь бодра духом. Моя любовь с тобою.

Любящий всех вас Егор.

Вот как хорошо, что вы перестали посылать открытки в заказных письмах. Благодаря этому, я получаю их несколькими днями раньше.

Любу и Нину с детишками обнимаю.

CLIII.

18 января.

Мои милые, дорогие папа и мамочка.

Эта неделя прошла без писем от вас. Это ничего. Вы не особенно терзайтесь угрызениями совести, если иной раз почему-либо и пропустите срок почты. Я был бы счастлив сидеть совсем без писем — только бы знать, что вы здоровы и так заняты живыми интересами, что не имеете свободного времени для писания писем ... Я боюсь другого: ты, родная моя мамусенька, сидишь одна-одинешенька, вдали от людей и жизни, и думаешь свои печальные думы. Это для тебя самое вредное: что, кроме слез, могут дать тебе твои одинокие думы? Отсюда я и не знаю, что бы посоветовать тебе. А если бы я дышал одним воздухом с тобой, я, может быть, и смог бы тебя вырвать из неволи твоих печальных и одиноких дум. Разговаривал бы с тобою, читал бы тебе ... Раньше ты очень любила слушать. Тебе необходимо чувствовать, что за стенами дома кипит жизнь, полная своих интересов и часто неизбывного горя. Таким путем ты бы утопила свою печаль в море широкой жизни. Жить человеку одному, вдали от жизни трудно и в конце

концов вредно... Твое нездоровье мешает тебе, наверное, и хозяйством заниматься. Я, вспоминая прошлое, представляю тебя в вечных хлопотах и часто, часто, особенно во сне, ем лакомства, готовить которые ты была мастерицей. Неужели бы ты не вспомнила старины и не развернула бы своих кулинарных талантов даже и в том случае, если бы я был дома и попросил бы тебя позаботиться об обеде?.. А около тебя теперь целый выводок, у которого, наверное, очень хорошие вкусы...

У вас скоро солнце повернет на весну. Пора будет готовить рассаду для цветника. Неужели тебя и это не интересует? Как можно оставлять детей без цветов, — я бы даже их самих приучил выводить цветы. Там развивается любовь к природе и красоте... жажда к работе, творчеству тоже... У вас целая куча детей — маленьких и побольше, сколько самых интересных и важных забот и задач...

Пишите о себе, о детях, о том, как вы живете три семьи вместе. Конечно, дружно, любовно, как всегда.

Милая Люба, Шура пишет, что поручила вам переслать для меня книжки (Тургенева, Толстого, Мережковского). Их все еще нет. Когда и как они посланы?

«Мои записки» Андреева мне совсем не понравились. Автор запутался в своей теме и часто делает свой большой вопрос смешным. Он хочет сказать: над всею жизнью и смертью царит железная необходимость — закон железной решетки. Что бы человек ни сделал — повинуется ли он судьбе или ропщет против нее, — он всегда исполняет волю судьбы. Если он даже отказывается от жизни, скованный цепью рока, то и в самом отказе от жизни он лишь повинуется воле рока. Андреев приглашает смириться перед железной необходимостью и возлюбить ее. Но можно ли олицетворять великую необходимость в виде такого смешного господина начальника дома и притом наделить этого смешного господина еще более смешною толстенькою супругой?.. Это нехудожественно, вредит теме... Со взглядом Андреева на жизнь и на человека я не согласен. Нельзя человека вырывать из жизни, делать его каким-то перышком, брошенным в океан. Жизнь и человек — одно. И если жизнь управляется железною необходимостью — что правда,— то и человек, как часть жизни, в своей личности носит ту же необходимость, значит волю и силу. Сознавать в себе то и другое такая радость, что светом ее может озариться весь великий океан жизни. Не ищите ни света, ни радости в жизни, если не имеете их в себе. Так ответил бы я Андрееву.

Передайте мой ответ Ване, он интересовался. Остальных вещей еще не читал.

Ну, я кончаю. Мой привет всем. Вам ближайшие: папа, мамочка, Люба и Нина — потом тетушкам, Ване, сестрам...

Обнимаю и целую вас всех... Мамусенька и детишки, целую вас еще и еще. Будьте здоровы и веселы. Я здоров.

Любящий вас Егор.

Пожалуйста, пришлите марок, мыла, ниток, иголок и пуговиц... Присланное вами белье уже износилось. Сшейте из более крепкого, т.-е. грубого холста. Рубахи размером поменьше. И пометьте моей меткой.

CLIV.

24 января.

Милая моя мамусенька! Вот уже около двух недель сижу без известий от вас. Как-то ты живешь-поживаешь? Должно быть не весело. Вот перевалила зима на вторую половину. Первые проблески молодеющего солнышка, каким оно у вас бывает в феврале и марте, мне по воспоминаниям кажутся чудотворными. Мне кажется, под лаской юнеющего солнца должны растаять льды зимних настроений, должно сделаться у всякого человека, даже самого хмурого и печального, повеселей и потеплей на душе... Неужели твоя больная душа останется замкнутой, недоступной для бодрящих влияний оживающей природы? Неужели тебе ничего не скажет простор синего неба, ни веселый смех солнца, которое за глыбами снега провидит уже зеленеющие картины?.. Мне так верится, что весною ты легче вздохнешь... Советую тебе, мамочка, и всем вам, старым и малым, заранее сговориться и твердо порешить насчет того, как и где вам провести теплые дни... С первою весеннею грозою вы уже должны быть на лоне природы.

С каким удовольствием вспоминаю я, напр., несколько дней, которые я когда-то провел в гостях у тетушки М. С., жившей, кажется, на Ключах, забыл название деревни. Что вам мешает поехать на лето в деревню? Жизнь там не будет дороже, чем жизнь в городе. А детишкам-то какая польза, да и тебе, мамусенька, вряд ли бесполезно. Может быть деревня еще полезнее курортов. Последние имеют в себе много неприятного... одна обстановка чего стоит — не разберешь, где находишься, в увеселительном ли заведении, или в месте для лечения... Обдумайте вы, ради бога, мой совет серьезно, поговорите об этом с Николаем Николаевичем. Обратите внимание на то, какие хилые дети растут у вас. Дайте им хорошего деревенского воздуха, солнца, простора и вы увидите, что детишки ваши оживут, как цветочки... Когда у старших кончатся экзамены? Младшим незачем было бы ждать этого времени. Пусть перебираются с Любой сейчас же с началом весны. А хорошего места неужели не найдется? Это в ваших-то благословенных краях — быть того не может!.. Эх, не умеете вы пользоваться благами

жизни, а вам ведь стоит только захотеть... Не говорю про папочку, тому некогда и подумать о таком времяпрепровождении — все дела, да дела. Но вам ничто не мешает, — ничто, кроме вашей инертности. Не ради себя, так ради детишек будьте поэнергичнее, посмелее...

Ну, извините меня за вмешательство в ваши дела, а все-таки подумайте...

Будь здорова, моя ненаглядная мамусенька. Я здоров. Где теперь папа?

Обнимаю вас обоих и всех родных...

На-днях получил 50 руб., вероятно от вас. Обычной телеграммы с извещением о посылке денег на этот раз почему-то не было. Спасибо вам, добрые. Привет всем.

Любящий вас Егор.

Сейчас получил роскошную посылку от Любы. Масло, какао, 4 куска мыла, конверты, марки, материал для повязок и 25—26 книг «Знания». Спасибо, спасибо. Какао не рассыпалось. Сборники «Знание» еще в просмотре.

Передайте привет Шуре. Пожалуйста, пришлите расческу покрепче.

CLV.

30 января.

Родная, моя милая мамусенька. Вот, наконец, получил от тебя письмо (от 13 января). Ждал недели две и все-таки дождался. Так всегда награждается стойкое терпение. Милая, ненаглядная моя мамочка, все-то ты хвораешь; когда же легче-то будет? Родная, не беспокойся за то влияние, какое оказывают твои письма на меня — ничего, вынесу все. Нина знает, что есть такого сорта горе, что ум мутится от него, а все-таки человек выдерживает, — была бы вера. Пока еще жива душа моя, жива, невзирая ни на что. Не беспокойся же за меня, родимая. Буду бодр до конца, — со спокойной совестью отдавай мне все твои печали... Ты пишешь: приласкай отца. Родная, боюсь ласкать его словами. С тобой я могу говорить всякими словами, без страха, что они как-нибудь ненароком могут оскорбить тебя. Ты веришь всякому моему слову. А папе нужны дела. Какими же делами мог бы я доказать ему свою любовь? Люблю его так же, как тебя, чувствую себя бесконечно обязанным ему, но мне кажется, что моей молчаливой любви он больше верит, чем поверил бы моим словесным уверениям. Может быть теперь он изменился против того, каким я знал его прежде, может быть теперь я уже неверно сужу о нем, говоря, что он не любит слов. Не обижал ли я его тем, что больше

пишу тебе, а не ему? .. Напиши мне об этом, мамочка, откровенно...

Все то, чем ты меня благословила, расставаясь со мной, я храню свято... Не беспокойся, моя дорогая мамуся.

Присланных вами сборников «Знание» пока не получал. А вы, Люба, помните начало Андреевских «Моих Записок»? Подумайте над этим началом хорошенько и тогда вы согласитесь со мною, что часто ложь может так сложиться, что разум, знающий только свое дважды два = четыре, принужден признать ее за истину. А я в отношении к дяде не поверю никакому арифметическому доказательству, — никогда. Готов ноги целовать дяде за его великие страдания, выпавшие ему на долю, благодаря проклятому безвременью... [1]. Ну, да не стоит о печальных вещах...

Родные мои, живите, верьте в правду и живите. Милая, горячо любимая мамусенька, верь в правду, крепись духом и живи, живи... Больную тетушку М. С. поцелуйте за меня и передайте ей мое пожелание скорейшего выздоровления. И всем вам, большим и малым, здоровья. Всех обнимаю, — тебя, мамуся, папу, Любу с детушками, Нину, детушек, Ваню, сестренок. Шуре привет. Любящий всех вас, всегда с вами

Егор.

CLVI.

7 февраля.

Хорошая моя, милая мамусенька.

Вместе с посылкою получил ваши карточки. Смотрю на них и сравниваю с теми, что вы прислали мне год тому назад. Далеко же вы ушли, мои дорогие, за этот год, так далеко, что, пожалуй, и страшно делается за вас. Особенно сильно изменился папа. На карточке в рубашке он, как снегом осыпан, — старый-престарый старичок. А ты, мамочка, как-будто немножечко даже пополнела. Но не радует меня твоя полнота, может быть, мнимая, созданная фотографом. И затем выражение твоего лица какое-то незнакомое мне, холодное или растерянное. Эх, вы, мои милые, милые, слишком уж вы спешите стареть. Я тоже старею, говорят, но мне за вами не угнаться... И все-таки очень, очень благодарю вас за подарок. Жаль, что нынче не имею возможности отплатить вам тем же. Теперь целыми днями любуюсь на ваши милые лица, и хочется горячо обнять вас, стареньких, милых, любимых... А детишки растут. Даже сравнительно с летом выросли. Одна из них, — та, что с волосиками, удалась в наш род, а другая — в материнский. Что же ты, мамочка, не обняла их, когда сни-

[1] Речь идет об обвинениях Азефа в провокации.

мались? Тогда лицо твое было бы, наверное, ближе к правде. Дай бог вам, мама и папочка, радости хоть в этих детишках. А их расцелуйте за меня. Рассказывает ли им кто-нибудь сказочки? Знают ли они, как другие дети на белом свете живут? И отзывчивые ли они?

Голубушка, мамочка, в прошлом письме я не поздравил вас с масленицей, не знал, что она наступает. Теперь приходится поздравлять уже с постом. Не изнуряй себя, родная. Поправилась ли тетушка М. С.? А больные дети?.. И Люба теперь мне не пишет. Ну, да я не сержусь на вас, дорогая Люба. Спокойнее ли вы теперь чувствуете себя, живя вместе с Ниной?.. Большое спасибо вам за книги: Авенариуса, Гюйо и Роджерса из последней посылки получил. А Толстого, Тургенева и Мережковского, о которых уже давно писала Шура, все еще нет. Когда и как они посланы? «Роза» Гамсуна вам, Люба, наверное, не понравилась. А читали ли вы его «Пана» и «Викторию»? Это дивные вещи... Правда, горожанам Гамсун чужой, а вы, сестра, ведь типичная горожанка, — не правда ли? Я и раньше на воле любил «Пана», а теперь, после долгой разлуки с природой, страстно влюблен в лучшую из песен о природе.

Ну, будьте все здоровы. Мамусенька родная, ненаглядная, не хворай и живи повеселей. Моя любовь всегда с тобой. Передай мои поцелуи дорогому папе. Всем, всем — большим и малым привет. Я здоров.

Всегда ваш Егор.

CLVII.

14 февраля.

Родная моя, милая мамочка!

На этой неделе от тебя ничего не было, зато получил письма от милых сестер. Мало того, что в них всегда заключаются приветы от тебя и сведения о твоем здоровье, — мне всегда еще кажется, что к их письмам касается и твоя ласковая ручка. И я целую эти письма все равно, как-будто твою руку. Да, если ты и не касаешься каждого из писем, приходящих ко мне из нашего дома, то их ведь касался воздух, которым ты дышала. Одним словом, моя хорошая мамусенька не должна печалиться, что иной раз и не напишет мне, — с меня достаточно, если о ней напишут другие.

Ну как, родимая, встретила пост? Ох, боюсь за тебя, как бы ты не переусердствовала в пощении и молитвах. Будь снисходительна к своему здоровью. Люблю вспоминать уфимские великие посты. В печальном перезвоне колоколов, тающем в ясном синем небе, чувствовалось каждый год что-то новое, как-будто пробуждалась новая жизнь. И впрямь, то ведь были

первые вздохи молодой жизни весны... Мне так кажется, дохнуть бы хоть раз полною грудью родным воздухом, — особенно, когда он бывает так упоительно живителен, и тогда сразу бы спала с кожи и души вся шелуха немощей, которые накопились за годы разлуки... Мамочка, родная, дыши почаще полной грудью, почаще умей приобщаться к жизни природы — в ней много исцеляющего — и ты будешь знать, что такое здоровье и бодрость...

А я еще надеюсь пожить. Пусть иногда плохо чувствуется, но я ведь молод еще и цела моя вера. Остальное же все приложится, — не правда ли, родные мои? Не беспокойтесь же обо мне и не вмените в большую вину, когда иной раз услышите от меня тяжелый вздох.

Как-то поправляются ваши больные? Тетушка М. С. и дети? Твое здоровьице, мамочка, как? Часто ли тебя навещает Николай Николаевич... Очень меня порадовало известие, что Аг. Филипп., наконец-то, увидала своего сынка. Непременно напишите ей поздравление и от меня...

За книги, за деньги, за ласковые письма спасибо, родные... Милая Люба, родная Нина, горячо целую вас и детишек всех. Мой привет тетушкам, Ване, сестренкам...

Не правда ли, страшно тяжелая вещь «Дни нашей жизни». Как много знакомого напомнила она мне... А из вас кому-нибудь ничего не напомнила? Такие печальные вещи, мне думается, могут происходить только в наших краях. Хорошие, но жалкие, жалкие люди. Будем бодры, будем радостны и — дальше, дальше от пасмурной андреевщины, не так ли?

Тургенева жду с нетерпением. О других книгах пока не пишу. А нет ли у вас для меня Мережковского и Волынского?

Ну, будьте здоровеньки... Мамусенька, радость моя, бывай здорова. Обнимаю тебя, папу и всех родимых.

Ваш всегда Егор.

Все забываю вас поблагодарить за зубную пасту. Что, дорогая эта штука? Если не дорогая, присылайте опять, — это лучше зубного порошка.

Шуре-то вы не забываете передавать мои приветы? За ее привет большое, большое спасибо.

Пожалуйста, пришлите пару простынь.

15 февраля.

Вот вы постоянно пишете о болезнях то одного, то другого из вас. Вы, вероятно, заражаете друг друга. Если дядя Кирилл заболел такою ужасною болезнью, то само собой понятно, что Нина должна изолироваться от него, а то и она захворает.

Будьте все здоровы, милые, дорогие.

CLVIII.

21 февраля.

Родная моя, ненаглядная мамочка.

На этой неделе получил письмо от тебя и от Любы (от 5 февраля). Когда ты пишешь о том хорошем впечатлении, которое на тебя производят мои маленькие писульки, мне становится радостно и больно: радостно за то, что я все-таки даю тебе хоть капельку радости, больно за то, что не могу давать больше. Родная, любимая моя, если бы мне можно было любить тебя, как хочется, может быть нам обоим было бы легче и лучше. Отсюда издали я вижу столько средств давать тебе радость, что не знаю, осталось ли бы время для твоей грусти. Я знаю лекарство, которое помогло бы тебе вернее всего: надо развернуть перед тобой широкую жизнь, захватить всю тебя ее горем и радостями, вызвать в твоем болеющем сердце сочувствие к безысходной боли, которою полна жизнь.

Ты не слыхала старую сказку про одного богатыря, который смертельно устал от жизни и уже был повержен на землю судьбою — только бы ему умереть, но как только он прикоснулся к земле, его прежние силы воскресли от прикосновения к матери-земле? Кто любит землю с ее земными, человеческими страданиями и радостями, как родную мать, тот в любви к ней черпает бодрость и силу. Я бы, родимая мамусенька, заставил тебя любить землю ... И, может быть, ты еще вздохнула бы бодро и нашла бы силу жить ...

Тех, кто устал смертельно и ушел от жизни, не проклинай, пожалей их. Помни о несчастном дяде и пожалей всех других несчастливцев. Человек по своей природе еще очень плох, и не знай он горя, он часто забывал бы о своем человечестве, превращаясь в нечто унизительное для человека. Горе учит разуму и часто только оно одно пробуждает человека в человеке. Поэтому, когда мы слышим о смерти несчастных Занкевичей [1]), мы не должны думать, что им неведомы были всякие правила морали. Может быть, они потому и не вынесли жизни, что слишком живо чувствовали то, что для других людей является только мертвой буквой, хотя и уважаемой в силу привычки, но в силу той же привычки остающейся чем-то посторонним для жизни. Не поминай лихом усталых и павших ... А сама будь бодра и живи, — живи, родная, любимая.

Если вздумаешь лечиться гипнотизмом, то выбери для этого вполне надежного специалиста. Гипнотизм очень серьезная вещь, и браться за него надо тоже серьезно и подумавши.

[1] Занкевич — квартирант в доме Созоновых, покончил с собой.

Зачем вы, Люба, выписали «Пробуждение»? Почему не «Русское Богатство», «Образов.» или «Мир божий»? Берете ли вы эти журналы хоть в городской библиотеке? Берите же, как вам не совестно не читать их. Помнит ли брат, как мы когда-то читали с ним вместе «В мире отверженных» в «Русском Богатстве» — про Николайчика и Ферганского Орленка. Я это время очень хорошо запомнил, потому что тяжелее того, кажется, потом уже не было, несмотря ни на что. Мне вот из эпохи «Дни нашей жизни», потому что тогда переживали приблизительно то же, о чем пишет Андреев, пришлось перескочить в «мир отверженных». Благодарю бога, что вышло так. А все-таки плохо, что мы родились и росли в эпоху «Дней нашей жизни», — это непоправимая беда для человека, следы которой не могут выжечь все бури нашей жизни.

Милая сестра, я так душевно желал бы, чтобы исполнилась ваша мечта о другом городе. Что касается меня, то Уфа дала мне много хорошего наряду с плохим, и вспоминаю ее я тепло . . .

Ну, кончаю. О Винокурове не знаю, что ответить. Сам я его не вижу, потому что сижу в одиночке, а он все время в больнице. Не понимаю, как он мог не получать письма своей матери, тогда как я получаю ваши. Деньги он, наверное, получил. Впрочем, я ему передал, что мать о нем беспокоится...

За посылку (сыр, масло, «Ист.» Кареева и резак) большое спасибо. Тургенева жду. Я вам как-то писал об учебниках. Физика, геометрия, алгебра и т. п. нам всегда необходимы.

Мой сердечный привет тетушкам, Ване, сестрам и детям. Также всем знакомым. Больным—здоровья. Будь здорова, мамусенька. Я здоров. Обнимаю тебя, папу, Любу, Нину и вообще всех. На этой неделе от Шуры ничего не получил, ей мой привет.

Всегда ваш и с вами Егор.

Как бешено скоро идет время. Уже март на дворе. А давно ли были святки.

Винокуров в ответ на то, что о нем мать беспокоится, сказал следующее: 15 р. в конце ноября он получил. В течение января он писал матери 3 раза, писал неделю тому назад и обещал писать сегодня. Через два мес. 25 дней он выходит на поселение. Просит своих помочь хоть бельем, если деньгами не могут. Белья он не получал и очень нуждается в нем. Передайте об этом его матери. Винокуров говорил еще, что он получил от матери два письма с советом обратиться за помощью к (стерто слово).

CLIX.

6 марта.

Ну, что же с вами, родная мамусенька, и вы, остальные родные? Что так долго молчите? Вот уже около трех недель, как от вас ни строчки. Если бы не телеграмма, полученная на-днях (от 1-го марта), и не письмо Шуры (от 3/II), я, пожалуй бы, стал сомневаться в самом факте вашего существования. Но телеграмма гласит, что мамочка помаленьку жива, и я спокоен, готов ждать ваших писем еще столько же. Но вы будьте милосерднее; вы же знаете, с каким особенным нетерпением жду я теперь ваших писем. Жду также от вас посылки, авось там будет Тургенев. Да и в таких существенных приложениях, как мыло, ощущается нужда... Нет, шучу, дело, конечно, не в мыле, а в том, что мне очень приятно получать от вас вещицы, которые, мне кажется, всегда хранят следы вашего прикосновения. Я думаю: вот это прежде, чем отправиться ко мне, было в руках мамы, сестры, вот на это они дышали — и с такою вещью мне не хочется расставаться... Все это, пожалуй, сантиментальность, — ну, что же, пусть так... Люблю вас, родные, и мне жаль вас за многое... многое... Ну, да об этом не нужно, потому что день светел, потому что сквозь краешек оттаявшего стекла видно чистое, какое-то праздничное небо, должно быть дело идет к весне, потому что письмо это получится вами, вероятно, на страстной неделе, когда вам особенно нужен покой. Да будет ваш светлый праздник настоящим светлым днем вашим. Надеюсь, вы пришлете поздравительную телеграмму с оплаченным ответом и, таким образом, дадите мне возможность обнять вас своевременно (через мой ответ).

Здесь говорят, что мы, забайкальцы, скоро лишимся возможности покупать дешевый чай, потому что уничтожается порто-франко. Для нашего брата это очень важно. Впрочем, у нас уже давно пьют кирпичный — фамильный попадается редко, в виде лакомства. А кирпичный в цене не изменится, следовательно, и заботиться нам нечего. Я — к тому, чтобы вы не забывали вкладывать в посылки фунтик-другой чаю, не в 2 р., а 1 р. 60 к.

Я вижу, родные мои, вы качаете головой на мою болтовню, дескать, нашел о чем писать, все письмо готов наполнить болтовней о чае. Ах, родные мои, небо так ясно и мне так хочется не огорчать вас, но на душе почему-то так грустно, что ничего веселого из нее не родится. Простите и не беспокойтесь... Я здоров и надеюсь, что душевные тучи рассеются и я снова понесу вам мою любовь, полную бодрости.

Родная, милая мамочка, будь здорова, будь бодра, люблю тебя. Обними папу, если он дома, как я тебя обнимаю... И вы все, родные, будьте здоровы, обнимает вас,

любящий вас Егор.

О белье я вам, помнится, уже писал, надеюсь скоро получить его. Пришлите еще перьев. Я люблю перья русск. о-ва в Риге, сорт Еврика, пришлите таких.

Сейчас получил письма мамы от 12 и 17/II. Спасибо. Отвечать некогда, п. ч. пора сдавать письма.

7 марта.

А я все-таки оставил письмо на сегодня, чтобы еще раз сказать тебе, моя мамусенька, как я люблю тебя и как отсюда шлю тебе свое сочувствие. Недаром так тяжело на душе, она разделяет твою скорбь, моя родная, любимая. Будь здорова, будь бодра.

Забыл написать вам, что 50 р., о к-рых была речь в письме от 30 января, надо послать всего один раз.

CLX.

14 марта.

Родная, ненаглядная моя мамочка.

Дорогой папа и все остальные, мои родные, любимые.

Этот листок придет к вам на первых днях пасхи. Я не пишу сейчас того привета, которым будут обмениваться в те дни, потому что сейчас еще не время. Но мой листочек напомнит вам в день радости о том, что я с вами.

Будьте светлы, хоть один день, позабудьте о печалях, отдохните душой... Кто знает, что будет в более отдаленном будущем, но этот день мы возьмем себе и отдохнем. Вспомним былое, были же в нем безоблачно-светлые дни. На воспоминаниях о них отдохнем... Я помню... Лазурное небо чисто, в его прозрачной глубине купается золотое солнце, сегодня особенно сияющее. И небо и солнце разоделись в свои лучшие одежды... Мир на небе... Иногда взмоет в воздушную высоту какой-нибудь одинокий голубь и снова летит вниз, на землю, как-будто стыдясь нарушить своим полетом торжественную тишину воздушного простора... Тихо на земле... Земля и сегодня страдает, — это вечная страдалица, кем-то осужденная влачить свой многотрудный путь среди вечности.

Земля всегда страдает, но сегодня она сдержала свои стоны и, затаивая свои слезы в глазах, глядит, глядит в небо. И слушает торжественную тишину. И забывается на миг...

Тихо в семье. Ты, родная, дорогой отец, мы все необыкновенно нарядные снаружи, и внутри необыкновенно тихие... Как-будто среди нас или в нас присутствует кто-то светлый, чистый, кого мы боимся вспугнуть земными словами, земными движениями... Душа выпрямляется и хочет обнять весь мир... Это было — теперь это только воспоминания, но когда оно появляется, светлеет на миг и исчезает туман действительности... Да будет светло и вам, родные, любимые. Отдохните.

А ты, мамусенька, милая, будь здорова... Последнее твое письмо — вернее, два в одном конверте — было очень грустно.

А потом получил я письмо Шуры. Мои упреки относятся не к вам, а к судьбе, которая иногда дарит случайностями.

Получил две книги Суханова: «К вопросу об эвол. сел.-хоз.», не знаю от кого — бандероль ко мне не попала. Если от вас, спасибо... Я несколько раз просил вас о присылке Паульсена «Введение в философию». Теперь уже не надо, потому что эту книгу получает один из товарищей... Пока что Петербург ваши поручения исполняет плохо, еще ничего не получено... впрочем, мож. быть, Суханов оттуда. Посылок от вас пока нет, последняя была, кажется, от 2-го февр., не знаю, вы ли не посылали, или почта запоздала...

Ну, будьте все здоровы. Всем сердечный привет. Обнимаю вас.

Егор.

Как насчет соч. Гете? Можете ли прислать их?

CLXI.

21 марта.

Милая моя, ненаглядная мамочка, дорогой, милый папа. Получил вашу карточку в письме от 27/II. Взглянувши на нее, я едва удержался от слез, никогда еще ваши карточки не говорили мне так красноречиво. Если бы вы мне не писали ни слова, а только послали эту карточку, я понял бы, чего вам стоили прожитые годы и что вы храните в ваших сердцах. Ненаглядные, любимые. Дай бог вам мирных дней на склоне ваших лет... Так страшно подумать, что ваши страдания еще не кончены и что я еще могу увеличить их тяжесть. А страстно хотелось бы ласкать, лелеять вашу старость, чтобы вы хоть немножечко отдохнули. Милые, бедные мои, будьте живы, здоровы.

Спасибо вам все-таки за карточку, это лучшая из всех ваших, какие у меня имеются. Кто это у вас такой мастер снимать? И если имеете домашний аппарат, то почему же не пришлете снимков со всех родных и семейных? Экие вы недогадливые, какой огромной радости лишаете вы меня. Сни-

мите, пожалуйста, всех, от мала до велика, снимите прислугу, снимите Цыгана, если он еще жив, и родные местечки в комнатах, в саду, на дворе, — господи, да я буду страшно рад каждому клочку нашего дома... Ну, пожалуйста, сделайте это.

На этой неделе вы меня засыпали посылками, сначала получил две: от 24 и 27 февр. (мед, с'естное, книги), потом снова две — от 3/III (белье и пр.). Спасибо, мои добрые, хорошие... Не стану перечислять всего полученного, скажу просто — получил все. Только из книг две — № 8 Шиповника и Бернштам — признаны неподлежащими выдаче... А 24-ый сборник «Знания» выдан. Спасибо же, милые, за любовь, за заботы...

Белье, мамусенька, очень доброе и подходящее. Надеюсь, это окажется крепче, чем прежнее. Впрочем, большая часть прежнего белья растерялась у прачки, а не износилась...

Родная моя мамусенька. Ты не бойся делиться со мной всем, чем болеет душа твоя. Каждый раз я бережно принимаю все, что ты даешь мне, и прячу это глубоко у себя в сердце. Лишенный возможности помочь тебе в действительности, я переживаю твои страдания здесь в одиночку и только шлю тебе свою любовь... Если нужно прибегнуть к помощи гипнотизма, ты его не бойся. Только врача избирай для этого опытного и порядочного. Гипнотизм в честных руках не страшен. Я верю, что он поможет тебе...

А Любу с детишками, да и всех остальных, кто имеет возможность и не против того, вы пошлите на лето в деревню. Смотрите, какими больными растут наши дети, а без здоровья жизнь — не радость.

Тетушке М. С. желаю скорейшего выздоровления. Так же и всем нашим больным. Кстати, передайте тетушке М. С. мое запоздалое поздравление с наступающим днем ангела, а тетушке А. Н. — с прошедшим днем ангела. От души желаю им и семействам их всего самого лучшего. Милая Люба, читали ли вы «Княгиню Настю» в 24 сборнике «Знания»? Как вам понравилось? Мне понравилась, хотя вещь очень далекая от того, чтобы ее назвать художественной. Спасибо вам за мед. За Роджерса я благодарил вас уже десятки раз. Из Питера книг ни разу не получал... Вы упрекаете меня, что умалчиваю о письмах Шуры. Вы ошибаетесь. Я пишу вам почти каждый раз, что теперь я очень доволен Шурой и вашей исправностью. Чаще всего наши упреки и недоумения вызываются временем и пространством, разделяющим нас...

Еще осенью, кажется, я писал вам о приисках Кривоносенко [1], предлагая денежным людям обратить внимание на это

[1] Кривоносенко — фельдшер, содержался в Зерентуе по делу о восстании в Чите в 1905 г. До ареста им была поставлена заявка на участка золотоносной земли.

заманчивое дело. Присылаю теперь обещанный тогда план с этих приисков. Может быть, пригодится.

Сегодня лазарева суббота и начинаются торжественные дни. Желаю, чтобы они прошли для вас тихо, а следующие за ними — светло. Будьте все здоровы, мои любимые. Будь здорова, милая мамочка, обо мне не тужи. Я здоров. Душою всегда с вами, а в такие дни, какие наступают — особенно.

Телеграфные переводы получены, спасибо. Обнимаю всех вас.

Любящий вас Егор.

Марки, посылаемые с письмами, получил. Письмо Шуры от 20/II получил.

CLXII.

28 марта.

Родная, ненаглядная моя мамусенька.

Прости меня, что сегодня я напишу тебе очень мало: вчера вечером не собрался с мыслями, которые все разбегаются, а сегодня тоже дотянул до того, что берусь за перо слишком поздно, перед самой поверкой... Эти дни прошли у нас в усиленных хлопотах, которые очень напоминают нашу домашнюю возню перед пасхой. Сначала белили одиночку, потом усердно мыли пол. Потом стали возиться с установкой железной печки. Здание наших одиночек постройкой кончено только минувшею осенью, поэтому не вполне просохло. Вот и ставим печку для борьбы с сыростью... Печка в камере — это такая же поэзия, напоминает много милых домашних картин. Может быть, поэтому так усиленно думается за последние дни о давно минувшем, покинутом, но попрежнему милом, родном.

Вы, родные мои, скоро начнете готовиться ко встрече светлого праздника. Не знаю, исполнится ли хоть на этот раз мое пожелание, чтобы праздник ваш был светлым. Хоть бы мне как-нибудь не омрачить его для вас.

Не забудьте же сделать то, о чем я вас просил, — сделать подарки деткам от имени далекого дяди...

Я здоров, мамочка, как-то твое драгоценное? Жду не дождусь обещанного Любой Тургенева. За Риккерта я ей бесконечно благодарен.

Винокуров все плачется на свою судьбу. А что я могу поделать? Уведомьте меня, получает ли теперь его мать письма? (конечно, если она навестит вас). Он получил от нее на-днях...

Будет ли папа дома на пасхе? Не забывайте передавать ему мою любовь и мои приветы...

И у нас становится теплее. Иные дни солнце играет совсем по-весеннему. Так оно будет играть и тогда, когда нас

с вами уже давно не будет. Я помню один роскошный июльский день — тогда я был болен смертельно, а моя душа рвалась к солнцу [1]. Попрежнему люблю солнце и воспоминания о роскошных июльских днях. Даже в самые черные дни свои люблю солнце и буду вечно любить. Мое расставание с жизнью, когда бы оно ни случилось, ни в коем случае не будет осуждением жизни. Жизнь и люди всегда могут быть хорошими, если человек здоров душой, если душа его еще хранит источник света.

А мы, мамочка, ненаглядная моя, еще поживем, — не так ли?

Жду писем от вас и от Шуры. Спасибо за ее привет. От меня ей тоже.

Ну, родные мои, до свидания. Обнимаю вас всех, больших и малых. Мамусенька, обнимаю тебя и папу. Люба, почему не пишете?

Будьте все здоровы.

Любящий вас всегда Егор.

CLXIII.

4 апреля.

Милая, дорогая мамочка, дорогой отец, и вы, все родные мои, большие и малые. Обнимаю и целую вас всех поголовно и шлю вам свое «Христос воскресе». Я опоздал с этим приветом, п. ч., по случаю предстоящих праздников, у нас в прошлую субботу не было почты. Я был счастлив получить от вас в понедельник поздравительную телеграмму и тогда же ответить на нее... Теперь мне к повторению ответа остается только присоединить мои пожелания. Родные, всей душою был с вами. Только на этот раз не радостно чувствовалось: все чудилось мне, как вы все там болеете и грустите. Нет у вас ни одного человека, про кого я мог бы сказать с полной уверенностью, ну, хоть он-то или она-то будут здоровы и радостны в светлые дни. В твоем письме, мамочка, от 9 марта есть характерная и очень убедительная черточка: ты написала, что папе тоже нездоровится. А он своею рукою надписал: «неправда». Эх, папа, папа, что уж скрывать... знаю я вашу правду... да и как же вы можете быть здоровы? А что говорит ваше лицо, изображенное на карточке? Лицо не обманет... Родные мои. Еще одна пасха в стенах тюрьмы, а там, если судьбе угодно, отпразднуем на воле. Пусть где-нибудь в Якутской области, но все-таки не среди четырех стен... Живите, ждите... Может быть, жизнь еще подарит нам одну по-

[1] Егор вспоминает день 15 июля 1904 г.

следнюю улыбку. В ее ласкающем свете мы отдохнем, чтобы уйти с миром... В мое спокойствие, в мою терпеливость и бодрость верьте... А я буду верить в ваши силы, в ваше здоровье. Любимые мои, будьте живы, будьте здоровы...

Это письмо я пишу не только для вас, папа и мамочка, но и для вас, дорогие тетушки Мария Сем. и Александра Никол., для тебя, Ваня, для вас, сестры Зина, Тоня и Лида... Всех вас обнимаю, как поется в пасхальных песнях, всех люблю... Надеюсь получить от вас по маленькому привету... Не знаю, получили ли вы мой ответ на ваш рождественский привет — я вам посылал, кажется, в начале января... Так печально, что среди вас столь много больных... Может быть, весна принесет вам здоровье. От всей души желаю всем вам этого... Тем, кто учится — успехов... А Ване — удачи в сдаче экзаменов. Когда-то наш дом любило счастье. По крайней мере нам казалось, что мы жили счастливо. А потом на нашу семью посыпались удары один тяжелее другого... В конце-концов, жизнь—трудная и мудреная штука... Если бы ее удары подчас не подтачивали силы человека, то жить было бы интересно, и чем дальше, тем интереснее. Чему только не учит жизнь. Чего не показывает. Мозг устает, но глаза раскрываются шире и шире... С каким огромным опытом, сравнительно с нашим, войдет в жизнь наше молодое поколение, — те, кого когда-то я носил на руках. Как бы мне хотелось взглянуть на них теперь — чем они стали.

Мамусенькая, милая. Мне хочется крепко, крепко обнять тебя за посылку: за белье, за с'естное и все проч. Все хорошо и все получено. Спасибо же... Что ты стесняешься передо мной за свои письма: пиши их, как пишутся, а я уже справлюсь с впечатлением от них. Если бы мы могли разговаривать лично, разве стала бы ты стесняться говорить мне всю правду? Ведь говорила бы, почему же ты хочешь лишить меня радости, — хотя печальной радости — слышать тебя в твоих письмах? Я очень хорошо понимаю твое состояние, понимаю даже то, что тебе не удается высказать; если бы мы были вместе, ты убедилась бы, что я понимаю тебя. Не знаю уж, что и посоветовать тебе насчет Берлина. Если доктора говорят, что тебе необходимо полечиться в Берлине, то поездку туда устроить, наверное, не невозможно. Но опять город, да еще такой большой, да еще среди чужих людей. Снова пропадет лето... А больше пользы ожидал бы для тебя от лета, проведенного в деревне, в здоровой местности. В Берлине и других больших городах можно лечиться и зимой, а лето для деревни... Того же желал бы я и для всех вас, у кого есть свободное время пожить на лоне природы. Подумайте же хорошенько над этим. Ну, что значат курорты

по сравнению с деревней? Курорты устроены скорее для тех, кто ищет веселья, а не здоровья... Впрочем, вам виднее, что для вас наиболее полезно...

У вас теперь уже жаворонки и скворцы прилетели, а вскоре после того, как получите это письмо, прилетят соловьи и зацветут черемухи. У нас этих прелестей нет. Но и у нас небо чисто по-весеннему. Снега на дворе уже нет, а сопки лысеют... Весна и к нам идет. Дай бог, чтобы всем она принесла хорошее...

Ну, до свидания, мои родные, дорогие. Обнимаю всех вас.

Любящий вас Егор.

CLXIV.

4 апреля.

Дорогая Люба. Прежде всего, шлю вам свой пасхальный привет. Значит, обнимаю и целую вас. Надеюсь, у вас праздники прошли веселей, чем у нас. А мы еще никогда так серо не проводили праздник весны, хотя вами, моими добрыми, было сделано все, чтобы скрасить для меня эти дни. У меня нехватает благодарностей, чтобы благодарить вас, как следует, за посылки...

В добавление к тому, что я уже сообщал вам о приисках (получили ли вы копию плана приисков и мою последнюю открытку?), скажу вам следующее: прииска находятся на так-называемой кабинетской или государственной земле [1]. Законом установлено правило, что кто первый (имея на то надлежащее приискательское свидетельство) откроет драгоценные руды и, поставивши на найденном месте столб («застолбит»), заявит о своей находке, тот и получает право обработки найденного и отмеченного участка с правом перепродажи его в другие руки. Жена Кривоносенки, в силу этого закона, сделалась обладательницей богатейших приисков. Их драгоценность, говорят, несомненна, но подлежит сомнению, останутся ли прииски за Кривоносенко. Дело в том, что на участке Кривоносенка оказался каким-то образом еще другой столб, поставленный некиим Никитиным. Тяжба между Кривоносенко и Никитиным разбиралась у мирового судьи, и дело осталось за Кривоносенко. Кривоносенко имеет основание надеяться, что дело будет выиграно и в следующих судебных инстанциях. К сожалению, дело осложняется тем, что г-жа Кривоносенко попала в очень неприятную компанию: приисками она владеет с неким Девяшиным, человеком, как говорят, очень недобро-

[1] На реке Ингоде здесь в Забайкалье. *Примечание Созонова.*

совестным. Той и другой стороне принадлежит по 50-ти паев (половина), при чем та и другая сторона часть своих паев уже уступила другим лицам. Таким образом, против г-жи Кривоносенко очутилась целая клика ловких дельцов, сокомпанионов Девяшина, которые дошли до того, что вступают в тайную сделку с Никитиным и всякими мерами стремятся выжать из дела старуху Кривоносенко, женщину совершенно беспомощную и простую. Одним из средств, к которым не постыдились прибегнуть Девяшин и К°, чтобы только выжить старуху, было пред'явление к ней счета с фиктивными расходами на прииски, в сумме на 1.700 р. Если этот счет правилен, то г-жа Кривоносенко обязана уплатить по нему, а так как все ее богатства содержатся пока только в земле, то ее доля в приисках будет продана с молотка. Но Кривоносенко и ее друзья, уверенные в фиктивности счета, платить отказываются и доводят дело до суда. Это дело будет разбираться 19-го мая в чит. окружн. суде...

Вот вам и все, что мне с трудом удалось узнать. Узнавать и тем более судить о деле и о его выгодности мне в моих условиях страшно затруднительно. Если бы какая-нибудь честная и денежная компания заинтересовалась предприятием с приисками, то, прежде всего, она должна была бы послать в Читу своего умного и опытного поверенного, который бы на месте собрал все сведения и взвесил все «за» и «против». Компания, конечно, рисковала бы напрасной тратой на предварительные расходы (поездка, разведки), но ведь дело-то, если только оно выгорит, не шуточное... И само просится в руки...

Виноват, я перепутал. 19-го мая в окружн. суде будет разбираться дело не с Девяшиным, а с Никитиным; последний, проигравши дело у мирового судьи, апеллировал в окр. суд, а с Девяшиным будет суд, если он будет, только после решения дела между теперешними владельцами приисков (Кривон., Девяшин и др.) и претендентом Никитиным.

А дело с покупкой у Кривон. его доли какою-то золотопромышленною компаниею обстояло так. Сюда, к Кривон., приезжал поверенный этой компании и предлагал следующие условия: Кривонос. уступает свою долю (50 паев) сейчас же. Компания делает точный анализ руды, и если после него руда не окажется хуже, чем выглядит по поверхностному анализу, тогда Кривон. получает по 25.000 р. за пай. Если же качество руды окажется ниже, то ценность пая пропорционально понижается. Компания так соблазнялась результатами поверхностного знакомства с приисками, что для точного анализа решилась, в случае уступки Кривон., рискнуть поставить машину, стоящую многих десятков тысяч. Кривоносенко не согласился...

Теперь уже, кажется, все... Это письмецо вы, Люба, дадите Зине [1] и вообще всем, кто может заинтересоваться делом.

Будьте здоровы. Обнимаю вас и детишек ваших.

Любящий вас Егор.

Образцы руды посланы в Питер Юрию Алекс. для анализа.

CLXV.

11 апреля.

Милая мамочка. Вчера и сегодня все время ждал вашего письма, о котором говорится в открытке Любы от 25 марта. Больше ждать уже невозможно, иначе опоздаю к почте... Как хорошо теперь в наших краях, несмотря ни на что. Начинается весна. Это чувствуется даже за решетками. Еще холодно, но среди дня, на прогулке, солнышко пригревает усердно. Теперь уже редкий из нас пропустит час прогулки, чтобы пролежать его в камере. Нет, каждый глоток свежего воздуха становится очень дорогим... Хочется солнца, солнца... У меня радость, мамочка, ты помнишь, родная, моего товарища по процессу Сикорского? Когда мы сидели в Москве, ты еще так много заботилась о нем. Ну, так вот, он отбыл, наконец, свой срок, получил уже волость и 24 апреля уходит на поселение в Баргузин. Ведь это, сравнительно с тюрьмой, все-таки воля... И время-то какое, никогда так не хороша воля, как весной. Ему теперь лет 25, он очень вырос и физически стал богатырем. Еще вся жизнь у него впереди — от души желаю ему хорошего за то плохое, что он пережил. И как хорошо, что его посылают, как и всех, в Забайкальскую область, а он ожидал Якутки... Когда и мы, мамочка, будем на воле? Ничего, будем когда-нибудь, не унывай, родная. Разве то, что мой товарищ по процессу, наконец, дождался воли, не подает надежды на то, что и моя неволя когда-нибудь окончится? Терпение, терпение, родная, и мы еще увидим ясные дни. И для нас придет весна не с решетками и не с тысячами верст, разделяющих нас, а с привольем полей и с ничем не стесняемой близостью. Будем верить и надеяться.

В своем последнем письме ты и Люба в открытке пишете о посылках (с чулками, полотенцами, наволочками и т. д.), не знаю, об одной и той же ли посылке идет разговор, или о двух. Пока я еще не получил. Погодите посылать остального Тургенева: недавно я получил несколько томов Тургенева из другого места, и когда придут ваши три тома, я посмотрю, чего еще нехватает. Тогда и напишу вам. С наступлением тепла

[1] Зина здесь и ниже — Зот Сергеевич Созонов.

вы перестанете посылать мне масло, а оно было очень и очень кстати. Не будь временами передышки с вашими подарками, я не знаю, долго ли можно выдержать на казенной пище.

Люба, родная, как же это с книгами-то не улаживается? Я знаю, вышло много интересных книг по философии, но все вновь выходящее как бы не существует для нас. А философские книги — как раз самое необходимое в нашем положении: это все-таки дело при нашем невольном безделье... И, кроме того, не было еще таких времен, когда бы не пропускали философских книг. Я помню, в Шлиссельбурге у нас самым богатым отделом был философский. Похлопочите еще раз, сестрица. Вышел в русском переводе Петцольд — «Изложение философии Авенариуса» — вот бы достали для меня. Прошу вас выписать из столицы, пот. что в Уфе вряд ли найдется. — «Уголовное уложение», издание 1904 года, очень нужно для справок. Удивляюсь, почему до сих пор нет письма мамы? Вы, Люба, в своей открытке говорите, что это письмо послано еще накануне открытки, а открытка получена уже два дня. Может быть, оно заказное? Квитанция на посылку уже получена.

Ждал я, что после праздников получу от вас много писем, думал, что многие из вас меня вспомнят. Увы, не вспомнили...

Как здоровье, мамусенька? Обо мне не беспокойся. Папа, вероятно, опять уехал куда-нибудь по делам? Если же он дома, обними его за меня, как я тебя обнимаю. Будьте все здоровы телом и бодры душой. Всем большим и малым сердечный привет. Всех обнимаю. Любящий вас Егор.

CLXVI.

18 апреля.

Милые, дорогие мои папа и мамочка и все остальные, мои любимые. Еще в прошлом письме я жаловался, что давно не имею от вас известий. И вот теперь мне приходится благодарить вас за ту радость, которую доставили мне полученные на-днях письма — мамы, детишек и Шуры, а также и за посылки. Уже давно не чувствовал я себя так хорошо, как за последние дни. Ваши письма и весна, — все это так хорошо. Правда, мамочкино письмо, по обыкновению, очень грустно. Но я верую, что весна и лето принесут ей здоровье. Родная, ненаглядная моя мамусенька, ты собираешься прекратить писать о своем здоровье, чтобы не беспокоить меня. Напрасно, родная, своей цели ты не достигнешь: твое молчание заставит меня предполагать еще более тяжелое, чем действительность. А теперь, болея за тебя, я хоть могу откровенно нести тебе свое сочувствие и свою печаль, смягчая верою в лучшие дни.

Не замалчивай же своей правды передо мной, дай мне счастье быть твоим другом. Дай мне радость делить с тобой и горе твое и веру твою. Будем вместе болеть и надеяться. Сегодня дивный день — по новому стилю уже 1-е мая. Небо дышит таким спокойствием, льет так много света и тепла, что в сердце родится желание жить и верить. Если бы я был дома, я бы сегодня засыпал тебя, мамочка, цветами. Вспоминается мне, каким праздником был для меня этот день два года тому назад. Тогда в Алгачи приехал брат и пришел ко мне на свидание. Радость была тем больше, что грянула совсем неожиданно, да еще после больших испытаний. Буду сегодня праздновать, вспоминая эту былую радость и еще много других. Буду также мечтать о будущих радостях — будут же они когда-нибудь.

Расцелуй, мамочка, Зину и Тоню за их поздравление. Мой привет уже не застанет ваших путешественников, пошлите его им в догонку. За успехи Зиночки радуюсь и поздравляю ее

Все посланное вами получил исправно, хотя моим двум посылкам грозила печальная участь: почта, с которой они шли, чуть не утонула в весенней распутице. Кое-что, говорят, погибло, но моим посылкам посчастливилось. Из книг пока получил только три тома Тургенева, остальное еще в просмотре. Наконец-то вы прислали мне моего любимца — Тургенева; не знаю, как и отблагодарить вас. Вместе с тем, что мною получено раньше из Читы, у меня теперь есть уже все большие произведения Тургенева. Остального можете не посылать. Одно жаль, повесть «Дядя Кирилл» [1] оказалась не в целом виде; кто это вырвал листы? Может быть детишки ваши, но им я прощаю.

Милая Люба и милая Зина, вы так любезны по отношению ко мне, когда-нибудь я отблагодарю же вас, а пока позвольте вас обнять и расцеловать. Детишек, само собой, целую, всегда их милые рожицы так ведь приятно целовать. Каковы ваши планы насчет лета, неужели опять и опять город?

А куда собираешься ты, мамусенька? Что растет в вашем саду? Разводите ли вы теперь цветы? Надеюсь, вы не откажете мне в просьбе, выраженной мною недавно, прислать снимки с наших домочадцев и родных закоулков.

Читали ли вы, Люба и Зина, новую повесть П. И.? [2]. Каково ваше мнение? Только ваше мнение, а не то, которое услышишь от всех и каждого. Постарайтесь взглянуть на дело свежими глазами. Получу ли эту повесть?

[1] Повидимому, речь идет о каком-то нелегальном издании, присланном вместе с легальными книгами.

[2] П. И. — Павел Иванович — условное обозначение Б. В. Савинкова. В письме имеется в виду его повесть «Конь бледный».

Вчера получил вашу телеграмму о денежном переводе и ответил вам тоже по телеграфу. Здесь еще раз благодарю вас за ваши заботы. Голодно живется теперь здесь. Сахару приходится не больше трех кусков в день. А ведь чай—единственное подспорье к казенной пище. Летом наши финансовые дела почему-то всегда ухудшаются — денег присылают меньше. Если бы каждому из нас приходило по три рубля, так полагается по инструкции — то мы жили бы припеваючи. Но мы не имеем возможности расходовать больше рубля в месяц. Тут и марки, и бумага, и мыло, и чай с сахаром... Ну да ничего — меньше сахару, зато больше воздуха. И мы еще настолько молоды, что можем надеяться на то, что организмы наши не надорвутся. Когда-нибудь выйдем на волю и поправимся.

Не унывайте обо мне. Будьте только сами здоровы, не теряйте веры. Мамусенька, милая, будь здорова. Обнимаю тебя, папу и всех родных, больших и малых.

Любящий вас Егор.

CLXVII.

25 апреля.

Милые и дорогие мои папа и мамочка.

Получил ваше пасхальное письмо. Моя благодарность за ваши поздравления и хорошие пожелания высказана была мною уже раньше. Теперь мне остается только заявить вам, какое чувство навеяло на меня ваше последнее письмо,—вернее, те несколько слов из него, которыми мамочка рассказывает о встрече пасхи. Этих немногих слов было достаточно, чтобы передо мною вспыхнула яркими живыми красками картина вашей жизни. Все то же, что и прежде: посты и молитвы. Зная труды поста и молитвы, если бы вы побольше отдавались радостям праздников. Как хорошо порадовали меня собственноручные каракульки милых девчурок. Я и не знал, что они уже пишут, да еще так хорошо. Или, может быть, это старшие водили их маленькими неопытными ручками?

Мои милые, прекрасные барышни, вот дядя Егор целует ваши ручонки, и щечки, и глазки ваши. Он очень благодарит вас за то, что вы сами написали ему. Он очень любит вас и часто думает о вас. Дядя Егор очень доволен, если его игрушки и открытки понравились вам. Если он узнает, когда вы бываете именинницы — об этом вы должны написать ему сами — он будет всегда поздравлять вас с ангелом и присылать вам игрушки. Растите и цветите, как голубенькие цветочки в поле (бывали ли вы в поле?). Будьте веселы, как

птички в нашем саду, и любите бабушку, дедушку, маму и папу, а также всех детишек, мальчиков и девочек, — особенно тех, у кого нет своей ласковой мамы, нет игрушек и красивых платьицев, и мало даже хлебца поесть. Рассказывает ли вам ваша мама о том, как другие дети на белом свете живут? Есть такие книжки, в которых про все рассказано, очень хорошие, интересные книжки, — скажите своей маме, чтобы непременно купила и почитала вам таких книжек... Попрошу я вас, прекрасные барышни, об одном: вот скоро я буду именинник — ваша мама скажет вам, когда. В этот день вы наберите в нашем саду побольше цветов, наломайте сирени, жасминов и все это притащите бабушке. Поцелуйте ее так, чтобы она рассмеялась, и скажите, что все эти цветы прислал ей дядя Егор, и не давайте ей плакать.

Милая, ненаглядная мамусенька, решила ли ты, наконец, как распорядиться своей весной и летом? Эх, какие хорошие, воистину весенние деньки выпадают здесь у нас, — в такие дни особенно хочется, чтобы вам было хорошо, чтобы хоть вы за нас наслаждались чарами весны и воли... Вчера у нас был особенно хороший день: ушли на поселение, т.-е. все равно, что на волю, товарищи, с которыми пришлось пережить многое: известный вам по моим письмам — Сикорский и Фиалка (помните, из Акатуя я еще посылал вам ее карточку). Правда, тоскливо делается остающимся, когда тюремная дверь в последний раз захлопывается за уходящим, но все-таки искренно радуешься воле других. Когда-нибудь и для нас она настанет — верьте в это и вы и не теряйте бодрости.

Теперь я получил остальные книги из ваших посылок «Красную комнату» — Стриндберга и 9 книжек «Универсальной Библиотеки». Особенно спасибо вам за последние. Оказывается, перевод очень хороший, и таким образом мы за дешевую цену можем получить всего Ибсена, Гауптмана, д'Аннунцио и др. классиков. Пожалуйста, пришлите мне все из этого издания, что у вас найдется. Отмечаю вам номера «Универсальной Библиотеки», имеющиеся здесь. Имеется Ибсен: №№ 2, 4, 5, 6, 13, 52, 53, 66, 80, 110, 111. Имеется Гамсун — №№ 64, 101. Имеется Пшибышевский — №№ 24, 45. Имеется Бьернсон — №№ 7, 8; Шницлер — №№ 10, 46, 70, 91, 97, 106. Из Гауптмана и Метерлинка ничего нет, кроме того, что вы послали последний раз, — нет даже «Потонувшего Колокола», нет Монны Ванны, нет Пер Гинта Ибсена... А ведь все это разрешено даже для ученических библиотек.

На этот раз я завалю вас кучею просьб. Кроме книг, прошу вас еще о лекарствах; в здешней аптеке некоторые страшно необходимые средства выходят в первые же месяцы после получения годичного транспорта лекарств, потом ни за

что не достанешь. Я, напр., не могу обходиться без глицерина. Если не прочищаю им своих ушей, то скоро глохну. Нужен мне также ферратин против малокровия. Особенно хорошего средства феррум альбуминатум (железо в растворе) не прошу, потому что оно очень дорого, кроме того, может разбиться на почте... У вас такие хорошие знакомства среди врачебного мира, что вам легко узнать о наиболее полезных (в смысле поддержания физических сил, питательности) средствах... Чай от тетушки я получал всю осень, последний раз получил к пасхе. Я полагал, что она перестанет посылать мне чаю, потому что и здесь он после обложения пошлиной должен очень вздорожать. Предвидя это, я и просил вас о чае. Боюсь, как бы вы, заказывая мне сапоги (из крепкого товара), не ошиблись меркой. Вы ведь помните, какая большая у меня нога. Не заказывайте высоких голенищ. А летние чулки, действительно, оказались маловаты. Зато все остальное белье хорошо. За перья большое спасибо, давно уже скучал по таким. Пожалуйста, присылайте химически чистого мела (для зубного порошка).

Ну, кончаю. Благодарю за всю вашу прежнюю доброту и прибегаю к будущей. Будьте здоровы, родные. Всем, кто еще дома, сердечный привет. Тебя, милая, хорошая моя мамочка, обнимаю, — тебя и папу, сестру, брата, детишек и всех, всех. Я здоров.

Любящий вас всегда ваш Егор.

Дорогая Люба, «Христа» вашего я не верну вам, пот. что картинка эта мне очень нравится. У меня есть такой же Христос без красок, но это не делает меня щедрым. Вы не рассердитесь? «Уголовное уложение» я уже получил из Читы. Передайте мой привет Шуре. Всего лучшего. На обложке Стриндберга я прочел перечень чрезвычайно интересных философских книжек, издание «Соврем. Проблемы», Москва.

Макс Ферворн — Естествознание и миросозерцание. Проблема жизни. 50 к.

Зеринг — Метерлинк, как философ и поэт.

Лангард — Оскар Уайльд.

Пожалуйста, пришлите.

CLXVIII.

2 мая.

Милая, ненаглядная моя мамочка. Обращаюсь к тебе одной, потому что папы, мне кажется, теперь уже нет дома. Письмо ваше от 12/IV получил. Было бы, конечно, лучше, если бы оно принесло мне радостную весточку о тебе. Но я уже привык и к грустным и радуюсь хоть тому, что

ты еще дышишь. Ты не можешь решиться, как тебе распорядиться своим летом. Мне очень трудно советовать издалека, но ничего бы я так не желал для тебя, как хорошей русской деревни... Больше воздуха, солнца, простая, здоровая пища, деревенский покой, и может быть совершилось бы давно желанное чудо твоего выздоровления. Насколько я понимаю, твоя болезнь чисто нервного, душевного характера — зачем же искать против нее каких-то особенных, искусственных средств, где-нибудь на далеком курорте, когда совсем рядом с тобою великая и самая лучшая исцелительница — природа... Мамочка, поверьте только в силу природы, пожелай отдаться ей, поброди в лесу, в поле, в лугах — и тебе, я верю, будет лучше. Душа твоя отдохнет и получит давно желанный мир. Забери с собою детишек, Любу, если ей не скучно, тетушку Алекс. Никол., и, право же, вам будет хорошо. Экие же вы неподвижные, нерешительные, никак не сдвинешь вас с места. А если и соберетесь куда-нибудь, то снова только под осень. Спеши, мамочка, использовать остаток весны. Как я порадуюсь за вас, когда прочту о вашем выезде из города...

У нас здесь тоже весна, хоть и убогонькая. Появляется первая травка, над головой иногда проносятся вереницы диких гусей и передают мне привет с родной стороны. Счастливцы, обладающие нормальным слухом, слышат даже долетающие издалека песни жаворонков. Небо ясно, солнце греет горячо. Мысль, разнеженная дыханием весны, уносится к вам, любимым, туда, где цветут черемухи и ландыши и поют соловьи. Там, в ваших краях, даже и умирать хорошо. А еще лучше жить. Живите же вы, мои дорогие.

Вчера у меня было такое радостное настроение и я хотел было излить его вам в письме, но вспомнил, каким тяжелым воспоминанием отмечен у нашей семьи день 1-го мая, и не решился писать вам...

Когда вы будете писать тетушке М. С., передайте ей от меня вместе с приветом мою горячую благодарность за богатую посылку, присланную ею из Москвы (2 ф. чудесного кофе, 1 ф. какао, 2 коробки конфект и семян цветочных и огородных)... А также и вы примите мое спасибо за вашу, не менее дорогую посылку. Из книг пока получил 2 т. Тургенева и 1 кн. Ал. Толстого. Спасибо, спасибо, тысячу раз спасибо... «Коня бледного» уже прочел, пока на-черно. Мах и Карстаньен пошли в просмотр. Как хорошо, что вы прислали их мне. А не сумеете ли вы достать Петцольда (названия не помню, что-то об «Авенариусе»), говорят, что и сам Авенариус «Критика чистого опыта» вышел под редакцией Базарова и Луначарского. Достоевского и Гоголя мне не присылайте, уже есть. Если иной раз хотите обрадовать меня подарком, то выбирайте ста-

рые, хорошие вещи, напр., Сенкевича «Камо грядеши», «Без догмата»; Гюго—«Человек, который смеется»; Джиованиоли—«Спартак» — да мало ли наберется старых хороших вещей: загляните в каталог любой ученической библиотеки. Забыл ответить на ваш старый вопрос, почему я сказал, что отец Шуры обманул наши ожидания. Боже вас упаси подумать, что я хотел этим сказать про него что-нибудь обидное: нет, я надеялся, что он привезет с собой много подарков, а он вернулся с пустыми руками — и все тут.

Неужели вы не получили никакого ответа от Карабчевского и Переверзева? А с подробностями о дяде Кирилле вы познакомились? Надеюсь, вы не оказались без надобности чересчур скромными...

Я не раз писал вам об учебниках. Теперь, после экзаменов, вероятно, многие из гимназистов охотно расстанутся с надоевшими им учебниками. Присылайте сюда всякую учебную книгу, какой не жаль, всякое даяние — благо...

Ну, кончаю. Мамусенька, милая, будь здорова и спокойна. Папе напиши мой привет. Тебя и всех родных обнимаю.

Ваш всегда Егор.

Привет Шуре.

CLXIX.

9 мая.

Милая Люба.

Благодаря, надеюсь, только случайности, я вот уже скоро две недели сижу без вестей из ваших палестин. Зато следующие дни может быть вознаградят меня за ожидания...

Не знаю, кто из вас дома. На-днях получил телеграмму о том, что мамочка выезжает в Петербург. Папа, вероятно, тоже отсутствует по делам? И вы, дорогая Люба, снова одна. Эх, не сбылись мои пожелания, чтобы всей семьей (кому, конечно, возможно) двинулись на лето в деревню. Ну что же, приходится мне мириться....

Зачем мама поехала в Питер и надолго ли? Неужели на все лето? Вот будет жалость. Обстановка больших городов и жизнь в гостиницах должны убивать ее.

Не знаю, куда теперь писать для мамы? Пошлите ей открытку и напишите, что я, узнавши о ее выезде из дома, посылаю ей свой горячий привет и пожелания...

А как тетушка Ал. Ник.? Летом будет дома? И ее девочки? Как жаль, если так. Передайте им мой привет.

Сегодня получил пришедшие в последней посылке и бывшие в просмотре две книги: Маха и Волынского. Не получил еще Карстаньена...

Моя добрая сестрица. Осмелюсь предложить вам следующее. В виду того, что часто в Уфе не имеется книг, которые мне надо, а в больших городах у меня нет родного человечка, который бы мог позаботиться обо мне, вы бы могли посылать, напр., в Москву, в книжный магазин Карбасникова (Моховая ул.) открытку, в которой бы писали: «необходимы такие-то и такие-то книги, если они имеются у вас, прошу известить об этом, после чего переведу вам стоимость книг и пересылки и пришлю адрес, куда посылать». Карбасн., вероятно, ответит вам. После этого вы переведете ему нужную сумму и укажете мой адрес. И у меня будут книги.

Не можете ли еще раз попытаться приобрести и выслать мне «Историю этики» — Иодля, 4 руб. и «Давид Юм, его жизнь и философия» — тоже Иодля, 1 р. 20 к. Потом книгу Волжского: «Успенский и Достоевский», Риккерта — «Естествоведение и культуроведение».

Боюсь, что мои притязания превзойдут даже вашу щедрость и доброту. Тогда — простите...

Как поживают детишки? Почему вы не прислали мне карточек домашнего фотографа? Такие карточки дали бы мне больше домашнего быта, чем снятые в специальной фотографии. Будьте здоровы. Обнимаю вас и всех, кто дома. Привет уехавшим.

Ваш Егор.

CLXX.

11 мая.

Ну, вот, милая Люба, и в самом деле, получил ваши письма. Пишу вам об этом в добавление к первому листику, чтобы своею жалобою не обеспокоить вас напрасно. Спасибо вам, родные.

Зачем же уехала мамочка в Петербург, чтобы посоветоваться со специалистами насчет своего желудка? Не так ли? И скоро вернется домой, если доктора не пошлют ее опять на Кавказ? Пишите о маме. Ее же уведомьте, что письмо ее от 21 апр. получил.

Обещанную вами посылку (сыр, масло, Тургенев), вероятно, на-днях получу. Воображаю, что получится из масла в такую погоду.

Из перечисленных вами книг «Анализ ощущений» — Маха и «Научно-популярные очерки» — его же у меня уже есть.

Из остальных я хотел бы иметь — Челпанова «Авенариус и его школа», и Карстаньена: «Введение в критику чистого опыта», его же «Авенариус и общая теория познания».

Спенсера, Вундта не нужно. Записываете ли вы названия посланных мне книг? А то можете позабыть и прислать вторично, что и вышло недавно с «Мистериями» Гамсуна.

Когда же вы, сестра, тронетесь в путь? И как вы одна решитесь поехать с кучей детишек? Кто будет с вами? Живет ли еще у вас Маша? Передайте ей и Мим. мой привет.

Ну, пока до свидания. Обнимаю вас и детей. Если папа вернулся домой, обнимите его за меня.

Ваш Егор.

CLXXI.

16 мая.

Милый, дорогой мой папочка. Не знаю, застанет ли письмо вас дома, маму оно не застанет. Не знаю, кому и куда писать. Судя по прежнему, я предполагаю, что май вы должны пробыть дома, ведь теперь как раз время отправлять плоты. От души желаю вам сил в вашей многотрудной работе.

Надеюсь, скоро кто-нибудь из домашних известит меня о маме, что ей скажут врачи в Питере и куда пошлют на лето.

Я здесь пророчил и желал ей летом деревню, но, видно, выйдет не так.

Боюсь, что постоянное употребление ею лекарств окончательно портит ее желудок. А обстановка курортов, по-моему, страшно не годится для нервно-больных, поддерживая в них все время мысль об их болезни. В этом-то отношении деревня куда лучше ... Но докторам, конечно, и карты в руки. Только бы мама верила в то, что ее заставляют проделывать доктора. Я должен поблагодарить мамочку за ее последнюю посылку, кажется, от 21 апреля, с сыром, маслом, двумя книгами Тургенева и пр. Все получил. А вас, дорогой, добрый папа, благодарю за деньги.

В своих прежних письмах, не желая возбуждать в маме напрасных и лишних тревог, я не сообщил ей, что на некоторое время перебрался в больницу, нужно было немножко починиться после долгой и тяжелой зимы. Теперь я чувствую себя очень порядочно и, проживши в больнице две недели, снова перебираюсь на старое место. Не тревожьтесь же. А если мама узнает о больнице, то постарайтесь рассеять все ее опасения.

Ну, как-то выглядит теперь наш дом, после того, как все птенцы разлетелись? Наверное, тихо и грустно без детишек? Дома ли, по крайней мере, тетушка Ал. Ник. с Лидой и Тоней? Если дома, передайте им мой сердечный привет. Да и всем уехавшим, по обыкновению, посылаю свой низкий поклон и самые лучшие пожелания. Думая о каждом из дорогих мне, разбросанных чуть не по всей Европе, я вместе с ними об'езжаю целый свет. А они-то, пожалуй, и не знают, что я всегда и всюду с ними.

Сегодня я тряхнул далекой стариной, здесь на больничном дворе разведен маленький цветник-огород. Сеяли и садили в грядки из тех семян, что прислала добрейшая тетушка М. С. Через месяц, может быть, что-нибудь возрастет. Но я уже не увижу того, что посеял. На тюремном больничном дворе тоже есть маленькая грядка. Там в прошлом году цвело много резеды. Нынче, может быть, тоже что-нибудь взойдет. Глядя на какой-нибудь маленький зеленый кустик, буду мечтать о зеленых полях и садах, о всей чудесной воле... Вы не знаете, папа, как немного нужно человеку, чтобы чувствовать и любить природу. Ни один хороший денек, ни одно теплое дуновение ветра, приносящее с собой аромат степей, не пропадает здесь даром — за все благодаришь господа бога.

Родной мой, дорогой отец. Вам я пишу редко. Верю, что вы не сердитесь на меня за это. Трудно писать отсюда, написал бы иной раз, да чувствуешь, что все уже давно сказано и написано за эти многие годы разлуки. Вы верьте, ведь, что я люблю вас и постоянно считаю себя вашим неоплатным должником за всю вашу любовь ко мне, и верьте, что моя мысль постоянно занята вами, моими дорогими, родными — были бы вы здоровы и бодры... Прости же, что редко пишу. Ну, будьте здоровы, обнимаю и целую вас.

Ваш сын Егор.

Надеюсь, вас не затруднит передать мой привет Алексею Кирилловичу и Шуре.

CLXXII.

23 мая.

Мамочка моя, дорогая, ненаглядная. Вот уже две недели не писал тебе прямо, потому что не знаю, где искать тебя письмом. Но я соскучился не писавши, да и за тебя боюсь, как бы ты не забеспокоилась. Пишу в надежде, что письмо перешлют тебе. Ну, так как же дела, родимая? Что-то тебе сказали профессора? С нетерпением жду известий о тебе. Бедненькая моя мамуся, снова не увидишь ты лета, сошлют тебя опять в какое-нибудь скучное лечебное место... А весны ты уже не видела — какая весна, когда приходится иметь дело с медициной. В данном отношении даже я счастливее тебя: неделю тому назад, в троицу, я получил случайно несколько веток черемухи. За пять весен, проведенных мною в тюрьме, это была первая цветущая черемуха, попавшая в мои руки. Я упивался ее ароматом, а мысли мои летели туда, где весна теплее и ярче, где поют соловьи и где тоскует моя ненаглядная мамочка, не видя неба, не слыша соловьев, не желая знать прелестей весны...

Пять весен в тюрьме. Я предчувствую, что ты расплачешься при этих словах. Но следует ли плакать? Ведь они позади, а не впереди. Впереди не знаю что, но не эти пять долгих-долгих лет. Только бы тяжесть этого прожитого времени оказалась не слишком тяжелой для твоих сил, только бы ты еще смогла жить и ждать; может быть, когда-нибудь и для нас будет весна, хотя и коротенькая... Дай бог, чтобы доктора помогли тебе восстановить часть твоих утраченных сил. А если свидание с ними не воодушевит тебя надеждами, то не падай все-таки духом. Еще остается то, о чем я так усердно проповедывал тебе: деревня и ее успокаивающая тишина. Что бы там ни было, а я до конца буду верить в улучшение твоего здоровья.

Родная. В своих последних письмах Любе и папе я уже просил передать тебе мое спасибо за твою посылку (сыр, масло и пр.). Я попрошу тебя прислать мне носков, гольдкрему для рук и мелу для зубов. А здорово надоедаю я вам с моими просьбами. Моя надежда на вашу доброту всегда превышает мое опасение злоупотребить ею.

Как-то я писал вам о 23 ст. Недавно представление начальником тюрьмы уже сделано, но это еще ничего не значит: до сентября так далеко. Я живу себе, рассчитывая еще не на один год сиденья. Советую и вам напрасно не волноваться.

Сегодня 23 мая выпал здесь снег. Каково?

Ну, мои дорогие, любимые. Прощаюсь с вами последний раз в этом году. Который же год пойдет мне с 26 числа? Тридцать первый. Не грустите в мой праздник... Я здоров и надеюсь прожить еще столько же, ежели судьбе угодно... Обнимаю тебя, милая моя мамочка, и папу, и всех родных, дорогих.

Любящий вас Егор.

Пожалуйста, пришлите конвертов.

CLXXIII.

30 мая.

Милые, дорогие мои мамочка, Люба и брат с детишками. Надеюсь, я не ошибусь, обратившись ко всем вам вместе. Вы, Люба, в своем последнем письме из Уфы писали, что мама и брат посланы докторами на Кавказ и что вы поедете вместе с ними. Я очень рад, что так устраивается. Мамочке будет веселей, а вы все-таки отдохнете. Я не пишу теперь для мамы домой и не стану писать, пока не узнаю настоящего вашего местопребывания. Надеюсь, о нем дадите знать телеграммой... Должен поблагодарить вас за поздравление и за последнюю посылку из Уфы. Из книг получил только две

в переплете (геодезию и Дрэпера). Целую вас за доброту. Как-то теперь мне писать Шуре? Может быть летом и она переменит свой адрес. Напрасно не уведомили меня... От нее письма получаю исправно... Ну как, сестрица, чувствуете себя на новом месте? Как прыгают дети? Вероятно, выглядели во время путешествия настоящими дикарками. Будьте все здоровы и веселы. Вашей матушке мой глубокий поклон. Мою родимую обнимаю; если ее еще нет в Сар(атове), пишите ей, что я здоров и кланяюсь ей. Обнимаю всех вас.

Ваш Егор.

Пожалуйста, пришлите марок и открыток. Недоразумение с февральскими 50 р. благополучно раз'яснилось. Последние 100 р. тоже получены. Спасибо.

CLXXIV.

6 июня.

Дорогой папа. В прошлой открытке Тоне и Лиде я просил передать вам мою благодарность за поздравительную телеграмму и пожелания, высказанные в ней. Сегодня посылаю письмо мамочке в Железноводск по адресу, телеграфированному мне Любой. Очень порадовался, что они все вместе. А как же вы, папа? Думаете ли с'ездить туда хоть ненадолго? Наверное, все некогда. Грузка леса в Уфе теперь, вероятно, уже закончена, и вы скоро уедете в Саратов. От души желаю вам успехов.

Вы читали, конечно, об отмене 23 ст. угол. уложен., по которой можно было сокращать срок на треть [1]. Это — общее распоряжение главн. тюр. управл. Теперь, самое раннее, без каких-нибудь случайностей, я могу кончить только 28 января 1911 г. Надеюсь, вы не возлагали на 23 ст. столь больших надежд, чтобы теперь, после их крушений, сильно огорчиться. Я спокоен и бодр. Сносно здоров. Как-нибудь протяну до конца. Не беспокойтесь обо мне. Будьте сами здоровы и бодры. Передайте привет тетушке Ал. Ник. и Тоне с Лидой.

Обнимаю вас, ваш сын Егор.

[1] Циркуляром от 22 мая 1909 г. главное тюремное управление раз'яснило, что вопрос о применении к лицам, присужденным к каторге и заключению в исправительном доме, ст. 23 угол. улож., допускавшей сокращение срока наказания при заслуживающем одобрения поведении, заключенного, подлежит отрицательному разрешению.

CLXXV.

6 июня.

Родные мои, милая мамусенька, сестра, брат и девчурки. Поздравляю вас с прибытием на Кавказ. Мое пожелание, чтобы вы все вместе провели лето на лоне природы, сбылось только отчасти, потому что какое же «лоно природы» — Железноводск. Но хорошо, что и так устроились хорошо, что мамочка очутилась на курорте не одна, и что вы остальные расстались с богоспасаемой Уфой. В общем все вы все-таки в выигрыше от перемены места, и я радуюсь за вас. Сколько уже не писал я вам, даже соскучился без этого. А оттого, что давно не пишете, и совсем худо. Жду, жду ваших писем — из Питера, из Саратова—отовсюду, где вы побывали, и ничего кроме одной малюсенькой открытки (с картинкой Васнецова) не получил. Отчего это? Неужели нельзя черкнуть в дороге пару-другую слов о том, как путешествуете, как чувствует себя мамочка и что ей сказали доктора? Впрочем, ссориться с вами не буду, потому что знаю характер мамочкиных секретарей — не скоро-то их раскачаешь. Я согласен помириться с вами со всеми, если теперь, когда вы осели на месте, вы станете писать мне почаще... Пиши, родная, ненаглядная мамочка, как ты встретилась нынче со своим старым знакомым Кавказом. Будь бодрей, веселей, обо мне не скучай и не заботься. Я здоров и тоже наслаждаюсь природой, хотя и не на лоне ее. До конца мая у нас стояла очень переменная, чаще холодная погода. А теперь настоящее лето. Жарко до того, что на прогулке не знаешь, куда спрятаться от солнца. В синем знойном небе то и дело порхают синички. По утрам слышится откуда-то кукованье кукушки. Нынче удалось видеть черемуху, ландыши и полевые цветы. Чем же не природа? Если все будет благополучно, то в стенах тюрьмы я провожу последнее лето.

Милые мои, надеюсь вы не забудете меня на Кавказе и будете присылать мне оттуда, кроме своих писем, и еще кое-что: растет же и делается на Кавказе что-нибудь хорошее. А главное—книги. Вот вы были в таких цивилизованных и книжных городах, как Питер и Саратов, чтобы вам заглянуть там в книжные магазины — неужели не догадались? А знаете, что можно было бы сделать с книгами? Недавно здесь получили каталоги иркутских и томских книжных магазинов. Там, оказывается, можно приобрести почти все, что мне необходимо. Можно бы было выписывать налож. платежом. Но деньги? Из тех, что вы присылаете мне ежемесячно, я на книги не могу тратить ни копейки. Впрочем, об этом не стоит. Как-нибудь вы там в России сами справитесь с книжным вопросом. Я писал за

это время папе в Уфу и вам, Люба, открытку в Саратов. Там я уведомлял о получении последней посылки (сыр, масло, геодезия и Дрэпер). Попрошу я вас прислать мне конвертов и две перчатки из шероховатого полотенца для обтирания — в аптеках продаются готовые.

Пишите, как вы устроились. Как выглядят теперь дети? Пишите поподробнее. Если ко дню именин, мамочка, не получу телеграммы с оплаченным ответом, то мне придется послать свое поздравление письмом. Свои именины я провел, как и все прочие дни, без всяких отличий. Только по телеграммам от папы, тети Ал. Ник. и Любы и письмам Тони, Лиды, Зины и Вани я и почувствовал, что есть люди, которые празднуют за меня.

Ну, мои родные, дорогие, будьте все здоровы и веселы. Пользуйтесь Кавказом во-всю, запасайтесь силами. Я здоров и целую всех вас вместе и каждого в отдельности. Мамочка, ненаглядная моя, поправляйся.

Ваш Егор.

CLXXV-a.

13 июня.

Милая, ненаглядная моя мамочка!

Мне не прислали телеграммы с оплаченным ответом и я могу послать тебе только письменное, т.-е., очень запоздалое поздравление с днем твоего ангела. Не взыщи за опоздание. Если бы я знал раньше ваш кавказский адрес, то написал бы во-время. Итак, моя родимая, поздравляю тебя и обнимаю горячо, горячо. Мои пожелания тебе и то, что они очень сильны и горячи, ты знаешь. Постараемся дожить до того времени, когда будем праздновать наши семейные праздники вместе — в этом мое пожелание тебе и всем нам. Была ли ты здорова и спокойна в свой праздник? Подарили ли тебе девочки цветов от имени дяди Егора? Неужели не догадались? Если догадались, то целую их глазки. А если нет, то и тогда целую, чтобы впредь были догадливее.

Ну, как поживаете, мои хорошие, любимые? Довольны ли Кавказом? Вам, сестра, нравится? Не каетесь, что поехали? Желаю всем вам хороших дней и здоровья.

От Зиночки получил сразу две открытки в одном конверте с очень красивыми картинками: «Соблазнитель» Соломко и английская премированная красавица. Как вижу, у Зины все еще не притупился вкус к красоте. А у меня он, увы! слишком поздно развился . . . и вряд ли далеко зайдет в своем развитии, потому что слишком узка почва, на которой он может развернуться.

Сегодня, наверное, получу посылку — от кого и откуда она, еще не знаю. Если от вас, примите мою благодарность. С будущей посылкой не забудьте прислать ваты, мне ее требуется много, потому что то и дело нужно чистить уши.

Из письма Зины мне показалось, что тетушка А. Н. с Тоней и Лидой тоже приедут к вам. Поэтому не отвечаю тетушке в Уфу на ее поздравительную открытку. Передайте ей спасибо от меня.

Я вам писал о своем товарище Шуре Филиппченко [1]. Счастливец, через неделю он уходит на поселение. А вместе с ним уедет из Зерентуя и его матушка, прожившая здесь целый год. Жаль, что тебя, мамочка, не будет дома, а то бы она по дороге в Россию заехала к тебе и порассказала бы, что из себя представляет далекая Сибирь. Услышавши от нее, что и здесь светит солнце и бывает весна, ты бы, может быть, не так беспокоилась обо мне. А то тебе кажется, что я закинут на Северный полюс, в страну белых медведей.

Ну, мои дорогие, любимые, будьте здоровы и веселы. Всех вас целую и обнимаю горячо. Мамусенька, поправляйся.

Всегда твой Егор.

Сейчас получил мамочкино письмо из Питера от 26 мая. Наконец-то откликнулась, моя дорогая. А посылка оказалась не от вас, а из Читы и только с чаем. Какое разочарованье... С кем же мамочка осталась в Питере и с кем она поедет на Кавказ?

CLXXVI.

16 июня.

Дорогой мой папа!

Получил посылку с лекарствами и сапогами. Благодарю и целую вас. Одно лишь жаль. Вы сделали излишние траты, прислав некоторые, совершенно ненужные для меня лекарства, напр., аргонин. Это же от венерических болезней, которыми я, слава богу, никогда не хворал и теперь не хвораю. Кто это вам посоветовал? Или, может быть, эти лекарства годятся также и от других болезней? Тогда почему вы не написали об этом? Здешние медики новых лекарств не знают и поэтому не могут разобраться, что от чего. Очень полезными для меня оказались ферратин, санатоген, аспирин и глицерин. Это как раз то, что мне надо. Спасибо же вам, родной мой. Сапоги как раз впору: особенно хороши они тем, что с широкими носками — узких носков не выносят мои обрубленные пальцы.

[1] Студент, осужденный по делу петербургской организации п. с. р.

Застанет ли эта открытка дома? Маме я пишу уже третье письмо на Кавказ. Если тетушка Ал. Ник. с Тоней и Лидой дома, привет им. Привет вообще всем домашним. Будьте здоровы, дорогой папа. Всего вам лучшего. Я здоров.

Любящий вас Егор.

CLXXVII.

20 июня.

Родная моя мамусенька!

На-днях получил телеграмму о твоем приезде на Кавказ. Теперь буду ожидать писем. Пиши подробнее, что тебе сказали питерские доктора. Твое письмо из Петербурга мне показалось немножко бодрее последних уфимских писем. Видишь, родная, я был прав, когда посылал тебя в деревню запастись силами. И доктора ведь признали, что главная причина всех твоих болезней лежит в истощении. А против этого нужны: хороший воздух и хорошее питание. Надеюсь, что Кавказ в этом отношении не окажется хуже русской деревни, тем более, что ты там устроилась по-семейному. Вот уж, мамочка, не понять человеку, побывшему в моих условиях, отсутствие аппетита, которым ты страдаешь. Иметь в своем распоряжении сколько-угодно белого хлеба, молока и сахара, да не есть! Уж не говорю о прочих деликатессах. Если бы я был с тобой, то своим вряд ли человеческим аппетитом заразил бы, наверное, и тебя.

На-днях получил от папы посылку с лекарствами. Я у него просил лекарств против малокровия и истощения, на почве которых развиваются головные боли и неспособность к умственным занятиям. Советовал ему обратиться за советом к знакомым врачам. И вот, получаю посылку, в которой хина, салицилка и даже лекарства от венерических болезней. Бог знает, кто это подвел папу. Но часть лекарств все-таки оказалась очень подходящей, напр. ферратин, санатоген. И я попрошу вас посылать мне изредка таких вещей. Думаю, если вы серьезно поговорите об этом со своими врачами, то они смогут указать вам еще много подобных лекарств. Может быть есть средства и не такие дорогие, как сенатоген, коробочка которого на недельный прием стоит больше 2 руб.

Должен еще поблагодарить вас за книги, присланные издательством «Посев», вероятно, по вашему заказу. Пришли: Петцольд о философии Авенариуса, Авенариус в изложении Луначарского и пять след. книг: «Камо грядеши» и «Без догмата» Сенкевича, «Спартак» Джиованиоли, «Человек, который смеется» и «Отверженные» Гюго... Первые две книги получил, а про последние бог весть, получу ли. Вообще, теперь

мне, пожалуй, придется отправлять вам обратно многие из книг, посылаемых вами. Судите сами, — даже «Свыше наших сил» Бьернсона не пропущено!.. Простите, что своими просьбами ввел вас в излишние затраты. Я, видите ли, в своих желаниях руководствовался тем, что позволено было нам здесь еще недавно. Когда узнаю новые рамки, то постараюсь не подвергать вас риску излишних затрат. А теперь, раз книга Петцольда пропущена, попрошу я вас выписать для меня другую книгу того же автора: «Проблема мира с точки зрения позитивизма», стоит 1 руб.

Пишите, как вы все чувствуете себя на прекрасном Кавказе. Перечитываю теперь Лермонтова — как раз о тех местах, где вы живете. Ничего лермонтовского там, конечно, не осталось и меньше всего—в нравах людей. Что за «приличная» городская публика толкается на аллеях пятигорских и железноводских парков. Тот же Петербург в маленьком масштабе, а, может быть, даже та же Уфа. Не скучаете ли вы? Познакомились ли с кем-нибудь? Устраиваете ли прогулки в горы? Или предпочитаете любоваться ими издали? Бог вас знает, что вы за корреспонденты — проживете на Кавказе и в своих письмах ни разу не дадите мне почувствовать, что вы переменили место жительства. Ну, не сердитесь, я вовсе не думаю упрекать вас. Буду рад, если вы будете писать попрежнему, — только будьте аккуратны. А мои письма, получаете вы исправно? Я посылаю вам в Жел. уже третье письмо.

Будьте все здоровы и веселы. Я тоже помаленьку здоров. Обнимаю вас всех. Обнимаю мамочку, мою дорогую, ненаглядную.

Ваш Егор.

CLXXVIII.

28 июня.

Моя дорогая, ненаглядная мамуся! Получил твое последнее питерское письмо от 10 июня. Оно снова грустное, грустнее, чем первые. Надеюсь, встреча с семьей и сам Кавказ рассеют твою грусть. Может быть теперь, когда я пишу это письмо, мои первые письма уже дошли до вас, и тогда ты увидишь, что за два месяца, пока ты не получала от меня известий, я жил попрежнему. Быстро летит время. Вот конец, а у нас половина лета. А давно ли, кажется, гремел первый гром. Хорошо, что время так быстротечно. К чему бы оно ни привело в будущем, с прошлым оно кончает. Позади лежит уже почти пять лет неволи. Взгляните на первую вашу девочку и вы живо представите, что значат пять лет. Когда мы расстались с Ваней, он был еще ребенком, а теперь, судя по его редким письмам, это почти сложившийся человек. Так на старом поле среди прошлогодней увядшей травы постепенно вырастает

свежая зелень. Мало-по-малу все поле зазеленеет, скрывши собою желтизну и серость остатков старого. Чувствую, что и я, наравне с вами, мои дорогие, старые, тоже пожелтел, как прошлогодняя трава. Впрочем, я не жалею о том, что постепенно записываюсь в поколение стариков. Я жил, как умел, и пусть молодые живут лучше, если сумеют. А мы еще посмотрим, вся ли наша жизнь кончена тем, что прожито. Будем ждать и верить..

Ждать легче, если в сношениях с близкими все протекает нормально, без излишних случайностей, всегда мучительных. Такою мучительною и, по-моему, совершенно излишнею случайностью является то, что вы, мои дорогие, с наступлением лета и времени раз'ездов не позаботились обеспечить исправность переписки со мной. Не только ваши письма, но и письма Шуры приходят нерегулярно. Я радуюсь, что никому из вас не пришлось побывать в моем положении и только поэтому не очень сержусь на ваше отношение к моим маленьким личным интересам. Вам-то они могут казаться слишком ничтожными, чтоб придавать им особую ценность, — но на то вы и свободные люди. Но поймите, бедняку его копейка много дороже, чем богачу его миллионы. Не судите же о моей копейке слишком пренебрежительно... Если чуточку любите меня и дорожите моим спокойствием, не осложняйте моей жизни такими неприятными случайностями, устранение которых вполне в вашей власти.

Милая, добрая мамочка, будь здорова и обо мне не беспокойся. Ты вот думаешь, что летом все позабыли меня. Так нет же: вчера получил от папы посылку (с сыром и колбасой). Видишь, он не забывает. Я ему писал в Уфу несколько открыток. В своем последнем письме ты говоришь о двух посылках с книгами, которые ты намеревалась послать из Питера. Пока что я получил только одну (от изд. «Посев»). Неделю тому назад я уже писал тебе об этом. Из книг, бывших в этой посылке, я пока получил: Петцольда, Авенариуса, Спартака, Камо Грядеши, Отверженных и Человека, который смеется.

Ну, мои дорогие, до свидания. Извините, если я своими печальными письмами омрачаю вам кавказские настроения. От души желаю вам, кроме здоровья, самых светлых дней. Всех обнимаю и целую. Мамочку, мою родимую, целую, горячо, в особицу. Я здоров.

Любящий вас Егор.

Ради бога, упорядочьте переписку. Нет марок, конвертов, бумаги. Продают ли это все в Железноводске?

CLXXIX.

25 июля.

Дорогая, ненаглядная мамочка! Прости меня, что на сегодня я ограничиваюсь одной открыткой. Не приготовился вчера на сегодняшний день, а сегодня — мигрень мешает писать. Зная, что такое мигрень, ты извинишь меня, дорогая. Только, пожалуйста, не беспокойся, ведь ничего серьезного. Еще к вечеру пройдет. На этой неделе получил от тебя письмо от 2 июля и 20 шт. открыток. Спасибо, мои дорогие! Рад, что ваша погода проясняется и что вы устроились там по-семейному. Теперь я лучше представляю себе вашу тамошнюю жизнь и верю, что в такой обстановке Кавказ принесет вам несомненную пользу. Спасибо тебе за несколько слов о девчурках, которые загорели, как раки. Мне стало радостно, когда представил себе всех вас там. Всех обнимаю, целую, всем желаю здоровья. Особый привет крестной и дяде.

Любящий вас Егор.

От Шуры получил письмо. Здорова и мои письма получает.

CLXXX.

1 августа.

Дорогие мои, милая моя мамочка, и вы, родные мои! Вчера получил от вас телеграмму с советом начинать писать домой, потому что в конце августа вы собираетесь вернуться домой. Вы вернетесь, а может быть еще и нет. Во всяком случае думаю, что эта открытка застанет еще вас на Кавказе. С следующей недели буду писать в Уфу. Неужели я снова надолго останусь без вестей от вас? Не делайте, пожалуйста, этого. Ведь и с дороги можно посылать коротенькие открытки. Люба обещала присылать открытки с кавказскими видами, а я ни одной не получил. Как видно, обещаешь охотнее, чем исполняешь... Наше короткое лето уже на исходе. Скоро начнутся целодневные дожди и будет очень скучно. Пусть: ведь это с божьей помощью предпоследняя осень в стенах, еще одно лето и одна осень, а там... бог знает, что там... Дождетесь ли вы, мои дорогие?.. я-то дождусь, я бодр и здоров. Если у вас недостает ни здоровья, ни бодрости, то хоть бы побольше было желанья дождаться, может быть оно заменило бы вам первые вещи.

Ну, мои дорогие, до свиданья. Обнимаю вас всех, пока вы все там вкупе...

Матвей присылает мне каждые две недели посылки, — вот, спасибо ему. А из Питера второй посылки с книгами я, вероятно, не получил, — что там было?.. Мамусенька, будь здорова! Обнимаю тебя и всех родных. Твой Егор.

CLXXXI.

1 августа.

Дорогой Матвей! Позабыл, как вас величают и как ваша фамилия. Вы извините меня, ведь, пожалуй, больше семи лет не видались с вами. Я вас вспоминаю всегда с большим удовольствием, как очень хорошего человека и почти как члена нашей семьи... Вы, вероятно, теперь здорово постарели, как и я. Увидимся ли еще с вами? В начале 1911 года должен кончиться мой срок, тогда, может быть, и увидимся. Много интересного пережито за эти годы, есть что порассказать. Ваша жизнь прошла, конечно, спокойнее...

Мамочка телеграфировала мне, что в конце августа они все собираются вернуться домой. Теперь дома, вероятно, никого кроме вас нет. Судя по почерку на посылках, адрес надписывает Дмитрий Николаевич. Поклон ему и его семье от меня большой. А вам, Матвей, большое спасибо за посылки. Я ведь знаю, что вам приходится много хлопотать ради меня. На-днях получил последнюю вашу посылку со всеми вещами, перечисленными в вашем реестре. Будьте добры, пришлите в следующий раз: бумаги писчей, листов пятьдесят, карандашей, резинку для карандаша и носков несколько пар... Будьте здоровы. Жму вашу руку. Ваш Егор Созонов.

CLXXXII.

8 августа.

Родная моя, ненаглядная мамусенька! Хотя вы и телеграфировали мне начинать писать домой, я все-таки решил еще раз написать на Кавказ, потому что по моим предположениям вы не успеете собраться с отъездом в срок. В крайнем случае, если письмо не застанет вас на месте, то его перешлют в Уфу.

Твое письмо из Ессентуков я получил, мамочка. Бедная моя мамуся, гоняют тебя доктора с места на место. Как-то ты устроилась там одна? Но Ессентуки близко от Жел. и Пятигорска, так что ты видишься со своими, вероятно, часто. Мне кажется, что доктора определили причину твоей болезни очень верно: все дело в истощении, я так и думал. Ведь дух у тебя всегда был сильный, ибо крепка твоя вера. Что же ты сделала со своим телом? Вероятно, это от постов. Зачем ты так истомила себя? Ты видишь теперь, что переутомление тела

вредит и духу, нарушает его равновесие, приводит к мрачным думам. Разве этого может требовать религия? Она прежде всего требует ясного духа, а для этого надо блюсти свое тело. Блюди же его. Лечись, питайся, как советуют доктора. А что, мамочка, не махнуть ли тебе с Любой и детишками на зиму куда-нибудь в теплые страны? — Ради бога, подумайте над этим серьезно. Ведь чем дальше, тем непоправимее становится дело с твоим здоровьем. Ну, ради нашего будущего, ради того, чтобы дождаться нам встречи на воле, побереги себя, мамочка, и не бойся путешествий, если они нужны. Я теперь очень жалею, что ты не поехала вместе с тетушкой М. С. в Крым, Италию, ну и еще что там, — разве это так страшно и недоступно? Бог знает, у каких докторов ты лечишься, понимают ли они толк в твоей болезни? Мне кажется, тебе необходимо переменить образ жизни, искать каких-нибудь неутомительных занятий, общества хороших и бодрых людей, больше солнца, лучше питаться, больше воздуха. Кто же, наконец, возьмет тебя в руки и заставит тебя быть здоровой? Потому что сама ты не сумеешь добиться этого. Ну что я могу поделать своими советами? Когда я читаю твои письма и думаю о тебе, то во мне родится уверенность в возможности улучшить твое здоровье, — стоит только сделать то-то и то-то. А как стану выкладывать свои советы на бумаге, так и вижу, как смешно и обидно советовать издали. Прости, родная, за эти, может быть, неуместные советы и все-таки подумай над ними. Посылочку вашу кавказскую получил, — спасибо вам большое. Особенно понравилось мне кофе «Здоровье». Правда ли, что оно стоит всего 65 коп.? За такую банку? Если так сравнительно недорого, то вы мне присылайте его почаще и побольше, оно очень питательно. Не ячменное ли это кофе? Я вспомнил про ячменное кофе и теперь жалею, что ни я, ни вы не догадались присылать его мне. Исправьте же это упущение, мне будет очень полезно и я буду очень благодарен вам. Пришлите также ферратину. Так как вы скоро вернетесь во-свояси, то начинаю делать вам книжные заказы, — впрочем, начну лишь с следующего письма. Второй вашей книжной посылки из Питера я так и не получил. Что же там было? Почему Люба позабыла о своем обещании посылать мне открытки? А на Зину я уже махнул рукой окончательно. Прислала мне две чудесные открытки («Соблазнителя» и англичанку-красавицу) и думает, что отделалась от меня навсегда. Ну, бог с ними... Всех вас обнимаю — больших и малых, всем желаю здоровья. Целую тебя, моя хорошая мамусенька.

Твой Е.

Привет тем, кто о тебе заботится. Я по-маленьку здоров.

CLXXXIII.

8 августа.

Дорогой Матвей! Я снова пишу вам. Не знаю, когда наши вернутся домой. Сегодня послал мамочке последнее письмо на Кавказ. Может быть оно не застанет ее там. И если она вернется в Уфу в конце августа (так она телеграфировала), то вы предупредите ее, что я здоров, первое письмо ее из Ессентуков получил, посылку их тоже. А Зина пусть распорядится о скорейшем переводе фросина имущества на Лелю, — пусть напишет об этом тетушке А. В.

Будьте любезны, Матвей, купите и пошлите мне кофе «Здоровье» Годзелинской. Фунт стоит, кажется, 65 коп. А то попросту пришлите ячменного кофе и пузырька два ферратина. Передайте мой поклон всем, кто есть дома. Всего вам лучшего.

Ваш Егор.

CLXXXIV.

15 августа.

Родная моя мамочка! Решил начать писать вам в Уфу, хотя и предполагаю, что письма мои пролежат там немало в ожидании вас.

Ну, что же, родная, надо ли поздравить тебя с благополучным возвращением с Кавказа, т.-е. с восстановлением твоего здоровья? Плохо мне верится в это восстановление, потому что ваши кавказские письма мало обещали мне. И боюсь я, что вина за твою болезнь лежит отчасти в тебе самой: что сделают лекарства, системы лечений, курорты, если ты питаешься плохо и изнуряешь себя постами? В прошлом году ты не раз высказывала мне опасение, как бы тебя не постигла судьба дяди Антипа. Думала ли ты над тем, в чем больше греха, в строгом ли соблюдении постов, или же в сознательном доведении себя до состояния дяди. В безумии нет спасения, и теми средствами, которые приводят к нему, вряд ли достигнешь той святой цели, к которой стремишься ты. Ты скажешь, дядя дошел до этого не благодаря постам и он не ответственен за свой роковой конец. Совершенно согласен с тобою. К дяде болезнь подкралась потихоньку, как злой, хитрый враг, и поэтому он не ответственен. Но ведь ты подрываешь свое здоровье постами, а за это кого же винить?.. Правда, много, очень много посторонних причин, которые подорвали твои силы и теперь не дают тебе оправиться — мне ли этого не знать? И ты, моя хорошая мамусенька, простишь мне, как другу—ведь ты же называешь меня другом, когда я, оставляя в стороне эти главнейшие причины, осмеливаюсь говорить тебе не о главной, но устранимой причине. Одно желание

встретиться с тобой на воле, обнять тебя, заставить тебя в радости встречи отдохнуть от былых испытаний заставляет меня умолять тебя быть более снисходительной к себе, принять все меры, находящиеся в т в о е м распоряжении к тому, чтобы дотянуть до этой минуты, теперь уже не очень далекой. Мамочка, родимая, живи и будь здоровенька!

На этой неделе получил от Зины первое письмо, которое я могу назвать личным. Она ведь так не любит «личных» писем. Если бы все-таки она почаще писала их. А меня об этом просить не стоит. Зина увидит, что я не люблю оставаться в долгу. Об этом ей расскажет П. В. [1].

По дороге домой вы, вероятно, заедете в Саратов. Пишите о папе. Я ему посылал в июне открытки, но ответа не получил.

Получил от вас много изданий «Универс. Библиот.». Большое спасибо вам. Не получил и не получу только «Свыше наших сил» Бьернсона, — ну да не важно. Сборников «Вехи» (1), «Земля» (II), «Вершины» (I) не присылайте. Не надо также «По вехам», «Зарницы», 9-й «Альманах».

Читали ли вы «Шевырева» Арцыбашева? Что вам больше нравится: «Конь бл.» или «Шевырев»? Рассказы почти на одну тему, но как по-разному они написаны. Неужели и по-вашему Шевыревы выше Жоржей и Ваней? А олигеровские «Белые лепестки» понравились? Как вы думаете, отрицательный и нежелательный тип эта девушка? — Ну же, раскачайтесь и дайте мне заглянуть в сокровенную ваших симпатий и антипатий... Пока не обременяю вас никакими просьбами, но за проявление вашей собственной инициативы буду вам благодарен. Осень — время сбора всего, что созрело за лето, и в прошлом году Люба так приятно напоминала мне об этом. Предупреждаю, фруктов не посылайте, — это лишнее.

Вернулись ли наши швейцарцы? Как они выглядят? Мой им сердечный привет. Получили ли они мои две открытки, которыми я ответил на их письма?

Ну, мои родненькие, обнимаю вас всех, всем желаю всего самого лучшего. Мамуся, ненаглядная, еще раз не сердись на меня и во что бы то ни стало будь здорова. Папу поцелуй за меня.

Любящий вас Е г о р.

Передайте мой привет Шуре. Марки получил. Выпишите пожалуйста Челпанова «Учебник логики» и его же «Учебник психологии». Пришлите в издан. «Универс. библиот.» Гауптмана «Потонувший Колокол», Пшибышевского «Homo sapiens». Вероятно, есть в отдельном издании Скирмунта «Пер Гинт» Ибсена.

[1] Повидимому Карпович.

CLXXXV.

15 августа.

Милая моя Зина! Пользуясь адресом, указанным тобою в письме от 20 июля (еще с открыткой «Интерлакен» и «Галлерея Нар.»), чтоб доставить себе небывалую роскошь — поболтать с тобою по душам, насколько, конечно, возможно. Эх, Зина, и плохо же мы с тобою живем, совсем по-свински. Старое чувство, связывавшее нас, остается, но оно постепенно подергивается каким-то печальным туманом дали. Разве могут пройти бесследно долгие годы разобщенности? А мы ведь живем разобщенно, более разобщенно, чем это необходимо. Мне жаль, что у нас так выходит. Вот придет воля, может быть, дождется же она меня? — как же мы встретимся? не станем ли мы чужими друг другу? Так много изжито за эти годы, — страшно много; неужели ты думаешь, после этого человек может остаться не изменившимся? Ведь невозможно это. И про тебя я думаю, что ты не могла не измениться. А сам я, должно быть, очень меняюсь, потому что я чувствую это, а когда человек чувствует свою перемену, значит она значительна. Да, моя дорогая, что-то умерло в душе, — то, что делало меня прежним, тебе известным. Вероятно, из старого ничего не осталось: все рассыпалось, изломалось. Те слова, в которые прежде верилось, потускнели. Но не думай, родная, что я так и остаюсь опустошенным без веры, — слава богу, — этого нет,—на место старой веры постепенно вырастает новая. Еще не могу выразить ее ясными, отчетливыми словами. Новая моя вера, вероятно, будет пользоваться старыми лозунгами, но придаст им новый смысл. Как выразить тебе это яснее? Скажу так: прежде мне жизнь представлялась прямою-прямою дорогой, ведущей к одной весьма определенной и непременно достижимой цели. Все, что лежало по сторонам этой прямой дороги, было или мало интересно, или от лукавого. Цель должна была оправдывать все средства. Много в душе придушено во имя этой цели, много жертв принесено . . . Милая моя, не подумай, что я раскаиваюсь в этих жертвах, считаю их ненужными или нечистыми, — все прошлое свято и дорого, оно временами одно только и дает силу жить и обязывает к этому. Но видишь ли, милая, мне кажется, все, что я делал, делал не так, как следовало бы, — я делал большое важное дело детскими, неумелыми руками. (Вместо «я», смело можешь поставить «мы»). И только сознанье, что делал по совести и как умел, смягчает огромное чувство виновности. Теперь дело обстоит так: цель остается прежней, еще более ясной и прекрасной, но нет прежней наивной веры в близость ее осуществления.

Да и не видится прежней, несомненной единой прямой дороги. С глаз упала повязка — много повязок, и жизнь стала шире, запутаннее и интереснее. Правда, старые методы завоевания цели остаются, но требуют того, чтобы их пополнили новыми элементами и углубили. Первое требование, которое я теперь выставляю ко всякому, берущемуся за дело, таково: сначала устрой себя самого внутри себя, а потом берись за устроение жизни. Узнай, что жизнь не проста и не узка, загляни во все ее глаза, учись. Я думаю, мы должны давать тем, кого учим и зовем на устроение жизни, целую жизненную философию, а не жалкие обрывки. Иначе наши посевы никогда не будут прочными и принесут, может быть, не ту жатву, которой мы ждем, сея. Работа наша при новой постановке должна сделаться сложнее, труднее и медлительнее, но зато основательнее. Эту работу можно обозначить ближе всего словами: организация и просвещение. Конечно, такая работа, о которой я мечтаю, может вестись только под красным флагом, потому что все остальное, хотя и нужно, но неполно. А я требую работы полной, без всяких умолчаний. И, конечно, такая работа не обойдется без острых конфликтов с препятствиями, — ну так что же, не привыкать! Я требую такой широкой разносторонней просветительно-организационной работы, главным образом, потому, что в узкие и скорые дорожки больше не верю и думаю, что только широкая разносторонняя работа не останется бесследной: во-первых, такая работа содержит в себе самой цель (давать жизненную философию, это значит — творить человека, а человек — сам себе цель); во-вторых, только разносторонняя работа и гарантирует, что настоящая, ближайшая дорога не будет просмотрена и не использована. Тебе, родная, наверное уже пришло на ум одно словечко, которое я здесь слышал уже не раз: кадетизм, дескать... Не то, родная. Кадетизм — обман, умолчание, а я ведь говорю: без всяких умолчаний! Только то просвещение, которое можем давать мы, и может быть настоящим просвещением. И главное — над всею работой конечная цель — «путеводная звезда»... Если бы я имел возможность говорить яснее, то ты поняла бы, что тут совсем не кадетизм.

Не знаю, далеко ли я с моими мыслями отстал или ушел вперед от жизни. И не знаю, во что практически выльются мои мысли. (Но до этого еще так далеко). Очень, очень хотелось бы уловить в жизни что-нибудь похожее на мои мысли. Увы! Если я и нахожу где сходство, так в общих сборниках, как «Вехи». Страшно компрометирующее сходство! Но что же делать... В «Вехах» я нашел много печальной правды по «нашему адресу» и еще печальнее, что эту правду нам говорят не дружелюбные для «нас» люди. А печальнее всего то, что

сами «мы» не только не умеем притти самостоятельным путем к сознанию этой правды, но ни за что не признаем ее, когда слышим о ней, к сожалению, от других, от чужих. Сборник написан, вероятно, отчасти и с нехорошими целями по отношению к «нам», но правда в нем есть. Прочти его, Зина, хоть для того, чтобы больше понять меня таким, каков я есть... Для той же цели, для вящшего уразумения меня, предлагаю тебе прочесть два листика, приложенные здесь. Это копии с моих трех писем, которые я написал к одному из здешних моих единоверцев, только остающемуся вполне правоверным... (Письма к тов. Х.). Здесь поднялся большой шум вокруг повести Ропшина [1]. Первоначально почти все, кроме меня, повесть называли злостным пасквилем, написанным кем-нибудь чужим или ренегатом... Вот этот товарищ Х., совсем молоденький, очень симпатичный и талантливый, выступил с рефератом о повести [2]. До его выступления я молчал, особенно стесненный знанием автора и совершенно подавленный ужасно резким и совершенно несправедливым отношением к повести. Но раз о ней заговорили публично и раз автора стали клеймить публично, я уже не мог молчать. Не разоблачая псевдонима, я послал туда, где дебатировали реферат, свою заметку о повести и высказал свою солидарность с автором. Все были крайне удивлены. Сначала полагал, что на этом все закончится, переубедить кого-нибудь я не надеялся, вся моя задача заключалась в том, чтоб как можно резче подчеркнуть свою точку зрения... Но моей «заметки» оказалось недостаточно. Моя солидарность с автором заставила товарищей признать частичную правду повести, но тогда они спросили себя: так что же представляют из себя те, кого они до сих пор воображали себе «героями»? Когда я вдобавок раскрыл псевдоним, то тов. Х. спросил меня (письмом), к какой же группе «воинов» принадлежу я? Я ему ответил. За первым письмом последовали еще два. В результате получилось след.: я неожиданно приобрел много сторонников (мои письма читались широко). Правда, многие из товарищей продолжают говорить: мы не Вани и не Жоржи, но теперь они уже говорят об этом без презрения и ненависти к Ване и Жоржу. Они поняли того и другого, одного полюбили, а другого уважают и совсем бросили свое прежнее намерение указать им дверь, — дескать, убирайтесь поскорее от «нас»!.. И моя печаль переменилась на радость. В конце второго листа я привожу стихи этого самого тов. Х., навеянные нашей полемикой. Завтра, если успею, постараюсь переписать еще одно свое письмо, —

[1] «Конь бледный».
[2] С.-р. Ис. Блапков.

мой ответ четырем товарищам (это письмо переписано), заявившим мне о своей солидарности с моим взглядом на Ваню.... Все эти письма постарайся переслать Мим. [1], непременно. А она уже передаст П. И. Кстати, им была послана с месяц тому назад моя первая «заметка» о повести (через отца Ш—ры). Хотелось бы и тебе послать, да больно уж много переписывать. Думаю, что и этих писем достаточно, чтобы дать тебе живую иллюстрацию моих мыслей и настроений.

Ну, родная, не очень сердись на меня за эти, вероятно, неприятные для тебя новости. Ведь ты, кроме того, что любишь меня, еще и доверяешь моей искренности, — значит, не можешь отнестись без уважения к тому, что для меня так важно и дорого. Обнимаю тебя, моя хорошая! Пиши о себе. Мои письма о повести ты дашь, конечно, и Любе. О получении извести. Твой Е.

Получится это, вероятно, двумя письма(ми). Всего будет: 1) пол-листа тебе, 2) два с половиною листа о «Коне бледном» и 3) четвертушки для Мим. Все о «Коне бледном» пошли Мим.

CLXXXVI.

18 августа.

Дорогая моя, ненаглядная мамочка и все мои родные! В среду, в день моего праздника получил ваши письма от 23/VI. Это была единственная радость, доставшаяся мне для—ради праздничка, но зато радость немалая. Наконец-то кончились мои серые дни, — дни томительного ожидания, наконец-то вы заявили о своем существовании. Спасибо вам и, пожалуйста, пишите впредь поисправнее. Хоть немного, но почаще. Тогда будет у меня спокойнее на душе. А то сидишь, как Робинзон на своем пустынном острове среди океана. И не знаешь, что с теми, кто так дорог сердцу. Неужели и вам пришлось выдержать такую же долговременную неизвестность? А я писал вам с прежнею исправностью.

Ну, мои дорогие, я рад, что вы почти все вместе. Хотя это и не мешает вам скучать Кавказом. Эх вы, домоседы вы неповоротливые, в кои-то века сдвинитесь с места. Мамочка, я надеюсь, что ты все-таки не поспешишь с от'ездом с Кавказа, куда и зачем тебе спешить? Дома ведь не будет полезнее для здоровья. Кавказский воздух, несмотря на дурную погоду, все-таки лучше уфимского. Почему вы не написали мне поподробнее, как вы устроились? какие у вас квартиры? как проводите день? неужели только и делаете, что скучаете? ну а детишки как? не стесняет ли их чужое место? Почему бы молодежи

[1] Мимоза и Шура — М. А. Прокофьева, П. И. — Савинков.

не с'ездить подальше в горы? Или боитесь разбойников? Конечно, волков бояться — в лес не ходить. Как чувствуют себя Тоня с Лидой? повеселели ли? Довольна ли путешествием тетушка Ал. Ник.? Вон швейцарцы наши, судя по письмам Вани, чувствуют себя совсем недурно. Милая Люба! Как меня трогает ваше разочарование Кавказом. Вы ожидали красивой природы и красивых людей, а нашли ту же Уфу, только немного в другом виде. Это же романтизм, моя дорогая сестрица, искать красоты где-то там, где нас нет. Красота или около нас, или ее вовсе нет. Да и какое же место для красоты — курорт, это сборище всесветных инвалидов. Уже где-где может быть красота, а в лечебных центрах ей не место. Не обвиняйте Кавказ за то, что он обманул вас, если вы дальше Железноводска никуда не заглянете. Милая моя сестрица, если бы я был вместе с вами, мы бы не засиделись на одном месте, заглянули бы в самые глухие уголки гор и тогда, может быть, подметили бы красоту. Читал вот я на-днях «Путевые картины» Гейне — описывает горы Гарца, побережье Немецкого моря. Какие роскошные краски находит он на картинах, которые видит! И как восторженно красиво передает их в своих записках. А мне все кажется, что его Гарц не лучше нашего Урала, а Волга может дать не меньше, чем Немецкое море. Вот что значит быть поэтом! А чуточку поэзии бог вложил в каждую человеческую душу. Нужно только, чтобы заговорила она... Почему вы, Люба, не ответили мне на мой вопрос о повести Ропшина, понравилась ли она вам? Мне понравилась. С художественной стороны не вполне удовлетворен, но искренностью и силой рассказа взволнован до глубины души. Вся повесть написана слезами и кровью сердца, нет ни одного невыстраданного слова. Я с своим мнением почти одинок. С другими об этом даже и говорить нельзя, — до того расходятся наши мнения. Неужели и с вами не сойдусь?.. Сестрица, будьте хорошей сестрой, пишите почаще. Может быть и привыкнете говорить со мной по душам? Разве не тоскливо вам сидеть почти одной? На Зину я потерял всякую надежду. Вы знаете, как я ее люблю, а мы живем так отдельно друг от друга. Моя симпатия к Ропшину, вероятно, ей не понравится очень...

Ну, мои дорогие, живите бодрее, будьте все здоровы. Обо мне не вздыхайте, я как-нибудь промаячу свою каторгу, а там посмотрим, сколько жизни еще останется во мне и для меня. Со своими нуждишками я обращаюсь все-таки к вам, а не к Матвею, потому что забыл его фамилию. Пришлите мне, пожалуйста, следующее: бумаги писчей несколько дестей, карандаш, перьев, резинку, мыла и зубного порошку. Если вы пришлете кофе, то оно очень пригодится мне против моих мигреней. Не знаю, дома ли теперь папа. От его имени полу-

чаю из Уфы каждые две-три недели посылки с едой. Но мыла почему-то не посылает. Получил на-днях письмо от Агафьи Фил. Бедная, жалуется на свое здоровье и на материальную нужду. Хорошо хоть то, что теперь получает письма от своего сына. До свиданья, мои ненаглядные! Не обижайтесь моими упреками по поводу писем. Право же, тяжело без них. И разве снова становитесь исправными, то я благодарен вам без конца. Всем привет, всех обнимаю. Обнимаю мою хорошую, ненаглядную мамусеньку и целую ее. Ваш всегда Егор.

Перьев, пожалуйста, присылайте не таких, как раньше, настоящие, т.-е. заграничные перья этого сорта очень хороши, а вам попала русская подделка, никуда негодная. Больше, чем на один раз нехватает.

CLXXXVII.

21. августа.

Дорогая моя, хорошая мамочка!

На этой неделе получил от тебя целых два письма. Ты часто не ставишь на них дат. Судя по штемпелю конверта, последнее писано числа 2 августа. Твои письма печальны. Да и как не быть им печальными, если Кавказ так обманул нашу веру в него, не помогши тебе нисколько. Но все-таки, мамусенька, я верю, что ты еще справишься с своими болезнями, потому что ты хочешь этого. Зимой временами мне начинало казаться, что ты потеряла даже силу хотеть поправиться. В какую лечебницу посылают тебя доктора? Надежная ли она? И зачем ехать на осень в Питер или Москву? разве нет более подходящего места где-нибудь поюжнее? Только, ради бога, мамочка, не приводи в исполнение своего решения забросить всякое лечение. Лечиться-то тебе надо, только у порядочного и сведущего доктора. Боюсь, что твои врачи не всегда таковы: эти модные господа, в роде старого знакомого Ерофеева, вероятно, только эксплоатируют больных, чтоб побольше вытянуть из них денег. А от мысли о гипнотизме ты окончательно отказалась? Смотри, не напрасно ли...

Если ты к будущему лету поправишься достаточно и если условия жизни не изменятся к худшему, то, может быть, нам и удастся повидаться с тобою. А при настоящем состоянии твоего здоровья тебе пускаться в столь далекое путешествие, как сюда, совершенно невозможно. Поправляйся же непременно и тогда увидим. Боже мой, как крепко, крепко обнял бы я тебя теперь, мою хорошую, исстрадавшуюся! Ведь сколько времени не видались-то! больше трех лет! Обо мне не беспокойся: ты ведь знаешь, чем больше всего могла поразить и уж поразила меня судьба, и однако видишь: я жив и жива

душа моя. Сколько невознаградимых потерь позади, сколько хорошего и чистого потоптано и загрязнено, а я все тот же... В сравнении с уже пережитым,—что значит грядущие испытания! Они смогут доканать меня физически, но духа моего они не тронут.... Не беспокойся же обо мне, мамулечка. Думаю, что на зиму эту я запас сил достаточно, справлюсь с неприятностями сибирского безвременья, когда день так короток и неприветлив....

Ваше отсутствие из дому совсем не отразилось на моей материальной стороне. Матвей угощал меня посылками исправно Спасибо вам и ему. Попрошу я вас прислать мне штуки три простынь и чулков теплых (не очень длинных). Мягкие туфли тоже. Часто я пишу вам, какие книги хотел бы я получить. Буду также писать, чего мне не надо, чтоб не вводить вас в лишний расход. 9-го «Альманаха» Шип—ка, «По вехам» и «Зарницы» — не присылайте.

Советую вам прочесть «Песню судьбы» Блока, — очень интересная вещь. Понравится ли она вам, Люба. Мое понимание вы увидите в прилагаемом здесь письме Шуре (прочтите третью и четвертую странички его). Монашек — это символ старого поколения, изломанного жизнью. Когда-то Монашек был чистым ангелом (т.-е., светлым мечтателем, как Герман). Его потянуло из тихих светлых обителей в омут жизни, загадочные глаза которой притягивали его. Он знал жизнь и хотя был изломан ею, но не проклял ее. Усталый, заходит он отдохнуть в тихий дом мечтателя и едва приходит в себя, как сейчас же начинает рассказывать сагу жизни, чем побуждает мечтателя (молодое поколение) покинуть заоблачные высоты и ринуться в море жизни. Фаина — это и есть жизнь. Для одних она «каскадная певица», золото, пышность, для других — острое наслаждение, для третьих — осмысленный радостный труд (для Коробейника). Но властителем жизни ее, постоянным «Спутником» является пока что человек культуры, — с т а р о й культуры, износившейся, потерявшей энергию, изверившейся в старые слова, скептически воспринимающей истину, красоту, но еще цепляющейся за жизнь. «Друг» Германа — это его второе я, житейский опыт, рассудок, знающий только пошлую сторону жизни, ее изнанку. Он подбирается к Елене (лучшей, идеальной стороне души человека), чтоб соблазнить ее на примирение с золотой серединой. «Песня судьбы» — это современный «Фауст» (Друг — Мефистофель). Напишите, согласны ли вы с моим пониманием. Вернулись ли швейцарские путешественники? Привет им сердечный. Всех вас обнимаю.

Ваш Е г о р.

Передавайте мои приветы папе.

Последнюю посылку от Матвея получил. Спасибо ему!

Не раз и к многим я обращался с просьбой попытаться приобрести и прислать мне журнал «Вопросы философии и психологии» за старые годы. Кто-нибудь из вас бывает в больших городах, посмотрели бы у букинистов — нельзя ли найти хоть одну книжку этого журнала (№ 1 за 1897 г.)? Пожалуйста...

CLXXXVIII.

29 августа.

Родные мои!

Вот конец августа, а известия о вашем от'езде с Кавказа я все еще не имею. Должно быть вы загостились там. А я уже третью неделю пишу вам домой. Вероятно, теперь снова, как весной, выйдет затяжка с перепиской. Я готов к этому и теперь жаловаться не стану.

Ну, моя милая, хорошая мамочка, поздравить ли тебя с возвращением домой? Как-то твое здоровье?

Взгляни на швейцарских путешественников и скажи, какой воздух полезнее, кавказский или швейцарский? Может быть, за эту зиму ты, подумавши, наберешься решимости пуститься в более далекое путешествие на поиски за здоровьем, и Ванюра, вероятно, не откажется составить с тобою кампанию. А пока что, тебе предстоит скучная осень и скучная зима. Представляю себе, как ты будешь безвыходно сидеть у себя дома, наедине со своими печальными думами, и серое, унылое небо будет хмуро заглядывать в твои окна. Мне делается жутко за тебя, как-то справишься с тягостным одиночеством и однообразием. Ничего, мамусенька, крепись, уж не так долго осталось нам ждать. Будешь здорова, — летом, может быть, повидаемся.

А через полтора года конец моей каторги. Верь, надейся и жди. Пусть свинцово небо, — будет еще и для нас хорошая погода. Если не яркая, радостью смеющаяся весна, то тихая осень, полная нежных красок и золотых закатных лучей... Мы отдохнем, моя ненаглядная, добрая мамусенька. Ты любишь осень? Выйди когда-нибудь в погодливый день в наш сад и останься там одна. Посмотри, как спокойно и глубоко небо, как тихо, задумчиво стоят деревья. Прислушайся к робкому шопоту их желто-золотых листьев. Прислушайся, как торопливо-одиноко чирикает иногда какая-то пичужка. Разве не отдыхает твоя душа среди этой тишины? И разве нет прелести в жизни осени? Такова будет и наша осень. Мы еще отдохнем, — верь этому, моя родимая.

У нас здесь стоит уже настоящая осень. Иногда хмурая, иногда ясная. Сыро и холодно. К ясным денькам я очень чувствителен, а от хмурости застрахован. Чем хуже обстановка, окружающая человека, тем сильнее развивается в нем способность жить своим внутренним мирком. Хорошо тому, у кого позади осталось много солнца, света и тепла.

Такой счастливчик даже на Северном полюсе не замерзнет. А я ведь бывал и счастливчиком. Твоя ласка, моя нежная мамусенька, всегда со мной. Поэтому и еще по многому — мне хорошо всегда и всюду. Я-то выдержу...

Осенью у вас много именинниц. У меня календаря нет и вы должны извинить меня, что я позабываю своевременно поздравить. Кажется, в сентябре именинница Зиночка. Мои ей лучшие пожелания. А вы, Люба, именинница ведь 17 сентября? Не правда ли? Как хочется мне пожелать вам всего, всего самого хорошего, — уж и не знаю, чего именно. Нужно знать человека близко, чтоб не ошибиться пожеланием. Пишите же мне.

Ну, мои дорогие, любимые, будьте все здоровы и бодры. Всех вас обнимаю, целую. Отсутствующим передавайте мои сердечные приветы.

Ваш Егор.

Привет Шуре.

CLXXXIX.

5 сентября.

Дорогая Люба.

Прежде всего поздравляю вас с возвращением домой. Нужно ли поздравлять с этим? Может быть после поездки наша богоспасаемая Уфа кажется вам еще скучнее? А много ли дал вам и детишкам Кавказ хотя бы в физическом отношении? Поздоровели ли вы все? Неужели вы так и не напишете мне? А еще обещали посылать мне часто открытки с кавказскими видами... Эх, вы... Но я все-таки надеюсь, что вы еще исправитесь и сделаетесь более милостивой и будете иногда извещать меня о вашем житье-бытье... Теперь, когда вы вернулись на зимние квартиры, вам, вероятно, будет скучновато без того, чтобы не приняться за свои старые занятия — заботы о далеком брате, столь нуждающемся в них... А я, со своей стороны, уже постараюсь не оставить вас без забот... Где-то мне теперь искать со своими письмами мамочку и Зину? Окончательно ли решено, что мамочка на зиму поедет в Крым? Вот было бы хорошо. Я жду от этой поездки большой пользы для мамы. В своем последнем письме из Ессент. мама писала, что уедет с Кавказа числа 28 августа. А я прекратил писать на Кавказ, кажется, в средине августа. Помните, вы телеграфи-

ровали мне перестать писать, — после этой телеграммы я послал вам еще одно письмо в расчете на ваши долгие сборы домой. Может быть мое письмо уже не застало вас там. Надеюсь, что оно будет переслано в Уфу, ибо я на конверте писал: «в случае отсутствия адресата, переслать в Уфу»... В Ессент. я не писал ни разу, адресуя все письма для мамы на вас...

В письмах к маме я почти всегда пишу для вас о своих впечатлениях от прочтенных книг. Согласны ли вы с моим толкованием повести Ропшина и пьесы Блока? А Зина очень сердится на меня. Теперь мне кажется, что она разлюбит меня... Спросите Ваню, получили ли они мои две открытки, которые я послал им в Швейцарию в ответ на их письма. Шуре не пишу на этот раз. Скоро полтора мес. от нее ни звука, — рука отказывается писать в пустое пространство.

Пишите, как думаете устроиться на зиму. Будете ли выписывать журналы и подпишетесь ли в библиотеку? Попадают ли вам книги, которые бы глубоко захватывали вас?.. Милая, моя сестрица, не сердитесь на мою назойливость. Видите, ведь вы в крайнем случае можете не отвечать мне, если я вам сильно надоедаю. А мне в моих стараниях подкопаться под вас наградой будет служить надежда, что вы нет-нет да и обмолвитесь когда-нибудь словечком про себя. Ну до свидания, дорогая моя, обнимаю вас и детишек... Самый сердечный привет всем родным. Обнял бы и мамочку, да не знаю, где ее искать. Это письмецо придет вскоре после ваших именин. Пусть оно еще раз скажет вам, что среди ваших друзей и доброжелателей занимает не последнее место ваш брат-сибиряк. Всего, всего вам лучшего.

Ваш Егор.

СХС.

12 сентября.

Родная моя, ненаглядная мамочка. На-днях получил из Саратова телеграмму, из которой узнал, что ты уже там. Очень меня встревожил вопрос, почему я не отвечаю. Кому и на что не ответил? Тебе я все время писал. До средины августа адресовал в Железноводск на Любу, а потом домой. В Ессентуки я не писал ни одного письма, предполагая, что из Железноводска тебе передадут. Кроме того, твой ессентукский адрес я получил почти одновременно с телеграммой Любы (из Жел.) о том, чтобы прекратить писать на Кавказ (в виду вашего скорого от'езда оттуда). Поэтому я даже не сохранил твоего ессент. адреса. Неужели ты не получала от меня писем, пока находилась в Ессент?.. Вот история-то... Как бы теперь снова не вышла какая-нибудь задержка с письмами. Не знаю,

где тебя искать и пишу домой. Долго ли пробудешь в Саратове? Мне Люба телеграфировала, что ты едешь на зиму в Крым. Окончательно ли это решено? Вот было бы хорошо. Крым, наверное, принесет тебе пользу. Но с кем ты поедешь? С Машей или Аней? Одно плохо в твоих путешествиях, что тебе приходится быть вдали от своих. Скука-то какая.

Буду писать тебе письма, только не ручаюсь, что они будут веселыми... Поправляйся, мамусенька, милая, может быть будущим летом сможешь приехать на свидание. Здоровье само по себе хорошо, а тут еще свидание. Неужели ты не поправишься? Надеюсь и жду. Я здоров, как всегда... Вот если приедешь, сама увидишь меня, ты-то во всяком случае узнаешь, я не так сильно изменился, а вот узнаю ли я мою дорогую, старую мамусеньку...

Папа, вероятно, очень наскучался в одиночестве. Как его здоровье? От него я не получил ни одного письма. Может быть, он писал мне и поэтому спросил в телеграмме, почему не отвечаю? Перевод его получил, за что большое спасибо...

А вы, Люба, почему не пишете мне? Уже и теперь я попал в число тех из моих сотоварищей, которые реже всех получают письма. А скоро буду, пожалуй, совсем позабыт. Вы не знаете, что значит быть позабытым в моем положении. Впрочем, я не жалуюсь, во-первых, потому что как-то обещался не жаловаться, а, во-вторых, потому что чего же стоит выклянченное письмо. Будьте так добры, известите хоть об одном: получаете ли мои письма и получались ли в вашем отсутствии письма Шуре?

Просьбами своими я вас все-таки потревожу. Выпишите, пожалуйста, от Карбасникова (Москва, Моховая) след. книги: 1) Десять чтений по литературе. Изд. 2-е. М. 1902 г., изд. Сотрудн. школ. Ц. 1 р. 2) Десять чтений по литературе 1903 г. Изд. Мамонтова. Ц. 1 р. (Которую-нибудь одну из двух). Дешевое издание Пушкина и Лермонтова. Не остались ли дома «Записки охотника» Тургенева? Тогда пришлите. Может быть у Вани есть учебники (ненужные) по истории русской словесности и по теории словесности. У меня, помню, было «Детство и отрочество» Толстого. Не сохранилось ли оно? Если вам как-нибудь случайно попадутся дешевые издания русских и иностранных классиков, то приобретите и пришлите. Иногда можно купить прямо за гроши. Обращаюсь с этою просьбою не только к вам, но и к Ване. Его прошу изредка заходить к букинистам. Я, бывало, за рубль-два покупал не одну хорошую книгу. На случай упоминаю, чего не следует присылать: Гоголя, Тургенева, Достоевского, Успенского, Горького, Л. Андреева. Если попадется под руку, пришлите Л. Толстого

(его беллетристику; философия его ведь не дозволена), Островского, «Обрыв» Гончарова (только «Обрыв»), Чехова, Гете (только не Фауста), Шиллера (очень бы хотелось его философские сочинения), Байрона; Котляревский «Мировая скорбь», Шахов — о Гете и его времени; Шелли; «Дон-Кихота». Гюго и Золя, Бальзака, Флобера не надо. Не перечислить всего, чего бы желалось. Ваня сам сообразит. Да ведь все это не заказ, а так, между прочим, чтоб не пропустили удобного случая...

Я как-то просил прислать: бумаги писчей, чернил, карандашей. Может быть этого письма не получили, поэтому еще раз пишу.

Ну, всего всем лучшего. Будьте все здоровы. Всех обнимаю и целую.

Ваш Егор.

Сборн. «Земли» не надо.

CXCI.

19 сентября.

Дорогие мои!

Это уже, право, нехорошо, если только вы в самом деле не пишете мне. Вот уже три недели ни строчки от вас. Про Шуру же совсем не говорю... В голову лезут самые скверные мысли. Что с вами со всеми случилось? Живы ли, наконец? Даже посылок нет ненормально долго. Дело-то ведь не в посылках, а в том, что не знаю, чем об'яснить отсутствие всяких проявлений вашего существования. При таких условиях и я не в силах писать, не сердитесь... И будьте помилосерднее... Я здоров помаленьку. И очень, очень озабочен всеми вами. Получили ли вы мои доселешние письма? Писал регулярно... Где-то мамочка? Здорова ли она? Всех вас горячо обнимаю.

Ваш Егор.

CXCII.

28 сентября.

Милая, ненаглядная моя мамочка!

Доходят ли до тебя мои письма? Рано или поздно они все-таки дойдут, и ты увидишь из них, что я более исправный корреспондент, чем все вы. Хотя, правда, и я писал с перерывами. Не получая иногда подолгу писем от вас, я и сам терял энергию и ограничивался маленькими открытками, содержавшими только вопросы и упреки, почему не пишете... Милая мамусенька, ты ведь знаешь, что к тебе эти упреки не относятся. Часто ты не в силах писать, но почему же тогда не пи-

шут о тебе домашние? На последней неделе я получил, наконец, долгожданное известие от Любы. Она дома и теперь, надеюсь, ей ничто не помешает писать мне почаще...

Итак, моя родимая, со мною тут, будем верить, будет хорошо, и ты не беспокойся обо мне. Где-то застанет тебя этот мой привет? Успеешь ли к тому времени добраться до Крыма? Ой, боюсь, как бы с Крымом не вышли бы одни разговоры, бывает ведь у нас так: поговорят, поговорят да и успокоятся... Милая, хорошая моя мамусенька! Как далеко ты живешь от меня! И не потому далеко, что нас отделяют тысячи верст, а потому, что я мало узнаю, как и где ты живешь. Редко могу представить себе окружающую тебя обстановку. Когда ты дома, я по воспоминаниям рисую себе почти каждый шаг твоего жизненного обихода... Теперь встает, теперь молится. Теперь сидит в кругу своих и пьет воду вместо чая и так далее.

И еще дальше уходит папа. Я ему, лично ему, пишу очень редко — весной послал ему несколько открыток — а от него получаю письма может быть через год. Пиши хоть ты о нем. И больше о нем самом, чем о делах. Мне страшно спрашивать о нем, как он выглядит, как чувствует себя, потому что ему из нашей семьи приходится, пожалуй, тяжелее всех. Он всегда такой одинокий и единственный, кто взял на свои плечи тяжесть забот о семье. Вот почему мне так страшно спрашивать о нем. Боюсь, что мои вопросы могут показаться неуместными, лишними, нескромными. Ты, мамочка, сама пиши о нем. Скоро папа будет именинник. Надеюсь к тому времени получить телеграмму, чтоб послать ему телеграммой привет. Понимаешь ли ты, мамочка, почему я в день ваших имении ни тебе, ни папе не посылаю пожеланий, — только одни приветы? Чего желать? Желанное для нас неисполнимо, и когда мы, близкие, обмениваемся чисто-официальными пожеланиями, не звучит ли это немножко насмешкой? Желать того, чего не можешь исполнить... Нет, мои дорогие, вы поверите, что отсутствие с моей стороны пожеланий не говорит о том, что и душа моя пуста от таких пожеланий. Ах, душа! В ней много такого, чего наверное никогда не сбудется... Но немногое-то ведь все-таки сбудется, не так ли, родимая? Ты веришь в это? Ради этой надежды на немногое, но прекрасное для нас живи и старайся быть здоровой, старайся из всех своих сил... Я тоже, с своей стороны, постараюсь...

Ну, моя любимая, до свидания пока. Обнимаю горячо тебя и папу... У нас стоит после пасмурных дней ясная погода. Снега еще нет, но скоро, вероятно, будет. Сегодня или завтра будут вставлять двойные рамы... Еще зима, потом лето, потом еще зима — последняя, последняя. Чувствуешь ли, маму-

сенька? Будь же здорова и бодра, моя ненаглядная. Если это письмо застанет тебя вместе с тетушкой М. С. и Ваней, передай им мои сердечные приветы. Ну, до свидания.

Твой всегда Егор.

CXCIII.

28 сентября.

Милая, ненаглядная моя сестрица Люба!

Вот снова я должен просить у вас прощения за то брюзжанье, которое я дозволил себе по отношению к вам — да и не только по отношению к вам, а и ко всем. («Проклятый мир»!). На той неделе получил я, наконец, бог знает после какого перерыва ваше письмо от 6/IX и 2 Шур. в одном конверте. Кроме того, получил от Матвея посылку, да есть надежда получить еще и вашу посылку (упомянутую в вашем письме). Одним словом, не было ни гроша и вдруг алтын. Добрейшая сестра! Будьте настолько великодушны, не обидьтесь тем, чем может быть могут обидеть (только едва ли) мои последние письма. Очень уж скверно чувствую я себя без вестей. В голову лезли самые отвратительные предположения. Может быть ребячество отдаваться так легко (еще вопрос, легко ли?) на волю предположений, но ведь надо же принять во внимание и смягчающие вину обстоятельства — мое положение, которое удваивает всякую пустыню. Вы, свободные люди, в случае тревоги можете предпринять те или иные шаги, а что же мне делать? Ну, вы и представить себе не можете, как иногда жутко бывает здесь человеку с сильным чувством родственных связей, когда он начинает чувствовать, что связи эти почему-то как-будто начинают рваться... Надеюсь, после этой диссертации вы, Люба, простите меня и не откажетесь исполнить свое обещание, напишите мне свое мнение о книгах, которые столько раз служили для меня предметом разговора в письмах... Грустно, ох, как грустно мне слышать о неуспешности кавказского лечения мамы и брата. В конце концов, мы с вами, милая Люба, может быть, здоровее всех в семье? Но брат еще молод и когда-то был могуч здоровьем, заграничная поездка, наверное, ему поможет. И когда-нибудь мы с ним будем еще совершать очень длинные и приятные прогулки на наших ногах. Передайте ему мою большую просьбу — пусть пишет мне издалека. Ведь он зачахнет там от скуки, если не станет писать. Трудненько ему будет без языка. Он мог бы и на Петруся повлиять, чтоб тот писал мне непременно... Эх, вы мои милые родственнички, не хотите использовать и тех немногих законных возможностей, которые даны мне, чтоб любить и пользоваться любовью других. Пишите, пишите...

Скажу вам, Люба, несколько слов по поводу Зины [1] или, вернее, заданного ею вопроса о Кирилле [2]... Как я смотрю теперь на занятия Кирилла? Мое мнение относительно этого — именно, относительно этого пункта остается прежним. Но вы ведь помните, как и раньше сложно обстояло дело. Успешность занятий всегда была обусловлена очень многими условиями, и этим мое мнение — смею сказать, «наше мнение» — резко отличалось от взглядов тех, которые видели в занятиях Кирилла нечто самодовлеющее, т.-е. от взглядов жрецов чистой науки... Скажите же мне, остались ли условия настолько прежними, чтоб сказать Кириллу без всякого колебания: «Занимайся!». Зина не поняла меня, если мое августовское письмо заставило ее думать, что теперь я к научным занятиям Кирилла отношусь отрицательно. Напротив, мое отношение к ним очень благожелательное, только в своих думах об этом я не могу не видеть тысячу новых вопросов. Я страшно хочу ответить на них и пока не могу. Зина должна помнить, как в новых условиях преломляется для меня вопрос о Кирилле по отнош. к Дмитриям Ник—чам и им подобным [3]. Тут колебаний у меня, кажется, меньше всего, хотя и тут, конечно, не без них: ведь никакая наука, даже самая специальная, не может быть вырвана из системы наук и оцениваема безотносительно. Дайте мне взглянуть в глаза жизни, и тогда я, вероятно, смогу выйти из мучительного положения колебаний и вопросов... А до тех пор не приравнивайте моих вопросов к отрицанию. Вот и Зина согласилась с моим положением насчет сплачивающей роли практики и авторитетов, согласилась и с тем, что без них остается пустыня. Ведь согласие с этим ко многому обязывает: пусть Зина хорошенько подумает, совместимы ли Кирилл и пустыня? Ведь это нечто в роде чистой науки. Ну, будет об этом, родные мои, хорошие. Не мне здесь решать вопросы науки и жизни. Вам там виднее. Как думает распорядиться с собой Ваня? Когда и куда он думает поступить для окончания своего образования? Вот тоже спрашивал, спрашивал меня, как ему быть, а что я ему отвечу отсюда?

Я очень рад за вас, милая Люба, что с домом вы встретились по-родному. Пусть он будет для вас всегда приветлив... Обнимаю вас, Зину, детишек и всех.

Ваш Егор.

[1] Зот Созонов.

[2] Кирилл — террор.

[3] Новые условия, сложившиеся для террора после разоблачения предательства Азефа. Кого разумеет Е. С. под «Дмитриями Николаевичами и им подобными», сказать трудно; повидимому, старых членов боевой организации.

Сейчас получил 2 посылки от вас, спасибо за них. Как жаль, что вы забываете, какие книги посылаете, и таким образом входите в лишние расходы. Теперь второй раз прислали Маха «Позн. и забл.». Остальные книги очень удачны.

CXCIV.

3 октября.

Моя дорогая, моя хорошая мамочка, как поживаешь? Писем от тебя все нет, уже давно нет, но это ничего. Мне все-таки пишут о тебе из Уфы, и я верю, что тебе там теперь не хуже, чем всегда. А ведь и это утешение при твоем нездоровье. Кроме того, мне так радостно представлять себе тебя вместе с папой, вместе вам должно быть обоим хорошо. Особенно это для папы должно быть очень нужно—хоть ненадолго отдохнуть от своего постоянного одиночества. В прошлом году, осенью, если не ошибаюсь, ты мне писала, что, будучи в Саратове, ты ходила в театр. Я бы хотел спросить тебя и боюсь, как бы ты не обиделась этим вопросом, — бываешь ли ты нынче в театре? Если для твоего здоровья не вредно, то я очень бы хотел и советовал тебе, чтоб ты почаще бывала в театре. Помнишь, родная, раньше тебе ведь нравилось бывать в театре. Раз мы с тобою были вместе в опере «Рогнеда», в Москве, в Большом театре,—с нами в ложе были еще Кельсины. И ты тогда была очень довольна и музыкой и волшебной обстановкой. Уйти на минуту от себя, от своих вечно печальных дум так необходимо, — этому помогает театр, книга. Кто не только не бывает на людях, но и не водит знакомства с книгой, тому в случае болезни должно быть особенно тяжело: в одиночестве всякая тяжесть увеличивается в весе. Я вот отсюда вижу так много средств — не вылечить тебя, а облегчить тебе жизнь, что меня просто страшная жалость берет за тебя и досада за себя, как это так можно помочь дорогому человеку и он все-таки остается без помощи. Ты бы хоть провожатыми себе или своими товарищами по путешествию брала таких людей, которые могут тебе почитать, — ну, хоть часик-другой в день. Вот если твоя поездка в Крым вместе с тетушкой М. С. и Ваней наладится, то они наверное не откажутся посвятить тебя в свое чтение,—ведь сами-то они, конечно, читают. А не улыбаешься (ли) ты иногда, мамусенька, читая мои письма: вот, дескать, любитель подавать советы и прописывать рецепты — издали? Нет, я уверен, что ты так не подумаешь обо мне, ибо ты веришь, что все эти советы и рецепты я бы приводил в исполнение, имей к тому возможность, и помнишь, еще в стародавнее время, когда я еще был очень неопытен и малосведущ, я все-таки умел иногда поделиться с тобою теми

радостями, которые может дать книга. Помнишь ли, когда-то я читал тебе про «Отелло», черного героя, который из ревности задушил свою прекрасную и невинную жену Дездемону. Боже, как ты плакала тогда, слушая эту трагедию. Вот такие слезы тебе прямо необходимы, потому что они облегчали бы и твое личное горе.

Ну, моя ненаглядная, любимая мамочка, улыбнись старым, хорошим воспоминаниям и в память их попробуй и теперь заинтересоваться широкою жизнью, которая рисуется в книгах. И будь здорова и бодра. Обо мне вспоминай без печали, я бодр, люблю тебя и верю, что нам с тобою еще будет хорошо. Кто из родных около тебя, — обнимаю их. А тебя, мою дорогую, целую и обнимаю.

Твой Егор.

CXCV.

3 октября.

Ну, моя прекрасная, дорогая сестрица Люба, все еще празднуете тихую радость встречи с домом, или же радость поблекла и сменилась обычными сумеречными настроениями? И особенно теперь, когда осень, вероятно, делает свое скверное дело, все обесцвечивает и лишает живой силы. Мне иногда кажется, что вы придаете моим письмам официальный характер, — болтает, дескать, из любезности или по необходимости. А мне искренно интересны вы, вы сами, что вы за человек, — ведь встретимся же мы с вами рано или поздно? И, кроме того, у меня к вам особое чувство: вы мне кажетесь цветком, занесенным в чужой парник,—как-то свыклись с этим парником? Ведь такая большая разница между тою жизнью, в которой вы выросли, и тою, в которой живете теперь. У меня по отношению к вам затронуто в некотором роде чувство ответственности, — как бы не завял, не захирел наш цветочек. Право же, говорю серьезно. Недаром я еще с молодых ногтей был большим поклонником Ибсена и Гауптмана, — интимные отношения в семье меня всегда очень интересовали, хотя и платонически, конечно. Боже вас упаси думать, что я из'являю претензию на в а ш интимный мир. Я только говорю, что придаю этой стороне жизни очень большое значение и теперь гораздо большее, чем прежде. Реформой семьи мира, конечно, не перевернешь, но мне кажется, что без реформы в самых интимных человеческих отношениях с людьми все-таки ничего не поделаешь. По крайней мере те, кому дана материальная возможность и кто интересуется не только узко личным, обязаны перевоспитать себя в то время или даже прежде того, как они хотят воспитывать других. Кому многое дано, с тех много и спросится. Люди материально обеспеченные и обладающие

известным интеллигентным багажом, одним словом — интеллигенция не имеет права отговариваться никакими выспренними задачами от обязанности облагородить самое себя, внутри интимнейших отношений. Важны выспренние задачи, но важно и личное благородство, так что блюсти нужно то и другое. Все это азбучные истины, но ведь вся жизнь в конце-концов есть произведение, множителями которого служат «азбучные истины». И страшно интересно и важно, как эти «истины» облекаются живою плотью. С огромным, никогда не ослабевающим интересом я читаю и перечитываю Ибсена, Гауптмана, Шнитцлера. Последнее время я получил большое наслаждение и извлек много пищи от чтения изданий «Универс. библиотеки» — очень большое спасибо вам за эти книжечки. Непременно прочтите, если еще не читали, «Гертруду» Седерборга, «Юность» Гальбе. Удивительно красивые и интересные вещи. А думали ли вы над «Одинокими» Гауптмана и Шнитцлера? Ох, как много тут правды, глубокой, захватывающей... Вчера я прочел «Яму» Куприна. Она посвящена матерям и юношеству, следов., должны прочесть ее и вы, как мать. Интересно, как взглянете вы на эту, хотя и не выдержанную с художественной стороны, но очень интересную вещь? Правда, тут специфический интерес, не то, что в «Одиноких», «Гертруде» и др. Но все-таки Зина, мне кажется, могла бы указать вам, что в этой вещи особенно интересно и важно. Прислушайтесь внимательнее к словам репортера Платонова, не обессудьте его за то, что он часто говорит как-будто слишком публицистическим тоном. В его словах — правда. Других вещей из «Земли» пока еще не прочел.

Ну, будет на сегодня. Извините, если наскучил. Как живут ваши детки? Учатся ли они, т.-е. старшая, читать? И читаете ли вы им что-нибудь? Дети, не слышавшие в детстве сказок, выходят очень скучными и рассудочными людьми. Читайте им Андерсена. Есть и русские сказки очень хорошие. А потом, когда немного подрастут, дайте им Диккенса в переложении для детей. Все время говорите им, что мир широк и что жить трудно, но интересно. Теперь, кажется, выходят интересные педагогические журналы. Я бы непременно познакомился с ними, все-таки там много полезного. Развивайте в детях самостоятельность характера, не нежьте их. Ох, как крепко обнимаю я вас всех.

Ваш Егор.

Пошлите, пожалуйста, пару зубных щеток, ячменный кофе очень хорош. Посылайте его и впредь, а гималайского не надо. Скоро, вероятно, можно посылать масло. Оченно даже приятно!

CXCVI.

10 октября.

Дорогая Люба!

Вчера получил открытку от Вани, помечено Харьков 15 сент. Значит, все-таки собрались в Крым! Очень рад за них. Сообразивши, что тотчас по приезде на место наши сообщат мне свой адрес если не телеграммой, то хоть письмом (так и выйдет, очевидно), и рассчитавши, что первое их письмо должно притти на-днях же, я решил, что теперь нет смысла писать для мамы в Уфу, — все равно мои письма, адресованные в Крым, придут туда не позже присылаемых через вас. Вот почему на этот раз нет и впредь не будет писем для мамы.

В своих последних письмах я приставал к вам насчет книг, — теперь Вани нет дома, некоторые мои просьбы (почаще рыться у букинистов) теряют всякий смысл, — не вам же знакомиться с грязными лавченками. Поэтому вы не должны беспокоиться неисполнимостью моих просьб, я же сам отказываюсь от них впредь до благоприятных условий.

Что вы читаете, сестрица? Господи, боже мой, как много на свете хороших книг и самые лучшие из них как раз самые «старые», — те, что мы знаем еще с ученической скамьи и что нами полузабыто (хотя и с почтением), как все, на чем легла печать ученических годов. Странная судьба наших великих писателей, художников и критиков. Жили люди, — «люди» в полном смысле этого слова, — жили всею полнотою, какая доступна для человека, много и страстно думали, много и глубоко чувствовали, и сокровище своих переживаний оставили нам в наследство в виде художественных произведений несравненной красоты или в виде поучительных размышлений над жизнью, о жизни... И вот эту-то концентрированную жизнь мы познаем еще безусыми юнцами. Что могут дать юнцу, напр., Белинский или Достоевский? Конечно, много могут дать, но как вместит и измерит юное сердце и юная мысль всю бездну премудрости великих человеков? Несомненно, Д—го и Б—го в юности мы не узнаем, и как жаль, если мы удовлетворяемся относительно их лишь знаниями, почерпнутыми в юности. Ведь для нашего брата, среднего человека, в с е й жизни мало, чтоб об'ять таких колоссов, как Д—ский и Б—ский. Поэтому, во все критические моменты своей жизни, когда мы чувствуем, что наш жизненный опыт возрос, что в нас что-то созрело для изменения, когда, одним словом, мы стоим «на повороте» куда бы то ни было, вперед или назад, с точки зрения постороннего наблюдателя, — дальше, как подсказывает наше собственное чутье, — во все эти моменты, т.-е. не раз и

не два, мы должны возвращаться к нашим классикам, учителям нашей Юности и будьте уверены, они еще более способны стать учителями Мужества. Все эти мысли навеяны мне возобновлением знакомства с Достоевским, Тургеневым, Белинским и Н. К. М—ским. Главное, Белинский. Хотя я и был подготовлен найти теперь в Белинском совершенно нового и еще незнаемого мною Б—ского, но все-таки я поражен, даже сверх великого ожидания. Такая бездна красоты, тонкости чувства и совести, — много такого, чему мы можем поучиться еще и теперь. И, главное, читая Б—ского, мы узнаем не только его самого, но и других колоссов: Пушкина, Лермонтова, Гоголя,— и у з н а е м в п е р в ы е. Одним словом, десять новых Америк, открытых еще 60—70 лет тому назад. Я бы готов был просить вас, сестрица, попробовать получить те же восторги, которыми я делюсь теперь с вами: читайте наших классиков, читайте по десять раз, и в 10-й раз вы еще не исчерпаете всего моря.

Какое счастье, что самые лучшие русские писатели доступны и д о з в о л е н ы всем русским, — людям в с е х положений, даже нашему брату «несчастненькому». Мне страстно хотелось бы возобновить знакомство и с иностранными классиками, с Гете, Шиллером, Байроном и Шелли. Но ничего (кроме «Фауста», и то одной лишь 1-й части) здесь нет.

А вы, сестрица, неужели не прочтете даже «Былое и Думы», «С того берега», «Кто виноват» и «Сороку-воровку» Искандера? Так для чего же тогда существует воля без стен и ограничений? Э-эх!..

Не сердитесь и пишите мне, пожалуйста, о с е б е. Ну, ч е м вы живете?.. Живите, живите больше. От всей души обнимаю вас, Зину и детишек.

Ваш, до безобразия надоевший вам, брат Е г о р.

Ваня пишет, что в Крым едут семером; кто же эти еще четверо? Где тетушка Ал. Н. с детьми? Сердечный привет им.

Какого вкусного варенья прислали вы мне в прошлом году. Я еще и нынче, вспоминая, облизываю пальчики... ничего не имею против, чтобы вы прочли письмо к Шуре, — оно на ту же тему.

CXCVII.

17 октября.

Милый мой брат!

От тебя так давно ничего не имею (кроме телеграммы), что начинаю беспокоиться насчет писем: не может быть, чтоб ты так долго не писал, хотя бы немножко. А мои письма ведь доходят до тебя? Не имея оснований предполагать что-нибудь скверное, думаю, что тут виновата какая-нибудь пустая слу-

чайность. Голубчик, пиши мне ради бога понемножку, но исправно, иначе бог знает, что за мысли лезут в голову.

Ничего хорошего, к сожалению, написать тебе не смогу, потому что на душе самые зимние настроения. Прости, милый, мою меланхолию. Обнимаю тебя вместе с Любой и детишками. Где папа? Обними его за меня. Будьте здоровы, мои хорошие, бесценные. Спасибо вам за все, за все.

Всегда ваш Егор.

Только-что успел поставить точку, получил, наконец, твое письмо от 25 сентября. Слава богу, наконец-то! Родной, не смущайся трудностью моих просьб, я знаю, что ты делаешь все возможное, чтоб удовлетворить меня. Спасибо же и не беспокойся насчет этого. Мамочке желаю прочно обосноваться в Крыму. Из Питера я получил деньги пока два раза, третий еще нет.

CXCVIII.

17 октября.

Милая Люба!

Снова из ваших краев давно ничего нет. Если бы вас вовсе не было или если бы вы совсем позабыли меня и порвали со мной, то для меня было бы лучше. Может быть, я не прав, но мне как-то чувствуется, что вокруг меня образуется какая-то пустыня. Вот это-то засыпание песками моих оазисов и причиняет большую боль. Может быть, впрочем, оазисов-то никогда и не было на самом деле, а была лишь жажда их, т.-е. одна иллюзия. Но не иллюзией были Гриша [1] и Кирилл [2] и все, что росло вокруг них. Они умерли и как много вместе с ними отмерло. В тоске по жизни сердце ищет вокруг себя тех, кого считало близкими. Где же они эти близкие? Почему никто не хочет понять, откликнуться живым, любящим словом? Или, кроме Гриши и того, что росло вокруг него, — все остальное было и в самом деле иллюзией? Иллюзией была втайне лелеемая вера в кровную связь с вами, семейными? Зачем же было так долго обманываться насчет этой связи, когда теперь приходится с такою болью чувствовать и ее надрыв? С папой я уже разучился и разговаривать. Боюсь писать ему, боюсь больно задеть его каким-нибудь неуместным словом. О маме, о ее душевном состоянии я знаю, в сущности, так мало, что не знаю, как подойти к ней, чтоб помочь ей. Мне часто становится совестно ограничиваться в своих письмах к ней теми немногими и очень общими словами, которые находятся для нее в моем репертуаре, — и все потому,

[1] Гершуни.
[2] Террор.

что милая мама живет от меня дальше, чем те тысячи физических верст, о которых говорит география. А не дальше ли еще она живет от вас? Эх, вы!.. одинокие...

Тяжелее всего мне достается, конечно, молчание Зины. Но тут уж предел, его же не прейдеши: знаю, что Зина, чтоб писать и писать так, как мне хочется, должна переродиться. Ей-то лучше ли от этого? Какой, значит, у ней неиссякаемо-богатый запас энергии, если она все еще может обходиться без того, что когда-то называла «сантиментальностями»... Дай ей бог...

Удивительно, что до сих пор не получили адреса, по которому надо писать в Крым. Мамочка без писем от меня, вероятно, сильно волнуется. Телеграфируйте ей, что со мной благополучно. Я ей уже давно не писал, по глупому расчету, что лучше подождать, чтоб потом написать прямо в Крым. А теперь и впрямь не расчет посылать через вас...

Должен поблагодарить вас за посылку (варенье, простыня, рубашки). Но что посылка, коли нет писем!..

Кто у вас дома? Обнимаю всех.

Ваш Егор.

Сейчас получил от мамочки две богатейшие посылки с фруктами из Ялты. Так рад, что наконец-то узнал ее адрес. Написал ей маленькую открытку, больше некогда. Е.

CXCIX.

18 октября.

Милая, ненаглядная моя мамусенька! Сейчас получил от тебя две посылки. Спасибо большое за них, но главная радость в том, что наконец-то у меня есть адрес, по которому я могу написать тебе прямо. Вот уже больше месяца не имел от тебя ни строчки; и сам сначала писал для тебя домой, а потом прекратил, все ожидая твоего настоящего адреса. Почему ты не сообщила мне адреса телеграммой? Я уже начал беспокоиться, что с тобой. На этот раз написать побольше не имею времени. Я здоров. Надеюсь, и ты чувствуешь себя получше?

С тобою, вероятно, живут тетушка М. С. и Ваня. Очень рад этому. Всех вас крепко, крепко обнимаю. Будьте здоровы, мои дорогие, пишите мне. Фруктов больше не посылайте. Сейчас еще дошли хорошо, а потом могут замерзнуть. Вот если вареньица, да не такого дорогого. Еще раз обнимаю.

Ваш Егор.

Ванину открытку из Харькова получил.

СС.

24 октября.

Как я рад, моя дорогая мамочка, что могу написать сегодня побольше, чем открытку. Ты, вероятно, заждалась от меня писем. Да и я также. Твое письмо от 28 сентября из Ялты, полученное мною только вчера, является для меня настоящим праздником. Хотя по обыкновению оно приносит с собой далеко не веселые вести о твоем здоровье и твоем самочувствии. Но я уже радуюсь ему, как живому доказательству, что ты жива и кое-как бродишь. Я имел основания беспокоиться и за последнее. Последние месяцы, кроме редких телеграмм из Саратова да одного единственного письма от Любы из Уфы (и то уже месяц тому назад полученного), я не имел из ваших краев ни звука. Как-будто все вымерли или потерпели того или иного рода землетрясение. Очень неловко чувствовать себя в таком положении всеми забытого; ну, да бог с ними, с моими родственничками, с непривычки я жалуюсь, — вот привыкну к новому отношению с их стороны, тогда и жаловаться перестану... Впрочем, чтоб быть справедливым, я должен поблагодарить Любу за посылки, которыми она меня не забывает. Но что мне посылки, когда нет самого главного, писем...

Моя хорошая, милая мамусенька, извини меня за такое невеселое начало. К тебе мои жалобы отнюдь не относятся. Ведь я знаю, что будь у тебя здоровье, ты бы никогда не заставила меня беспокоиться. Написал тебе об этом, во-1-х, потому, что не смог промолчать о том, что мне стоило недешево, а, во-2-х, для того, чтоб ты видела, как трудно мне вести переписку при таких условиях: как я буду писать домой, когда никакого ответа не получаю? Доходят ли, наконец, письма? После того, как я получил известие о твоем от'езде с Кавказа, я послал для тебя несколько писем домой, боюсь, получила ли ты их. Сколько же беспокойства пережила ты и еще должна пережить, пока не получишь этого письма!.. И ты сама увеличила эти беспокойства тем, что не телеграфировала мне свой ялтинский адрес, а послала его письмом. Как это ты не догадалась? Теперь уже давно имела бы от меня письма...

Твое письмо прошло, по моим расчетам, слишком долго: посылки, высланные вами в тот же день, получены мною еще в понедельник (а сегодня суббота)... Но оставим эти неприятные темы и поговорим о более приятном, близком...

Ненаглядная моя, любимая мамуся, если бы ты смогла извлечь из пребывания на юге все, что он может дать хорошего! Так жаль, что ты с приездом запоздала, снова запоздала! Но, может быть, на наше счастье осень будет хорошая, и ты уви-

дишь не наше северное солнце и небо. Отдыхай, родимая, поправляйся силами. Я радуюсь, что ты не одна, и не только не одна, но еще и в компании столь близких людей и опытных путешественников, как тетушка М. С. и Ваня. С ними, надеюсь, ты лучше сумеешь разглядеть прелести юга и моря, если только осень не испортит этих прелестей. Твои несколько слов о кипарисах и море показывают мне, что юг тебя встретил приветливо. Я не бывал на юге, но очень даже представляю себе его: под его солнцем должно оттаивать наболевшее сердце и в свете его неба должно тонуть то сумрачное, что накопилось в нашей северной душе. Жаль, что я не с тобой сейчас: я бы заразил тебя своею радостью и бодростью, которыми меня непременно воодушевил бы юг. Мы бы вместе с тобой любовались морем, все равно, тихим или бурным—оно, ведь, всегда прекрасно, каждый раз по-своему, вместе сидели бы под молитвенно благоухающими кипарисами и отдыхали бы, отдыхали... Друг мой, мамусенька, постарайся почувствовать себя так, как чувствовала бы ты, будучи вместе со мной; знай, что, когда ты невольно поддаешься обаянию окружающей природы, когда залюбуешься морем, небом, силуэтами далеких, почти прозрачных гор, — знай, что в эти твои хорошие минуты, в минуты отдыха я близ тебя, — разве ты не слышишь, как я обнимаю тебя и шепчу тебе: «так, так, моя бедная, моя ненаглядная мама, тут хорошо, отдохни же, родимая, милая, любимая, отдохни»... А когда тебе грустно, тяжело, — я снова с тобой. Представь только себе тогда, что ты положила свою больную, уставшую голову ко мне на плечо, и ты сейчас же почувствуешь, как я тихо глажу ее и нежно целую... Я ведь всегда с тобой; моя ненаглядная, всегда — верь этому и не тоскуй и не будь одинокой... Обо мне не беспокойся: живу и чувствую себя, как всегда. У нас здесь уже зима, но пока еще не очень холодная. Когда выйдешь на прогулку, наберешься такой бодрости от свежего воздуха, что целый день потом чувствуешь себя хорошо. Гуляя, я часто вглядываюсь в ясное небо, и тогда мне думается, что, может быть, ты в эту минуту тоже смотришь в небо. Таким образом, сам небесный свод служит для нас дорогой, по которой летят наши быстрокрылые, воздушные приветы... А осень у нас была почти вся ясная, ядреная, как у нас на родине говорится... Ну, будь здорова и бодра, мамусенька, милая, обнимаю тебя и целую за все эти месяцы молчания и разлуки. Фрукты ваши были очень вкусны (они дошли превосходно), но по нам ли такая роскошь? Совестно как-то. Ване и тетушке пишу особо в этом же конверте. Ек. Ник. и М. Н. низкий поклон. Ну, до свидания.

Твой всегда Егор.

CCI.

24 октября.

Что вы делаете, дорогие, побойтесь бога, хоть бы строчкой ответили. Живы вы, наконец? Ну, пусть вам некогда и нет охоты писать, но не заставляйте же мучиться подозрением, что письма не доходят. Вы же понимаете, что это не совсем приятное подозрение, и вы не имеете, наконец, права так поступать. Не хотите переписываться, так и напишите. Тогда не будет лишних волнений. Очень бы желал, чтоб вы никогда не очутились в моем положении, и во всяком случае, не дай вам бог иметь таких корреспондентов, как вы . . . и если вы, к несчастью, их еще любите, беспокоитесь за них. Привет.

Е.

CCII.

31 октября.

Милая, дорогая моя мамочка! На этот раз я посылаю тебе только эту маленькую открытку: нет способности писать больше, потому что более чем месячное молчание уфимцев заставляет меня беспокоиться насчет своих писем. Может быть, они не доходят по адресу? Не могу писать в столь сомнительных условиях.

Я здоров, моя ненаглядная, и был бы совершенно спокоен, если бы был уверен, что вы, все мои любимые, живы, здоровы. С отрадой думаю о вас, моих крымцах. Неужели вам там не хорошо? Говорят, что на юге нынче в сентябре была другая весна: снова расцвели черемухи и фруктовые деревья. Пусть будет у вас вечная весна, живите, дышите и будьте счастливы. По крайней мере, здоровы. А я счастлив мыслью о том, что вам хорошо, и надеждой когда-нибудь быть с вами вместе. А пока удовлетворяюсь тем, что обнимаю всех вас заочно. Мамусенька, будь спокойна; целует тебя твой Егор.

CCIII.

31 октября.

Дорогая, глубокоуважаемая сестрица Люба! Уж и не знаю, как вас еще назвать . . . Должно быть, мои ласкательные имена, с которыми я обращаюсь к вам, не нравятся вам: ведь я до сих пор не имею ничего от вас . . . Впрочем, виноват: на этой неделе получил от вас посылку («Логика» и «Психология» Челпанова и пр.) и бандероль . . . с пустыми открытками. Я, наконец, начинаю думать, что это не вы, а кто-то другой так зло шутит надо мной. Тринадцать (вот несчастное число!) пустых открыток с байкальскими видами и ни одной

строчки!.. Разве это не издевательство?.. После целого месяца молчания 13 пустых открыток!!.. В первый момент, когда я жадно накинулся на них, а потом убедился, что в них ни слова, — я чуть не изорвал их... Обидно до слез... Экие вы, право! Или это не вы?.. Так в чем же дело? Почему не спросите, не известите телеграммой? Не знаю, не знаю, что думать. Чувствую себя, конечно, отвратительно... Все-таки я предпочел бы, чтоб причиной недоразумения с письмами оказались вы: хотя, в таком случае, нет вам прощения, но все-таки лучше. С какой завистью вспоминаю я прошлый год, когда вы не только писали мне, но довольно частенько извещали о себе по телеграфу... Послать раз в неделю одну открытку с парою слов, — это стоит не дороже трех копеек и двух минут труда, но мне бы за такую дешевую цену подарили очень много, — спокойствие на целую неделю, а то и больше... Теперь я так выбит из своей колеи, что не в силах ничего делать. И это только из-за трех копеек и двух минут!.. Нет, вам в конце-концов этого не понять, и вы еще посмеетесь надо мной, — эх!

Не могу поверить, чтоб и от меня вы ничего не получали, — неужели, в таком случае, вы не спросили телеграммой?

Будьте все здоровы.

Е.

Передайте привет Шуре.

CCIV.

Начало ноября.

Мне жаль, что я беспокоил тебя, моя ненаглядная мамуся, своими жалобами на молчание уфимцев, — наверное, ты была очень огорчена за меня. А я, между тем, на-днях получил от Любы письмо, да еще с прибавлением: с карточкой, на которой она снялась вместе с Зотом. Карточка великолепная. Оба они тут выглядят очень хорошо. Мне эта карточка доставила много радости и за нее я готов простить им все беспокойство, которое они причинили мне своею неисправностью в переписке. Я в своих последних письмах так сильно ругал их, что они, наверное, или совсем перестанут писать мне, или же будут исправными. Надеюсь на второе, так что, милая мамочка, можешь быть совершенно спокойна за меня.

Родная моя! Из твоего последнего письма (от 15 октября) я с удивлением узнал, что ты в середине ноября собираешься домой. Мне это так обидно, что я не хочу верить этому и, как видишь, пишу тебе в Ялту, хотя уже близко к середине ноября. Господи, какая грусть! В Крым приехала почему-то позже, чем следовало, и вот, едва приехала, уже со-

бираешься обратно. Да зачем же тогда ездить? какая польза? Ведь этак и с дороги не успеешь отдохнуть. Крым, наверное, оказал бы на тебя свое благотворное действие, если бы ты подольше пожила в нем, — ну хоть зиму.

Ведь ты сама же пишешь, что, несмотря на плохую погоду, воздух у вас чудесный. В Уфе разве лучше? Мамочка, милая мамочка, что же ты с собой делаешь? Как я буду жалеть, если ты в самом деле так скоро уедешь с юга. Да нет же, не может этого быть. Не помню кто, Ваня или Люба писали, что тетушка М. С. собиралась прожить в Крыму всю зиму, чего же тебе не жить вместе с нею? Ничего не понимаю, родная... И вообще все твое письмо очень печальное. Не теряй надежды на лучшее будущее, моя ненаглядная... Мамусенька, а почему бы тебе, в самом деле, не полечиться гипнотизмом? Он бы восстановил на время бодрое настроение, а остальное завершила бы природа. Почему ты раздумала насчет гипнотизма? В Москве есть очень опытный и честный профессор гипнотизма, известный даже на всю Европу, — Токарский. Вот бы побывала у него. Не опускай, главное, рук и ищи способов лечения. Бог даст, они для тебя еще найдутся. Главное, только не отчаивайся. Ведь, как много впереди у нас еще может быть хорошего, — во имя этого стоит еще бороться с болезнями. Знаешь ли ты, родимая, что без тебя мне и воля не воля, — я дышу надеждой обнять тебя на свободе, лелеять твое здоровье, оберегать тебя, чтобы ветер не дунул на мою ненаглядную, исстрадавшуюся мамусеньку. Будь же, будь здорова, родная... Обо мне не беспокойся. Я все тот же, — вот увидишь, если приедешь летом. Ведь так уж недолго до лета. Здесь время летит стрелою. Не успеешь оглянуться, и вдруг скажут: «на свиданье!». Вот-то радость будет... Я каждый раз, как выхожу на прогулку, смотрю, много ли снегу прибыло. Пусть будет скорее зима. Пусть скорее наступят злые морозы, — тем ближе к встрече с родимой. А зима у нас уже настоящая. Гуляя, все время хватаешься то за нос, то за уши; — так сердито целуется матушка-зима. Но, хорошо! Мы к морозу уже привычны, бегаешь себе, чем холоднее, тем быстрее. Грудь дышит глубоко и вольно. А в голове с мороза ясные, бодрые мысли. Если бы, мамусенька, и тебе было бы так же легко, когда ты выходишь на свежий воздух. Кипарисы, сосны, море, — да нет, не может быть, чтобы ты так скоро рассталась с такими прелестями и чтобы они не помогли тебе.

Ну, до свиданья, мамусенька, милая. Надеюсь, это письмо застанет тебя в Ялте. Обнимаю, целую.

Твой всегда Егор.

Дорогие мои тетушка М. С. и Ваня! Если это письмо не застанет мамочку в Ял., то перешлите его домой. Вам шлю свой сердечный привет с пожеланием всего лучшего. Получил ли Ваня мое письмо? Жду от него ответа. Привет М. Н. и Е. Н.

Ваш Е.

CCV.

7 ноября.

Наконец-то получил от вас, дорогая Люба, столь долго и так нетерпеливо жданное письмо! Когда я в своих предыдущих письмах осыпал вас упреками, то у меня была все-таки слабая надежда, что, может быть, я не вполне прав по отношению к вам, что, может быть, вы пишете чаще, чем я получаю от вас. И вот ваше письмо не оставляет насчет этого ни малейшего сомнения: вы упоминаете о своем письме от 6 сентября и, называя его первым из Уфы, вероятно, хотите сказать, что вторым было вот это последнее письмо от 13 октября. Значит, между первым и вторым вашими письмами и в самом деле прошло больше месяца. Ну, что же после этого говорить? Как бы заняты вы ни были, как бы ни важны были ваши дела сравнительно с вашими маленькими обязанностями по отношению ко мне, вы не имели права так манкировать. Если нет у вас сердца, способного понять, что мне стоит здесь ваше непонятное молчание, то я напоминаю вам хоть о своих маленьких правах, — это уже последнее дело, если родственникам в своих обоюдных отношениях приходится становиться на официальную почву прав и обязанностей: значит, между ними нет искренно-близких отношений... Ну, да бог с вами. Вы поступали очень легкомысленно и, теперь, узнавши, как дорого стоит мне ваше легкомыслие, вы, надеюсь, впредь не заставите меня мучиться... Сколько раз я порывался запросить вас телеграммой, и только страшная неохота отнимать рубль от полуголодного брюха удержала меня от экстренного запроса... Поймите же, милые вы мои, и впредь будьте почеловечнее... А я за ваше последнее письмо готов все вам позабыть: ведь мне так редко приходится слышать неословоохотливых родственничков. А тут, как никак, целый разговор. Жаль только, что в разговоре этом так мало личного элемента: мне интересно знать не только о вашем здоровье, о том, что вы читаете, но также и о том — и это еще интереснее — что вам нравится, что вы одобряете и что не одобряете. С этой стороны ваш отзыв о «Вехах» мне очень интересен. Вы уже знаете, что мое мнение о В. не вполне сходится с вашим: я уже говорил вам, что, несмотря на всю злостность сборника, в нем по-моему есть кое-какая поучительная для нашего брата правда, и прискорбно, что эту правду приходится выслушивать

из чужих, да еще столь недружелюбных уст; и было бы еще прискорбнее, если бы признать правду правдой нам помешало благословение Антония... [1]. Но нет, сейчас я хочу говорить о более приятных вещах. Забудьте о том неприятном, что вы почувствуете до этой строчки письма: мне хочется выразить вам всю ту радость, которую доставила мне ваша карточка (конечно, я ее получил). Вот первая хорошая, радость дающая, карточка из ваших краев... Сами вы никогда не писали и не говорили мне о том, что рассказала мне эта карточка. Как много отрадного в ее рассказе! Такого славного лица у Зота я еще не видал, т.-е., на карточке не видал... Не видавши вас вместе, я много думал о вас именно на эту тему. Слава богу, что дела обстоят так. За это люблю вас еще больше, чем всегда. Много хорошего должно быть у вас, чтобы искупились наши домашние традиции. Простите, что говорю об этом, — карточка дала мне в некотором роде право на фамильярность... Живите больше, живите за всех... и я отнюдь не позавидую вам, — напротив, гордиться буду вами. А если судьба побалует, то постараюсь не отстать от вас. Но до этого еще ох, как долго... и, может быть, уже поздно. Ну, посмотрим... Понимаете ли вы меня, когда я начинаю говорить вам в таком духе? Может быть, вам кажется, что я устал, хочу отдыха, хочу все позабыть?.. Ой, не так. Не стану хвалиться, конечно, устал, но не в этом дело: иными глазами увидел жизнь,— вместо одного окошка в доме, оказалось их множество. И хотя по внешности я буду вести то же самое хозяйство жизни, но уже с другой душой, с другим сердцем. Был ребенком, становлюсь человеком. И хочу быть им...

Пора кончать. Родные, хорошие мои, любимые! Неужели вы рассердитесь на меня за последние письма? Я о вас лучшего мнения, и думаю, что между нами все останется по хорошему. Я должен поблагодарить вас за книги: на-днях получил, кроме тех книг, которые были в первой вашей посылке из Уфы (Мах, Петцольд, Альманах 10 и т. д.), еще бандероль от Карбасникова (4 книги: Ферворна, Петцольда и биографии Метерлинка и Уайльда), конечно, по вашей выписке. Теперь у меня очень хороший подбор по эмпирио-критической философии. Но как часто вы посылаете дубликаты,— почему вы не записываете высылаемых книг?.. Решаюсь попросить вас, чтоб вы к рождеству прислали яств, побольше и посущественнее, уж раскиньте сами умом. А кофе ваше почти всегда рассыпается. Ну, мои дорогие, обнимаю вас с детишками. Будьте здоровы и не сердитесь.

Ваш Егор.

[1] Митрополит Антоний сочувственно отзывался в печати о «Вехах».

Маме я пишу в Ялту и получаю от нее письма. Неужели она в самом деле вернется домой уже в середине ноября? Вот жаль-то было бы... Убедите ее с'ездить в Москву к проф. Токарскому, пусть попробует полечиться гипнотизмом. Если восстановит нервы и волю, то южная природа довершила бы остальное.

Чур, уговор: посылайте мне еженедельно по открытке, хотя с несколькими словами. Привет тетушке Ал. Ник. с детьми.

CCVI.

14 ноября.

Ненаглядная моя, хорошая, мамочка!

Решаюсь еще раз написать тебе в Ялту. Если следующее твое письмо не даст мне надежды на то, что ты на зиму останешься в Крыму, то в дальнейшем я буду писать уже домой...

Ну, как, родимая, дал ли тебе юг что-нибудь хорошее? Ведь он дает облегчение часто даже самым тяжелым больным. С грустью думается мне, что отчасти ты сама виновата, что не можешь извлечь из средств, к которым ты прибегаешь в поисках за здоровьем, той пользы, какую они могли бы дать; это потому, что пользуешься ими ты не совсем так, как бы следовало: на Кавказ ты опоздала, в Крым — тоже... Вот наступает пост, — и я не могу быть спокойным за тебя, зная, как ты изнуряешь себя пощеньем. Побереги себя, дорогая.

Если скоро вернешься домой, то подумай над тем, о чем я тебе уже писал, — о лечении гипнотизмом. Если обратишься к знающему и порядочному специалисту, то худа ведь не будет, бояться нечего. И не думай над этим долго. Прежде, чем ты решишься, твое здоровье может еще ухудшиться. Поэтому-то и надо, чтоб кто-нибудь помог тебе решиться, — вот я и пишу тебе и буду писать, пока ты не сделаешь попытку. Нужно, чтоб к лету ты настолько поправилась, чтоб могла совершить длинное путешествие, если не сюда, то куда-нибудь в теплые края.

Сегодня вы празднуете именины Вани. Моя мысль там, в вашем кругу. Жаль только, что Ваня все-таки не услышит моих поцелуев, которые я посылаю ему. И ваша именинная каша тоже останется невредимой от моего каторжного аппетита.

Во всяком случае, сегодня я с вами. Какой-то сегодня день у вас? Светло ли выглядит он? А у нас дивный день: такой ясный, что кажется, будто все небо полно ангелов. Хотя сегодня очень грустно чувствуется, сегодня я проводил на поселение, т.-е., почти на волю, двух товарищей, которых очень

люблю. Хотя и рад за них, но как-то тяжело расставаться. И на воле разлука тяжела, а здесь тем более...

Когда-нибудь настанет же день, когда и передо мною растворятся ворота. Если сбудется это — хорошо. Не сбудется, ну, что же, в прошлом много осталось, что заставит меня в таком случае сказать: я свое пожил, как умел и хотел.

Но будем все-таки надеяться, что ворота когда-нибудь растворятся...

А там, за стенами тюрьмы, жизнь часто разве еще не хуже тюрьмы? особенно для тех, у кого нет позади хороших воспоминаний и сознания своей воли.

Я, конечно, не восхваляю тюрьмы, — настолько-то я еще не привык к ней, но прошу тебя, милая мамусенька, всякий раз, когда ты оплакиваешь мою неволю, вспоминать, что у меня в душе есть нечто такое, из-за чего я ни за какие блага не поменялся бы со многими из тех, которые могут каждую минуту пойти и поехать, куда им вздумается. Ты ведь не забыла этого?

Будь же спокойна за меня, ненаглядная, думай обо мне без горя и все свое внимание посвяти своему здоровью.

Как-то чувствуют себя в Крыму тетушка и Ваня? От них я, наверное, получу письмо только в ответ на свое. Очень, очень интересует меня Ваня. Почему он не пришлет мне своей карточки? Кажется, не грех бы.

Ну, мои дорогие, любимые, всех вас горячо обнимаю. Будьте здоровы и счастливы. Мамусенька, милая, ты-то не хочешь быть счастлива без меня, — ну, будь хоть здорова. Целую тебя и твои ручки. Что-то с Агафьей Филипп., жива ли она? Давно ничего не получал от нее. Привет М. Н. и Е. К. Ну, до свиданья.

Любящий вас ваш Егор.

CCVII.

21 ноября.

Ненаглядная моя мамусенька! Получил твое ялтинское письмо от 26 октября. В нем ты подтверждаешь свое намерение скоро вернуться домой. Я и решаюсь писать тебе домой. Это письмо поздравит тебя с возвращением. С каким? с радостным ли? Родимая, горячо любимая моя, что за безнадежно-грустные письма ты мне пишешь! Снова говоришь о смерти. Не говори о ней, любимая, и не думай о ней. Гони от себя эти мрачные мысли, они еще сильнее ухудшают твою болезнь. Верь в лучшее, ненаглядная, я буду верить до самой последней минуты, пока жизнь не отнимет у меня этой радостной веры. Не хочу и думать о возможности худого конца. Пусть он придет нежданно негаданно, пусть упадет на мою

голову, как камень с крыши, тогда и посмотрим, чего будет стоить такой удар. А теперь, теперь я хочу думать о жизни, о будущем. И я верю, что ты поправишься. Верь и ты этому. Но знай также: если жизнь у меня отнимет все наиболее дорогое для меня, если она полоснет ножем по самому моему сердцу, и тогда, я верю, я останусь самим собой, и тогда я еще скажу: мне больно, судьба ограбила меня, но я не сдаюсь ей. Эта вера удесятеряет мои силы. Я не хочу заранее думать об ужасной возможности, но когда она придет — дай бог, чтоб она не пришла — посмотрим еще, кто из нас будет сильнее, судьба или я...

А ты, моя родимая, ненаглядная, ты никогда не умрешь для меня, потому что, ведь, ты живешь в моей душе,— ты умрешь только вместе с моею последнею мыслью. Моя мамочка, моя ненаглядная, исстрадавшаяся мамочка, если бы ты чувствовала меня так близко, как я тебя. Когда я, ложась спать, посылаю тебе «спокойной ночи», то мне кажется, как-будто это твоя милая рука смыкает мои глаза. Ты просишь молиться за тебя. Да надо ли просить об этом? Разве моя любовь к тебе, разве моя мысль о тебе не молитва? Родная, родная, моя душа не перестает молиться о тебе. «Да будет здорова моя мамочка, моя любимая, исстрадавшаяся мамочка», — вот моя молитва, самая искренняя, самая горячая, в которой выливается вся тоска моего сердца, все его страдание за тебя, борьба с ним и вера, вера. Будь же, будь здорова, мамусенька, милая, ненаглядная моя. Пиши, родная, как тебе понравились нынче стены родного пепелища. Они-то тебя встречают с старой любовью, только бы ты их побольше полюбила снова.

Не радостно и ваше письмо, дорогая Люба (от 3 ноября). Неужели и в самом деле так серьезно болен брат? Да откуда же сие? Неужели надо быть в каторге, чтобы быть здоровым и бодрым? Милая Люба, напишите мне о нем побольше, подробнее. Мне очень грустно, что он уехал после моих писем, в которых было так много упреков. Неужели он не слышал в этих упреках самой горячей, неубывающей любви и беспокойства? Напишите же, напишите ему об этом. Теперь буду еще беспокоиться и насчет его здоровья. Пишите о нем все, что он напишет вам. Хотя мне и писали о его нездоровье, но я как-то не мог понять всей серьезности положения, не мог даже и представить себе этого до последнего вашего письма. Напишите ему об этом. Ничего, кроме самого светлого, самого любовного чувства к нему,—ничего, кроме этого, в моих отношениях к нему у меня нет. И в моих воспоминаниях о нем — только одно теплое, хорошее, благодарное. С детства и до самого последнего времени. Я так счастлив

иметь вашу карточку. Люба, ради бога, не забывайте меня, пишите, — хоть, понемножечку. Валенок мне не надо. Теплого белья пришлите, только немного.

Не знаю, ответит ли мне Ваня, меня он очень интересует, я написал ему в Крым. Что касается Зины, то речь только шла о ее поездке с Абрашей на извозчике [1]. Любопытна ли ей эта сплетня? Во всяком случае, передайте ей.

О книгах, которые вы выписали для меня от Карбасн., я уже сообщал, получил их. Не присылайте мне «Анатемы» Л. Андреева и сборника «Коллективистическое мировоззрение» (изд. «Знания») [2].

Передайте привет тетушке Ал. Н. и сестрам. Ну, до свидания, мои дорогие. Обнимаю вас всех, старых и малых, присутствующих и отсутствующих. Передайте мой привет и пожелания папе. Мумусечка, будь здоровенька, обнимаю.

Любящий вас ваш Егор.

CCVIII.

24 ноября.

Дорогой отец! Получил ваше письмо от 2 октября. Благодарю. С тяжелым чувством читал я ваш ответ на мое искреннее и полное всяких хороших желаний по отношению к вам послание. Мне было бы стыдно за себя, если бы я действительно написал то, что вы нашли в моем письме. Но верьте мне, ничего подобного не было и не могло быть. Вы пишете про меня, будто я считаю вас «дряхлым и неспособным стариком, отсталым и неспособным к работе, потому что вы неученый человек». Дальше вы пишете «про ученых и очень образованных людей, которые не работают, а только проповедуют идеи учености», считаете это «самою главною неблагоразумностью», самым главным злом современности то, что «учиться теперь хочется всем поголовно, а работать, ей-богу, никому не хочется».

Да, мне очень, очень тяжело было услышать эти слова от вас. Из них я увидел, как обманчива была моя радость, которую я испытывал в Москве при свидании с вами.

Дурень я, дурень! Я имел наивность думать, что нашел в вас друга, который, если и не разделяет моих взглядов, то,

[1] «Зина» — Зот Сергеевич Созонов; «Абраша» — Абрам Гоц. В 1906 г. З. С. Созонов входил вместе с Гоцем в состав боевой организации и участвовал в подготовке покушения на мин. вн. дел Дурново. Гоц выслеживал Дурново, переодетый извозчиком. «Сплетня» — разговоры о привлечении З. С. Созонова по делу Гоца.

[2] Сборник «Очерки философии коллективизма». Изд. «Знание», петерб., 1909 г.

во всяком случае, умеет понять их и отнестись к ним с уважением. И теперь я снова увидел, что вы все тот же, каким были, когда я жил в вашем доме и своею деятельностью заставлял вас не только страдать, но и стыдиться за меня. В ваших глазах я попрежнему мечтатель, неблагодарный сын, который забавляется легким и приятным делом проповедывания идей, а всю тяжелую работу взвалил на вас и на тех, перед кем проповедует. Я — не работник, лентяй, дармоед, шалопай. И сколько еще других ругательств можно вычитать по нашему адресу в «Новом Времени» и «Московских Ведомостях». «Нов. Время» и «Моск. Ведомости» могут говорить все, что им заблагорассудится, меня они нимало не интересуют и не трогают. Но когда я вижу, что вы, мой отец, думаете обо мне так же дурно, как мои враги, я не могу оставаться спокойным и хладнокровным. Сердце сжимается от боли, как-будто порывается что-то очень дорогое. Было время, когда я страшно страдал от того, что вы не понимали меня, об'ясняя мое нежелательное для вас поведение нехорошими мотивами, моею неблагодарностью по отношению к вам, моею неохотою трудиться и, в лучшем случае, может быть, моею глупостью. Но, слава богу, мне казалось, что те тяжелые времена прошли. Наши свидания после суда, когда мы прощались на-веки, подали мне луч надежды на то, что вместе со временем и вы можете измениться. Вспоминая о вас в Шл-ге, я всегда радовал себя этою надеждою. Когда же по выходе из могилы мы снова повстречались, для меня начались чуть ли не самые счастливые времена: мне, глупцу, показалось, что мои родные по крови перестали быть врагами по духу. И теперь снова мрак, снова между нами стена непонимания. Снова мои радости и надежды, мое горе и отчаяние — чужды для вас.

Каким смешным, каким глупым я должен был казаться вам тогда, в Москве, в своих излияниях.

Почему вы не сказали мне этого открыто в лицо? Было бы легче, чем теперь разочароваться.

Ах, я понимаю, откуда мог получиться этот обман. Я знаю, вы любите меня и так сильно, что вы не имели бы сил говорить со мною открыто в момент первой встречи. Вы поступили со мною, как поступают с капризным или больным ребенком. «Пусть, дескать, потешится, бедный мальчик». А, может быть, тут виновато и безвременье, в которое нам приходится жить. Тогда вы еще не могли с уверенностью сказать, на чьей стороне будет сила, а, значит, и ... правда, потому что победителей легче оправдать, чем побежденных. Теперь не то. Теперь кругом мрачно и тяжко, беспросветно. Отчаяние само просится в душу, и нужно обладать всею силою веры в правоту дела и всем знанием исторических причин, привед-

ших дела в данное положение, чтобы не потерять разума и неизменно верить, что за ночью непременно придет день. Вы имеете право усумниться, а значит—снова назвать нас мечтателями. Если так, то мне ничего уже не поделать. Остается только пожелать, чтобы дни вашей жизни продлились.

Ну, пусть вы имеете право бросить нам в лицо название «мечтателей». Какое же право имеете вы сказать про нас, что мы уклоняемся от дела, что мы проповедуем только свои идеи и не хотим работать? В таком случае, христовы апостолы были тоже бездельники и лентяи, потому что они бросили свои семьи, свою домашнюю работу и пошли проповедывать идеи.

И фарисеи про них, наверное, говорили, что они «только проповедуют, а не работают». Вы скажете, так ведь то были апостолы. Но ведь и мы умеем умирать за то, что считаем правдой, за свои идеи.

Даже вам, отец, я не позволю так оскорбительно отзываться о моих идеях и о людях, которые их «только проповедуют». Я вас люблю, хотите верьте, хотите нет — доказать мне нечем, — я вас люблю, но мои идеи, моя правда для меня дороже вас, дороже всего на свете, иначе ради нее я не бросил бы вас, богатую, сладкую жизнь, не пошел бы на смерть. Для меня ничего не изменилось. Я все тот же.

А оскорбительного для вас в прежнем письме я ничего не написал, по крайней мере, был далек от всякой мысли об этом... Боже! какая разница между вашим первым письмом и вторым! В первом, каждая строчка — любовь. Там вы жаловались на свое одиночество, которое выпало на долю вашей старости. В порыве беспредельной жалости к вам, нежного сочувствия к вам, я вам ответил. Вместе с тем я высказал несколько предположений, как бы, на мой взгляд, можно облегчить тяготу, лежащую на ваших старых плечах. После вашего письма я вижу, что мои предположения с практической стороны никуда не годятся. Пусть так. Но каким образом вы могли усмотреть в моих наивных советах что-то нехорошее, обидное для вас? Бог с вами после этого.

Мне и раньше было совестно, а теперь прямо становится невозможно прибегать к вашей помощи. Раньше мне все-таки казалось, что в ваших глазах я не бездельник, и, скрепя сердце, я решился брать из вашего трудового заработка кое-что, а иногда много, утешая себя тем, что эту помощь я трачу не на себя. Теперь я не имею права принимать от вас денег, потому что, расходуя их здесь совместно с товарищами, я дал бы вам право упрекнуть не только меня, но и товарищей в дармоедстве. Лично для меня, мне ничего не надо. Благодарю, от всей души благодарю вас за вашу любовь и за все ваши прежние жертвы. Ваши последние 100 р., а также теплые вещи

получил. Больше мне ничего не надо. Не присылайте и того, о чем уже просил. Если впредь от вас придут деньги, я верну их обратно (вернул бы и последние 100 р., да уже нельзя).

Не думайте, что моя любовь к вам, отец, изменится после случившегося; я до конца своей жизни буду любить вас, буду считать себя вашим неоплатным должником за все ваши жертвы, и только вместо радости эта любовь будет давать мне одно страдание, страдание бессилия отблагодарить вас за жертвы жертвами. Я всецело отдался делу, которое считаю правым, и для родных, а также для себя самого у меня ничего не осталось. Я всего себя отдал в жертву дела, и, если получу возможность еще раз отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично... Отплатить за ваши жертвы чем-нибудь, хоть отчасти, я не могу. Только разве одною молчаливою и бесполезною любовью к вам. Обнимаю вас и мою милую, добрую, бесконечно хорошую мамочку, — за нее я уверен, что она никогда не кинет комом грязи в то, что для меня является святыней.

Любящий вас Егор.

CCIX.

27 ноября.

Дорогая сестра! Ваше письмо от 9 ноября получил. Не знаю, все ли мои письма доходят до вас, пишу вам довольно часто. Мамочке непосредственно не пишу, потому что все равно ее теперь не найдешь. Написал бы ей в Москву, да не имею адреса. Так и об'ясните ей, что пока она не осядет на постоянном месте жительства, до тех пор не стану писать прямо ей. Извещаете ли вы ее о получении моих писем и о том, что я жив и здоров?

Прелестная сестрица! Меня очень огорчает мысль, что, повидимому, я не буду иметь удовольствие сделать вас своей усердной корреспонденткой. Хотя я и считаю вас виновной, но вижу смягчающие вину обстоятельства: это, прежде всего, что мы так мало лично знакомы друг с другом, я ведь для вас такой же братишка, какой дядюшка для ваших девчурок. Может быть, с течением времени я сумею найти пути к вашему сердцу и сделаюсь для вас действительно братом. Пока, думая часто о вас, я лелею эту мечту: такая радость иметь сестру, когда имеешь столь близкого брата.

Что же это вы, сестра, не умеете пользоваться жизнью, почему не читаете? Когда я перечисляю умом все, что теперь дает литература и наука, я говорю себе: как хороша и интересна жизнь! Если бы не правда-справедливость, которая подколодной змеей затаилась в сердце, то можно бы забыться за одною правдою-истиной, особенно с прибавлением красоты

Мне кажется, не отсутствие интереса, а ваше неуменье устроиться удерживает вас от приобщения к роскоши жизни—к литературе. Покупайте, выписывайте, берите, наконец, из библиотеки каждую книжную новинку, читайте каждую новую книжку журнала — как вы можете жить без этого?.. Ницше, Метерлинк, сборники «Знания» — красота, опьяняющая, как весна, с ее душистым, прозрачным небом, песнями, цветами. Если живете для себя, живите прекрасно, умейте наслаждаться тем, что для вас так легко доступно. Если бы вы увлеклись этим, вы сразу получили бы средство в руки, при помощи которого могли бы сблизиться с мамой. Вы могли бы через литературу приобщить к жизни и мамочку. В современной литературе мама найдет столько близких, родных мотивов. Сестричка, читайте ей все, что может заинтересовать ее, как мою мать. И, прежде всего, прочтите ей очерки Савинковой: «Годы скорби» (в «Былом» за 906 г.) и «На волосок от смерти» (в «Былом», янв. 907 г.), и еще два рассказика, названий не помню: один помещен в последних книжках «Образования» за 906 г., а другой—в «Русск. Бог.» или «Совр. Мире» за этот год. Потом прочтите «Мать» Горького, «На войне» Вересаева, «Легенду старого замка» Чирикова, «Мать» Бернштама (в его Сборнике «За право!» или в «Образовании» за 905 г.), «Из воспоминаний о Иване Платоновиче» [1]) («Зн. труда» № 3) и, вообще, все рассказы на современные темы. Сделайте это, пожалуйста, и скажите ей, что я хочу, чтобы она все это выслушала. Вы увидите, как много вы дадите маме, если исполните мою просьбу.

Пора кончать, сестричка! Отвечайте хоть открыткой. Скажите Мимозе, чтобы она писала в Хр-не. Получила ли она мой ответ на свое первое и единственное ее письмо? Привет. Целую вас, детишек, Зину и всех родных.

Ваш Егор.

Через В. Х-ну Мимоза может писать и Дине [2]).

Пришлите, пожалуйста, белья, только непременно белого. Лучше всего из холста.

CCX.

28 ноября.

Родная моя, ненаглядная мамочка! Пишу тебе второе письмо в Уфу и не знаю, правильно ли поступаю: в полученной вчера открытке Любы от'езд твой из Крыма обусловлен состоянием погоды. Может быть, погода в Ялте прояснится и ты еще поживешь там подольше, чему я буду очень рад. На-

[1] «Иван Платонович» — Каляев, защитником которого на процессе выступал присяжный поверенный Берештам, напечатавший впоследствии воспоминания о Каляеве.

[2] «Дина» — Анна Савельевна Пигит, сопроцесница М. А. Прокофьевой.

деюсь, новая заминка в моих письмах, вызванная твоими колебаниями насчет своего местопребывания, не обеспокоит тебя. Если бы я рассчитывал, что праздники ты проведешь на юге, я бы уже написал тебе свои поздравления. Но для Уфы это еще рановато. Во всяком случае, это письмо будет получено в Уфе незадолго перед праздниками, и пусть оно скажет тебе о моем желании тебе душевного мира, — пусть надвигающийся праздник будет для тебя временем отдохновения, а не новых тревог. Для иных праздники бывают днями светлой радости, а для нас пусть они будут хотя днями успокоения, отдыха. Вспомним многие праздники, оставшиеся далеко позади, — те праздники, которые и для нас бывали днями светлой радости в тесном семейном кругу, когда все близкие, дорогие были в сборе, — и на мыслях о тех наших светлых днях отдохнем от настоящего и вдохновимся бодростью для будущего. Родимая моя, любимая, не поддадимся тяжести настоящего, не согнемся перед ней и не будем роптать на судьбу за то, что она обделила нас. Бог знает, имеем ли мы еще право роптать, — ведь позади у нас много хорошего, за что мы должны благодарить, а впереди—уверенность, что наша жизнь вместе с ее радостями и страданиями не окажется в последнем счете бессмысленной сказкой без начала, без конца. Не нами, мамочка, жизнь-сказка начата рассказываться, не нами и кончится, а с нас достаточно уже одного сознания, что мы продолжали нить жизни так, как нам подсказывала совесть. Эх, мамочка, мамочка, родимая моя, если бы я сидел теперь рядом с тобою, там, где ты в данный момент находишься, я бы рассказал тебе, как и почему я верю, что наши страдания не бессмысленны, и я, может быть, сумел бы внушить часть своей веры и тебе. И тогда ты воспрянула бы духом и многое простила бы мне и жизни. Милая моя мамочка, кто-то тебе расскажет об этом, кто ободрит тебя, кто заставит тебя взглянуть на дело жизни, как на свое дорогое, близкое, кровное дело. Знаю я о твоих великих страданиях, знаю, что ты и не можешь не страдать, потому что ты всецело отдана на волю своих одиноких мучительных дум. И я знал горе и переживаю за тебя твои муки, но у меня есть то, перед чем все муки бледнеют, и мне больно, больно, что все муки без радостей, без надежд выпали только на твою долю. Как тут поправить? Что сделать, чтоб и ты, страдающая, возрадовалась? Нет у меня средств для этого. Помни же хоть об одном, моя родимая мамусенька, моя ненаглядная, что мысль о твоих бесконечных, безотрадных страданиях для меня свята. Она вечно напоминает мне, чем я должен быть, чтобы хоть долею искупить твои святые муки; мысль о тебе—для меня призыв быть честным, чистым и бодрым до конца. Я не могу покри-

вить перед своею совестью, раз у меня есть такая мамочка, раз ей на долю выпало такое страдание. Видишь, родимая, даже мысль о тебе, страдающей, даже та бесконечная скорбь, с которою я сознаю невозможность для себя хоть чем-нибудь облегчить твою ношу,—даже и это все толкает меня не к тому, чтобы проклинать свой жребий, а к тому, чтоб еще больше любить жизнь, которой я отдал все, даже тебя, и еще крепче держаться за нее. Значит, я вовсе не несчастный, значит, обо мне плакать не надо. Если бы ты поняла это и если бы я имел возможность говорить с тобою, как твой сын, как друг, — тогда было бы для нас обоих легче.

Дорогая моя, если ты дома, устрой для детей праздник. Пусть радуются во-всю, а ты отдохни при виде их радости. Устройте им елку. И не забудьте подарки от дяди Егора. Да вы им рассказываете ли обо мне? Что вы им говорите? Если вы им еще не говорите всего, все-таки подготовляйте к правде, чтоб они не узнали о ней от кого-нибудь чужого. Милая Люба, вы должны позаботиться об этом. Смотрите, как бы не вышло так, что, внушивши им любовь ко мне, вы не заставили их потом страдать от бессилия примирить любовь и внезапность открывшейся правды. Люба, дорогая, я очень благодарен вам за посылку (сыр и 4 ф. масла) и еще больше за письмо (с открыткой «Военно-грузинской дороги»), — не будет ли эта открытка началом регулярных извещений с вашей стороны. — Господи, дождусь ли я когда-нибудь этой благодати! Ну, подумайте, как мало труда стоила вам эта открытка (говорю на самом деле про открытку, а не про письмо), а мне большая радость. И чем исправнее вы будете, хотя бы ценой таких же открыток, тем спокойнее я буду.

Справьтесь, добрая сестра, не вышли ли в русском переводе: 1) Риль — «Философский критицизм, его история и система», 2) Койген, что-нибудь и 3) Шуппе, что-нибудь. Справиться можете (оплаченной открыткой) у того же Карбасникова. И если эти книги имеются, то пришлите. Пришлите также почт. бумаги, конвертов и ручек. Разоряю я вас, да уж ничего не поделаешь. Зине мой сердечный привет. Всем родным, большим и малым, привет. Не знаю, где папа, — его обнимаю. Ну, до свидания, мои ненаглядные. Всех вас обнимаю и целую. Будь здорова и спокойна, мамусенька, хорошая моя.

Твой Егор.

Шуре передайте мой поклон.

CCXI [1].

4 декабря.

Моя дорогая, моя ненаглядная мамусенька! Поздравляю тебя с возвращением домой и заодно с праздником, ибо это письмо ты получишь перед самым рождеством. Прислушайся, родимая, к словам евангелия, которое будет читаться в эти дни. Живому сердцу они говорят много. Ведь если эти слова принимать с тою же верой, с которой они писались, то вместе с появлением рождественской звезды человек и мир должны переродиться: правда рождается на земле. Эта правда не осталась сокровенной в недрах семейства, не превратилась в маленькую семейную добродетель, закрывающую глаза на то, что находится за стенами дома. Первым действием звезды, взошедшей на востоке, было то, что волхвы ради нее покинули свою родину, все наиболее дорогое им и отправились на поиски за правдой. Вторым действием явления правды на земле было то, что ради нее погибли тысячи невинных младенцев и, значит, тысячи матерей были осуждены на самые страшные страдания, возможные для матери. Дальше семейство, в недрах которого родилась правда, должно было спасаться бегством в Египет.

Потом правда покидает кровно-близких для того, чтобы призвать всех страждущих и обремененных. Она сказала: кто возлюбит отца и мать свою больше, чем меня, тот недостоин меня. Она сказала: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Она сказала: кто душу свою погубит за други своя, тот спасет ее... Она сказала богатому юноше: раздай имущество свое нищим и иди за мной, ибо богатому труднее войти в царство небесное, чем верблюду сквозь игольное ушко; ибо, где имущество ваше, там и сердце ваше... Она сказала: кто не превратится в младенца, тот не наследует царствия божия. Правда оторвала отцов от их семейств. Живым укором прошла правда между людьми и была осуждена людьми, как ненужная и вредная для них, на крестную смерть. Так прошла по земле правда и оставила после себя вечный образец для праведной жизни. И кто хоть раз в жизни воспримет слова правды с глубокой серьезностью, тот уже знает, что путь правды один.

Всякое рождественское утро я вспоминаю теперь то, что я переживал в детстве, с трепетом вслушиваясь в слова рожде-

[1] На обороте письма наклеены засушенная фиалка и листок земляники, и написано: «Мои рождественские приветы моим далеким, любимым, кто сердцу всегда близок. В дни вашей тихой радости, в дни праздников, как и в дни печали, я — с вами».

ственских песен: мне, ребенку, верилось, что с рождением Христа должно что-то перемениться в мире. Я ждал. Но наставали будни. Путь правды был один, а путь жизни — другой...

И теперь, разлученный с вами не только тысячами верст, но и своим положением, я снова вспоминаю слова правды, слышанной в вашем доме, вами признанной за святую, — и вот, как-будто нет тысяч верст, нет ужасной разницы положений и нет безысходной боли за вас, страдающих за меня. Мне хочется сказать вам: любимые, я в вашем доме впервые услышал о правде. Поймите же и не мучьтесь из-за меня.

Мои горячо любимые, родимые, хочется мне обнять вас так, чтоб почувствовали вы во мне вашего сына, настоящего, а не блудного. Если бы вы заглянули в мое сердце, вы бы увидели, что там жили и живут два чувства: любовь к правде и любовь к вам. Если слишком тяжело бремя, которое я возложил на вас, простите. Но помните, я люблю вас, но кое-что я должен был любить еще больше. И если бы это было не так, то я был бы недостоин вас. И если вам порою кажется, что я порвал духовную связь с вами и заблудился, то во мне жива вера, что я вовсе и не уходил от вас. Я с спокойною совестью возвращаюсь мыслью под ваш кров. Ваши страдания для меня святы, потому что я помню об их причине. Если бы эта причина была не чужой и вам.

Ненаглядная моя мамочка! Эти мысли никогда не покидают меня, а в дни перед праздниками они особенно осаждают мою голову. Мне от этих мыслей становится легко и светло, они приносят мне настоящий праздник. Видишь, и я умею устраивать себе праздники, несмотря ни на что. Празднуй же и ты, дорогая. Будь светла душою. Того же желаю и папе.

Всем родным шлю мои поздравления и пожелания: тетушке Ал. Ник., Зине, Тоне и Лиде. Также всем остальным.

А Любу за ее последние письма горячо обнимаю. Спасибо вам, сестра. Простите меня за мои прежние упреки, вызванные большим беспокойством, и не забывайте впредь. Насчет вас, Люба, я, думается мне, ничуть не заблуждаюсь и мне не придется разочароваться. Ваши «недостатки» я знаю, но и достоинства мне не безызвестны. А, впрочем, что мне до недостатков или достоинств, факт, что вы моя сестра, любимая, очень дорогим мне человеком, и вы дороги мне сами. Так бы взял вас с детишками вашими, обнял и зацеловал. Как-то живется вам теперь? Мне жаль, что мои недобрые письма застали вас как раз в тот момент, когда вы остались одна,—от этого вам стало, вероятно, не легче. Но вы поймете, что если бы я не любил вас, то не писал бы и таких писем. От души желаю вам, всей вашей кучке, всего самого лучшего.

Передайте привет Матвею, Маше и всем семейным.

Не присылайте мне ни «Анатемы», ни «Анфисы» Андреева. Читали ли вы их и понравились ли эти вещи вам?

Ну, до свиданья все. Всех обнимаю. Будь здорова, мамусенька, милая, любимая.

Твой Егор.

Поклон Шуре.

CCXII.

12 декабря.

Дорогая моя, ненаглядная мамуся!

Пожалуй и это письмо еще успеет притти к рождеству. Тогда и оно принесет тебе мое поздравление. Выходит, что для нас с тобою праздники будут длиться очень долго, ибо я, с своей стороны, думая, что пишу предпраздничное письмо, настраиваюсь на соответствующий лад, чувствуя себя особенно близко к тебе. Ну что же, это не дурно. Пожалуй, и ты не имеешь против этого ничего? Как же поживает теперь моя хорошая мамусенька? Грустна, болеет все? И не чувствует радости оттого, что на нее со всех сторон смотрят милые, родные лица, что ее окружают родные стены, родные вещи, что даже воздух, которым дышит она теперь, веет чем-то родным, мягким, теплым?.. Нет, наверное тебе хоть ненадолго, временами, становится хорошо, уютно, по-домашнему, — не правда ли, моя родная? Помнишь, как, бывало, ты хлопотала перед большими праздниками? Ведь дым коромыслом стоял. И всех нас ты заражала своею хозяйственностью. Переставляешь вещи, норовишь, чтобы все выглядело красивее, уютнее. Все блестит чистотою. То там, то здесь робко выглядывает среди старых знакомых вешей какая-нибудь новинка, еще не привыкшая к новому местожительству. Какой-нибудь новый пышный абажур, который потом, когда загорится лампа, придаст всей обстановке какой-то фантастический колорит. Полы сверкают, как зеркало. Кружевные занавески падают сверху вниз, как белая мечта. Чистая зелень освеженных растений привольно раскинула листья и как-будто любуется на себя и на похорошевшую обстановку. Мамочка, хлопотливая хозяйка, уже создала праздник в доме. Но ей этого еще мало. То и дело куда-то ездит, что-то каждый раз привозит новое, тащит все новые и новые соломинки для родного гнезда. На кухне целое столпотворение. Лучше и не заходить тvда, — там целый соблазн: так аппетитно пахнет рождеством, что того и гляди попробуешь заблаговременно. Начинает смеркаться, зажигаются лампады. В доме становится таинственно-тихо. Какое-то чудо творится, где-то, где-то готовится родиться. Целую ночь не дома, служба. Возвращаешься домой еще в темноте. В доме уже совершилось

чудо: в него уже вошел праздник и пока-что торжественно притаился в сумерках тихих комнат. Обходишь их и чувствуешь светлого гостя. С спокойной душой ненадолго отдаешься крепкому ласковому сну, после которого встаешь с возобновленными силами. На столе уже сверкает и весело дымится легким паром самовар. Веселый звон посуды кричит: с праздником! О том же говорит белоснежная скатерть. Милая мамочка, нарядная, но еще по-домашнему, царствует за столом. Папа благодушно приютился рядом с нею. На лицах покой и тихая радость. С праздником, милые!.. Я так ярко представляю себе все это, что жаль отрываться. Неужели ничего этого нет? Непременно должно быть, пусть по-другому. Пусть многие места за столом пусты, пусть многих нехватает. Но ведь за этим столом расцвели теперь свежие цветы детских лиц. Над грустными и опустелыми местами раздается светлая музыка детского лепета. Приглядись, прислушайся, мамочка, и улыбнись. Перестань жить прошлым, приютись к настоящему, оно так просит твоего внимания. Взгляни, мамуся, на Любу, она теперь так одинока. Ее душа тоже просит праздника. Она молода, ей, как воздух, нужна радость и ласка. Она сама богата ими и готова давать их, только возьмите. Будьте же вполне своими, любите друг друга, помогайте друг другу. И да будет кругом вас свет и праздник, мои милые хозяйки. Будь счастливее, мамочка, будь здоровее, бодрее. С нетерпением жду твоих писем, что-то они скажут мне? Хочется верить, что они принесут мне надежду на то, что тебе стало лучше. Ну, хоть спервоначала от родного воздуха. А потом посмотрим, что надо делать.

Пиши, родная, мне о семейке тетушки А. Н. Как теперь здоровье Зиночки и остальных сестер? Как их ученье? Конечно, вы им передаете мои приветы и пожелания. А где теперь Паня и что с нею? Какова-то она теперь стала? Стала ли жизнерадостнее, смелее? Сколько ей лет? Хотя бы Люба написала мне о ней побольше. Часто я думаю о Пане и стыдно мне становится своего прошлого, нехорош я был с нею. Любите, хольте, Люба, детей, и вы сделаете великое дело для жизни. Вы родили детей, а тогда родите из них людей, ибо любовь создает человека. Там, где вокруг подрастающего ребенка царит светлая любовь и чуткая душевная забота, там непременно созреет красота и добро. Я в это глубоко верю. Милая Люба, будьте счастливы и создавайте детей способными жить радостно и полно. Замечаете ли в детях проявление индивидуального характера? Теперь это уже, наверное, сказывается. Меня они очень интересуют. Почему вы не пишете мне о них? Кто что из них любит? Умеет ли кто-нибудь из них читать? И читаете ли вы им что-нибудь? Старшей уже

пора бы расширять свой маленький кругозор сказкою. Я не мастер рассказывать, но если бы я был дома, я бы очень старался развить в себе искусство жить с детьми, давать пищу их уму, их сердцу. Надо стараться развить в них чуткость к красоте и правде. Вы не сердитесь, родная Люба, что я вам это говорю? Верю, что не сердитесь. Ей-богу, душою я постоянно в вашей семейке, и когда думаю о ней, особенно начинаю говорить об этом, то душа моя светлеет и делается мягкой. Люблю детей, а ваших особенно, хотя вы еще и не познакомили меня с ними. Дорогая моя сестрица, теперь между нами заключен мир на вечные времена, — не так ли? Вы будете писать мне понемножку, но исправно, а я уже никогда не стану скулить и упрекать. Вы же моих упреков, если они и не совсем справедливы, не помните, — от голодного сердца говорились они. Посылки ваши получаю исправно и купоны от них, конечно. Чего вы такую тощую посылку послали последний раз? не было масла и мыла. На мыло не скупитесь, присылайте каждый раз хоть по печатке. Здесь это единственное серьезное удовольствие (телесное). Прочтите, Люба, мое письмо Шуре, пишу там об «Анатеме», — читали вы? Белья мне надо такого же, как прежде, т.-е. серого, крепкого. Ну, до свиданья. Обнимаю всех вас, любимые. Мамусенька, обнимает и целует тебя твой Егор.

Благодарю за варенье. Где теперь папа? Не знаю, как его поздравить. Передайте же ему мои поздравления. Обнимаю его.

Пришлите филодермину. Нет ли у вас открыток с постановкой «Анатемы»?

CCXIII.

19 декабря.

Все жду, моя ненаглядная мамусенька, твоего письма из Уфы. Что-то оно мне скажет? Из слов Любы видно, что ты собиралась лечиться гомеопатией. Не советую, мамуся. Вреда, конечно, не будет, как не было бы вреда, если бы ты приняла за правило ежедневно принимать по 10 капель простой воды и по пяти крупок сахара. Это лекарство для бесплотных ангелов, а не для людей. Милая мамочка, у меня есть просьба к тебе: походатайствуй за меня перед Любой, чтобы она не очень сердилась на меня. Может быть, она благодаря своей доброте и не сердится, но мне все же неловко перед ней. Вот и в последнем письме я ее упрекнул, правда, совершенно в шутку, за то, что она прислала мне «тощую посылку». И вдруг, как на грех, через несколько дней получаю от нее и масло, и мыло. Сконфужен я очень. Твое ходатайство считаю необходимым. Люба мне пишет, что детки ждут от дяди

Егора по большой коробке конфект. Дядя Егор их спрашивает: разве конфекты для них самая желанная вещь? Он хотел бы прислать им то, чего они больше всего хотят. Конфект для них много, вероятно, и у бабушки. И пусть они пишут мне поклоны и без конфект. За конфекты-то я найду себе много племянниц. Поймут ли они мою болтовню? Когда получите это письмо? Вероятно, к новому году или немножко после. Надо ли повторять вам то, что уже писано в прошлых письмах: я праздную вместе с вами и у вас. Когда будете поздравлять отсутствующего именинника, передайте ему и мое поздравление. Долго ли он пропутешествует? И что он вам пишет? Как идет леченье? Очень вам скучно без него? Мне и то скучно чрезвычайно. Никогда еще не испытывал такой оторванности.

Не слыхала ли ты, мамочка, что-нибудь об Агафье Филипповне? Жива ли бедная старушка? Я от нее давно ничего не получал. Как-то осенью писал ей, но ответа не получил. Если будешь писать ей, передай мой сердечный привет и самые лучшие пожелания. Хоть задним числом, пусть дойдут до нее и мои новогодние поздравления. Не знаю, исполнила ли она мою просьбу передать Пете [1], чтобы он писал мне сюда. Кажется, ему, моему любимому племянничку, стыдно бы было забывать меня, своего дядю.

Еще неделька—и рождество. У нас, конечно, не бывает никаких приготовлений к праздникам. Наш праздник лишен всякого материального характера, и это имеет свою хорошую сторону: тем нераздельнее наши мысли летят в родные края. Ничто нас не отвлекает от воспоминаний; я всегда говорю про воспоминания и не решаюсь говорить о надеждах. Ведь только прошлое в наших руках. Вот замечтали мы с мамочкой о предстоящей весне и о свиданье. Может быть, ты, мамочка, только и дышишь этой мечтой. А вдруг свиданье почему-нибудь не состоится? Потому ли, что твое нездоровье не позволит тебе пуститься в столь далекое путешествие, или потому, что свиданье покажется слишком мало соблазнительным, и тебе самой придется бросить мысль о нем. Как тяжело тебе будет отказаться тогда от этой мечты. Боюсь я, мамочка, мечтать с тобой, хотя иной раз и не удержишься, помечтаешь. Вот и насчет нашего будущего, почему бы не помечтать? Ведь, кажется, всего год остался до этого будущего [2]. Но опять-таки вдруг и от этой мечты придется отказаться по независящим обстоятельствам. Милая, бедная моя мамусенька, как бы хотелось порадовать тебя хоть про-

[1] П. Карпович.
[2] Е. Созонов должен был выйти на поселение 28 января 1911 г.

блеском надежды, но я не имею права подавать тебе его с полной и определенной уверенностью. С одной стороны, говорю: верь и надейся! а с другой — должен предупредить тебя и насчет неопределенности надежд. Мне-то легко жить и с такою неопределенностью, а тебе как, родимая? Будь бодра, любимая, будь здоровенька, а остальное уже видно будет. Только и могу сказать на пороге нового года.

Обнимаю тебя и папу. Привет всем родным, тетушке А. Н с детьми.

Так как же, милая Люба, значит мир? Я вам первый предложил его, потом получил предложение с вашей стороны. Купон от последней вашей посылки получил. Не писал вам о теплом белье, потому что предполагал это излишним. Думал, пришлете без моих детальных указаний. Мне все равно какое, лишь бы белое. Обнимаю вас с детками. Не помню, известил ли я вас о получении двух последних снимков (с папы и мамы). Не жалейте, пришлите мне со всех, с кого имеете, кончая прислугой и, может быть, обстановкой дома. Пожалуйста. Мне очень интересно. До свиданья.

Любящий вас Егор.

CCXIV.

27 декабря.

Вот и праздники настали. Вы, мои дорогие, сделали все, чтобы сделать для меня менее заметной разлуку с вами. Щедрые посылки (числом 7), поздравительные телеграммы сократили для меня расстояние, отделяющее нас. Нехватает лишь письма от вас, но и оно, вероятно, будет на-днях. Милые мои! Сегодня мне даже нечего сказать вам, так покойна моя душа и так близко она около вас. Дай бог, чтобы и для вас праздники проходили не менее спокойно. Смутила меня телеграмма Любы о том, что она 28 едет к брату. Чем вызван этот внезапный от'езд? Люба еще недавно писала, что на святки ждет к себе свою сестру, значит, она не думала о поездке. Не случилось ли ухудшения в здоровье Зота? Я ведь так хорошо и не знаю, что у него за болезнь. Для чего он поехал за границу? Посоветоваться ли с медицинскими знаменитостями, или, может быть, хуже? не для операции ли? Пишите откровенно. Ну, мамусенька, хорошая моя, как здоровьице? Пиши же. Пора бы уж. Папа теперь, вероятно, дома. Тем приятнее для меня обнять вас обоих вместе и пожелать, ну, чего бы я вам не пожелал? Передайте мой привет тетушке А. Н. с детьми. Телеграмму их я тоже получил. От тетушки М. С. и Вани была поздравительная телеграмма и посылка с рыбой. Видите, как

много людей, которые любят меня и заботятся обо мне. Будьте все здоровы и, по возможности, счастливы. Всем всего наилучшего. Всем родным и знакомым привет. Позаботьтесь о письмах от Шуры и к Шуре. Спасибо за посылки и деньги. Обнимаю вас всех вместе и в отдельности. Мамочка, ненаглядная, обнимаю и целую тебя.

Какие у нас морозы! Целых 38°! Представляете ли себе этакий морозище?

1910 ГОД.

CCXV.

9 января.

Мои дорогие, любимые! Как я жалею, что до сих пор не догадался написать вам. Только ваша открытка с «Медузой» навела меня на мысль, что это просто. Родной мой! Я счастлив до слез от твоих ласковых слов. Спасибо, спасибо, мой всегда любимый, дорогой. Вижу, верю, что нам в будущем предстоит еще жизнь, полная тесной, еще небывалой близости. Люба писала мне об этом, и я верю в это. Верю, что ты поправишься; как ни тревожит меня смутное представление о твоей болезни, во мне твердо говорит надежда, что все должно быть хорошо. Ночь на новый год я не спал и вместе со мной не спали те, кто живет со мной. Это очень хорошие, близкие люди, — между нами уже давно установились тесные отношения. Я им говорю о том, что мне дорого, о своих надеждах. И вот, под новый год мы вспоминали своих отсутствующих близких и желали им всего, что в эти минуты желается. Я вспоминал и вас. Я не совсем понимаю, что тебе пришлось пережить, — как жаль, что я не знаю этого. Я меньше знаю о тебе, чем ты обо мне. Должно быть, ты очень страдал. Если так, то это сблизит нас еще больше. Мне ведь тоже пришлось пережить в себе кое-что за последнее время. Раньше я, вероятно, сильно печалил тебя, теперь я мог бы порадовать тебя. Ко мне возвращается прежнее устойчивое настроение. Одно время почва сильно колебалась под моими ногами, но теперь я знаю, что в основном мои ноги не изменят себе. Я продолжаю быть большим пессимистом. Я не вижу кратких и легких дорог, думаю, что еще долго, долго предстоит блуждать впотьмах. Но в живучесть главнейшего из своего кредо я верую. Так или иначе, но это главнейшее будет жить, хотя бы без меня, хотя бы в иных формах, чем представлялось моему уму. Давно уже в душе моей не было такого спокойствия, как за последние месяцы, хотя в ней много, много скорби и хотя внешних причин для спокойствия совсем недостает.

Родные мои, если бы вы писали мне изредка о себе, — даль ведь не может помешать этому. Мне надо совсем немного, чтобы не было холодно вдали от вас. Как вам там живется? Как здоровье? Что новенького в ваших краях?

Мне кажется, Фр. в конце-концов придется высказаться по поводу «согрешения» П. И. [1]. Разве она имеет право молчать, когда ругают то, что ей кажется заслуживающим полного уважения? Как вы думаете на этот счет?

Ну, будьте здоровы и бодры, мои хорошие, дорогие. Обнимаю вас горячо.

Ваш Е.

CCXVI.

Серед. января.

Ну, как поживаешь, моя ненаглядная мамусенька? Теперь ведь ты одна полная хозяйка в доме, с детишками на руках. Волей-неволей тебе придется много заботиться и хлопотать, тряхнуть стариной. Последние вести Любы порадовали меня, она писала, что ты выезжаешь из дома и днем на ногах. Дай-то бог, моя дорогая. Радуют ли тебя дети? Ласковы ли они с бабушкой? Если не будут ласковы, дядя Егор поссорится с ними, так и скажи им. А если будут хороши и не дадут бабушке грустить, то, когда дядя Егор вернется домой, он расскажет им много-много интересных сказок. Дай бог счастья бабушке с внучками, да и дедушке тоже, — ведь он теперь с вами? Напиши мне, милая мамочка, побольше о папе, как он выглядит, как его здоровье, как шли его дела за этот год? Сразу шлю ему вместе с душевным приветом мое спасибо за все, что он продолжает делать для меня. В последнем своем письме ты говоришь, что собиралась поехать сюда еще зимой. Хорошо, что ты не исполнила своего намерения: зимой путешествие стоило бы тебе чересчур дорого. До сих пор стояли страшные холода, как бы ты перенесла их? Подождем весны. Да и тогда, прежде, чем поехать сюда, ты сообщи мне об этом, а я уже отвечу, стоит ли ехать. Мне здесь виднее, много ли радости могут дать свиданья. Во всяком случае у нас с тобою, мамуся, остается надежда, что через год, может быть, мы увидимся при лучших условиях. Если судьба зло не подшутит над нами, то через год. А это уж не так много, — не правда ли?

Пишут ли вам брат с Любой? Передайте им и Шуре приложенные здесь письмеца.

Мне бы очень хотелось сделать тебе, мамочка, подарок к пасхе. Если свиданье наше не сможет состояться, то пусть

[1] «Фр.» («Фрося») — сам Егор Сергеевич Созонов; «П. И.» — Савинков; его «согрешение» — повесть «Конь Бледный».

хоть подарок, сделанный здесь, будет постоянно напоминать твоим глазам обо мне. Среди моих товарищей по судьбе есть люди, умеющие делать прекрасные вещи. Разрешишь ли ты мне затратить рублей десять на подарок? Видишь, какой странный подарок, самой же придется за него заплатить. Кстати, кто-нибудь из родных или знакомых, может быть, не прочь приобрести изящные изделия каторжан (резные рамки для карточек, полочки для книг или бумаг, шкатулочки, ложки с красивою резьбою, вообще деревянные вещицы, за которые в магазинах платят большие деньги), — они сделали бы хорошее дело, если бы сделали через меня несколько заказов.

Я в каждом письме осаждаю вас просьбами. И теперь к тому, что уже сказал, еще прибавлю: пришлите, пожалуйста, филодермину для рук, аспирину в облатках — от головной боли и купролу — глазное лекарство. Купрол необходим для моего товарища, но его нет в здешней аптеке. Выписывали из Иркутска, но там тоже не нашли. А человеку грозит потеря глаза. Если в Уфе купрола не найдется, выпишите из Москвы. Купрол выдается только по рецепту врача, попросите своих знакомых врачей написать рецепт. Насчет его употребления здесь не сомневайтесь, потому что он прописан товарищу местным врачом. Пожалуйста, не замедлите с этим. Ну, будьте все здоровы. Обнимаю всех вместе и каждого в отдельности.

Ваш Егор.

CCXVII.

16 января.

Дорогая, ненаглядная моя мамочка!

Как порадовало меня твое праздничное письмо! Я так живо представил себе все, что ты писала. Как-будто воистину побывал у тебя в гостях. Вы оба с папой вспоминали меня в первый день праздника. Милые, ненаглядные мои, как же я обнимаю вас за это, и тебя, мамочка, и папу. Мне так редко приходится обнять вас обоих вместе. Вы почти всегда в разлуке. Долго ли папа пробудет еще дома? Пиши мне о нем, мамочка. Сегодня я получил от Вани поздравительное письмо. Пишет, что на праздники едут в Москву отдохнуть в старом, знакомом городе. Одно известие Вани меня очень и очень обрадовало: он сообщает на основании письма папы, что питерский врач, лечивший тебя на Кавказе, нашел у тебя улучшение после Крыма. Первая радостная весть в течение этого года. Смотри же, мамуся, береги свое здоровье, не испорти его до лета, а то свиданье наше не состоится. Дальний путь потребует от тебя больших сил и много здоровья. Только бы ты сюда добралась благополучно, а здесь климат летом великолепный, здоровый. Как я боюсь для тебя великого поста.

Ради бога и нашего свидания, не изнуряй себя сверх сил. Я теперь буду считать дни и недели, отделяющие меня от тебя. Дни летят с головокружительной быстротой. Давно ли, кажется, началась зима и вот уже заметен переход на лето. Дни стали длиннее, полярные морозы миновали; теперь стоит так — 25° ниже нуля. Это пустяки сравнительно с тем, что было еще недавно (было ведь 40). Уже и 25° предвещает нам лето, а значит—свиданье. Мамусенька, ненаглядная, хорошая моя, береги же себя для нашей радости. А я в надежде на свиданье тоже чувствую себя превосходно. И очень исправно подготовляюсь к тому, чтобы встретить тебя свежим и бодрым, для этого исправно хожу на прогулку, с риском поморозить уши. Прогулка на свежем воздухе очень поддерживает хорошее самочувствие. Мамусенька, видишь, как я подготовляюсь к встрече с тобою, подготовляйся и ты. И я тебя хочу видеть бодрой и здоровой.

Мамусенька, тебе еще не надоели мои просьбы? Ведь у меня их снова куча. Напоминаю тебе о том, о чем говорил в прошлом письме, о глазном лекарстве купроле. В Уфе его наверное не найдете, придется выписать от Феррейна из Москвы. Для сокращения времени вы бы могли послать туда докторский рецепт и деньги, указавши мой адрес. А то моему товарищу грозит слепота. У него одного глаза нет, он удален операцией. Теперь он очень воспаляется и заражает здоровый глаз. Очень опасная штука. Пожалуйста, устройте это. Пришлите еще лекарств от малокровия: феррратину и каких-нибудь восстанавливающих средств. Ты, мамочка, вероятно, много перепробовала таких вещей; спроси своего доктора. От головных болей пришлите аспирину. Иногда присылайте какао и кофе. Все это идет наиболее слабым из моих друзей; некоторые страшно истощены и страдают острым малокровием, почти до обмороков. В тюремной аптеке бывают хорошие лекарства, но они скоро выходят, потому что больных очень много. Не найдете ли в Уфе железо-альбуминат Грюнинга; если есть, пришлите фунтовую бутылочку. Только справьтесь в аптеке, выдержит ли это лекарство мороз и не разорвет ли бутылочку при замерзании жидкости. Все это обойдется вам не дешево. Но страх за здоровье дорогих мне людей заставляет меня обращаться к вашей щедрости. И еще просьба: впредь из той суммы, которую вы ассигнуете ежемесячно для меня, рублей 10 высылайте на имя заключенного (здесь же) Григория Никитича Фролова [1].

[1] С.-р., 21 июля 1906 г. убил самарского губернатора Блока. Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. См. его воспоминания — «Террористический акт над самарским губернатором» в № 8 «К. и С.».

Вам ведь все равно, а для меня это важно. После всего благодарю вас за вашу доброту и прошу не сердиться на мою назойливость.

Будьте здоровы и спокойны. Привет всем родным. Обнимаю вас, мои ненаглядные, мамуся и папа, и детишек.

Всегда ваш Егор.

CCXVIII.

23 января.

Моя дорогая, моя ненаглядная мамусенька. Получил твое письмо от 4 января, судя по почтов. штемп. Господи, какое это опять грустное письмо! Не успел я вдоволь порадоваться после известия Вани об улучшении твоего состояния, как твое письмо снова наполняет меня беспокойством. Не буду и говорить, как мне беспокойно за тебя. Хоть бы поскорее увидаться. Может быть свиданье наше отчасти успокоило бы тебя и позволило бы тебе отрешиться от мрачных мыслей, с надеждой взглянуть на будущее. Много безотрадного приходится теперь пережить, передумать, но самые грустные мысли приходят, когда думаешь о вас. В прошлом письме ты порадовала меня сообщением, как вы оба с папой вспоминали меня в праздник. А в этом письме и сам папа порадовал меня несколькими строками, — кажется, первый раз за весь последний год. Жалуется, что он не может написать мне тем языком, который был бы мне понятен. Вот и со мной тоже грустная история: не могу сказать и двух слов, чтоб не оскорбить папы, совершенно не желая того. Напрасно папа думает, что я обиделся за присланные им лекарства, — я только удивился. А разве есть что-нибудь обидного в удивлении? Теперь вот папа раз'яснил же, почему вышло так, что лекарства оказались такими, какие лично для меня были не нужны? Их прислал доктор. Спасибо доктору, спасибо папе и пусть побольше и почаще присылают таких лекарств, — я не могу обидеться за то, за что должен благодарить. Папа много страдал и, конечно, он имеет право держаться своего взгляда на людей, как бы ни был обиден и, по-моему, несправедлив такой взгляд. Мне лично тяжело, что я своею персоною не мог убедить его держаться иного взгляда, и еще тяжелее, что не могу и ответить папе так, как бы хотелось, хотя сказать нашлось бы многое. Мне не надо заглядывать в душу папы, чтоб понимать, сколько горя накопилось у него там, — чувствую это и издали, хотя мы не можем найти общего языка, чтобы передать друг другу свое задушевное. Пусть поверит мне папа настолько, пусть поверит, что мое «понятие» о нем не изменилось бы, если бы мы ближе знали друг друга, ибо понятие мое о папе очень высокое, оно исполнено уважения и любви к нему. Поверит ли он

этому? Ведь доказать я, к несчастью, не имею возможности. А я в его любовь ко мне верю, хотя он и очень плохого мнения о людях, которые «только на бумаге люди»... Не огорчайся, моя ненаглядная мамусенька, тем, что я говорю. С тобою у нас, слава богу, все хорошо и вне всяких сомнений. Вот, когда приедешь, то воочию убедимся, что внутри ты и я совершенно не изменились, по крайней мере по отношению друг к другу. Как я обниму тебя, ненаглядная!.. Кстати, еще несколько слов для папы: почему он так беспокоится о том, получаю ли я посылаемые им деньги? Если бы не получал, то написал бы об этом. Притом, я почти ни разу не оставил без ответа его телеграммы. Иногда только я позволял себе говорить в телеграммах не о получении денег, а о чем-нибудь ином, более важном и необходимом для меня. Я думал, что и вы не будете иметь ничего против этого. Вижу, что ошибся и прошу прощенья. А за деньги всегда спасибо. А еще больше за любовь. Будьте здоровы, родные. Будь здорова, мамочка, милая. Будь спокойна. Я здоров. Привет всем родным. Обнимаю всех и тебя особенно. Пашу целую. Пусть она напишет о себе. Передайте мое письмо Любе и открытку Шуре. Еще раз обнимаю мамочку.

Ваш Егор.

Благодарю Дмитрия Ник. и Екатер. Як. за новогодние карточки. Поздравляю их в свою очередь и желаю всего самого лучшего. Сейчас получил от тебя две посылки (масло, ветчина и проч.). Спасибо, спасибо, родная.

CCXIX.

23 января.

Родные мои, милые!

Как много потерял я с вашим от'ездом в далекие края. Когда были вы дома, бывало, нет-нет, да и вспомните меня теплым словом, и повеет на меня родною лаской, милым привольем. А теперь, эх, не могу и сказать, как одиноко, холодно теперь! Только теперь начала создаваться для меня настоящая пустыня. От мамы приходят все нерадостные вести: больна, больна и больна! Не успеют утешить известием, что ей получше, как вдруг снова пишут об ухудшении. А папа, — от него я в течение целого года не имел ни звука, и вдруг вспомнил, да еще как! Тяжело получать такие письма от человека, которому так много обязан, кого любишь.

Знаю одно: если бы я был на его месте и держался его взглядов, я не написал бы подобного письма человеку, который не может и не считает себя в праве ответить ему так, как

следовало бы. Бог с ним. Все-таки он любит меня, все-таки он много и глубоко страдал и этим заслужил право иногда быть несправедливым. Я же всегда чувствую себя неоплатным должником перед ним. Но не в том отношении, как это, повидимому, склонен думать отец: его любовь ко мне и страдания этой любви для меня выше всякого сравнения с теми материальными жертвами, которые он принес и продолжает приносить ради меня. Если бы он прекратил помогать мне, моя любовь к нему и мой долг перед ним не убавились бы ни на иоту [1].

Родные, не забывайте меня в своем далеке. Напоминайте мне, что есть у меня действительно родные люди, которые любят меня безо всякого укора. Иной раз, как подумаешь о воле, то таким холодом пахнет, что, кажется, нет у тебя иных близких, кроме тех, и с кем вот теперь мыкаешь свою судьбу. Еще год до конца, но что мне этот конец? Каким далеким, чужим он мне кажется. Не хочется даже думать о нем. Сколько вот ушло отсюда тех, с кем жито да пережито, и как многие из них уходили не с радостью, а со слезами.

Родные, пишите, пишите. Как твое здоровье, милый? Поправляешься ли? Будь здоров, дорогой. Будьте, по возможности, счастливы.

Обнимает вас ваш Егор.

Многое из написанного решил зачеркнуть. Так лучше.

CCXX.

29 января.

Милая моя, хорошая мамусенька!

Получил от тебя письмо (от 15 янв.). Господи ты боже мой! Небо так ясно и дело идет уже к весне, а как грустно на белом свете! Моя ненаглядная, моя грустная мамочка, да когда же ты улыбнешься ясною улыбкою и улыбнешься ли? Обнять бы тебя покрепче, расцеловать бы всю, — может быть и улыбнулась бы. Ты хочешь порадовать меня, пишешь, что твое здоровье временами все-таки получше прежнего, — эх ты, хорошая моя, не умеешь ты обманывать, даже с благими намерениями. Какое уже получше, когда пишешь такие безнадежно-тоскливые письма. Вот признаешься, что даже не пишется, не знаешь, о чем писать мне. Милая, не беспокой себя об этом-то, — не пишется, так и не пиши, а я уж как-нибудь обойдусь. Только бы знать, что ты еще жива. Или вот что: вместо писем, посылай мне лучше маленькие открытки, — тебе легче будет писать их, меньше приготовлений, меньше труда...

[1] Пять строк зачеркнуто.

А небо все-таки ясно, — поглядишь на небо и вдруг забьется сердце надеждой: может быть придет весна, может быть обойму мамочку. Мамусенька, ненаглядная, будь же здорова и береги себя для жизни. Не могу просить тебя, чтоб ты не думала о смерти, но умоляю тебя: думай же хоть немного о жизни, береги себя. За сообщение о детишках спасибо. Всегда читаю о них с большим удовольствием. Еще раз благодарю тебя за посылки (с ветчиной и маслом). Обнимаю тебя, дорогая, бесценная, и целую. Обнимаю детишек. Привет всем родным.

Твой Егор.

CCXXI.

6 февраля.

Ненаглядная мамусенька, и вы, мои дорогие путешественники, привет вам от всего сердца! На-днях получил телеграмму о возвращении, а теперь буду с нетерпением ожидать более подробного уведомления. Позволительно ли порадоваться? Как здоровье-то? Доктора ведь оставляли на полгода, что же так прискакали обратно? Пишите, пожалуйста, откровенно, не бойтесь за мою способность противостоять правде. Радуюсь, что вы снова поближе от меня; боюсь, с надеждой ли на лучшее вы вернулись. Скучал я по вас очень сильно. Как-будто не из Уфы вы уехали, а отсюда. Совсем будто один оставался. Право! Надеюсь, будете милосердны ко мне, станете писать помаленьку. Только помаленьку, но почаще. Ну, ну, не буду приставать для первоначала, а то и раньше надоел Любе хуже смерти. Теперь и мамочке будет повеселее.

Мамусеньку мою хорошую, добрую я должен поблагодарить за посылки (белье, масло, мед и все прочее получил). Особое большое, большущее спасибо за карточки с девчурок. Вот они второй день стоят у меня на столе, и в моей келье как-будто светлее. Взгляну на них и улыбнусь. Вспоминаю, когда мы оба были такими. Мамочка у нас была всегда грустная и больная. Но не такая же, как теперь. И наверное, когда глядела на нас, то тоже улыбалась. А мы — вот уж и не могу встать в положение того времени. Тогда и теперь! А помните ли, моя дорогая, как он отличался своими беличьими способностями, благодаря которым не оставалось ни одной крыши, на которой бы он ни побывал? А помнит ли он, как он однажды меня затащил в свое воздушное царство и потом не знал, что со мной делать, на себе ли тащить обратно или что? Ух, давно, давно это было. Между тем и этим выросли вот эти цветы. Свежие, нежные, милые... Новая жизнь! Неужели наша жизнь уже старая, отходящая в область прошлого? Ну, ну, еще посмотрим. А девицы мне очень приглянулись. Та,

что с локонами, должно быть, большая шалунья, а другая смиренная. Ах, как бы мне хотелось поднять их к себе на плечи, повыше к небу и так походить с этою живою гирляндой на шее! Впрочем, они, пожалуй, не удостоили бы меня своим любезным вниманием, ведь тот дядя Егор, который дарит им игрушки на елку и именины, наверное, не похож на меня: к моему костюму они не привыкли. Как же вы могли разлучить эту парочку и надолго ли? Когда вернется домой средняя?

Сейчас ходил гулять. Погода великолепная. Уши еще боятся быть помороженными, но все говорит о повороте на весну. Небо, солнце, воробьи говорят глазам и сердцу: «не робей! скоро весна!..». Мамусенька, слышишь ли ты шопот еще отдаленной, но уже приближающейся весны? Теперь у вас ярмарка. Раньше, бывало, не успеет пройти ярмарка, подкатит масленица, а в конце последней дороги уже обыкновенно никуда не годятся. К весне, к весне! Еще раз повторяю для тебя, мамочка: верь в предстоящее свидание, но с некоторой дозой сомнения. Мало ли что может случиться, вдруг свиданье не состоится. Смотри, чтобы потом не особенно страдать от разочарования.

Благодарю тебя, мамуся, за щедрые посылки. Все в лучшем виде. Только вот кальсоны пришлось переделывать, очень узки в поясе. Пришлите мне, пожалуйста, в сухом, т.-е. порошкообразном виде бромидов (калий, натрий и аммоний). Я без б р о м у н е м о г у о б х о д и т ь с я, а в здешней аптеке весь вышел. Больше никакими просьбами и поручениями не утруждаю вас, — совестно стало, наконец.

В скором времени должны быть именины тетушки Ал. Ник. Передайте ей от меня сердечное поздравление с пожеланием всяких благ. Ваня перед от'ездом из Ялты в Москву писал, что по возвращении они думают переменить квартиру и в таком случае известят об адресе. Ни писем, ни адреса нет. Вероятно, квартиры не меняли. Еще подожду с недельку и напишу им по старому адресу. Ну, мои ненаглядные, будьте здоровы и бодры. Крепко, крепко обнимаю всех вас, всех целую горячо. С большим нетерпением жду отчета о путешествии. Привет всем родным. Привет папе. Мамусенька, береги себя!

Обнимает тебя твой Е г о р.

CCXXII.

14 февраля.

Ненаглядная, милая моя мамусенька!

Это письмо, вероятно, успеет притти в конце масленицы. Не думаю, чтобы вы на масленице чувствовали себя по-праздничному. Но все-таки вокруг вас в это время будет особенное

оживление, а когда кругом веселятся, то собственная грусть от этого увеличивается. Не грусти, родная. Если хочешь в дни масленицы немножечко попраздновать и ты или хоть не особенно грустить, то я у тебя в гостях. Меня очень будет интересовать, как удались ваши блины и вся прочая благодать. Когда я сидел в Шлиссельбурге, то там почти всю масленую нас кормили блинами, и мне казалось, что эти блины присланы тобою. Но тогда я не мог написать тебе об этом. Теперь не будет блинов, зато я могу поехать к тебе в гости вместе с этим письмом. Последнее мне больше нравится. С первым днем великого поста уже пойдем навстречу весне. Разве не слышишь ты, как великопостный звон говорит: весна идет! весна идет! Готовьтесь к весне! И впрямь: в языческую эпоху, в последний день масленицы, в деревнях сжигали соломенное чучело зимы. А теперь великий пост служит подготовлением, а пасха—день воскресения к новой жизни, праздник пробуждения природы. Весна идет, я готов был бы радоваться наступлению поста, если бы это время не было так опасно для твоего здоровья. Береги, щади себя, родимая! Ты должна сберечь свои силы для лета, чтобы приехать на свиданье. А приехать тебе надо в виду моего возможного выхода на поселенье. Вероятно, на поселенье меня пошлют в места очень отдаленные, куда вряд ли ты сможешь приехать... Береги же себя постом.

Твои заботы обо мне, дорогая мамочка, неисчислимы и так нежны. На-днях снова получил от тебя посылку (сыр, какао, земляника, мыло, бумага и конверты). Спасибо, спасибо, моя хорошая. Каждый день, каждый час чувствую над собой твою заботливую, любящую руку. Уж и расцелую же я тебя, когда приедешь. Передай мою благодарность и папе за деньги, полученные мною в начале февраля. На этот раз от него не было телеграммы, и я думаю, я уже совсем не виноват, что не уведомил его о получении.

Вот скоро великий пост; в последний день масленицы имеют обыкновение отпускать друг другу грехи. Пусть же папа в этот день простит мне все, в чем он считает виновным меня. А для меня он всегда один из лучших отцов, любимый и уважаемый. Помнишь, мамочка, я недели две или три тому назад в твоем письме послал письмо для Любы. Как оно, послано было до ее возвращения домой, или же поспело как раз к ее приезду? Надеюсь, на-днях получу весточку от самих путешественников. Жду ее с нетерпением. Ну, вот, не успел спросить, как узнал, что письмо подоспело как раз к возвращению путешественников. Благодарю за деньги. Так как вы имеете обыкновение высылать ежемесячно по 50 руб., а я вам указал, кому высылать неполную вашу стипендию, то остальные до 50 руб. высылайте пока на мое имя. Грише Фролову

высылайте не по 10 руб., как я просил, а по 4 руб. 20 коп. Из Питера пока пусть высылают на меня. А потом укажу кому.

Ну, спасибо вам, сердечные, за все.

Крепко обнимаю всех. Будьте здоровы. Я живу и чувствую себя попрежнему. До свидания, мамочка, милая.

Твой Егор.

CCXXIII.

20 февраля.

Сейчас вернулся с прогулки и сажусь за письмо. Хочется передать тебе, мамусенька милая, то хорошее, бодрое настроение, которое я принес с собой со двора, где было совсем тепло. Знаешь, как бывает иной раз: сидишь в комнате и отвык от свежего воздуха; вдруг, кто-нибудь взойдет в комнату со двора и принесет вместе с собой свежесть чистого воздуха; и ты с жадностью вдохнешь в себя этот лучший из ароматов, свежесть. Такою вот свежестью повеяло сегодня мне в душу на прогулке. Хорошо! Бог знает, что будет с нами когда-нибудь, но сегодня хорошо. И приговоренные к смерти могут еще дышать с удовольствием, чувствуя жизнь в себе и во вне. А солнце светит милое, ласковое. Уши уже не боятся поморозиться. После обеда бывает даже сыро, — тает на местах, где пригрело. Что-то раннее, детское вспоминается. Вот и масленица наступает, — у нас не веселая и не широкая. Ну, да все равно. Было бы вам хорошо, а я буду думать о вас и на этом отдыхать.

Получил первое любино письмо после путешествия. Странно, должно быть, вы чувствуете себя, сестра. Вот побывали там, где жизнь концентрирована, как газ под давлением в герметически закупоренном сосуде. Если вы и там не видели жизни, то нигде в другом месте уже не увидите (то-есть, если свой уголок не дает иллюзии жизни). Я помню, когда я был в тех местах, то чувствовал себя, как во сне. Должно быть так чувствуют себя люди в сказках и утопиях, когда они просыпаются после вековой спячки среди новой жизни: видишь—живут и не можешь принять участия в жизни, потому что она тебе чужая, потому что ты в ней случайный гость. Ваше письмо меня разочаровало, — не того я ждал от вас после путешествия. Надеюсь, все-таки, вы еще расскажете мне что-нибудь поинтереснее.

Вашей холодности к «моей» Венере Милосской я не удивляюсь: чтоб воспринять ее красоту, надо или обладать чувством эллинского восхищения чистою формой, или же предварительно много думать о Венере, сочетать с ее образом много ассоциаций, которые бы могли косвенным путем привести к пониманию чистой формы, если путь непосредственного вос-

приятия ее от природы заказан. Я лично совершенно не эллин и не умею чувствовать красоту чистых форм и, если бы меня не заставили думать о Венере Гл. Успенский, Гейне, Тургенев и др., то я наверное прошел бы мимо нее холодным. К Венере я пришел, как старый знакомый. Это не значит, что я прикидывал к ней не свою, книжную мерку, — нет, мое ощущение от нее было очень живо. Да и что человек может из своих переживаний назвать «своим»? Только очень ограниченный круг и, может быть, самых элементарных ощущений. Остальное, наиболее сложное и утонченное дается воспитанием и самовоспитанием. Без художников мы, наверное, не умели бы воспринимать красоту многих вещей природы и искусства, которые теперь высоко ценим, как самое прекрасное в жизни.

Вы, Люба, говорите, что не виделись с Шурой. Но как же вы могли видаться, когда она не там? Разве вы надеялись встретиться с нею?

Представляю себе, какое тревожное время переживает теперь Фрося. И для нее, наконец, наступают темные дни. Вы знаете, что ее судьба стоит в самой тесной зависимости с Дмитрием Николаевичем. А его скоро не будет ,— днем раньше, днем позже, но это неизбежно. То кажется, что он еще поживет, то вдруг оказывается, что ему дышать остается всего недолго. Беда. Бедная Фрося, должно быть издергалась нервами порядком. Скорее бы уж тот или иной конец [1].

За руководство к черчению и столярному мастерству я уже, кажется, благодарил вас и еще благодарю. Это то самое, какое я просил. Если наши мастера будут живы-здоровы, то ваши, Люба, заказы будут исполнены. Моему другу Грише Фролову (тоже мастер) очень нравятся мои племянницы (на карточке) и он несколько раз собирался делать для них игрушки, но я его отговариваю, потому что работа с игрушками очень кропотливая и мелкая, а у него больные глаза. Вы спрашиваете, которая из девчурок понравилась мне больше. Я отвечу, как они говорят: обе больше нравятся. Славные, милые. Ну, всех вас обнимаю. Будьте здоровы. Будь здорова ненаглядная мамочка.

Обнимает и целует тебя твой Е г о р.

Привет Шуре. Привет папе и всем родным.

[1] «Фрося» — сам Е. С. Созонов. «Дмитрий Николаевич» — повидимому, боевая организация партии с.-р. или террор.

CCXXIV.

29 (?) февраля.

Мамочка, радость моя бесценная, как мне отблагодарить тебя за карточки? Гляжу и не нагляжусь, не могу оторваться. Так вот она какая стала, моя милая, хорошая мамочка! То же лицо, бесконечно дорогое, но как оно изменилось — даже сравнительно с тем, которое глядит на меня со старой, шлиссельбургской карточки! Старая, старая моя мамочка! Сердцу больно видеть, как ты постарела. Сколько морщин на лбу, какие складки на щеках. И выражение такое скорбное, тихо, безнадежно скорбное. О, моя милая! Как много сказала мне твоя карточка. Недаром дались тебе эти годы, каждая слеза твоя оставила борозду на щеках. Хорошо, что сердце глубоко запрятано в груди, а то порассказало бы оно про те неисходные муки, в которых томится оно. И вот, как-будто исчезло тысячеверстное расстояние, разделяющее нас, и я вижу тебя, как живую, всею душою переживаю твое великое горе. Радость, радость, моя мамусенька, так бы и обнял тебя и целовал, целовал бы без конца твою милую, старую голову, ручки твои худые. Спасибо, спасибо за карточку . . . Я не знаю, как бесконечно больно было бы мне видеть тебя одну на карточке. Но я вижу рядом с тобою два юных, чистых, беленьких цветочка, и мне хочется и плакать и смеяться. Но я вижу рядом с тобою сестру, уже не ту сестру, которую я видел еще в Москве, вижу и на ее прекрасном лице затаенную печаль, — и вот, видеть вас рядом, вместе — для меня счастье. Если бы вы, как две родные души, ближе, ближе сошлись, если бы вы помогли друг другу жить!.. Как я люблю всех вас.. Любочка, сестра моя прекрасная, верите ли вы, что я сильно, сильно люблю вас? Спросите его, он знает, как я люблю его,—люблю и вас, как прекрасную часть его души. Чистые, беленькие цветочки! Спасибо вам от дяди Егора, вы такие хорошие, так любите бабушку. Любите ее еще больше, больше целуйте ее, не давайте ей плакать, грустить.

Господи, каким теплом, какой лаской повеяло на меня, когда я взглянул на них. Они очень похожи на своего папу, особенно та, что стоит около твоей правой руки— должно быть это та же, что около тебя на карточке четверых. Их трудно различать. Я как-будто увидел брата в детстве. Только он был букой, а они такие веселые, ясноглазые — это, вероятно, виновата их мамочка. Они вышли прелесть как живо, им, вероятно, не мешали стоять, как они хотели. Которая из них шалунья? Пусть будут обе шалуньи, только пусть побольше любят бабушку . . . Что, они русые, а глаза у них какие? Ах,

вы птички-щебетуньи, спасибо вам, что снялись. Дядя Егор вас целует и высоко, высоко поднимает вас к небу. Пусть ваша жизнь будет столь же ясна и прекрасна, как это небо! Еще раз напишите мне, которая из них Зоя и которая Нина. Ты в прежнем письме сказала, что левая — Зоя, а от кого — от тебя или от зрителя левая? За посылки благодарю и целую. Все получил. Все четыре посылки... Пока мне больше ничего не надо; не беспокойся обо мне, мамочка, если бы я в чем нуждался, я написал бы тебе. Написал я вам и телеграфировал о том, что я согласен, если бы вы вздумали хлопотать о моем переводе. А теперь вот не знаю, хорошо ли было бы, если бы мы были ближе друг от друга и могли бы хоть изредка видеться. Ведь теперь свиданья происходят при такой отвратительной обстановке, что они вместо радости приносят, наверное, одну муку. Может быть, ты, мамочка, больше страдала бы тогда. Подумайте хорошенько прежде, чем решитесь.

Где теперь папа? Если дома, то обнимите его за меня. Бедный папа, он мне прислал такую грозную телеграмму, почему я не отвечаю на телеграммы сразу, и приходится телеграфировать дважды. Чем же я виноват?

Тетушке А. Н., Зиночке, Тоне и Лиде — привет и поцелуй. Привет Дмитрию Николаев. Привет Маше, Матвею, Устинье и всем, всем. Вас всех обнимаю и целую. Еще раз спасибо за карточки и посылки. Привет Ек. Ник. с семейством.

Всегда ваш Егор.

Очень рад, что здоровье Зины не пострадало от поездки. Дай бог ей здравствовать. Сегодня целый день в моей камере было так уютно и так хорошо. Ваши карточки не выходят из моих глаз; смотрю и радуюсь. Что-то давненько нет от вас писем. Пишите, получаете ли мои?

CCXXV.

1 марта.

Вот и масленица прошла. Здесь маленькие колокола, еле слышишь их лепет. Но когда слышу его, то вспоминаю другой звон. Теперь там у вас хорошо звонят. Торжественно-печально. Ударят раз и остановятся, как-будто задумаются. Есть о чем подумать человеку, кое-что пережившему...

Посылку вашу (лекарства, масло, полотенца и проч.) получил. Очень, очень благодарю за нее. Получил также посылку от тетушки М. С. из Ялты со сластями. Вот пригодились-то для наших больных. Один умирающий чахоточный все время просил достать ему сушеных фруктов, говоря: «только бы попробовать этого, сразу стало бы лучше». И вот, получаются

финики, варенье. Несколько дней больные радовались, а им и всего-то жить осталось с неделю. Как видите, у меня есть сильные побудительные причины, которые заставляют меня обращаться к вашей доброте.

Почему-то давно нет от вас писем, — впрочем, чего там «почему» — и так понятно. Ну и ладно. Последнее послание Любы с перечислением вещей в посылке нельзя же принять за письмо. Это не письмо, а реестр. А еще так далеко ездили...

Как-то поживает мамусенька? Будь здорова, ненаглядная, и береги себя. Я здоров, как всегда. Обнимаю тебя и всех.

Ваш Егор.

Не сможете ли вы достать и прислать мне «Фауста» Гёте, в переводе Холодковского (есть дешевое издание, кажется Суворина), «Потонувший колокол» Гауптмана, «Бранда», «Пер-Гинта», «Джона Габриэля Боркмана» Ибсена, — в отдельных дешевых изданиях. Как-то я просил вас посещать букинистов, у которых часто за ничтожную цену можно встретить очень хорошие книги. Вам самим, конечно, не до того, чтоб ходить по букинистам. Но вы бы могли поручить это кому-нибудь из знакомых гимназистов — ведь есть же у вас такие. Русские и заграничные классики (в роде приложений к «Ниве»), наверное, валяются ни за копеечку где-нибудь на базарах. По крайней мере, раньше так бывало. Если не трудно — попытайтесь.

CCXXVI.

6 марта.

Жив, здоров. Обнимаю всех, дорогую мамусеньку в особицу. Как ее здоровье? От вас ни звука. А то, что вы и писали по приезде, не содержательнее вот этой моей открытки. Теряю способность говорить, когда в ответ или пара официальных слов, или ничего. И скучно же жить на белом свете — в иные моменты

Е.

CCXXVII.

12 марта.

Ненаглядная моя мамочка и вы все, мои дорогие, родные, бесценные. Как я жалею теперь о той открытке, которую послал вам прошлый раз. Ваше письмо от 15 февраля показало мне, как мало вы заслужили те упреки, которые я посылал вам за вашу скупость на слова. Но лучше бы вы были на самом деле скупы, т.-е. молчали бы или мало писали от простой неохоты, чем по тем причинам, о которых я узнал. Не стану и скрывать, как мне тяжело. Всей душой у вас, с вами, мои

дорогие, любимые. Не знаю даже, как вам ответить. Всю неделю после получения ваших писем не перестаю думать о вас.

Люба, простите ли вы мне мое письмо в ответ на ваше первое после приезда? Я все-таки не представлял себе всей обстановки, в которой происходило ваше путешествие, и никак не мог понять, почему вы держите меня в неведении насчет ваших впечатлений, когда знаете, как жадно я жду здесь известий от вас. Я думаю, вы все-таки поймете меня, если взглянете на эту сторону дела и, поняв ши, не станете сильно обижаться на меня. Зина об'яснит вам, что у меня в моих обидах не простой каприз и не праздное любопытство.

Мамусенька, милая, повторяю, что уже не раз говорил: не бойся за то впечатление, какое могут оказать на меня твои грустные письма. Разве я хочу веселья, когда тебе так тяжело? Я бы хотел помочь тебе хотя бы тем, чтоб разделить твою грусть, — может быть, тебе от этого будет легче. Прошу и остальных не скрывать от меня своего настоящего душевного состояния. Не бойтесь за меня, я уже достаточно привык к пасмурной погоде, до того, что чужое веселье как-то не веселит меня, а горе не пугает. Ко всему ведь можно привыкнуть. Вы, Люба, пишете мне о том, что ждет меня через год. Не радует как-то это. Если и кончится когда-нибудь этот год, то вряд ли он принесет мне много счастья. Да и не хочу я последнего. В каком-то положении застану я вас всех, милых? А потом столько останется назади, чего никогда не забудешь. Какое уж там счастье! Да и в нем ли смысл жизни?

Спасибо вам, дорогие, за посылку (сыр, масло, какао и пр.). Попрошу я вас не присылайте больше кофе «здоровье» — тошнит от него и изжога. Вот разве иногда настоящего кофе... А те больные, о которых я вам писал и которым давал кое-что из посылок, уже умерли. Теперь есть новые кандидаты на то же. Эх!..

Ну, будьте все здоровенькими. Папа, кажется, теперь дома. Поэтому всех вас обнимаю крепко и целую.

Ваш всегда Егор.

Спасибо за привет от Шуры, передайте и ей от меня. Попрошу я вас прислать мне шероховатую мочалку для бани.

CCXXVIII.

20 марта.

Родная моя, хорошая мамочка!

Как-то вы там все поживаете? Никогда еще время не казалось таким длинным, как теперь. Целые дни с утра до вечера как-будто ежеминутно ждешь чего-то. А когда получишь

от вас письмо или телеграмму, то боишься заглянуть в них. А на дворе уже весной пахнет: и тепло, и светло, хотя кругом еще снег. Каждая весна приносит в душу что-то бодрое. Вот подождем, — под ее ласками может быть растают наши беспокойные мысли. Интересно мне, как-то ты проводишь нынче пост, должно быть, здорово изнуряешь себя за всех нас. Милая, ты хоть за меня-то не трудись, я ведь здесь тоже не особенно роскошествую круглый год. В общем-то и выйдет очень большой, очень большущий великий пост.

Ты, наверное, все мечтаешь о нашем летнем свидании. Боюсь я, как бы оно (не) удалось, не привязывайся ты к этому сильно своею надеждою, а то больно будет отказаться. А отказаться, может быть, придется нам с тобой самим... Тебе поездка сюда должна обойтись чересчур дорого во всех отношениях, чтоб ехать на неудачу. Только после того, как выяснится, много ли радости может дать свидание, ты можешь упаковывать свои чемоданы. А теперь пока не чересчур собирайся.

Как-то поживает моя милая Зина? Если у человека остается еще светлая голова на плечах, то в его руках целое богатство жизни. У меня вот, вследствие многих и различных обстоятельств, голова не совсем в порядке, но право же, я могу сказать, что эти последние годы я ж и л и очень жил. Сколько передумано, сколько перечувствовано! Только теперь я породнился с самыми интересными и важными мыслями. Ты до сих пор оставалась в стороне от этого течения жизни, почему бы тебе не попробовать подойти к нему поближе? Родная, не сердись на меня за эти слова, — по-моему, это не камень вместо хлеба, а самый насущный хлеб. Если бы я жил вместе с вами, то и тогда я не говорил бы иначе, но тогда, надеюсь, говорил бы совсем безрезультатно. Будь бодра, будь сильна, моя ненаглядная. Меня очень интересует судьба крестной [1]. Сохранилась ли она для новой жизни? Как бы хотелось иметь ее карточку (теперь это не невозможно). Весточка о том, что она может быть еще снова заживет, была единственным светлым лучом за все это распроклятое время. Люба, дорогая, а вы на меня не сердитесь? Видите, я уже ни о чем не прошу и не упрекаю вас.

Ну, будьте все здоровеньки, бодры. Я живу по-старому. Все ваши деньги получаются. Спасибо. Спасибо. Мамусенька, милая, будь здорова, бегай хоть помаленьку. Обнимаю тебя и папу. Всем родным горячий привет.

Любящий вас Е г о р.

[1] Речь идет, очевидно, о Е. К. Брешковской.

CCXXIX.

28 марта.

Моя дорогая мамусенька!

Получил твое письмо от 11 марта. А с неделю тому назад было письмо от Любы (даты не помню). Спасибо вам, мои хорошие. Теперь с перепиской у нас снова все без приключений. Я получаю ваши письма регулярно, вы, надеюсь, тоже. По крайней мере, хоть в этом отношении спокойно на душе. Мамуся, ненаглядная, не мучься тем, что пишешь редко. Я уже привык к этому и не беспокоюсь, если в промежутки между твоими письмами получаю известия о тебе от других. Как-то ты сейчас выглядишь, вероятно, вся испостилась. Прошло уже благовещенье; у вас теперь прилетели скворцы, да и у нас иной раз веет совсем по-весеннему. Еще на-днях ветер сердито завывал и нанесло груды снега. А сегодня была благодать, ходи хоть в одной рубахе. Некоторые товарищи с хорошими ушами хвастаются, что сегодня утром слышали жаворонков. Видите, до чего дошло. Бог даст весна обогреет нашего брата-сибиряка, и мы станем выглядеть повеселее. Тогда и письма будете писать более радостные. Ваше раз'яснение, Люба, насчет высокоуважаемых девиц (которая из них смирная и которая егоза) удивило меня: совсем, значит, не физиономист я! Когда-то я познакомлюсь с этими особами поближе! Говорят, что с сегодня мне остается 10 месяцев. А мне так кажется, — не месяцы, а годы. И никогда не мечтаю о скором выходе, как-будто это не меня касается. Если настанет время, тогда и будем мечтать. А теперь еще рано.

Ну, будьте здоровы, мои дорогие. Всех вас обнимаю, всем желаю подойти к светлому дню с светлыми настроениями. Будет ли на праздниках дома папа? Мой низкий поклон ему. А мамуся пусть будет здорова. Привет всем родным.

Любящий вас Егор.

Пришлите мне гуттаперчевой пломбы (продается в палочках). Этой пломбой мы пломбируем сами себе зубы.

CCXXX.

10 апреля.

Ну, мамусенька дорогая, вот добрались и до последней недели великого поста. Жива ли ты, здорова ли? А обо мне не беспокойся, — я, как всегда. За посылки я тебя, кажется, уже поблагодарил? Получил письмо Любы от 19/III. Это ответ на мое первое письмо, которым я встретил их после их воз-

вращения из путешествия. Заслуженный ответ! Как все-таки жаль, что у нас остается непонимание друг друга. Все это зависит, конечно, от чисто внешних условий переписки, но все-таки жаль. Вы приняли мой упрек (дескать «не видели жизни») за чистую монету. Но, во-первых, в тот момент я еще не знал или не понимал — не хотел понимать (ведь неохотно понимают тяжелое) — вашего состояния. А, во-вторых, вы все-таки не представляете себе, чего я хотел и ждал от вас. Я не был «очарован» недалеким прошлым и вовсе не надеялся, что вы сумеете меня «очаровать» чем-нибудь очень приятным. Но я был все же глубоко разочарован вашим могильным безмолвием. Знаете, когда видишь человека, вернувшегося с родины, жадно выспрашиваешь его обо всех мелочах, касающихся родных. Что чужому неинтересно, старо, ничтожно, то для тебя имеет несравненную ценность. Вы были в местах, очень дорогих для меня. Даже сидя в номере гостиницы, вы все же могли бы, хотя бы путем чтения, ориентироваться во всем. Пусть это «все» печально до-нельзя, но вы могли бы изучить его досконально, что называется, вложить пальцы в раны. Пожалуйста, не говорите, что вы ничего нового не могли узнать. Это, без сомнения, не так: будь у вас другое душевное состояние, вы бы, конечно, нашли много пищи для ума и сердца. Ну, а при вашем состоянии вам, понятно, было не до этого и то, что я, не усчитавши этого, позволил себе упрекнуть вас, заставляет меня теперь очень пожалеть о своей недогадливости. Простите же. Но если бы вы представили себе всю мою «тоску по родине»... Ну, будет об этом...

О приезде мамочки я уже не мечтаю. Я и писал об этом, чтоб постепенно подготовить ее к отказу от этой мечты. Письма мамы и Вани подали мне повод, что они сильно подумывали о поездке, — вот я и боялся, что эта мысль окрепнет в них чересчур сильно. Что касается брома, то он мне нужен сам по себе, и вы хорошо сделаете, если вы пришлете его на мое имя поскорее. А в крайнем случае, если понадобится, можете повторить. Почему я думаю, что судьба Фр(оси) зависит от того, каков Дмитрий? Надо ли об'яснять это [1]? К счастью, Дмитр. будет, должно быть, ничего себе, по крайней мере, пока. Всякие посторонние заботы о Фр. пока излишни. Да и не верится мне, чтоб из этого могло что-нибудь получиться.

Ну, будьте все здоровы. Всех обнимаю.

Ваш Егор.

[1] См. выше примечание к письму от 20 февраля 1910 г.

CCXXXI.

25 апреля.

Еще раз Христос воскресе, мои дорогие, родные мамочка, папа, брат, Люба, тетушка А. Н. и вся детвора! Всех крепко обнимаю и целую. Высказывать пожелания о хорошей встрече пасхи теперь уже поздно — праздник уже прошел. Надеюсь, вы провели его с ясной душой. А наша пасха нынче прошла чрезвычайно уныло. Даже ваши щедрые посылки, за которые вас очень благодарю, не приподняли настроения. И так как здесь было совсем не по-пасхальному, тем упорнее мысль возвращалась туда, где она надеялась найти родное и светлое, т.-е. в ваши края. Как нарочно, погода стоит невозможная. Недели две тому назад совсем было тепло настало, но вдруг зима вернулась. Выпал снег, холод, сырость. В трубе целыми днями ветер волком воет. Прямо тоска. А в довершение всего от сырой погоды инфлюэнца разгулялась. Ну, да это скоро пройдет. До мая осталось всего несколько дней, а прекрасный месяц май, наверное, принесет весну настоящую. Да, а посылки ваши были богатейшие. И почти все дошло в лучшем виде. Только колбаса и ветчина сверху немного попортилась. Ну, мы их подчистили и с'ели за мое почтение. Вот с толокном не знаю, что делать. Квасу у нас нет, молока тоже. Попробовать разве с водой? Впредь вы его не присылайте.

Ну, мамусенька, наступает весна, а моя надежда повидаться с тобою окончательно покидает меня. Очень уже дорого обойдется тебе путешествие, и не только в материальном отношении. И при этом может случиться так, что доберешься до Читы, а там тебе откажут в разрешении на свиданье (надо брать его у чит. губернатора). Такая история недавно случилась с родителями одного из моих товарищей. Хорошо, что они иркутские. А тебе трястись через тысячи верст. И получивши разрешение от губернатора, ты можешь встретить еще не одну неприятную случайность где-нибудь в другом месте. Могу ли я согласиться на такие эксперименты над тобою? Нет, уж лучше совсем не делать попыток. Хорошо, если бы все хлопоты были проделаны прежде, чем ты тронулась бы в путь. Тогда ты могла бы поехать с большей уверенностью. Но ведь этого не удастся сделать. И если бы ты все-таки решилась поехать, то лучше для тебя было бы ехать с кем-нибудь из своих, например, Любой. Хотя и тут нет уверенности, что Любе дадут разрешение на свидание. Ване тоже, может быть, откажут. Примите, пожалуйста, все это во внимание и тогда решайте. А я с болью сердца советую вам отказаться.

Несколько слов дорогой Нине [1]. Родная, хорошая моя, ей богу же я все понимаю, и не только ни в чем не упрекаю, но и в мыслях не посмел бы обратиться к Ильке с каким-нибудь поручением. Понимаю, как ему трудно чувствовать свое бессилие. Думаю, что и я на его месте чувствовал бы себя так же. Я уже сказал больше: я понимаю, что есть такие положения, когда психологически становится невозможным относиться к жизни с тем интересом, как раньше. Не обвиняю, не упрекаю, а понимаю и очень горюю. И крепко обнимаю.

Ну, мои дорогие, все будьте здоровы. Ходите бодрее. Всем низкий поклон. Привет и поздравления Дмитр. Никол. с женой, Маше, Матвею и всем, всем.

Обнимает вас ваш Е г о р.

Передайте мой привет хлопцу. Собирался написать еще двоим, да инфлюэнца помешала.

О книжках «Универс. Библиот.» пока не пишу. Потом сообщу, чего у нас нет. Напоминаю о «Потонувшем колоколе» Гауптмана. Пришлите также сухой землянички к чаю.

CCXXXII.

30 апреля.

Дорогая, хорошая мамусенька, вы все мои родные, милые. Получил ваше письмо от 9 апреля. С ним открытку с видом нашей Белой и 10 шт. марок. Спасибо, дорогие. Как-то теперь чувствует себя мамочка? Дорого, должно быть, обошелся ей пост. О том, что ваши грустные письма и мне несут грусть, не тужите. Как же иначе? А я уже привык к минорным настроениям, (так) что одной печалью больше, одной меньше — немного изменит в общем. Милые мои, мы давно не видели друг друга, порядком далеко отошли друг от друга, — немудрено, что в письмах наших иной раз случаются невольные недоразумения. Давайте забудем о них и раз навсегда поверим, что внутри нас друг к другу все хорошо и светло. Для меня ваши места настоящая родина. Часто, часто уношусь к вам мыслью и отдыхаю около вас, а вы и не знаете этого. Я знаю скромность Нины и поэтому понимаю, что никогда не приду с нею к соглашению насчет ее головы. Голова у нее светлая, то и хорошо, что она «не привыкла к отвлеченностям». Дело не в отвлеченностях, а в том, чтоб думать о живом по-живому, т.-е. по-своему. Тот, кто слишком долго пребывал в мире отвлеченностей или просто занимался «словесностью», уже теряет способность думать просто, не по шаблону. А потому, если он почему-нибудь не может принимать непосредственного

[1] Нина, как и ниже Илька — Зот Созонов.

участия в жизни, он самый несчастный человек, ибо чувствует, что жизни у него нет, а на место живой мысли — мертвые формулы, слова. Получается полный крах. Человек же живой, тот, кто всю жизнь жил сам по себе, а не по формуле, остается самим собой и вне жизни. В его опыте, в его думах над опытом, своим и чужим, еще целая жизнь для него. Только бы он захотел помириться на этом. Я думаю, что я не ошибаюсь насчет Нины. Но что я сделаю своими словами издали? Тоска и бессилие... Родная, «резко» писать я не хотел. Если выходило резко, то просто потому, что иначе не умею. Резкими бывают, когда считают кого-нибудь неправым или сердятся. А у меня нет ни того, ни другого. Прости и верь в мою любовь.

Где-то теперь папа? Все еще дома? Мой сердечный привет ему и всего самого лучшего в его делах и трудах. Как вы все, должно быть, изменились за годы разлуки.

Бог ты мой, какая скверная нынче весна у нас! Холод и холод до самого мая. А сегодня не то дождь, не то снег. Прежние весны были куда удачливее. Может быть, это комета Галлея виновата в нашей скверной весне? Если бы она как-нибудь хвостиком зацепила нашу многогрешную землю и сразу разрешила (бы) все «проклятые вопросы», я бы ничего против не имел.

Ну, до свидания, мои ненаглядные. Будьте все здоровы. Всех обнимаю. Мамусенька, милая, будь здоровенька и бодрись, бодрись. Мне, если верить в нормальный ход вещей, остается всего 9 месяцев. Смотри же, крепись. Авось еще и будем вольными людьми.

На ваш запрос о книжках «Универс. библ.» прилагаю на отдельном листочке список неимеющихся у нас нумеров. Если захотите прислать что-нибудь из этих книжек, то руководствуйтесь списком.

Еще раз обнимаю, целую.

Ваш Егор.

Деньги получаются. Спасибо.

CCXXXIII.

6 мая.

Ну, мои дорогие, родные, получил от вас целую кучу поздравительных открыток: от трех сестренок и от мамаши с дочкой. Всех вас горячо благодарю и целую. От мамочки пока ничего не получил, но это ничего. Ее тоже благодарю и целую, потому что она, наверное, мысленно посылала много поздравлений и пожеланий. Наконец-то у нас настала весна. Нынче зима затянулась слишком долго и совсем заморозила нашего брата. Теперь отогреваемся на солнышке. И по мере того,

как отогреваемся, сердце все сильнее тянется к вам. Открытки ваши сделали меня веселым на целый день. Ходил на прогулке и улыбался навстречу солнышку. Мне казалось, в его весенней ласке слышалось присутствие всех вас, далеких, но милых. У меня есть три сестры, думал я, одна совсем взрослая барышня, другие еще козочки-прыгуньи. Если бы я был вместе с ними, мне было бы очень хорошо; да и им было бы недурно, об этом я бы уже постарался. Сколько хороших уголков есть вокруг Уфы, где много уютной тени, где водятся соловьи, иволги, кукушки и всякая другая благодать. Как хорошо было бы очутиться теперь в одном из таких уголков, вместе с ними, сестренками. Конечно, пришлось бы прихватить с собою и Зою, она написала дяде Егору такое милое и большое письмо. Может быть Зоя не любит соловьев и кукушек, но, наверное, она любит сказки. Уж я бы ей рассказал, правда, не особенно веселую сказочку, но занятную. А Люсю-ползунью пришлось бы оставить дома, она еще слишком мала для путешествий. Ах, хорошо у вас, или, по крайней мере, м о ж е т быть хорошо. Как подумаешь о ваших краях, так и станет чище на душе, чище и мягче.

Милая Нина может видеть, как иногда каменеешь, если даже обладаешь всеми своими органами и если об'ективно живешь так, как многие пожелали бы.

Должен поблагодарить мамочку за посылку (белье). Очень кстати пришла. Присылаете, присылаете, а все нет ничего. Здесь, как бездонная бочка. А я все прошу и прошу. Ничего не поделаешь, такова уже наша судьба. И меньше всего забочусь о собственных интересах. Вот и теперь просьба насчет летних чулков или носков и бутылочки марганцево-железного пептоната Грюнинга. Последняя штука не боится, оказывается, ни чая, ни кислой пищи. Для всякого другого сорта железа у нас нет подходящей диэты. Только если будете посылать, упакуйте так, чтобы не разбилась в дороге.

За карточку крестной большое спасибо. Что это, очень старая? Не совсем удачна, кажется.

Дорогая Люба, не будете ли вы так добры порыться в моем старом барахле, не осталось ли там книг по естествознанию, хотя бы университетских учебников. Если найдете что-нибудь, пожалуйста, пришлите. Очень большая нужда в чисто-научной и, главным образом, естественно-научной литературе. Большую часть своей библиотеки я забрал, отправляясь в Якутку [1]. Но естественно-научный отдел, кажется, остался дома. Вам он никому не нужен, а здесь очень бы пригодился. Вы ведь знаете, какие науки относятся к естествознанию: фи-

[1] В 1903 г. в ссылку.

зика, химия, зоология, ботаника, биология, анатомия и все. что этим пахнет. Вообще, милая Люба, не осталось ли там чего-нибудь еще, — пожалуйста, загляните и пришлите. Вы знакомы с братом Мимозы? Передайте ему мою просьбу: пусть собирает всякого рода учебники и научные книги и посылает мне — начиная с грамматики и кончая какой-нибудь философской книгой. За каждую книгу буду очень благодарен. Я помню гимназические годы: имея связи с гимназистами, ничего не стоит набрать множество книг. Только бы вы потрудились сделать минимальное, передали мою просьбу какому-нибудь гимназисту, студенту, вообще учащемуся. Не может быть, чтобы это для вас было невозможно и чтоб такая незначительная просьба осталась безрезультатной. Кстати, наступает лето, а с ним и освобождение от книг. Пусть же они, вместо того, чтобы продать даром, принесут нам большую пользу. Любая книга по гимназическому курсу (за исключением древних языков) будет для нас необходима и полезна. Ну, будьте все здоровы и бодры. Обнимаю всех. Мамусеньку ненаглядную в особицу. Дома ли папа? Мамочка, обними его за меня.

Ваш Егор.

Передайте привет Шуре. Сологуба и другой книжки (из посылки) пока еще не получил. Благодарю Дмит. Ник. и Ек. Як. за пасхальный привет. Передайте им мой поклон и пожелание всего самого лучшего.

CCXXXIV.

15 мая.

Моя дорогая, моя ненаглядная мамусенька, дорогой, милый папа, и вы, все мои родные, бесценные, живы ли вы, здоровы ли? Вчера получил ваше письмо от 25 апреля с описанием пасхального сюрприза. Не могу еще опомниться от того впечатления, которое произвело на меня это письмо: мало всяких несчастий пережито нами, несчастий, часто неотвратимых, как судьба, — еще эта дикая случайность с отравлением посредством торта. Все против нас, даже кондитеры. Какое пасхальное приветствие мог бы я получить нынче! Просто страшно подумать. Нет, я не могу пока говорить об этом. Только ловлюсь руками за голову и спрашиваю себя, не во сне ли это? Как бы мне хотелось теперь, именно теперь, быть вместе с вами — как-будто я потерял вас и снова нашел. Мамусенька, ненаглядная, не падай духом, крепись. Всеми силами поддерживай свое физическое и душевное здоровье. Лето наше, конечно, пропало, нечего и мечтать о твоей поездке сюда, этого ты не выдержишь. Но через восемь с половиною месяцев, может быть, я кончу свой срок. Вы тогда могли бы приехать

в Читу или Иркутск и там мы повидались бы. Крепись же, моя хорошая. Только бы обнять, расцеловать тебя, а там будь, что будет. Последнее время чувствовал я себя как-то очень тревожно, как-будто ожидал чего-то. Вот и дождался этой новости. Хорошо, что мамочка не испытала на себе отравления, а то вряд ли справилась с последствиями своими подорванными силами. Как-то оправится папа? Ну, а дети, наверное, отделаются легче других, хотя и подвергались, может быть, наибольшей опасности: для них страшны такие опыты, но раз они выдержали, то юные силы возьмут свое. Сегодня я не могу ни о чем говорить. Просто, обнял бы вас всех и ощупывал бы ваши лица, убеждаясь, что это вы, что вы живы, здоровы. Пишите мне о своем здоровье. С нетерпением буду ожидать следующего вашего письма. Обнимаю горячо, нежно каждого и каждую из вас в отдельности. Будьте здоровы, поправляйтесь, пишите. Обо мне не тревожьтесь: я здоров, конечно, не так, как прежде, но все-таки еще надолго хватит, если не будет никаких случайностей, в роде вашей. Задержка с письмами вышла благодаря пасхальной неделе. Я пишу вам регулярно, как только могу, хотя и мало. Деньги ваши наверное получены; я не телеграфировал об этом, потому что еще не знал, получены ли они. Благодарю, как всегда. Как же быть с Питером: продолжает высылать свои деньги, а расходовать их теперь нельзя, потому что норма только в 4 р. 20 к. на каждого. Почему они не отвечают, могут ли присылать по частям? Тогда сообщил бы имена. Они своим молчанием оставляют нас без самого необходимого. Обнимаю, целую всех.

Ваш всем сердцем Егор.

CCXXXV.

22 мая.

Мои дорогие, родные! Очень мне хотелось получить на этой неделе весточку от вас, но не дождался ее. Ну, ничего. И ждал-то так усиленно оттого, что не знаю, вполне ли вы поправились после пасхальной истории. Думается, у вас идет все, как обыкновенно, иначе писали бы. Вот и успокаиваю себя. У нас весна вошла во все свои права: бывают грозы, издали виднеются зеленые сопки, пахнет откуда-то черемухой. Совсем хорошо. Только вот весенних настроений нет. И как-то даже не верится, что есть где-нибудь на земле такие уголки, где вместе с весною расцветают и люди. Не улетело ли с земли счастье? или если не счастье, то хоть способность на минуту отрешаться от своих человеческих забот и непосредственно отдаваться природе? Люди похожи на прошлогоднюю траву:

осталась она от прошлого лета и теперь сухая, черная торчит среди новой зелени . . .

Если бы вы, вольные, побольше жили. Желаю вам этого от всей души. Всех вас обнимаю. Мамусенька, ненаглядная, будь здорова. Крепись, моя родимая. Тебя и папу обнимаю в особицу. Привет всем.

Ваш Е.

CCXXXVI.

5 июня.

Моя дорогая, ненаглядная мамусенька, боюсь, что прежде, чем получишь это письмо, будешь сильно беспокоиться обо мне, ибо промежуток между этим и предыдущим письмом оказался больше обыкновенного. Золотая моя, не беспокойся, это произошло благодаря случайности и, конечно, вопреки моему желанию. Надеюсь, к своим именинам ты пришлешь мне телеграмму, в ответ на которую я и успокою тебя насчет писем. Ну, так как же делишки, как здоровьице, мамусенька, милая, бродишь ли помаленьку? Теперь, судя по известиям от вас, ты должна остаться дома одна-одинешенька. Вероятно, и папа уже уехал на Волгу, — дай бог ему хороший путь и хорошего лета. Не скучаешь ли, родненькая? Неужели все лето собираешься провести дома? Не знаю, может быть, это и лучше для тебя. Все эти поездки и жизнь на чужой стороне, особенно на курортах, должны доставлять массу тревог и неудобств. Я часто здесь думаю, как для тебя лучше было бы сделать, хотя помочь ничем не могу, и вот я не знаю, какого лета (т.-е., какого местопребывания летом) тебе пожелать. А неоправданной нашей мечтой о свидании не особенно огорчайся: верю, что еще увидимся с тобой и, может быть, в лучших условиях, чем можно было бы сейчас. Вот, нынешнею зимой, если пойду на поселенье, то где-нибудь на дороге, в Чите, например, и повидаемся. А если поселят не особенно далеко, то авось приедешь и туда. Вот было бы хорошо, пожили бы вместе почти по-вольному, попрежнему. Впрочем, все это еще мечты, мечты, отдаваться которым серьезно пока несвоевременно. Сколько уже раз нам приходилось отказываться доборвольно или иначе от самых дорогих наших мечтаний. И каждый раз было больно. Будем же мечтать, лишь потихоньку, с большой дозой сомнения. Будем жить, ждать и верить. Люба в последнем письме (даты на нем нет, на конверте 18 мая) пишет, что ты хотела бы получить мою карточку, посмотреть, каким «стариком» я стал. Увы, мамусенька, карточки у меня вообще нет, самую последнюю мою карточку (от начала 1908 г.) ты имеешь. Теперь сняться не могу, не разрешат. Перед уходом на поселенье всякого сни-

мают, вот тогда и постараюсь послать тебе свою самую новую физиономию. Мало она тебе скажет, разве только невыразительнее стала. Время налагает свои следы не столько на наружность, сколько на душу, на силы. А физически, после целых лет заключения прибавится разве несколько морщин и седых волосков и все тут. Если так, то может быть воля своим свежим воздухом свеет всю старость, и снова будем молоды бодростью и силами.

Ну, а как же мне быть теперь с письмами к уехавшим? Вам что ли посылать для них? Прилагаемую открытку пошли на Кавказ. А Любе напишите, что две пары ботинок получил, очень хороши. «Фауста» получил (тот самый, о котором я просил), а изданий «Универс. Библ.» пока нет. Немецкая хрестоматия получена, но пока еще не просмотрена, не знаю, выдадут ли. Дело в том, что она сплошь на немецком языке; если бы была с русскими переводами, то выдали бы свободнее. Надеюсь все-таки получить. А она мне очень нужна для занятий. Благодарю тебя, родная, и всех вас за постоянные заботы обо мне.

Скоро ты именинница. Буду в этот день думать о тебе особенно и буду желать тебе того остатка счастья, которое еще имеется у судьбы про нашу долю. Дай бог тебе самого светлого дня твоего ангела. А в свой праздник я был в гостях у тебя и во сне и в мечтах. Погода у нас стоит хорошая, поэтическая: зелено, ароматно и жарко. Иногда — дождички. Только бы праздновать именины. Будь здоровенька, моя хорошая, ненаглядная. Обнимаю тебя крепко и горячо. Мои приветы всем родным, как дома находящимся, так и уехавшим. Всем всего наилучшего. Будь же здорова.

Твой всегда Егор.

Так как раньше я писал тебе и Любе в одном письме, то все мои письма, полученные после ее от'езда, перешли ей. Пожалуйста, не откажи в этом. За посылку благодарю. Когда будешь посылать посылку, пришли, пожалуйста, расческу, покрепче, и гребешок. Не забудь также сухой землянички.

CCXXXVII.

5 июня.

Как чувствуешь себя, мой хороший. Приветливо ли встретил тебя Кавказ? Боюсь, что на Кавказе, одному, тебе будет тяжелее. Будь бодр, мой ненаглядный. Обо мне не беспокойся. Живу себе помаленьку, по-старому, чувствую себя ничего. Как загляну вперед, — уже меньше 8 мес. осталось, даже жутко станет. Вот той перспективы, о которой говорила Мим., я больше всего и боюсь. Затеряться бы где-нибудь в самых зад-

них рядах. А то какие требования, ей богу жутко. Много, много разочарований для других, а для меня... Те уединения, которыми ты манишь меня, как последним, что всегда останется, — не для меня. Я весь прежний, хотя и здорово помятый. Надо бы усиленно заниматься перед выходом, но не могу, разучился. Благодарю за посылки. Издания «Универс. Библ.», посланные осенью, своевременно получил, о чем и уведомлял. Теперешних книжек того же издания пока еще нет. «Фауст», тот самый, который я просил, получен. Немецкая книжка пока не выдана, еще в просмотре. Книжка выбрана неудачно, почти сплошь на немецком языке, хотя и хрестоматия. Нужно выбирать учебники, чтобы не было затруднений в просмотре. Писали, что Ропшин написал новую вещь из того же быта, но такого содержания, что ругать уже не будут. Вещь пока не напечатана, читана лишь в кружке ближайших. Люди, не особенно благорасположенные к Ропшину и очень бранившие его за первую повесть, вторую вещь называют изумительной, вероятно, по красоте и интересу. Ты знаешь, как я интересуюсь этим писателем, поэтому постарайся прислать мне новую вещь (или хоть пересказ ее), как только прочтешь ее. Последними письмами из Уфы были письма от 7/V и без даты (на конверте 18-е). Прочтешь ли ты, что я писал в Уфу до твоего от'езда? Ну, будь здоров и бодр, милый. Я тоже постараюсь. Пиши, пожалуйста, хоть немножечко, хоть на открытке, но только про себя, про свое здоровье и самочувствие. Надеюсь пожить с тобою и очень хочу этого. Обнимаю тебя крепко.

Твой Егор.

Что за чудесная погода стоит здесь! Дай бог вам такой. Альманахов, произведений Л. Андреева и Горького не посылайте, — не пропускают нам. Насчет с'едобного указаний не даю. Сыр — прекрасная штука и не портится.

Елена, сестра Зины, ты должен знать ее.

CCXXXVIII.

12 июня.

Дорогой мой!

Ты советуешь писать прямо на Кавказ. Думаю, что я от этого выиграл бы немного. Получил вашу последнюю посылку, ту, что послана перед твоим от'ездом. Получил также немецкую книгу из предыдущей посылки. Большущее спасибище. Помнишь, год тому назад ты прислал мне Тургенева. Как ты обрадовал тогда меня. Как редко, однако, бывают такие радости. Посуди и реши сам, всецело ли это зависит оттого, что ты лишен возможности доставлять мне приятное, или же иной

раз ты не посылаешь мне подарка, предполагая, что он не доставит мне ничего приятного, интересного. Если последнее тоже играет роль, то ты очень ошибаешься. Прошу я тебя, напиши Апостолову, пусть он присылает все свои издания. Напиши, что если он не позаботится об этом, то очень согрешит против меня. Помнишь, год тому назад я ставил тебе много вопросов насчет того, как теперь будет с торговлей дяди Кирилла [1]. Только теперь я получил ответ, до которого за это время сам додумался. Постепенно отделываюсь от своего пессимизма. Хотя внутри плохо; все чувства как-будто бледнеют, леденеют. В результате не то настроение, которое хочет отдыха в пустыне, счастья в уголке. Менее всего привлекательно последнее. Семь с небольшим месяцев, почти полгода. Кто знает, не нарастут ли они еще по большим процентам. Если бы это и случилось, то мне кажется, я не был бы сильно огорчен. Настроение философа «железной решетки» из «Моих записок». Разве достоин воли тот, кто дожил до такого настроения? Но, может быть и дай бог, это временное. Может быть от нового воздуха в жилах заструится живая, горячая кровь... Шура почти не пишет мне, я ей тоже месяцами. Вот до чего дожил. Еще год тому не поверил бы в возможность таких отношений. Помнишь Ставрогина в «Бесах» Достоевского? Меня страшит этот образ, как предзнаменование. Знаешь ли ты точно, где Шура, на теплых водах, или на родине? До сих пор я думал, что она на родине...

Голубчик, милый мой, мне не хочется страшно огорчать тебя своей особой, а, главное, мне было бы очень и очень жаль, если бы мои слова затрагивали как-нибудь твои больные струны. Верь в мою неизменную любовь к тебе и немножечко верь в меня. А мои невеселые слова принимай за то, что они есть в действительности, за откровенную болтовню друга. От безделья и от жизни в одиночестве развивается сильная потребность в излияниях. Будь сам бодр и здоров. Поживем, посмотрим. Когда мне плохо, но еще вмоготу, я думаю о крестной [2] и становлюсь сильнее. Обнимаю тебя крепко.

Твой Е.

CCXXXIX.

19 июня.

Моя ненаглядная мамусенька!

Знаю, с каким нетерпением и даже волнением будешь после моей телеграммы ожидать этого письма. Боюсь, что мое неожиданное приглашение после прежних отсоветований приехать на свидание ты истолкуешь неблагополучием или бо-

[1] С террором.
[2] Е. К. Брешковской.

лезнью у меня. Я долго думал, прежде чем решился телеграфировать тебе, и все-таки решился. У меня появились надежды на возможность повидаться с тобой и я не хотел медлить, потому что лето скоропреходяще, а осенью даже при всех желаниях ты приехать не сможешь. Причины, которые заставили меня перерешить вопрос о твоем приезде, таковы. В случае моего ухода на поселенье нынче зимой, по дороге мы могли бы увидеться с тобою лишь раз-другой, да и то еще неизвестно, при какой обстановке. Может быть обстановка будет такова, что мы лучше откажемся от свиданий. Если бы меня послали обычным порядком, в Баргузин, вопрос разрешался бы очень просто, ты бы приехала ко мне на место моей ссылки. Но в назначении мест поселения бывают исключения, и я как раз «исключительный» человек и могу с большею долею вероятия ожидать себе не Баргузина, а места, несравненно более отдаленного: Якутской области, например. Если мое предположение сбудется, это значит, наше свидание оттягивается на неопределенно долгое время. Мы оба с тобой можем не дожить до этого. Поэтому, если есть какая-нибудь возможность увидеться нынче летом, то мы должны использовать ее, — иначе будем очень жалеть и каяться впоследствии. Некоторые обстоятельства заставляли меня до сих пор сомневаться насчет возможностей. Теперь вместо сомнений появились надежды. Правда, многого мы не получим: в самом счастливом случае тебе удастся прожить здесь недели три, ни в коем случае не больше месяца, получая свидания два раза в неделю. Если здоровье твое позволяет тебе поездку и если то немногое, что я имею основание обещать тебе в случае твоего приезда, соблазняет тебя, то приезжай. За то время, которое пройдет между получением телеграммы и этого письма, ты успеешь обдумать, можешь ли ты поехать и, если решишься, то выезжай сейчас же после письма, чтобы не терять летнего времени... Теперь практическая сторона дела. Разрешение на свидание зависит от читинского губернатора. Поэтому ты по дороге сюда должна будешь остановиться на несколько дней в Чите. Если губернатора в это время в городе не случится, то ты обратишься к тому лицу, которое будет его заменять. При посещении губернатора не волнуйся: укажи ему на свои лета, на состояние своего здоровья и на то, что мы не видались уже с 1906 г. (а также на то, из какого далека ты приехала). Во имя всего этого проси у него разрешения прожить в Горном Зерентуе с месяц, или, в крайнем случае, недели с три; укажи ему, что в противном случае, т.-е. если бы тебе пришлось уезжать из Зерентуя вскоре после приезда, ты не вынесешь обратной поездки на лошадях. Об условиях свидания с губернатором ничего не говори, — эта сторона вырешится уже здесь на

месте. Смотри, что будет написано в бумаге, которую тебе даст губернатор; иногда случаются недоразумения на этой почве: после всех просьб напишут там «разрешение на одно свидание» и когда приедут сюда, то здесь уж ничего поделать не могут. О том, как и что говорить губернатору, посоветуйся еще дома с людьми сведущими. Может быть, ты даже запасешься прошением на его имя и подашь его при посещении губернатора. Для получения разрешения жить здесь тебе необходимо запастись свидетельством о благонадежности от уфимского жандармского управления; его, вместе со своим паспортом, ты и представишь губернатору. Видишь, сколько хлопот тебе будет стоить свидание. Решишься ли ты на все это? Одна поехать сюда ты, конечно, не можешь. С кем же? Я бы очень хотел повидаться с тетушкой М. С. и Ваней, но они так мало могут получить от поездки, а она будет стоить им так много денег и хлопот, что мне совестно приглашать их. Напротив, я должен отговаривать их от поездки. Может случиться, что губернатор или совсем не разрешит им свидания со мною или разрешит лишь одно; и придется им тогда жить здесь совершенно задаром. А может даже случиться такой казус, что не успеют они приехать сюда, как им придется сейчас же уезжать. Вообще им-то особенно грозит множество случайностей, возможность которых и заставляют меня отговаривать их от поездки. Но, с другой стороны, ехать с кем-нибудь из своих — и людей не столь робких, как ты, — это не только немного облегчило бы тяготы твоего путешествия, но и сильно увеличило бы шансы на удачу у губернатора. Думаю, что тетушка М. С. была бы самое подходящее лицо в данном случае. Ваня, как молодой человек, почти студент, не может произвести надлежащего впечатления на власть имущих. А тетушка — дама почтенная и настоящая тетушка, с тою же фамилией как моя. Ей губернатор, надо надеяться, не отказал бы в разрешении пожить здесь и видеться со мной. Но риск на удачу все-таки остается. Поэтому тебе придется ехать, вероятно, с прислугой. Кто бы ни поехал с тобою, имейте в виду, что и это лицо должно запастись свидетельством о благонадежности (в уфимск. жандармск. управл.) и разрешением у читинского губ—ра жить здесь. Если поедешь с прислугой, то при посещении губернатора так и заяви ему, что тебе, по твоему нездоровью, ехать и жить одной невозможно; поэтому в разрешение на жительство здесь пусть впишут и имя прислуги (у ней тоже должен быть паспорт). Ну, теперь, кажется, предусмотрено и указано все, что может пригодиться с официальной стороны. Если с Читой ты устроишься, как следует, то с дальнейшим можешь уже не беспокоиться. По приезде сюда явишься к начальнику тюрьмы и, вероятно, к начальнику

каторги, представишь им свой паспорт и губернаторскую бумагу, и все твои хлопоты этим, надо надеяться, закончатся. На бумаге все это выходит сложнее и страшнее, чем в действительности. Весь вопрос все-таки в твоем здоровье: если оно позволит тебе решиться на путешествие, то ты, надеюсь, справишься со всеми затруднениями.

Помимо официальных затруднений есть еще и другие, более серьезные при твоем плохом здоровье: это — сама дорога. До Иркутска, правда, ты могла бы доехать более или менее удобно, — лучше всего скорым поездом [1], раз ты решишься на поездку, то с расходами, думаю, стесняться не станешь. В Ирк. ты можешь, совершенно не останавливаясь, пересесть на другой поезд и продолжать путешествие на Читу, или же остановиться в гостинице на сутки. Но так или иначе, тебе необходимо повидаться в Иркутске с родителями моего товарища Яши Шмулевича [2], чтобы получить от них указания, как тебе удобнее всего ехать на лошадях. Они, как местные жители, могут дать тебе очень полезные указания. А сам я, как невольный житель здешних прекрасных мест, в этом отношении совершенно несведущ. Из Челябинска ты подай телеграмму по такому адресу: Иркутск. Солохотимскому. Известишь, какого числа и каким поездом ты будешь в Иркутске и думаешь ли ты остановиться там; если не думаешь, то попросишь их выехать на вокзал для свидания. Ну, а если остановишься в Ирк., то отправишься на 4 Солдатскую ул., дом № 18, к. Софии Романовне Хотинской (это и есть мать Яши). Она уже будет извещена о возможности твоего посещения. Как бы ты ни решила насчет Ирк. (остановишься там или нет), телеграмму туда все-таки подай заблаговременно, а то они могут случайно не оказаться в Иркутске в тот день, когда ты приедешь туда. А чтоб они узнали тебя при встрече, я постараюсь послать им твою карточку. Теперь дальнейшее путешествие от Ирк. до Читы. Ехать придется жел. дор. суток 2 с половиной. В Чите ты остановишься в гостинице, вероятно, на день, на два, а, может быть, и больше, в зависимости от того, как скоро тебе удастся увидать губернатора и получить от него разрешение. Там, кстати, повидайся с тетей Анной Васильевной Диковской (Смоленская ул., дом № 20). Может быть, она тебе сообщит какие-нибудь полезные сведения насчет того, как добиться разрешения у губернатора и насчет дальнейшей дороги. Запасшись разрешением губернатора, ты снова поедешь по жел. дор. или на Сретенск

[1] В скором поезде от Уфы до Иркутска без пересадки.
Примечание Е. С. Созонова.

[2] Содержащийся в Зерентуйской тюрьме по делу иркутской организации п. с.-р.

или на Борзю. С этих двух пунктов кончается твое путешествие по жел. дор. и начинается самое трудное — езда на лошадях. Вышеупомянутые лица в Ирк. и Чите тебе для того и необходимы, что они, как местные жители, могут дать тебе полезные сведения о путешествии на лошадях. Насколько я сумел разузнать здесь об этой дороге, могу сообщить следующее. Безразлично, как в отношении стоимости, так и качества дороги, поедешь ли ты со Сретенска или с Борзи. От обоих пунктов до Г. Зерентуя приблизительно одинаковое расстояние, около 280 в., только от Борзи степь, а от Сретенска — леса. Лучше всего ехать на почтовых, хотя и выйдет немного дороже. Парою двоим при трех пудах багажа обойдется рублей 25. Если багажа будет больше 3 пуд., то придется добавить за особую цену вторую пристяжную. При медленной езде только днем проедешь 2 с половиной — 3 дня. Ехать в тарантасе; в сырую погоду можно в крытом. Ночевки на почтовых станциях. Можно ехать и по ночам, но тебе лучше не ездить, а отдыхать. На станциях, как и в России, к твоим услугам все деревенские припасы: чай, молоко, яйца. Только белого хлеба не найдешь. Советую запастись следующими вещами: хорошим резиновым плащем; парою подушек на человека, дорожным матрацом, чтобы удобнее сидеть; байковым одеялом, осенним, т.-е. ватным платьем (утренники здесь бывают холодные). Обещая ямщику на чай, ты всегда сможешь добиться того, что сидеть в тарантасе будет удобно. Лишнего багажа с собою не бери, чтобы не обременять. Но необходимым обзаведись капитально. Если багажа выйдет слишком много, то, вероятно, придется отправлять его с Борзи или Сретенска нарочным, что выйдет не дешево. Для дороги обеспечь себя такими с'естными припасами, как какао, печенье и белый хлеб. Не забудь захватить дорожный чайник и спиртовую лампочку (спирт можно доставать в казенках). Ну, что еще посоветовать, не придумаю. Если не получишь никаких адресов для Борзи и Сретенска, то можешь по приезде туда сейчас же с поезда отправиться на почтовую станцию. В Сретенске имеется гостиница, где ты и сможешь переночевать, если не выедешь в тот же день. А есть ли гостиница в Борзе, этого, к сожалению, не знаю. Не позабудь в дорогу прихватить порошок от насекомых и одеколон, это очень пригодится на здешних станциях. Чтобы не брать с собою в дорогу лишних денег и не рисковать их потерей, ты можешь взять с собою лишь самую необходимую сумму, а остальные из Читы перевести сюда на свое имя, — по приезде получишь. Теперь, кажется, уже все...

Я знаю состояние твоего здоровья, и все трудности, которые тебя ожидают, но издали они кажутся наверное еще

больше. Все зависит от твоего здоровья; если оно теперь очень слабо, то лучше, конечно, и не пускаться в путь. Если же чувствуешь в себе немножко силы, то ты знаешь, как много ты и я получим от нашего свидания. Решай же, мамусенька, милая. Не бойся огорчить меня своим отказом. Ты ведь понимаешь, что все дело в тебе, а не во мне. Если поедешь, то, я думаю, нет смысла тебе стеснять себя экономическими соображениями [1]. Если поедешь не скорым, а почтовым поездом, то поезжай в 1 классе, а прислуга — в 3. Это обойдется вряд ли дешевле, чем двоим в скором (тогда обоим пришлось бы ехать во 2 классе). Поездка во 2 классе на почтовом тебя бы измучила так, что вряд ли ты смогла бы продолжать путешествие на лошадях. Если бы ты решила не останавливаться в Иркутске, то со скорым ты могла бы доехать до самой Читы. Если же решишь остановиться в Ирк., то билет придется взять (если на скором) только до Иркут., потому что со скорого поезда остановок делать нельзя. В общем ты проедешь сюда со всеми остановками в Чите и Ирк., а также с отдыхами по здешней дороге не больше двух недель. Следовательно, если не запоздаешь с выездом, то в середине июля ты уже можешь быть здесь. Здесь сумеешь устроиться более или менее удобно. Есть здесь доктор, можешь и подлечиться с дорожки. Недельки за три отдохнешь. Природа здесь летом чудесная. Ну, так как же, мамочка? Если решишь поехать, то телеграфируй брату, спроси его, не даст ли он тебе каких советов насчет путешествия. Подожди его телеграфного ответа. А мне телеграфируй из Уфы, когда, с кем и на каком поезде выедешь; затем, из Ирк. телеграфируй о своем здоровье, остановишься ли там. Из Читы, — как устроишься с губернаторским разрешением, о дне выезда оттуда и как решишь ехать, через Сретенск или Борзю. И еще телеграммку из Сретенска или из Борзи...

Пригодятся ли тебе все мои советы? Моя хорошая, моя милая мамочка, как мы порадуемся, если нам удастся повидаться. Передай мой сердечный привет всем родным. Можно ли поздравить Ваню с аттестатом зрелости? А гимназисток с переходом в следующие классы? Всем всего наилучшего. Будь здорова и бодра, ненаглядная, золотая. Обнимаю тебя и целую. Обними хоть через письмо папу. И привет всем отсутствующим. Брату пошли прилагаемую здесь открытку.

Твой Егор.

Прошу купить в писчебумажном магазине и прислать мне готовальню (циркуль длиною 6 дюймов) и общую тетрадь.

[1] Потому что то, что ты выиграешь в затратах, то проиграешь в здоровье; больше потом уйдет на лечение. *Примечание Е. С. Созонова.*

CCXL.

19 июня.

Дорогой мой! Я перерешил вопрос о том, следует ли приезжать мамочке на свидание ко мне. Зная все трудности, которые ей придется преодолеть прежде, чем она доберется до меня, я все-таки решил, что лучше всего ей приехать сюда, если только здоровье ей хоть сколько-нибудь позволяет. Бог знает, куда закинет меня судьба в ссылку, — может быть в Якутку или, по крайней мере, туда, где сидит Сикорский [1]. А это значит, мы не увидимся с нею еще долго, долго. Она, пожалуй, не доживет до этого. Да и я... Я думаю, что мы должны не упускать тех возможностей, которые у нас теперь все-таки имеются, иначе придется очень пожалеть потом. Надеюсь, с разрешением на свидание как-нибудь уладится. Сегодня я подал мамочке большую телеграмму с приглашением приехать. Но советовал с выездом подождать недели две до получения моего подробного письма. Оно уйдет на-днях. В нем я делаю все детальнейшие указания, какие только могут дать. Надеюсь, мамочке удастся пробыть здесь недели три, а может быть и месяц. Все зависит от читинского губернатора. Если он даст разрешение, то здесь стеснений, надеюсь, не будет. В своем письме я советую мамочке телеграфировать тебе о своей поездке и дождаться твоего ответа: как лицо опытное, ты, может быть, дашь ей какие-либо полезные советы. Как хорошо было бы, если бы удалось повидаться с мамочкой. Она чувствовала бы тогда себя много спокойнее, если бы даже и пришлось ей ждать меня еще долго.

Как же твое здоровье, родной. Жду твоих весточек. Не знаю, о каких деньгах ты телеграфировал мне (каково их назначение?). В виде исключения я указал тебе свой адрес, — теперь буду ждать твоего об'яснения насчет их. Пишут ли тебе о Фросе? Матвей ушел, но ей, как мне писали, слава богу недурно, — по крайней мере — пока. От Петруся уже получил ответ. Ну, поправляйся, если уж не поправляешься. Обнимаю тебя. Будь бодр. Не забывай весточками.

Твой Е.

CCXLI.

28 июня.

Зотя!

Вот уже недели три, как ниоткуда не получил ни строчки. Странное ощущение: как-будто все вымерли. Или я сам очутился на необитаемом острове. Теперь это меня уже не трево-

[1] Сикорский в 1910 г. находился в Нижне-Колымске.

жит: я и сам, когда берусь за перо, то чувствую, что это стоит мне большого труда: как-будто все слова уже сказаны и теперь пришлось бы лишь повторяться, и повторяться на этот раз автоматически. Вот скоро шесть лет, как я в тюрьме: когда припоминаю свое состояние той поры, я не узнаю себя, — и не узнаю не тогдашнего себя, а теперешнего. Все теперешнее мое какое-то не мое, чужое мне, а старое — бесконечно дорого и далеко. Кто видел бога, должен умереть — говорит кто-то в «Бранде» Ибсена. А если и остается жив, то не живет. С другой стороны, кто побывал в положении андреевского Елеазара, — тому уж не растопить душевного льда, вынесенного из могилы. Тот же Ибсен говорит, что мертвые пробуждаются слишком поздно. А когда я думаю о дне страшного суда, то мне иногда представляется такая возможность: прозвучит труба архангела, мертвые восстанут из гробов, но не для новой обновленной жизни, а для ужасного сознания, что они мертвы безнадежно и непоправимо.

Все это грустные мысли, за которые прошу у тебя прошенья. Может быть, когда-нибудь мне самому будет стыдно вспомнить о них, как о доказательствах моего слабодушия. Дай-то бог...

Что с тобой, мой дорогой, мой любимый? Хоть капельку улучшения можно же пожелать тебе и можно же надеяться на него? Может быть, ты все-таки черкнешь мне пару — только пару слов о себе. Пиши, голубчик.

Спасибо тебе за все заботы. Все книжки «Универс. библ.» получены и выданы мне. Некоторые вещи присланы вторично. Не знаю еще, как решила мамочка с поездкой сюда, — ответа на мою телеграмму от нее все еще нет. Я толкую ее молчание, как возможность надежды: если бы решила, что не поедет, то наверное, сейчас же ответила бы. И хочу я ее приезда, и боюсь за нее очень. Пусть будет, что будет.

Ну, до свидания, милый. Обнимаю.

Твой Егор.

Особенное спасибо тебе за «Потонувший колокол», очень люблю я эту вещь и теперь читаю и перечитываю, как-будто повесть о своей собственной жизни (какое нахальство, не правда ли?). Вот весь Ропшин в нескольких словах:

«— Оставь! к чему борьба: ты борешься, ведь, с богом?
А бог призвал тебя бороться, но теперь
Отвергнул он тебя: ты оказался слаб.
Напрасны жертвы все: вина виной осталась!
Не мог добиться ты от бога благодати,

Чтоб превратил вину в заслугу, наказанье
Наградой заменил . . .».

Мне эта «благодать» к счастью дарована. И, если я иногда издаю стоны, то не оттого, что для меня «вина виной осталась», а потому, что одряхлел непозволительно. Ну, да еще поживем — увидим. Будь бодр, родной, хороший мой.

CCXLII.

4 июля.

Ну, вот, кажется, окончательно разбилась моя мечта о свидании нынешним летом с мамочкой: ответа на мою телеграмму все еще нет, но зато получил от мамочки письмо, посланное ею еще до моей телеграммы. Господи, боже мой, какое грустное это письмо! Оно отнимает у меня последнюю надежду на свиданье не только летом, но, кажется, и навсегда. Дух мамы, как видно, совсем упал, если она говорит, что «только и найдешь утешенье, когда подумаешь о будущей жизни и о том, что здешняя жизнь не долга». Знаю, что так принято говорить у всех добропорядочных христиан. Но у мамы-то ведь это не простые слова, а горький осадок жизни, — осадок, который может отравить не только надежды на будущее, но и охоту жить. Когда получаю такие письма, то мое желание повидаться с мамой делается еще острее. Вряд ли мне удалось бы взглянуть на нее хоть еще раз . . .

Когда я посылал маме свою пригласительную телеграмму, я не обольщал себя лишними надеждами на успех, — почти уверен был, что мамочка не сможет решиться на поездку. Думал так: мое предложение не обязывает ее ни к чему; если очень слаба, то и не приедет, а пустится в дорогу лишь в том случае, если чувствует себя хоть сколько-нибудь в силах. Не учел я одного: если после моего предложения у мамы даже ни на минуту не появится мысль о поездке, то все же она особенно горько почувствует свою неспособносеть поехать после того, как я позвал ее. И теперь я очень раскаиваюсь, что звал маму. Но мне казалось, — я обязан был попытаться. Как никак, маме лишняя боль. Как грустно все складывается у нас.

На-днях буду праздновать свой шестилетний юбилей. Еще года два тому назад находились в душе праздничные ноты. А теперь — вместо праздника, какая-то тризна. Я не вижу вокруг себя людей, — вижу какие-то тени бесплотные, вялые. Кажется, самое сильное желание у всех: поменьше жизни, побольше покоя. Должно быть, положение греческих теней в Елисейских полях очень напоминало наше, если Ахилл сказал: лучше быть погонщиком мулов на поверхности земли, чем

Ахиллом — здесь. Полно, лучше ли? Ахилл, вероятно, еще не превратился окончательно в тень, если для него существовало понятие «лучше». Прости, родной, за отраву, которою я тебя угощаю. Будь бодр и пиши. Обнимаю. Е.

CCXLIII.

11 июля.

Родная моя мамусенька!

Это письмо, надеюсь, не застанет тебя дома: ты будешь уже на Кавказе. Сейчас я хочу сказать тебе очень немногое: чтоб ты поскорее изгнала из своей души последние следы тревоги, которую должны были возбудить в тебе планы насчет поездки сюда. Я уже успокоился. Стало как-то легче: я и хотел, чтобы ты приехала сюда, и боялся этого очень. Теперь у меня одна забота: не опоздала ли ты на Кавказ. Кажется, уже запоздала. Экое горе с тобой: и в прошлом году ты не успела во-время собраться туда и нынче запоздала, — ведь, дальше августа ты там не станешь жить. Какое же это леченье, на месяц. Да отсюда еще вычесть первые недели полторы после приезда, которые уходят на то, чтоб оправиться с дороги и устроиться на новом месте. Вместо серного лечения и получится мученье. Ну, дай тебе бог, чтоб у тебя вышло лучше, чем мне представляется.

Смотри, мамусенька, милая, не тревожься, если выйдет затяжка с моими письмами. Я буду писать для тебя в Уфу. А если ты долго ничего не получишь, то ты ведь всегда сможешь, чтоб не беспокоиться понапрасну, запросить меня телеграммой. Я с ответом не замедлю.

Послала ли ты все мои письма, которые получала, вместе со своими, брату? Что он? От него ни слуху, ни духу. И от Любы ни слова. Ну и ладно.

Будь здорова, моя ненаглядная мамочка. Дай бог, чтоб Кавказ принес тебе пользу. Привет всем родным. Обнимаю тебя крепко, целую.

Твой Егор.

CCXLIV.

17 июля.

Милая моя мамусенька!

Телеграммы о твоем выезде на Кавказ все еще нет. Что же ты медлишь? Теперь я порадуюсь, если эта открытка не застанет тебя дома. Если будете вместе с папой, обоих вас крепко обнимаю, обоим желаю поправиться и жить долго и бодро. Передайте мой привет брату, а также всем остальным родным. Благодарю за посылки, — все четыре получил

сразу. Ничего не испортилось и все получено в исправности. Еще раз спасибо. Не тяготись, мамочка, тем, что редко пишешь. Я тебе уже много раз советовал посылать мне не письма, а открытки, — они бы тебе легче давались, не так бы измучивали тебя. А то какая мне радость в письмах, когда я знаю, как тяжело тебе писать их. Ну, будь здоровенька, моя ненаглядная, хорошая. Обнимает и целует тебя —

Твой Егор.

CCXLV.

Середина июля.

Золотая моя, ненаглядная мамусенька! Получил твое письмо, не знаю от какого числа. Очень, очень грустное письмо. Оно мне говорит уже, что приехать ты не сможешь. Куда ехать с таким состоянием здоровья и духа! Родимая! Я ведь почти и не надеялся на возможность твоего приезда, а если и предлагал тебе, то больше для очистки совести, чтобы, если есть хоть малюсенькая возможность, то не упустить ее. Теперь я очень жалею, что забил тревогу: все-таки, я, наверное, обеспокоил тебя и заставил особенно сильно почувствовать и погоревать от неудачи наших замыслов. Голубушка, мамочка, хорошая моя, не горюй. Авось, когда-нибудь и как-нибудь увидимся же... и на этом еще свете. Будь только поздоровее немножечко и хоть немножечко желай ждать будущего. А ты, как видно, уже не хочешь этого будущего и только и отдыхаешь на мысли о нездешней жизни. Желай же немножко побольше и здешней жизни, а то ты все дальше и дальше отрешаешься от нее. Мне хотелось бы крепко обнять тебя, чтоб всею своею любовью удержать тебя здесь.

Еще раз, родная, прости меня за тревогу, которую я причинил тебе своим предложением и поскорее успокойся. Не упрекай себя за то, что редко пишешь: я уже привык к этому и, наверное, меньше беспокоюсь, когда долго не получаю ваших писем, чем ты, когда долго не пишешь мне. Значит, ты теперь одна-одинешенька. Тоскливо тебе? Знаешь ли ты, как живет Люба с детьми? Напиши об этом. Напиши также о Ване, сдал ли он экзамен на аттестат зрелости? Зот перед своим от'ездом писал, что он пробудет на Кавказе июнь и июль. Рассчитай же, может ли это (приложенное здесь) мое письмо застать его еще на месте. Если застанет, то пошли его ему туда. Если же нет, то оставь его дома до его возвращения, или же пошли туда, где он проведет остаток лета. Ему, наверное, очень скучно при его нездоровье, и я не хотел бы оставлять его без писем. Папе и Любе передавай мои приветы. Привет всем, кто дома. Прошлую почту я писал не тебе, а Ване. Если Ваня к тому времени уехал, то письмо отошли ему.

Будь здоровенька, моя ненаглядная. Если поедешь куда-нибудь на конец лета, то благополучного пути. У нас лето очень дождливое, поэтому не жаркое. Кончится лето, а там мне и в путь-дорогу пора собираться. Обнимаю и целую тебя мою хорошую.

Всегда твой Егор.

Мамуся! Я со своей телеграммой вошел в лишний расход. Пожалуйста, когда будешь посылать мне обычные деньги, то прибавь рублика три. Прошу также марок почтовых и сушеной землянички.

Письмо залежалось на один день и я успел получить от тебя телеграмму, из которой вижу; что ты колеблешься, ехать ли или нет и ждешь ответа папы. Значит, все-таки есть еще надежда, что ты приедешь. Не знаю, радоваться ли этому. После твоего письма я очень боюсь за твое здоровье; выдержишь ли ты дорогу.

CCXLVI.

24 июля.

До сих пор нет известия о твоем выезде на Кавказ, милая мамочка. Не знаю, дома ли ты. Может быть, к моменту получения этой открытки тебя уже не будет в Уфе, зато вернется домой брат (ведь он собирался пробыть на Кавказе июнь—июль). Пишу вам поэтому обоим. Я здоров помаленьку. С Кавказа ничего (кроме телеграмм) не имел. Читаешь ли ты, милый брат, новые книги? Говорят, есть много интересного. Появилось несколько новых вещей П. И. (биография Поэта [1], «Воспоминания», подлинное, не искаженное издание «Коня бл.»). Слышал также, что вышел стенографический отчет о переживаниях Егора [2] за первые дни после 15 июля. Все это чрезвычайно интересует меня. Если прочтешь, сообщи мне хоть кратко.

В своих письмах я, почти в каждом из них, обращаюсь с различными просьбами; вам не запомнить, конечно, всех их. Поэтому еще раз напоминаю и прошу прислать хорошую полную готовальню, расческу, гребешок, пару мохнатых полотенцев, пептонату Грюнинга, крупы Геркулес, небольшое зеркало. Кто будет дома, когда получится эта открытка, того и прошу об этих вещах. А другую открытку (с памятником Нахимову) прошу передать Алексею Кирилловичу для Шуры.

[1] «Поэт» — И. П. Каляев. Имеются в виду «Воспоминания» Савинкова, напечатанные в сборнике «Социалист-Революционер», Париж, 1910 г., кн. I и издание «Коня Бледного» отдельною книгою.

[2] Имеются в виду напечатанные в том же сборнике записи бреда Е. С. Созонова после ареста 15 июля 1904 г. О них см. во вступительной статье.

Ну, будьте здоровы. Будь здорова, ненаглядная мамусенька. Привет всем. Обнимаю, целую тебя и всех.

Ваш Егор.

CCXLVII.

31 июля.

Моя дорогая, моя ненаглядная мамочка! Получил твое письмо от 15 июля. Из него я увидел две вещи: во-первых, как много тревог вызвала у тебя — да и не только у тебя — моя телеграмма с приглашением приехать. Во-вторых, кажется, ты уже уехала из Уфы, не знаю, доберешься ли нынешним летом до Кавказа. Родная моя, хорошая мамусенька, я готов был плакать и радостно смеяться, читая описание твоего душевного состояния, в которое повергла тебя моя телеграмма: плакать от сожаления, что я причинил-таки тебе столько тревог; радоваться силе твоей любви ко мне, любви, борющейся с болезнями и физическим бессилием, готовой на крыльях желания полететь через огромную Азию. Мамуся, бесценная моя, единственная, перед твоею любовью я останусь вечным, неоплатным должником. Тронули меня также до глубины души желания Вани и тетушки А. Н. поехать вместе с тобой. Спасибо за любовь, за хорошую память. А твои слова о том, что папа после моего письма не спал целую ночь, и меня, в свою очередь, заставили не проспать ночь и думать, думать о нашем хорошем, бесконечно любящем и столь одиноко несчастном отце. Обоих бы вас хотел я, страстно бы хотел повидать и обнять еще хотя раз в жизни. Вряд ли сможете приехать сюда осенью. Хотя осень иногда и бывает здесь очаровательная, — ясная, ядреная, — но дороги вряд ли будут годиться для ваших старых костей ... Ну, поживем — увидим. В крайнем случае, может быть, сможете приехать зимой, — перед рождеством или после рождества, — если не испугаетесь знаменитых сибирских холодов. Пока что, будьте спокойны душой и, если успеете и соберетесь поехать на Кавказ, лечитесь хорошенько, — желаю вам в этом отношении — да и не только в этом — всяких успехов. Если эта открытка и застанет вас вместе, то вместе обоих обнимаю вас, мои дорогие, хорошие, папа и мамусенька. Будьте здоровеньки и спасибо вам за все, за все. Тебе, мамусенька, спасибо за варенье. Оно ничуть не окислось от банки и принесло с собою все ароматы родных садов. Неужели ты сама варила? Сколько же тогда ты здоровья вложила в него ...

Если, паче чаяния, открытка застанет тебя еще дома (хотя ты и пишешь, что завтра, т.-е. еще 16-го, выедешь, но обещанной телеграммы о выезде я не получил), тогда передай мой

сердечный привет обоим тетушкам, Ване, сестрам и племянницам. Всем всего наилучшего. Ну, до свидания. Обнимаю и целую.

Твой Егор.

CCXLVIII.

7 августа.

Брат мой милый, хороший, спасибо за письмо. Хоть и следовало бы выругать тебя за молчание в течение двух месяцев, но я так рад письму, что полагаю гнев на милость и только благодарю, благодарю тебя, что, наконец, написал. Раньше я как-то спокойнее относился к тому, получаю ли я от тебя письма или нет. Может быть, потому так, что раньше ты не баловал меня личными беседами и я не знал их радости. А, может быть, потому, что раньше я был богаче в личных отношениях и поэтому не столь чутко ощущал недостаток в каком-нибудь одном отношении. Как бы то ни было, теперь я как-будто снова обрел тебя и не хочу уже терять... Не станем говорить о будущем: оно придет в свою очередь и будет таким, каким может быть. «Жизнь заставляет жить», — говоришь ты. Конечно. А отсутствие жизни делает большим пессимистом и мизантропом. Поэтому, всякие прогнозы издалека всегда рискованы. Помолчим же на этот счет. Но о чем я хотел бы неустанно мечтать и говорить насчет будущего, так это — пожить хоть немного с людьми, кровно-близкими, с такими, кому не по-хорошу мил, а по-милу хорош. Вот бы отдохнуть можно тогда! И опять это дело слишком отдаленного будущего. Насчет ближайшего, насчет свиданья нашего, не знаю, что и сказать. Осень здесь обыкновенно бывает действительно чудесная, но оправдает ли она надежды? Может быть, пойдут дожди и так испортят дорогу, что вы и костей бы не довезли сюда. Поживем — увидим. А как бы хотелось повидаться.

Мамочку я своими разговорами о поездке только напрасно разволновал. Теперь ей, бедняжке, труднее.

Ну, родной мой, надо ли просить тебя, низко кланяясь, чтобы ты прислал «Воспом.» Ропшина?[1]. Одно место твоего письма (что ты своим пересказом не хочешь «портить впечатления») я принял за положительное обещание прислать ее. Смотри же, не заставь разочароваться. Если попадется старая повесть того же автора в расширенном издании, то и ее пришли, пожалуйста.

Большое спасибо за снимки. Жаль, что они не закреплены. Послушай, почему вы не исполняете моей неоднократной просьбы, почему не присылаете домашних фотографий? Имея

[1] В № 1 «С.-Р.».

свой аппарат, я на вашем месте запечатлел бы каждый уголок родного дома и послал бы сюда. Вы там и представить себе не можете, как мне дорога каждая мелочь, касающаяся дома,— начиная с людей и кончая вещами. Будь же добр и любезен, пришли мне снимков как можно больше.

Впрочем, дома ли еще ты? Я пишу в расчете застать тебя письмом дома. Где-то теперь мамочка и как ее здоровье? Всем, кто дома, передай мой сердечный привет.

Ну, до свиданья. Будь здоров и бодр. Получил ли ты все, что я писал для тебя? Ведь, кроме открыток, я посылал тебе еще такие полулистки, как этот.

Обнимаю и целую тебя.

Твой Егор.

CCXLIX.

14 августа.

Дорогая сестра! Попробую написать вам, может быть, хоть вас застану дома. А то все вы растерялись, не знаю, где кого искать письмами. Брату писал письма, но они, судя по его единственному письму из Кисл., еще не дошли до него. Дошли ли хоть теперь? Хотя бы последнее, посланное с прошлой почтой. Вчера получил из Камышина от мамочки телеграмму, которая совсем меня смутила. Как мамочка очутилась в Камышине? Была ли она на Кавказе? И где это «здесь» пробудет целую осень брат? В Кислов. или Камышине? Пока ничего не понимаю. Одно понял: мамочка собирается сюда. Мне было очень трудно решиться, что ей ответить: отказаться — прямо нехватает сил, согласиться на ее приезд — страшно. Все выходит наоборот. Пропущено целое чудное лето и собирается поехать осенью, когда за погоду ручаться невозможно. Я все-таки подумал, подумал и ответил: приезжай, если не боишься случайностей осени. Будь, что будет. Прошлая осень была здесь очень ясная. Может быть, и нынче бог даст такую же. Надо, все-таки, иметь в виду, что с сентября здесь начинается настоящая осень, т.-е., если и удается ясная погода, то все же бывает холодно. А в октябре выпадает снег. Пусть мамочка запасается зимними вещами (если я не опоздаю с советом). Да пусть не забудет взять свидетельство о благонадежности и, вообще, выполняет все советы, какие я ей давал в июньском письме. С кем-то она поедет? Большая просьба, — пусть мамочка не обременяет себя никакими гостинцами, — очень трудно будет везти с собой. Пишите мне, сестра, как провели лето, как здоровье брата и детишек. Напишите хоть раз подробно, а больше я уже не стану и ждать... Не забудьте уведомить о судьбе моих писем к брату. Просьба: пришлите осенних вещей, т.-е. теплого белья (непременно се-

рого цвета, приблизительно, под цвет того белья, которое обыкновенно посылаете мне), фуфаек, теплых чулков. Не забывайте посылать мыла, какао и крупы «Геркулес» (это для больных), почтов. бумаги, конвертов, перьев, карандашей, пару мягких зубных щеток и перьев-зубочисток. Ну, будьте здоровы. Привет всем родным. Крепко жму вашу руку. Детишек целую. Ваш Егор.

Напоминаю о «Воспоминан.» Ропшина и о новом расширенном издании «Коня Бледного».

CCL.

Конец августа.

Свершилось! Одним родным, кровно-близким человеком стало меньше на свете. Уже нет дорогой, милой крестной, нет и не будет. И не увижу ее. Вдумываюсь в это и все еще не могу понять этого, кажется, ничего не случилось. Вот, кончу свой срок, выйду на волю, снова увижу родных и в том числе ее, крестную. А ее уже нет. Телеграмму твою, милая мамочка, я получил на прогулке. Было безоблачное ясное небо. Так отчетливо звонко позванивали кандалы, так по-живому бодро звучали голоса. Было бодрое чувство в душе. И вдруг телеграмма. Я всегда боюсь ваших телеграмм — ненадежные вы, ведь, у меня, мои, много пережившие родные. Но на этот раз я развернул телеграмму спокойно. Почему-то сразу подумалось: телеграфируют что-нибудь о твоей поездке. И вот, читаю первые слова: «извещаю о смерти». В глазах потемнело, а внутри все похолодело. Дальше не могу, не хочу читать — и только перечисляю в душе своих дорогих, спрашивая, на кого упал жребий. Ах, какое мучительное чувство стоять перед пропастью, не зная, кого из дорогих нужно бросить в нее. И когда я, наконец, прочел всю телеграмму, то знаешь, что почувствовал, дорогая мамусенька. Не горе, а, прежде всего, страстное, до боли напряженное желание увидеть тебя, папу, и скорее, скорее, пока еще не поздно. А потом, когда пришел в нормальное состояние, то вспоминал далекое прошлое, когда крестная была так близка ко мне. Ведь это была моя няня, не так ли? Вспомнил детство, вспомнил свадьбу крестной, потом, как мы с бабушкой жили в Казани. Господи, как давно все это было! Прожито как-будто больше, чем одна человеческая жизнь. Милая бабушка, милая крестная, их уже нет,— осталась лишь память о них. Вечная же память им! Сколько событий, людей, впечатлений, радостей и горя встало между мной и тем, что осталось там, на гранях жизни. Они жили своею жизнью, мне неведомою, у меня была своя, им чуждая. И вот теперь, когда жизнь близкого человека оборвалась, его

жизнь как-будто снова встретилась о моею в одной точке. Ожили все краски прошлого, и так горько, горько от сознания невозможности встречи с покойною близкой.

Надеюсь, вы подробно напишете о крестной, об ее последних годах и самом последнем периоде ее жизни. Дядюшке же Кир. Вас. передайте мой самый горячий, самый задушевный привет.

Все жду, мамочка, известия, как-то ты, наконец, разрешишь вопрос о поездке. Не знаю, чего желать: того ли, чтобы ты приехала, или чтобы не ездила. Почти уверен, что поездка для тебя — невозможная вещь, и страшно отказать тебе. Пусть же будет, как будет . . . А погода стоит почти все время ясная, но уже осенняя: зелень вянет, ночи холодные, да и днем часто холодно. Иногда бывают очень скверные дни: сырые, пасмурные, совсем гнилые. И тогда я едва удерживаюсь от того, чтоб не телеграфировать тебе: не езди. Чем дальше ты тянешь с выездом, тем большему риску подвергаешься попасть как раз на самую неудачную поездку. Чего же ты тянешь, родная? Уж решила бы одно из двух: ехать или не ехать. В конце-концов, все равно ты опоздаешь, и мне, пожалуй, на полдороге придется тебя остановить и попросить вернуться обратно. Ох, мамочка, мамочка, мученица ты моя дорога. Ну, будь здорова, ненаглядная. Обнимаю тебя и целую горячо. Сердечные приветы всем родным.

Твой Егор.

Боюсь надоесть вам, и все-таки убедительно прошу тех, кто есть дома: ссли только не трудно для вас, посылайте мне регулярно какао, по крайней мере, необходимое для моих больных. Подумайте, ведь это не предмет роскоши, а единственная питательная вещь, которая поддерживает силы некоторых слабых товарищей. Почему вы забыли об этом? Или вам стало трудно? Тогда так прямо и скажите. Я ведь и обращаюсь к вам бесцеремонно, рассчитывая, что не особенно затрудняю вас.

Где брат? Пошлите ему мое письмо.

CCLI.

1 сентября.

Ну и скуповат же ты, милый брат, на слова: после единственного письма за все лето прислал лишь одну маленькую, более, чем краткую, открытку (от 1-го августа). И вот я даже не знаю, где ты, — в Кисловодске или Камышине (от мамочки из Камыш. была телеграмма, где было сказано, что ты пробудешь «здесь» (?) всю осень). И вообще я не могу еще окончательно разобраться, где кто из родных. На-днях только узнал, что мама уже в Уфе, — и как узнал? из ее телеграммы о смерти крестной . . . Вот пережил-то я, читая телеграмму

и стоя перед тем словом, которое говорило, кто же умер. Брр..., скверная вещь телеграммы из ваших краев, — того и жди какой-нибудь ошеломляющей новости... А мамочка все еще окончательно не решила вопроса о поездке сюда. Телеграфировала из Камышина, что хочет выехать после 20-го авг., а вот уже 1-е сент., а телеграммы об ее выезде все нет. Теперь, вероятно, будет справлять все поминки по крестной и, таким образом, бог знает, до каких пор дотянет с выездом. Дождется поры, когда никто не ездит. Уж лучше бы решила одно из двух. Ждать в неизвестности мучительно, тем более, что чувствую себя ответственным за решение мамы. Согласился на ее приезд, когда, по совести, может быть, не должен был делать этого.

Когда же, наконец, все мы будем на «месте» и «успокоимся»? Но до тех пор, пока этого не случилось, постоянно думается о вас, дорогих. А вы так далеки, далеки...

Ну, будь спокоен, милый, не думай, что я журю тебя снова. Я так много благодарен тебе, что могу только в виде робкого желанья напомнить тебе: не забывай, пиши.

Уже меньше пяти месяцев, но вопрос, перескочишь ли через них. Поживем и все увидим. А пока не стоит гадать и рядить... Будь же здоров и спокоен. Горячо обнимаю тебя.

Егор.

Вот сегодня, ради 1 сентября, погода совсем раскапризничалась: ветер воет и солнце все время прячется за тучи. А я все жду и жду известий от мамы...

CCLII.

17 сентября.

Милый мой брат! Прежде всего, помня, что сегодня 17 сентября, поздравляю тебя с именинницей. А потом благодарю за открытку (от 14 августа), хотя, подумай сам, стоит ли благодарить за открытку? Ну да ладно, и за нее спасибо. А очень интересно было бы мне узнать побольше о тебе, как ты освоился со своим новым положением, — вернее, с возвращением к старому. Голубчик, напиши об этом, поверь же, не из простого любопытства спрашиваю и не из любезности. Скажи, только откровенно, насколько ты свободен в передвижениях, можешь ли без костыля выходить на улицу и на далекое ли расстояние. Давно хотел спросить тебя об этом, да все страшно было. Как хотелось бы мне повидаться с тобою, да что-то плохо верится, чтобы тебе разрешили приехать сюда. Уж лучше и не пробовать, не так ли?.. Милый! Предыдущее мое письмо было очень печально. Не считай меня человеком

настроений: быть мрачным, ведь, были об'ективные причины. А теперь все отлегло, и я снова могу думать не только о себе, но и о других. Думаю вот о Фросе, пора и подумать о ней. Что ей делать по окончании института? Много я думал на эту тему и пришел к такому заключению: при всем ее желании до любимого дела ей еще долго не дорваться, — не так ли? А поехать на теплые воды она ни за что не согласится, — я уже знаю, что ей очень не хочется очутиться там, где ни отдохнуть порядком — какой отдых в этих местах всякого рода болезней, и самых нечистых болезней, скучных, последнюю силу выматывающих — ни научиться. Много я слыхал об этих теплых водах и очень мало утешительного. Уединиться там ей не удалось бы, сразу бы очутилась перед необходимостью окунуться во всю курортную нечисть. Надо пожалеть Фросю и избавить ее от этого удовольствия, ибо силы ее и без того на учете. И потом подумай, как она встретится с Шурой и дядей П. И.![1]. Она хотела бы встретиться с ними в полном расцвете своих сил, а так она прямо трусит, — это я тоже знаю. Что же ей остается делать? Одно: пожить самой простой, обыкновенной жизнью, хоть первые полгодика, может быть, удалось бы пожить вместе с Зиной. Разве это трудно или невозможно? Мне так ее жизнь только в таком духе мыслимой и представляется. Ну, будет о Фросе, — видишь, какой я человеколюбивый в добрые минуты: все письмо отдаю заботам о других. Подумай и ты о них . . . А, главное, главное-то все-таки пиши о себе. Ради бога, не будь скуп. Ведь пожалеешь потом: вот если меня сошлют на северный полюс, то с корреспонденцией-то там не щедро, — и написал бы иной раз, да жди долгие недели. А знаешь, что касается меня, то я предпочитаю Якутскую область, чем слишком много шума, слишком больших городов, где много свар и мало приятного и полезного. Ну, обнимаю, целую.

Твой Егор.

CCLIII.

17 сентября.

Милая, ненаглядная моя мамочка! Прежде всего, поздравь от моего имени Любу с днем ангела, передай ей мои самые лучшие пожелания. Тебя поздравляю с именинницей. Как ты обрадовала меня своей телеграммой, извещавшей об отсрочке поездки! Все это время, после камышинской телеграммы и вплоть до последнего известия, я переживал очень тягостное

[1] «Фрося» — Егор Серг. Созонов; «окончание института» — выход на поселение; «поехать бы на теплые воды» — бежать за границу; «любимое дело» — террор; «Шура» — М. А. Прокофьева; «дядя П. И.» — Савинков.

колебание между желанием твоего приезда и страхом за то, до какой погоды ты дотянешь со своими откладываниями приезда. Сам бы я так и не решился, так или иначе, покончить с неопределенностью. Наконец, ты сама решила, — может быть, к лучшему. Кстати, по дороге тебе пришлось бы проехать через холерные места. И слава богу, что ты теперь не едешь, хотя погода стоит почти все время удивительно хорошая, как-будто дразнит и ждет тебя в гости. Ну, теперь будем мечтать о зиме. Неужели и зима изменит?

Родная моя, хорошая мамусенька, ты, пожалуйста, прости мне мои последние письма, в которых я решился и, может быть, излишне настойчиво, напоминать вам о посылках. Ты, золотая моя, ведь хорошо знаешь меня и понимаешь, что о себе я ни слова бы не пикнул, да мне лично ничего и не надо. Я перестал быть баричем, привык целыми неделями сидеть без сахару, а это теперь случается частенько. Да и какой разговор может быть обо мне? Мне осталось сидеть немного: дотяну и на воле отдышусь. Но чего я не могу выносить, к чему не могу привыкнуть, так это к зрелищу медленного, но все вперед и вперед идущего увядания некоторых из товарищей, близких, любимых, дорогих, как дорог родной брат. Ты знаешь, мамуся, общая судьба, общие невзгоды роднят людей так же, как и кровь по матери. Вы, мои родные, далеко, и кто мне здесь помогает жить и чувствовать себя человеком среди людей? Те, кто стал мне братом, — их немного. Вот, уйду на волю, а полдуши моей останется здесь и не будет для меня полной радости в жизни, как нет ее для тебя, пока я нахожусь здесь. И вот видеть, как чахнут эти близкие, и не быть в состоянии чем-нибудь помочь, хоть замедлить процесс увядания, — это, мамуся, мучительно, — лучше бы в тысячу раз самому чахнуть. И вот и бьюсь и прошу вас: из любви ко мне, помогайте мне поддерживать здоровье тех, кто мне так дорог. Мои просьбы к вам всегда были излишни, потому что помогали вы мне так щедро, как никто. И, конечно, только случайности в виде ваших летних раз'ездов привели к тому, что я не получил посылки дольше обыкновенного. А в это время один мой близкий товарищ чувствовал себя очень скверно: таял с каждым днем. Ему необходимо постоянно улучшенное питание, которое до сих пор поддерживалось лишь насчет ваших посылок. Вот почему я волком взвыл и стал надоедать вам напоминаниями о посылка(х). Пойми, моя добрая мамусенька, и не взыщи с меня. А за последние посылки (получил лишь третьего дня) благодарю тебя от всего сердца. Все очень хорошо и кстати. Только вот с теплым-то бельем жаль — ты прислала черного цвета, а такое не выдадут. Оно пролежит до выхода на поселенье. Ну, да это не важно. Еще раз спа-

сибо тебе. Жду обещанного тобою письма. Как-то ты поживаешь теперь? И как поправляется здоровье папы? Дома ли Люба? Держал ли Ваня вторично экзамен? Как живут тетушки? Всем, всем родным привет и пожелания. Тебя же и папу крепко обнимаю. Будьте здоровы и до свиданья, может быть, уже недалекого, а? Целую тебя, родная, ненаглядная, Любу и детишек. Всегда твой Егор.

Письмо брату перешлите, не задерживая. Сейчас получил купоны от посылок. Спасибо Любе за приписку и за ее намерение приехать сюда. Кстати, просьба: когда будете посылать какао, то посылайте фунта 2—3 сахарного песку, ибо здесь сахару часто подолгу не бывает и достать негде. А как же какао пить без сахару?

CCLIV.

25 сентября.

Ой, и холодно же, милая мамусенька! Второй день уже чувствуется дыхание зимы. На-днях, вероятно, вставят зимние рамы. До снега недалеко. Последняя зима здесь. А потом, что и где? Если бы вздумали ехать сюда в октябре, то выбрали бы самое неудачное время: дорога будет скверная, ни на санях, ни на колесах. Зимний путь обыкновенно устанавливается с начала ноября. Родная моя, ненаглядная, неужели же сбудется, наконец, такое диво-дивное, такое долгожданное счастье, что я обниму тебя не только в мечтах и на бумаге? И увижу на-яву твое милое лицо, расцелую его? Больно уж хорошо, — одно ожидание этого момента делает меня счастливым. Ну, будь здорова, моя хорошая, сберегай все свои силы для нашей радости. Только бы ты не замерзла у меня где-нибудь на дороге, когда поедешь. Запасайся теплом хорошенько. Передай, мамусенька, мой привет всем родным: папе, брату с Любой и детишкам, тетушкам, Ване, сестрам, — всем, всем. Всех обнимаю. Ване не мешало бы вспомнить меня. Затем, передай мою просьбу — очень большую и серьезную — нашему верному Матвею: пусть он пороется в ящиках, где свалены книги, может быть, где-нибудь в амбаре. Там, наверное, еще остались мои университетские книги, — пожалуйста, перешлите их сюда. Ведь там они зря пропадают, а здесь крайне нужны. Нет ли, например, таких книг: Мензбира. Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии; Тимирязева — Жизнь растений; Тимирязева — Ч. Дарвин и его учение; Сборник статей в помощь самообразования — 1-й и 2-й томы, — вообще, книги по физике, химии, зоологии, ботанике, анатомии, астрономии. Много было у меня этого добра и с собой я этого никуда не

брал и не получал сюда. Если не растеряно, то где-нибудь дома валяется. Пусть пороется Матвей. Пожалуйста. Ну, обнимаю и целую тебя, ненаглядная.

Твой Егор.

CCLV.

Начало октября.

Милая моя, ненаглядная моя мамочка, золотая моя мамусенька! Получил письма от тебя, от Вани, получил и посылки твои и купоны посылочные с приписками Любы. Не знаю, как отблагодарить вас и как рассказать вам о той радости, которую вы подарили мне. Ваши письма, теплые, ласковые, полные любви, вдруг перенесли меня домой. Чувствую, что ни время, ни разлука не подточили вашей любви ко мне. Чувствую, что если бы мне удалось снова пожить в вашем кругу, то у меня был бы свой дом, свой теплый и родной очаг. Мечтаю, как о великом счастье, пожить вместе с вами хотя бы недолго. Ты знаешь, мне нельзя будет приехать туда, где вы живете, ну, так, может быть, приедете вы туда, где буду я. Неужели эта мечта несбыточная? Но это счастье еще в отдалении, а пока получить бы хотя бы меньшее, — радость свиданья с тобою. Вот сколько волнений пережила ты с этим свиданьем! Безбожно будет, если ты, в конце-концов, не получишь его. Дорога зимою здесь бывает сносная, особенно через Борзю. Но санный путь начинается поздно, не раньше второй половины ноября. О том, когда установится путь, я тебя извещу. Не волнуйся за меня, моя ненаглядная, славная мамочка, я теперь совершенно успокоился. Хотя и жаль, что ты не смогла использовать ни лето, ни осень (а нынче почти все лето и почти вся осень стояли на-диво хорошие), но все же лучше, что ты не пустилась на риск осенней погоды. В случае хорошей зимы, когда же тебя ждать? Лучше бы в начале декабря, потому что с середины декабря и до половины января здесь обыкновенно стоят страшные морозы, доходит чуть ли не до 40°. Как бы ты хорошо ни оделась, такого мороза ты все-таки не выдержишь долгой дорогой. Ну, об этом потом. А теперь желаю тебе полного спокойствия и удачной поездки в Петербург и еще куда ты собираешься.

Как мне отблагодарить вас за заботы, за посылки? Мне теперь очень совестно за напоминания о них, которые я позволил себе делать. Спасибо тебе, золотая мамочка, и вам, дорогая Люба. Яблоки принесли мне аромат родины. Три из них я сам с'ел, а остальные почти все послал трудно больному товарищу. Теперь у меня под подушкой лежат обрезки от яблоков, и благодаря им я все еще вдыхаю чудесный запах нашего сада. Благодаря этому запаху и одеялу, присланному

вами, я целую ночь вижу вольные сны, родные места, родные лица. Видите, как много вы мне дали.

Чтобы вы не беспокоились, перечисляю, какие посылки я от вас получил. Всего пять. Первая — недели две тому назад — с теплыми рубашками и кальсонами. Остальные четыре все сразу, на-днях: две — с яблоками, одну — с одеялом и полотенцами и одну с разной-разностью (сыр, какао и проч.). Теперь мои больные удовлетворены вполне.

Родная моя! Я не вполне понял, как, в конце-концов, устроилось дело с Сапожниковым?[1]. Выручил ли папа свои деньги? А помнишь, мамочка, каким ласковым приезжал П. И. ко мне на свиданье в Москве? Какой он странный господин. Впрочем, ну его к богу. А папу, если будешь с ним вместе, обними за меня. Вот он скоро именинник, подаст ли он мне телеграмму, чтобы я мог ответить ему поздравлением? От всей души буду желать ему здоровья и сил еще на многие годы. Скоро, скоро, может быть, я обойму вас обоих, воочию, моих дорогих, ненаглядных, если не на свидании, так на воле. Сплю и во сне вижу это счастье.

Ну, будь здорова, моя хорошая, родимая и, главное, перестань волноваться из-за поездки. В свое время все как-нибудь устроится. Обнимаю и целую тебя, Любу и детишек. Сердечный привет всем родным. Я здоров.

Твой Егор.

CCLVI.

2 октября.

Милый брат! На-днях получил из дома письма от мамочки, Вани и Любы, которые буквально перевернули все мои мысли, все мои чувства: столько было в них тепла, столько любви, что я чувствую, как внутри у меня что-то оттаивает. Мой дом, моя родина — вот они где! Я так давно расстался с ними, что временами как-будто терял их, живя лишь одним воспоминанием о них. Теперь я вижу место, где я хотел бы очутиться, чтобы снова ожить и вернуть себе старые силы, хотя часть их. И только в этом месте я хотел бы очутиться. Не в самом месте дело, — будет ли оно где-нибудь в Забайкальской области или в Якутке, для меня лично безразлично, — важно, чтобы пожить, хоть недолго, вместе с кровноблизкими. Мамочка ведь тоже этою надеждой живет, — не правда ли? Никого, абсолютно никого, кроме вас, мне пока не надо. О новых связях, о неиспытанных радостях пока и думать не хочу, — у меня нехватает сил для них. А с вами пожить хотелось бы мне очень, — поймешь ли ты это мое же-

[1] Компаньон отца Егора Созонова.

ланне? Сбыточно ли оно? Это укажет декабрь или январь. По уставу о ссыльных, по общему правилу, я должен быть поселен внутри Забайкальской области, но возможны и исключения в виде передвижения дальше на север. Да и внутри самой Забайкальской области есть места очень отдаленные, куда вам, особенно мамочке, и думать нечего добраться. Значит, все мои желания пожить вместе с вами принадлежат пока к разряду утопий.

Милый! Мне сообщают и о твоем здоровье, и о том, почему ты очутился в Камышине. А ты сам так и не напишешь мне о себе? Скажи, нашлось ли бы у нас о чем поговорить при встрече, если не находится о чем писать? Странные мы с тобою люди: ведь, несомненно, любим друг друга, а так отделены друг от друга—и только ли внешними преградами?.. Если папа теперь в Камышине, то обними его за меня горячо. И ему бы хотелось многое сказать, да, видно, останется несказанным до встречи. А встречи этой я жду — не дождусь. Наконец-то я перестаю относиться к своему будущему равнодушно: оно начинает волновать и манить меня.

Прошлый раз я много говорил с тобой о Фросе. Повидимому, я был слишком пристрастен к ней, обращая внимание в своих расчетах лишь на то, чтоб обеспечить ей спокойное житье. Прежде всего, надо подумать не о ней, а о тех, кто еще больше достоин отдыха. Эту поправку должно принять. В зависимости от этого, вероятно, нужно изменить и детали обстановки. Ну, об этом потом.

Родной, ты теперь, говорят, с дочуркой. Очень рад за тебя. Расцелуй эту крошечку за то, что она вносит теплоту в твою жизнь. Я с удовольствием представляю вас вместе. Будьте здоровы и, по возможности, счастливы, мои ненаглядные. Обнимаю вас всех. Надеюсь, папа к именинам пришлет мне телеграмму, чтобы я мог поздравить его во-время.

CCLVII.

9 октября.

Ну, мой милый брат! Придется, видно, с нашими-то планами о свидании и обо всем прочем хорошем повременить и, пожалуй, сильно повременить. Осторожно подготовь к этому мамочку. Бедная, бедная мама! Как я теперь каюсь, что возбудил в ней столько «несбыточных» надежд. Но ведь и я человек, иной раз не удержишься от того, чтоб не помечтать. Родные мои, ненаглядные, как вы дороги, особенно дороги стали мне в последнее время и как трудно мне будет похоронить мои мечты,—это буду знать только один я. Будьте

тверды, живите, любите друг друга. Обнимает вас всех крепко, крепко горячо любящий вас всегда ваш Егор.

Если Люба вместе с тобой, передай ей мой сердечный привет.

CCLVIII.

10 октября.

Дорогая моя, ненаглядная мамусенька! Где-то найдет тебя эта открытка? Вчера получил вашу телеграмму из Питера. Если вы теперь вместе с папой, то обоих вас вместе крепко обнимаю и шлю папе свое запоздалое поздравление с днем ангела. Не решаюсь высказывать пожеланий, потому что знаю, что папа в день своего ангела больше всего и прежде всего пожелал бы видеть меня на воле. А ведь это меньше всего зависит от наших пожеланий. Ох, родные мои, увижу ли я вас еще когда-нибудь и обниму ли? Будьте здоровы. Живите дольше, дольше... Милая мамочка! Как мне поблагодарить тебя за домашние пирожки! Такая прелесть, — никакие деликатесы не заменят мне этих вещей домашнего производства. Спасибо и еще раз спасибо. Мамусенька! Теперь с твоими переездами с места на место мои письма к тебе будут попадать с большим опозданием, — ты не волнуйся от этого. Не беспокойся также и тем, что не сможешь писать мне регулярно: не от тебя, так от кого-нибудь из домашних я буду получать известия о тебе и буду этим удовлетворен. Я здоров. Обнимаю вас с папой крепко, крепко.

CCLIX.

Октябрь.

Милая, ненаглядная мамусенька!

Мои письма теперь будут искать тебя по разным городам и весям. Когда найдут, то скажут тебе о моей любви к тебе, о моей маленькой надежде когда-нибудь обнять тебя, о моей благодарности тебе и всем домашним за щедрые и богатые милости, которыми вы осыпаете меня. Теперь получаю из дому посылки каждую неделю. Мне страшно совестно, и я очень прошу вас поумерить вашу щедрость. Кроме того, чтоб вы не забывали моих больных, мне ничего не надо, и все, что свыше этого, является излишеством. У нас уже зима, еще без снега. Погода стоит ядреная, бодрая, с небольшими морозцами. Но не знаю, можно ли будет вам приехать. Без спроса меня телеграммой, ради бога, не приезжайте... Если ты вместе с папой, то все мои из'явления любви и благодарности относятся столько же к нему, сколько к тебе. Будьте здоровы, мои ненаглядные, хорошие. Не беспокойтесь, я здоров.

Всегда любящий вас Егор.

CCLX.

24 октября.

Ну теперь, милый Ваня, уже будет во-время поздравить тебя с наступающим днем ангела. Крепко, крепко обнимаю тебя.

Передай Зоту или пошли ему эту открытку: телеграмму его о высылке вещей для поселенья получил. Очень, очень благодарю его. Может быть, посылка еще успеет притти во-время. А если и не успеет, то авось все уладится. Пока мои дела находятся все в прежнем состоянии. Через несколько дней буду отсчитывать уже от третьего месяца. Вероятно, скоро мои бумаги уйдут в читинское областное правление, от которого зависит назначение волостей. Если мои родные очень интересуются местом моего поселения, то они могли бы узнать о нем еще прежде меня, справившись в Чите.

Передай Матвею: последнюю посылку (белье, зеркало, говальня и 26 книжек) получил, большое спасибо.

Будь здоров, дорогой. Сердечный привет тетушкам, сестрам и всем родным.

Твой Егор.

CCLXI.

31 октября.

Где-то ты теперь, моя милая, ненаглядная мамусенька? По телеграмме вашей знаю, что вы с папой были в Питере. А дальше — ни звука. Думаю, гадаю, где ты теперь можешь быть, и утешаю себя мыслью, что ты сейчас вместе с папой и чувствуешь себя спокойнее, чем было летом. Не лучше ли, родимая, если ты совсем откажешься от своего намерения приехать сюда, — откажешься, чтоб устроиться на зиму где-нибудь в хорошем месте? Я вот все вычисляю про себя все те неудобства, которые могут встретиться тебе по дороге сюда зимой, и право мне становится страшно за тебя. Вот уже ноябрь на носу, а снега все еще нет. Выпадет немного, а потом куда-то сдует его. До самого последнего времени стояла очень теплая погода. Все говорит как-будто за то, что зима будет бесснежная, голая. А если так, то дороги будут скверные, для твоего здоровья неподходящие. Конечно, зима еще может исправиться, но как на нее понадеешься? Живя между надеждой и сомнением, ты снова будешь мучиться неопределенностью, как летом, — так не лучше ли сразу решить, что ты не поедешь? Право, пожалуй, этак-то лучше, и я советую тебе на это решиться. Отказываясь от этой надежды, будем лелеять иную мечту встретиться в недалеком будущем где-ни-

будь под вольным небом, хотя бы и сибирским. Может быть, меня не вышлют чересчур далеко, тогда мы еще вознаградим себя за теперешние наши разочарования. А ты, родная, эту зиму постарайся провести в возможно лучших условиях, где-нибудь на юге: сбереги остаток своих сил, чтобы ты могла приехать ко мне на поселенье. Ради этой же цели не изнуряй себя постами свыше твоих сил. А уж если мы встретимся с тобою на воле, то я обещаюсь так лелеять тебя, что ты немножечко отдохнешь. Мне, родимая, осталось уже меньше трех месяцев, срок кончается 28 января. Конечно, мне потребуется ваша помощь, чтоб устроиться на поселении, но ты сама не беспокойся этим. Приданого мне теперь не делайте. Когда буду на поселении, тогда уж видно будет, что мне понадобится. Пока же нужно самое необходимое и точно определенное для дороги: простая серая тужурка (ватная), серые брюки и теплое белье. Я пишу домой Ване, или кто там есть, чтоб заказали эти вещи и, когда будут готовы, прислали их. Вот и все пока. Видишь, тебе хлопотать не о чем. Будь же совершенно спокойна. Матвей теперь свыше меры щедро угощает меня посылками. Спасибо вам, мои дорогие, добрые. Если ты вместе с папой, то обнимаю вас обоих крепко, любовно. Если же папы с тобою нет, передай ему мой сердечный привет и благодарность от души за все, за все.

Будьте здоровы, милые, родные. Обнимает и целует вас

ваш Егор.

CCLXII.

31 октября.

Милый мой брат, дорогая Люба!

Удивительное душевное состояние я теперь переживаю: не то я стою одною ногой за воротами тюрьмы, не то еще дальше от воли, чем когда-нибудь. Не надеяться нельзя, когда остается уже меньше трех месяцев и когда твои бумаги уже ушли в читинское областное управление для назначения волости. Было бы не по-человечески, если бы при таких условиях человек не отдал дань надежде. Но можно ли предаться этой надежде с головою, можно ли забыть о тех трех месяцах, которые еще остаются на плечах, и о тех сциллах и харибдах, которые могут встретиться на пути утверждения меня в роли поселенца? Ох, когда подумаешь об этом и еще о многом другом, то вянет цвет надежды, и она начинает походить больше на мираж, чем на надежду, обоснованную на об'ективных данных. Но как бы скептически ни относился к тому, что ждет тебя за чертою трех месяцев, все-таки не можешь не собираться в дорогу. И я, еще смеясь над собою, уже начинаю

собираться. Вот сегодня пишу домой (Ване или кто там есть), чтобы мне сделали и прислали вещи для дороги (ватную тужурку из серого гимназического сукна, потемнее и погрубее, брюки из той же материи, затем теплое белье: гамаши, чулки, фуфайки. И пока все). Эти чисто внешние сборы могут в ваших глазах служить показателем моего настроения: можете утешаться, что при всем своем скептицизме, я все же думаю о жизни и о житейском, — значит, у меня нет наклонности думать непременно о худшем, и я не собираюсь «искать» то, чего ты, милый, просишь «не искать». Понимаешь и веришь? Будь же спокоен за меня.

От надежды повидать мамочку еще здесь я уже окончательно отказался, как от слишком дорого стоящей (для мамы) мечты. Пишу ей, чтоб она поскорее отказалась от нее и спокойно устраивалась где-нибудь на зимних квартирах. Так-то лучше, главное — спокойнее. Употребите все ваше влияние, чтобы мамочка утвердилась на этом решении.

Родные! Я доставлял вам много огорчений, обращаясь к вам с неисполнимыми просьбами. Теперь, если я осмеливаюсь повторить их, то вместе с тем и даю вам средство удовлетворить их без больших хлопот. Надеюсь, что все интересующее меня (относительно дяди) вы, наконец, получите... Больше ни о чем пока не прошу. Но это не значит, что я уже в последний раз беспокою вас, — о, нет, не надейтесь на это! Я еще дам себя знать. Когда же я буду расплачиваться с вами? Должно быть, не иначе, как на том свете.

Ну, мои дорогие, будьте здоровы и счастливы. Обнимаю вас крепко. С вами ли папа? Тогда и его обнимите за меня.

Ваш Егор.

Вы помните, что мой срок кончается 28 января? Этот день как раз приходится на пятницу, когда здесь уходят партии. Следовательно, если иных задержек не выйдет, то в этот день и уйду.

CCLXIII.

14 ноября.

Дорогие мои, ненаглядные папа и мамочка! Где-то вы и как поживаете? Я живу по-старому. Вас сюда не жду, да и прошу не приезжать. Бог даст, выйду на поселенье, тогда увидимся. Не беспокойтесь обо мне, милые, дорогие мои, и простите мне все огорчения, какие я причинил вам вольно или невольно. Из ваших краев получил открытку от Вани и открытку от Матвея. Спасибо им. Передайте сердечный привет всем родным. Спасибо за все, за все. Крепко обнимает и целует вас

всегда ваш Егор.

CCLXIV.

22 ноября.

Родная, ненаглядная моя мамусенька, славная, хорошая моя мамочка! Ты теперь, должно быть, уже дома, если судить по последней телеграмме из Камышина. Как же твое здоровье, родимая? Как прошли твои осенние путешествия? Пиши мне, ненаглядная, о себе, о папе, и о всех родных. Обо мне не беспокойся, голубушка моя, золотая. Бог даст, мы с тобою еще поживем на воле.

Вещи для поселенья (тужурку и проч.) пришлите мне не раньше января. А то здесь все это будет напрасно валяться. Из вещей тогда же пришлите мне теплого белья, валенки, меховые рукавицы, шведскую вязаную тужурку... Посылки ваши получил. Ну, благодарю вас за все, за все, за всю вашу любовь. А Краевич [1], должно быть, от Любы, так и не дошел до меня.

Если с этих пор я стану писать вам реже, — не беспокойтесь, родные.

Ты не сильно мучилась, что я просил тебя не приезжать сюда? Но так лучше для нас обоих. Бог знает, в какой обстановке пришлось бы тебе теперь получать свиданья, при новом начальнике нашем.

Не беспокойся же, золотая. Родная, у меня большая, большая просьба к тебе и всем родным, не забывайте моего самого близкого друга Гришу... [2].

Ну, будьте все здоровы. Всех крепко, крепко обнимаю. Всех благодарю за любовь и всех вас сильно, сильно люблю. Если виноват в чем — простите. Целую ручки твои ласковые, мамусенька, целую руки папе. И всех вас целую.

Всегда ваш Егор.

С письмами присылайте марок.

[1] При осмотре тюремным начальством «Учебника физики» Краевича, присланного Е. С-ву Л. А. Созоновой, было обнаружено, что в корешке книги вклеены пять кредитных билетов сторублевого достоинства, нелегальная брошюра «Дело Плеве» и «Из секретных документов по делу Созонова» (из сборника «Социалист-Революционер», Париж, 1910 г., кн. II) на тонкой папиросной бумаге. Это и задержало выдачу книги. См. заметку *Н. Граве* в «Сборнике материалов и статей», изд. Главархивом, вып. I, М. 1921 г., стр. 205—206.

[2] Фролов.

CCLXV[1].

23 ноября.

Все написанное пишется лишь на скверный случай и только тогда должно быть передано по назначению для Зины [2].

Милая Зина, все-таки мне, может быть, придется сделать то, что придавит вас всех, любящих меня, придавит тяжкой могильной плитой. Ах, как много у меня этих любящих и как тяжело обрекать на страдание. Но пойми меня и не считай слишком эгоистом, который из страха личных страданий бежит от жизни и тем приговаривает близких своих на жизнь, полную страданий. Многое заставляет меня принимать судьбу Зерентуя, как вопрос моей личной чести, если бы лично меня самое худшее даже не коснулось. Своей алгач. борьбой мы создали для политических каторжан традицию добропорядочного поведения, и вокруг этой традиции теперь и создадутся столкновения. До сих пор администрация смотрела на меня, как на передающего... [3] Метуса и Бородулина. Мне мучительно чувствовать, что я теперь не имею средств бороться за традицию, но раз я не имею средств бороться, то должен уйти. Иначе я не в силах смотреть в глаза злорадствующим врагам. Пойми, это вопрос моей чести. И среди товарищей найдется много таких, которые будут мысленно спрашивать меня: «Ну-ка, посмотрим, как ты теперь ответишь нам за те муки, которые мы терпим, благодаря традициям, поддержание которых мы всегда называли условием sine qua non благородства. Нужно знать нашу жизнь, чтобы понять меня. Никого я своей смертью запугать не мечтаю и никаких полезных для каторги результатов добиться не надеюсь. Это не шаг морализирующего человека или рассчитывающего борца, а поступок личности, которая не может жить иначе, не краснея. Умереть я не желаю и всеми силами буду стараться не отступать сразу. Мой уход не освобождает тебя от обязанности жить. Кто же поможет перенести полегче то горе, на какое я обрекаю близких? Наши положения несравнимы. Тяжело мне уходить с мыслью, что тебе, м. б., придется расплачиваться за то, что ты хотела доставить мне удовольствие [4]. Тяжело также уми-

[1] Три последующих письма сообщены редакции Н. Ростовым по копиям, хранящимся в архиве департамента полиции. Эти три письма, считавшиеся погибшими, найдены Н. Ростовым в архиве департамента полиции, в копиях, присланных полковником Познанским. Подробнее об этих письмах см. статью Н. Ростова «Смерть Е. Созонова» в настоящей книге.

[2] «Зина» — Зот Созонов.

[3] Непонятная фраза в оригинале.

[4] Смысл этой фразы разгадать не удалось.

рать не одному, а рядом с тем, кого люблю, как сына своего [1]. Никогда я еще не переживал такого тяжелого момента. Временами душа цепенеет от ужаса не за себя, а за тех, кто дороже жизни. Прости меня, родная. Благодарю тебя за все, за все. Ты была для меня всегда самым нежным, милым и добрым другом. Если Гриша выживет после меня, то не забывайте его, ради бога и меня. Крепко, по-братски, обнимаю и целую тебя. Живи, родная, ненаглядная. Поцелуй Л. Твой до последнего дыхания Егор.

Мотивировку моего решения сообщи Мимозе [2].

CCLXVI.

Для родителей.

Родные, хорошие мои, бедные мои папочка и мамусенька. Пишу вам эту записочку в очень тяжелую минуту, когда решается вопрос о нашей жизни и смерти. Может быть чудо спасет меня, но я плохо верю в это и жду самого плохого. Может быть, меня убьют или заставят наложить на себя руки. Бесконечно тяжело наносить вам еще удар и тяжелейший, но я иначе не могу. Как поняли вы своей безграничной любовью мой поступок шесть лет тому назад, так поймете меня и теперь. Хотелось мне очень не только словами доказать вам всю любовь мою к вам, но судьба не дала мне этого, она всегда ставила меня в необходимость обрекать вас на страдания. Родные, бедные мои. Земно кланяюсь вам, прошу простить мне все мои вольные и невольные прегрешения против вас. Вас же в мой последний час я помяну только добром и любовью. Вы знаете, враги мои никогда не забывали меня, и нет ничего удивительного, если они перед самой волей лишат меня жизни, которую они оставили мне не из-за милости, а по необходимости. Но стоит ли говорить о врагах в тот момент, который должен весь целиком принадлежать моим любимым.

Прощайте же, мои любимые, измученные, и благословите меня на смерть, если она случится. С верою в вашу безграничную любовь и в то, что вы никогда не покинете меня, перейду я в тот мир, где нет ни печали, ни воздыхания.

Целую вас последним поцелуем, полным тоски и любви, и еще земно кланяюсь вам.

Ваш до гроба Егор.

Мой последний привет всем родным. Всех обнимаю и благодарю за постоянную любовь ко мне.

[1] Гр. Фролова.
[2] М. А. Прокофьевой.

Мария Алексеевна
Прокофьева.
1908 г.

CCLXVII.

Для Мимозы[1].

Родненькая, любимая моя! Через несколько дней меня, может быть, не станет. Не сбылась наша сказка. Знаю, как это отразится на тебе. Но это, может быть, лучше для нас обоих. С растерзанным сердцем вышел бы я на волю и никогда не мог бы отдаться тебе всецело. Я даже не знаю, мог ли бы я теперь жить радостной стороной жизни, слишком много отдано и осталось здесь. Тени страдающих друзей всегда заслоняли бы для меня друзей счастливых. Одна мысль, что я мог хоть на минуту забыться в радости, позабыть, что здесь, кажется мне ненавистной. Я сгубил бы тебя своей печальной и неполной любовью. Любовь моя к тебе не уменьшилась, но душа моя стала несвободной для радостей. Вот почему я последний год стал бояться воли. Но не этот страх вынуждает меня на это последнее решение: ведь жить можно и не радостями, а борьбой, в которую я верю попрежнему. О мотивах моего решения тебе напишет Фома[2]. Родненькая, родненькая, сильно я обманул тебя. Но такой уж, видно, мой жребий — всегда обманывать. Умирая, буду благословлять тебя, как самую яркую и светлую радость, какая была дана мне в жизни, небогатой радостями. Живи, живи, родненькая, ненаглядная. А обо мне вспоминай, как о сне, который был и не мог стать действительностью, и да не будет этот сон омрачать для тебя действительность.

Прости, прощай и живи. Обнимаю тебя всей неизрасходованной, но изломанной своею любовью и целую. Этот поцелуй все, что я хочу унести с собой, но пусть он не уносит с собой твою жизнь. Всегда был, есть и буду твой Егор, твой Жоржик.

Милого, незабвенного дядю[3] целую. Не пришлось снова стать его другом, товарищем. А как хотелось. Память о нем я унесу, как самое прекрасное, что я знал в жизни.

Ну, прощайте еще раз, все любимые и любящие братья, все друзья мои, товарищи мои. Не вините меня, что я так распорядился собой — иначе не мог.

Ваш Е.

[1] М. А. Прокофьевой.
[2] Зот Созонов.
[3] Б. В. Савинкова.

Дорогие друзья! Мнѣ хочется в немногих словах выразить Вам то хорошее чувство, с крым я постоянно вспоминаю о Вас с того момента, как судьба разъединила нас.

Много иных людей узнал я с тѣх пор, но память о Вас у меня не поблѣднѣла и я всегда с радостью ловил всякий слух о тѣх, в кругу крых протекла моя юность, да, юность - если не физическая то моральная. В Вашей средѣ, под облагораживающим Вашим влиянием сознал я в себѣ человѣка и увидѣл свѣт впереди. И как воспоминани о днях юности навсегда оставляет в душѣ человѣка неизгладимый слѣд и сохраняет для него особую свѣжесть и прелесть красок, так и Вы для меня остаетесь особенно близкими и родными. Привѣтствую Вас от всего сердца, обнимаю и цѣлую Вас. С радостью и гордостью слышу о Вашем дѣятельнѣйшем участии в дѣлѣ народнаго освобожденія.

Тебѣ, мой дорогой учитель и апостол мой, мой поклон и великое спасибо

за то, что ты прежде всѣх и больше всѣх поработал над пробуждением во мнѣ человѣка, за твое постоянно-теплое участие ко мнѣ и ко всѣм нам-юнцам, за то, наконец, что ты указал мнѣ на великие и притягательные образцы служенія долгу и народному дѣлу. Память о тебѣ самом остается для меня памятью как об одном из самых свѣтлых ~~во~~ явленій в моей жизни.

Еще раз привѣт Вам, мои друзья и товарищи. Много еще сил и жертв потребует от Вас наше дорогое дѣло. Желаю Вам бодрости и побѣд.

Будем вѣрить, что всетаки уже скоро снова встрѣтимся - свободными для вольной работы во имя тѣх же идеалов, крые сроднили нас и борьба за крые насильственно порвала нашу связь. Славный миг настанет, когда мы, снова сошедшись, скажем о себѣ.

Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы гдѣ вмѣстѣ рубились они
А пока живите и работайте. - Любящий Вас, Ваш Егор - Ваш Авель. друзьям Апостолу, Профессору и др. старым

Приложение I.

Письмо из Бутырской тюрьмы В. В. Леоновичу.

Апостолу, Профессору и др. старым друзьям.

Дорогие друзья! Мне хочется в немногих словах выразить вам то хорошее чувство, с которым я постоянно вспоминаю о вас с того момента, как судьба раз'единила нас.

Много иных людей узнал я с тех пор, но память о вас у меня не побледнела, и я всегда с радостью ловил всякий слух о тех, в кругу которых протекла моя юность, да, юность, если не физическая, то моральная. В вашей среде, под облагораживающим вашим влиянием, сознал я в себе человека и увидел свет впереди. И как воспоминания о днях юности навсегда оставляют в душе человека неизгладимый след и сохраняют для него особую свежесть и прелесть красок, так и вы для меня остаетесь особенно близкими и родными. Приветствую вас от всего сердца, обнимаю и целую вас. С радостью и гордостью слышу о вашем деятельнейшем участии в деле народного освобождения.

Тебе, мой дорогой учитель и апостол мой, мой поклон и великое спасибо за то, что ты прежде всех и больше всех поработал над пробуждением во мне человека, за твое постоянно теплое участие ко мне всем нам-юнцам, за то, наконец, что ты указал мне на великие и притягательные образцы служения долгу и народному делу. Память о тебе самом остается для меня памятью, как об одном из самых светлых явлений в моей жизни.

Еще раз привет вам, мои друзья и товарищи. Много еще сил и жертв потребует от вас наше дорогое дело. Желаю вам бодрости и побед.

Будем верить, что все-таки уже скоро снова встретимся— свободными для вольной работы во имя тех же идеалов, которые сроднили нас и борьба за которые насильственно порвала

нашу связь. Славный миг настанет, когда мы, снова сошедшись, скажем о себе:

«Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они»...
А пока живите и работайте... Любящий Вас
Ваш Егор — Ваш Авель

Бутырская тюрьма.
Апрель—май 1906 г.

Настоящее письмо Егора Сергеевича было получено мною из Бутырской тюрьмы в конце апреля или в начале мая 1906 г., одновременно с письмом Гр. Андр. Гершуни. Письма эти каким-то чудом уцелели от всех последующих событий моей жизни и сравнительно недавно были мною найдены.

Изумительное по своей искренности и сердечности письмо Егора Сергеевича, в сущности, не нуждается ни в каких комментариях. Это просто братский привет его старым товарищам, с которыми он был тесно связан в уфимский период своей жизни, в особенности за время совместной революционной работы в «Уральском Союзе соц.-демократов и соц.-геволюционеров (1901—1902), одним из организаторов которого и был Е. С. Созонов.

Многих из этих товарищей Егора, о которых он так ласково и задушевно говорит в своем письме, — «одних уже нет, а те далече», — как нет на свете и самого нашего несравненного Авеля. Кстати, это прозвище дано было Егору мною по какому-то случайному поводу в шутку, а потом оно стало его конспиративным именем. Такими же условными обозначениями являются: и «Апостол» — прозвище, данное мне Зотом, братом Егора, и «Профессор» — псевдоним доктора А. А. Бельского, в квартире которого чаще всего устраивались наши товарищеские собрания.

В. Леонович.

Приложение II.

Заявление Созонова прокурору уфимского окружного суда[1].

Его высокородию господину прокурору Уфимского Окружного Суда.

Содержащегося под стражей в Уфимской тюрьме Егора Созонова.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Не желая долее выносить жандармского произвола, требую немедленного освобождения из тюрьмы. С 8 июля об'являю голодовку, которая будет продолжаться до исполнения моего требования или до того момента, когда смерть даст мне свободу. Никаких ссылок на то, что я обратился с моим заявлением не по тому адресу, я не принимаю.

Егор Созонов.

7 июля 1902 г.

[1] Заявление это хранится в архиве департамента полиции; копия его сообщена редакции Н. Ростовым. В своей «Исповеди» Созонов пишет о своей голодовке следующее:

«Для протеста против жандармских насилий я вынужден был об'явить голодовку и голодать семь дней... Результатом голодовки был перевод в самарскую тюрьму». «Исповедь Созонова». Спб., стр. 58.

Приложение III.

М. А. Прокофьевой [1].

(По поводу одного портрета).

Белоснежный и чистый цветок, скромный
Цветок, но прекрасный и нежный,
Чтоб понять всю твою красоту,
Нужно большое вниманье.
Скромный и нежный цветок победит
Тогда все другие цветы, яркие,
Пышные, станет прекрасным.
Ты живешь на Альпийских горах,
В свободной стране Эдельвейс.
Зачем же попал ты сюда, в азиатскую
Глушь, где цепи, где рабство?
Быть может, затем, чтобы видеть,
Чтоб знать, как сердце свободы желает.
Стройной ратью цветы Эдельвейса
Стремятся с окрестных высот
К тюремной ограде, проникают в тюрьму,
Чтоб затем полететь, обманув
Все дозоры, с приветом горячим,
К милым, родимым душам,
От нас заключенных.
Передай ты, мой честный гонец,
Как можно быстрее посланье,
Привет от плененного к той,
Которую помню, всегда не забуду.
И память о ней так чиста и прекрасна,
Как прекрасен и чист на родимых полях
Ты, мой верный и нежный посланник.

1 января 1910 г.

[1] Это стихотворение написано Созоновым на открытке, на обороте приклеен цветок эдельвейс. Оно было послано на волю, видимо, через Серову, ибо в архиве департамента полиции с нее снята фотография. Копия сообщена редакции Н. Ростовым.

Приложение IV.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О Е. С. СОЗОНОВЕ.

Составил *Р. М. Кантор.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий указатель литературы о Е. Созонове не претендует на исчерпывающую полноту.

Дать исчерпывающие полный перечень литературы о Созонове нельзя по нескольким причинам.

Во-первых, вся литература о Созонове, как читатель в том убедится при самом беглом просмотре нижепредлагаемого перечня, разбросана на страницах самых разнообразных изданий, некоторые из которых порою отсутствуют даже в наиболее крупных книгохранилищах и являются поэтому недоступными даже для специалистов.

Помимо того, во-вторых, составление исчерпывающе полного перечня литературы о таком лице, как Е. С. Созонов, затруднено еще тем, что обширная историко-революционная литература, посвященная XX веку, хотя и подвергалась в последнее время некоторой библиографической разработке, но все же не настолько еще классифицирована, чтобы работа составителя подобного библиографического указателя была бы сколько-нибудь облегчена.

Составителю настоящего указателя не приходилось пользоваться результатами работ предшествующих библиографов, не приходилось вообще принять за исходный пункт своей работы какие-либо библиографические источники, как то бывает обычно. Нам пришлось обратиться непосредственно к первоисточникам, просмотреть, иногда без всякого результата, большое количество разных изданий и книг, разными окольными путями устанавливать названия тех из них, в которых могла появиться какая-либо заметка о Созонове, и т. д., и т. д.

Вот почему предлагаемый здесь вниманию читателя указатель литературы о Созонове не достигает исчерпывающей полноты. Он — первый опыт, черновик, материал для полной библиографии. Но, несмотря на сказанное, все наиболее существенное, имеющее большее или меньшее значение для изучения жизни и революционной деятельности Е. С. Созонова, кажется, зафиксировано нами.

При составлении указателя мы руководились не какими-либо формальными принципами, а преследовали исключительно практические цели. Сообразно с этим указатель составлен по упрощенному плану.

Всю литературу о Созонове мы разделили на два отдела. В первый из них включены статьи, письма, заметки и пр., принадлежащие перу самого Е. С. Созонова. Во-второй, — статьи, заметки, материал и воспоминания о нем. Расположив материал каждого отдела в хронологическом порядке (по

времени опубликования его), мы, однако, всегда избегали отмечать повторные издания одного и того же литературного источника. Каждое название отмечено только один раз. Повторные издания, даже в том случае, если они перепечатывались под отличными от первоначального текста заглавиями, перечислены в особых кратких аннотациях, сопровождающих название первого издания.

Например, известная брошюра «Исповедь Сазонова», выпущенная в Петербурге без указания года издания, представляет собою перепечатку записки Созонова «Что мог бы я сказать в об'яснение моего преступления?», опубликованной в № 57, от 25 декабря 1904 г., «Революционной России». Она поэтому отдельно нами не выписана на карточке, а отмечена в аннотации к заглавию текста, опубликованного в «Революционной России», где перечислены и другие перепечатки ее.

Легальные газеты за 1904 г., где имеются сообщения об убийстве Плеве и суде над Созоновым, и за 1910 г., где могут быть сообщения о его смерти, нами сознательно не включены в указатель, так как весь этот материал перепечатан или точно изложен в других изданиях, названных в указателе. Зато, в противовес легальной прессе, мы старались включить все то, что появилось на страницах нелегальных изданий. Последние источники для биографии Созонова неизмеримо важнее и учет их необходим.

Р. К.

I. Статьи, письма, заметки Е. С. Созонова.

1. Записка Е. Сазонова. «Что мог бы я сказать в об'яснение моего преступления». — «Революционная Россия», Париж, 25 декабря 1904 года, № 57, стр. 6—11.

Записка эта, являющаяся по существу автобиографией Созонова, полностью перепечатана в № 22—23 «Листка Освобождения» от 12 января (30 декабря) 1906 г., издававшегося П. Б. Струве в Париже, и отдельной брошюрой под заглавием «Исповедь Сазонова», издана в Петербурге (год издания не указан; склад издания в конторе «Водоворота»). Кроме того записка начала печататься отдельным приложением к № 6 социал-народнической газеты «Буревестник» (П., 8 декабря 1905 г.), но печатанием не закончена в виду последовавшего распоряжения о закрытии названной газеты. Выдержки из этой записки-автобиографии приведены в сборнике материалов о Созонове, изданном под ред. С. П. Мельгунова (см. № 12).

2. Е. С[азонов] (?). Призывная песнь. — «Революционная Россия», Париж, 5 апреля 1905 г., № 63, стр. 6—7.

3. Записка Е. Сазонова [из «Крестов» во время предварительного заключения по поводу его ареста 15 июля 1904 г.]. — «Революционная Россия», Париж, 15 июля 1905 г., № 71, стр. 18.

Перепечатана в книге «Егор Сазонов. Материалы для биографии. С предисловием С. П. Мельгунова», стр. 15 (см. № 12).

4. Письмо Созонова, Гершуни, Карповича и Сикорского М. А. Спиридоновой [из Пугачевской башни в Бутырской тюрьме в марте 1906 г.]. — Газета «Мысль», Петербург, 5 июля 1906 г., № 14.

5. Письмо Е. Сазонова. «Подробности дела 15 июля» [1904 г. — убийства В. К. Плеве]. — «Партийные Известия», изд. Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, 25 ноября 1906 г., № 2, стр. 12—16.

Письмо полностью перепечатано в сборнике «К истории революционного движения в России», под ред. Л. В. Орлова, вып. I (Н.-Новгород, 1907 г., изд. «Вестник Народной Воли», стр. 28—39) и в книге «Егор Сазонов. Материалы для биографии. С предисловием С. П. Мельгунова», стр. 8—19 (см. № 12).

6. Из одной старой тюремной переписки. Е. Созонов к заключенным в Бутырках [Письмо его]. — «Партийные Известия», изд. Цен-

трального Комитета партии социалистов-революционеров, 25 ноября 1906 г., № 2, стр. 16.

7. Сазонов, Егор. «После побега [Гершуни из Акатуйской тюрьмы в 1906 г.]». (Письмо Созонова из Акатуйской тюрьмы). — Г. Гершуни «Из недавнего прошлого», П., 1907 г., изд. «Школьное и библиотечное дело», стр. 94—96.

Перепечатано в № 33 газ. «Земля и Воля» (П., 1917 г.).

8. Сазонов, Егор. «Из Нерчинской каторги» [Корреспонденция о режиме Нерчинской каторги]. — «Знамя Труда», изд. партии социалистов-революционеров, 1 июля 1907 г., № 1, стр. 18—19.

9. Сазонов, Егор. «И. П. Каляев» (Из воспоминаний). — «Знамя Труда», изд. партии соц.-рев., 12 июля 1907 г., № 2, стр. 11—16.

Статья перепечатана в жур. «Былое» (Париж, 1908 г., № 7, стр. 20—35), журн. «Голос Минувшего» (М., 1917 г., № 7—8, стр. 316—332), газете «Дело Народа» (П., 1917 г., №№ 2—5) и сборнике «Памяти Каляева» (М., 1918 г., изд. «Революционный Социализм»).

10. Предсмертное письмо Е. С. Сазонова. — «За народ», изд. Центр. Комитета партии социалистов-революционеров, декабрь 1910 г., № 35, стр. 2—3.

11. Из писем Егора Сазонова. — «Знамя Труда», изд. партии социалистов-революционеров, февраль 1911 г., № 34, стр. 4—10.

Оба письма отправлены Созоновым из Горного Зерентуя. Первое письмо, приведенное сокращенно, относится к осени 1907 г., второе — к весне 1908 г.

12. Сазонов Егор. Материалы для биографии. С предисловием С. П. Мельгунова. Воспоминания. Письма. Документы. Портреты. М. 1919 г. Изд. «Голос Минувшего». Стр. 100 (отдельный оттиск из журн. «Голос Минувшего», 1918 г., № 10—12, стр. 5—100).

Содержание: Предисловие С. П. Мельгунова.

I. Убийца Плеве. 1) Циркуляры департамента полиции [июль 1904 г.]. 2) Убийство Плеве [Письмо Созонова; перепечатка №№ 3 и 5]. 3) Начало революционной деятельности [Выдержка из № 1 — автобиографии Созонова]. 4) Бегство из Сибири [Перепечатка № 26. Здесь же впервые опубликована телеграмма начальника саратовского охранного отделения нач-ку московского охранного отделения от 8 ноября 1903 г., по поводу розысков скрывшегося Созонова]. II. Письма к родным. 1905—1910 г.г. [Письма опубликованы сокращенно. Полностью впервые печатаются в настоящем издании]. III. Смерть Созонова [Выдержки из № 45].

13. Письмо Е. Сазонова. — «Пламя», П., 1920 г., № 13—14, стр. 15.

Копия письма Созонова родителям из Женевы от 9/22 ноября 1903 г., «добытая агентурным путем» и хранящаяся в архиве быв. департамента полиции. Краткие выдержки из этого письма приводятся в № 32. Перепечатано в настоящем издании.

Письма Созонова см. еще в №№ 33 и 44.

II. Статьи, заметки, материалы и воспоминания о Е. С. Созонове.

14. Конец ф.-Плеве. — «Освобождение», Штутгарт, 19 июля (1-го августа) 1904 г., № 52, стр. 33.

15. Путешественник. Под впечатлением газетной телеграммы [об убийстве В. К. Плеве]. — Там же, стр. 33—35.

16. П. С[труве]. Знал или не знал царь? [«Что значит ф.-Плеве»?]. — там же, стр. 35—36).

17. И. Н. Р. Иностранная печать об убийстве ф.-Плеве. — Там же, стр. 43—44, и № 53, 2 (15) августа 1904 г., стр. 52—56. Ср. № 19 .

18. [Л. Мартов]. Террор и массовое движение. — «Искра». Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии, 25 июля 1904 г., № 70, стр. 1.

Отношение с.-д. к убийству Плеве. Статья перепечатана в сбор. «Искра. За два года» (П., 1906 г., ч. I, стр. 124—130).

19. Летучий листок «Революционной России». [Женева], 28 июля 1904 г., № 4. Изд. партии социалистов-революционеров. [На подлиннике: «С.-Петербург. Типография партии социалистов-революционеров»].

Содержание: Заявление Боевой организации партии социалистов-революционеров об убийстве Плеве. Заявление той же организации о смерти А. Д. Покотилова, готовившего снаряд для покушения на Плеве. Событие 15-го июля [передовая статья]. 15 июля 1904 г. [статья]. Вячеслав Константинович фон-Плеве (обзор двухлетнего царствования). [И. П. Каляев], Смерть В. К. фон-Плеве (Впечатления и отклики). Отзывы иностранной прессы [о смерти Плеве. Ср. № 17]. Воззвание Центрального Комитета партии с.-р. «Ко всем гражданам цивилизованного мира», изданное в Париже на французском языке (приведено в русском переводе) по поводу убийства Плеве (это же воззвание приведено в № 53 «Освобождения» от 2 августа 1904, стр. 63—64, в переводе с текста, опубликованного в парижской газете «La Tribune Russe»). Воззвание того же комитета «Ко всем рабочим» по тому же поводу. Воззвание того же Комитета «Ко всему русскому крестьянству» по тому же поводу. Воззвание Боевой организации партии социалистов-революционеров «15-ое июля 1904 г. По делам вашим воздастся вам!». Алексей Дмитриевич Покотилов [Некролог].

О принадлежности статьи «Смерть В. К. фон-Плеве (Впечатления и отклики)» перу И. П. Каляева, как и о выпуске настоящего номера «Летучего Листка Революционной России» в Женеве, см. в воспоминаниях Б. Савинкова («Былое», 1917 г., кн. II, стр. 75).

20. Пресмыкающаяся пресса о гибели Плеве. — «Революционная Россия», 25 августа 1904 г., № 51, стр. 11—15.

21. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. П. 1904 г. Стр. 132.

Об убийстве его см. заключительную главу анонимного краткого биографического очерка, составленного «по документам и личным воспоминаниям» (стр. 51—54). Большая часть книги (стр. 61—108) посвящена отзывам русской и иностранной печати о смерти Плеве (Ср. с №№ 17 и 19). На стр. 111—130 приведены телеграммы разных лиц по поводу смерти Плеве.

22. Обвинительный акт о купеческом сыне, бывшем студенте московского университета Егоре Сазонове, 25 лет, и кнышенском мещанине Шимеле-Лейбе Вульфове Сикорском, 20 лет. — «Листок Освобождения», Париж, 27 ноября (10 декабря) 1904 г., № 19, стр. 1—3.

Документу предпослано краткое вступительное слово «По поводу суда над Сазоновым и Сикорским», в котором редакция либерального листка определяет свое отношение к событию 15 июля 1904 г. Обвинительный акт напечатан также в приложении к № 56 «Революционной России» от 5 декабря 1904 г. и кратко изложен в № 32.

23. Письма в редакцию. — «Листок Освобождения», Париж, 27 ноября (10 декабря) 1904 г., № 19, стр. 4.

Письма «бывшего крестьянина» и анонима об убийстве Плеве и предстоящем суде над Созоновым.

24. Ко всем борцам за свободу. — «Революционная Россия», 25 декабря 1904 г., № 57, стр. 1—2.

Листок по поводу суда и приговора над Созоновым, выпущенный Одесским комитетом партии соц.-рев. Краткие извлечения из однородной прокламации, изданной Петербургским комитетом партии с.-р. по тому же поводу, см. там же, стр. 22.

25. Судебная речь Карабчевского (защитника Е. С. Созонова). — «Революционная Россия», 20 января 1905 г., № 58, стр. 5—8.

Перепечатана в № 32.

26. Побег Е. Сазонова. [Из ссылки по пути в Якутскую область в 1903 г.]. — «Революционная Россия», Париж, 5 апреля 1905 г., № 63, стр. 7—9.

Перепечатано в № 12.

27. Колосов, А. Смерть Плеве и великого князя Сергея Александровича. Берлин. 1905 г. Стр. 32.

28. Ашенбреннер, М. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет. — «Былое», П., 1906 г., кн. I, стр. 95.

Созонов в Шлиссельбурге. Перепечатано в его книге «Военная организация Народной Воли и другие воспоминания» (М. 1924 г. Изд. Всесоюзного общества бывших полит-каторжан и ссыльно-поселенцев).

29. Поливанов, П. С. Отрывки из писем бывшего шлиссельбуржца. — «Былое», П., 1906 г., кн. II, стр. 275—281.

Созонов в Шлиссельбурге, стр. 280.

30. Убийство трех министров — тайного сответника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря фон-Плеве 1901—1904 г.г. П. 1906 г. Изд. И. Балашова. Стр. 48.

Об убийстве Плеве на стр. 30—48. Изложены официальные материалы, как-то обвинительный акт, отчеты о судебном следствии и т. д. На стр. 34—35 приведена прокламация Петербургского комитета РС-ДРП, выпущенная по поводу убийства В. К. Плеве.

31. Биография Е. С. Созонова. — Сборник «В борьбе», вып. II, П., 1906 г., изд. «Борьба».

32. Карабчевский, Н. П. Второе прибавление к книге «Речи» (Дело бывшего студента московского университета Егора Сергеевича Созонова, обвиняемого в убийстве статс-секретаря Плеве и речь в защиту Созонова). 2-ое издание, исправленное и дополненное судебным приговором. П. 1906. Изд. Пирожкова. Стр. 27.

В брошюре изложен обвинительный акт по делу Созонова (см. № 22), приведены выдержки из его переписки с родными, перехваченной в свое время департаментом полиции (см. № 13) и полностью напечатана речь Карабчевского, которая до того была опубликована в «Революционной России» (см. № 25).

33. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I. П. 1907 г.

В 23-ем заседании от 6 апреля 1907 г. (стр. 1665—1693) обсуждался вопрос об истязаниях политических арестантов в Алгачинской тюрьме. Депутат Успенский в своей речи (стр. 1667—1680) цитировал письмо Е. Созонова к П. Ф. Якубовичу-Мельшину, в котором автор описывает положение заключенных в названной тюрьме и действия администрации.

34. Гершуни, Г. Из недавнего прошлого. П. 1907. Изд. «Школьное и библиотечное дело». Стр. 96.

О Созонове в главе «Мой побег (из Акатуйской тюрьмы, стр. 71). Перепечатано в книге «Сборник статей», изд. «Наша Мысль», П., 1907, стр. 3—29, и в газете «Земля и Воля» П., 1917 г., №№ 23 и 27—31. По поводу этого побега см. письмо Е. Созонова (№ 7).

35. Ювачев, И. П. (И. П. Миролюбов). Шлиссельбургская крепость. П. 1907 г. Изд. «Посредник». Стр. 232.

Созонов в Шлиссельбурге (стр. 124 и 170).

36. Вести из Алгачинской тюрьмы. Письмо заключенных от 25 марта 1907 г. — Газета «Обзор», П., № 1, от 24 мая 1907 г.

Подробности избиения заключенных 2—5 марта 1907 г. Ср. № 33.

37. Карабчевский, Н. П. Три силуэта (Брешковская, Гершуни, Созонов). — В книге его «Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки». П. 1908. Изд. второе, исправленное и дополненное. Стр. 195—206.

Характеристика Созонова по личным впечатлениям защитника его.

38. Гершуни, Григорий. Из недавнего прошлого. Париж. 1908. Изд. Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Стр. 247.

О Созонове см. во II-ой ч. «Шлиссельбург» (стр. 151, 152, 156, 196, 201 и сл.). Воспоминания эти переизданы в России (М. 1917. Изд. «Земля и Воля». О Созонове — стр. 157, 158, 162, 203, 207, 208 и сл.).

39. Новорусский, М. В. Выход из Шлиссельбурга на волю .— «Минувшие Годы», П., 1908, кн. XII, стр. 1—28.

Созонов в Шлиссельбурге (стр. 10—11). То же в отдельном издании воспоминаний М. В. Новорусского («Записки шлиссельбуржца 1887—1905», П., 1920, Государственное Издательство, стр. 226).

40. Савинков, Б. Из моих воспоминаний. Дело Плеве. — «Социалист-Революционер», под ред. Виктора Чернова, Париж, 1910, № 1, стр. 1—50.

Перепечатано, как первая глава первой части воспоминаний Савинкова, в журн. «Былое» (1917 г., кн. I, стр. 149—195), где в особом примечании редакции (стр. 195) расшифрованы все инициалы, которые в свое время по конспиративным соображениям не могли быть раскрыты. Как оговаривается редакция «Социалиста-Революционера», воспоминания эти написаны еще до разоблачения Азефа.

41. Иванов, И., сообщ. Из секретных документов по делу Сазонова. — «Социалист-Революционер», Париж, 1910, № 1, стр. 51—69.

Здесь опубликованы следующие документы:

I. Протокол о допросе Созонова («неизвестного звания человека») следователем по важнейшим делам Коробчичем-Чернявским в два часа ночи с 15-го на 16-ое июля 1904 г. в Александровской больнице. II. Извлечение некоторых данных из всего написанного, что говорилось во время сознания и бреда убийцей господина министра внутренних дел в течение дня 16 июля 1904 г. с 1 ч. 45 м. дня по 11 ч. 40 м. ночи. III. Извлечение из произнесенных убийцею министра внутренних дел отдельных фраз в течение дня 17-го и ночи на 18-ое сего июля во время бредовых явлений. IV. Извлечение из произнесенных убийцей статс-секретаря Плеве отдельных фраз за время с 12 ч. дня 18 июля по 12 час. дня 19 сего июля во время бредовых явлений. V. Копия отношения особого отдела департамента полиции от 20 июля 1904 г. за № 8374 на имя нач. С.-Петербургской одиночной тюрьмы о допуске к Созонову чиновника М. Гуровича. VI. Отношение его же от 20 июля 1904 г. № 8375 следователю по важнейшим делам Коробчичу-Чернявскому с сообщением отдельных фраз, произнесенных Е. Созоновым во время бредовых явлений. VII. Записка М. И. Гуровича о разговоре его с Созоновым.

42. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия четвертая, ч. I. П., 1910 г.

В 27-м заседании 29 ноября 1910 г. (стр. 2215—2231) обсуждался запрос социал-демократической фракции и трудовой группы, касающийся, между прочим, и событий, повлекших за собой самоубийство Созонова.

43. Памяти Егора Созонова. — «За народ», изд. Центрального комитета партии соц.-рев., декабрь 1910 г., № 35, стр. 1—2.

44. Чернов, Виктор. Памяти Егора Сазонова (Воспоминания) — «Знамя Труда», центральный орган партии социалистов-революционеров, январь 1911 г., № 33, стр. 2—8.

В этой статье автор неоднократно цитирует разные письма Созонова, в том числе приводит полностью его предсмертное письмо (№ 10).

45. Смерть Е. С. Сазонова. — «Знамя Труда», центральный орган партии социалистов-революционеров, январь 1911 г., № 33, стр. 24—26.

Письмо с каторги. Телеграфное сообщение главн. тюремн. управления. Воззвание группы бывших нерчинских каторжан по поводу событий, име-

вших место в Горном Зерентуе, и смерти Созонова. Там же, стр. 29, отклики на смерть Созонова. Выдержки отсюда приведены в № 12.

46. Каторжанин. Горный Зерентуй [корреспонденция о смерти Созонова]. — «Знамя Труда», центральный орган партии социалистов-революционеров, февраль 1911 г., № 34, стр. 27—28.

47. П. С. Горный Зерентуй [Корреспонденция о том же]. — Там же, стр. 28—29.

48. Вчерашний Зерентуец. У гроба Созонова. — «Былое», Париж, 1910, кн. XIII, стр. 157—159.

49. А. П. Из воспоминаний о Егоре Сазонове. — «Знамя Труда», Париж, июль 1911, № 37, стр. 2—5.

50. Рожанов, подполковник. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 г.). П. 1913. Изд. департамента полиции. Стр. VI+510.

О Созонове на стр. 508—509 (краткие биографические сведения).

51. Бертелиев. Борец за свободу и честь народа. Памяти Е. Созонова. Изд. «Земля и Воля». М. 1917 г.

Краткий биографический очерк.

52. Егор Сергеевич Сазонов. Псков. 1917 г. Изд. Псковской группы партии с.-р.

Краткий биографический очерк.

53. Фролов, Гр. Н. Воспоминания о дорогом Егоре Сергеевиче Созонове. — Газ. «Земля и Воля», орган Уфимского комитета партии соц.-рев., 31 мая 1917 г., № 21.

Воспоминания Фролова перепечатаны в газ. «Народное Дело», орган Читинского комитета партии соц.-рев., 1917 г., № 50. Краткие выдержки из них приведены в обзоре Б. Николаевского «Новое о прошлом» («Былое», 1918 г., кн. XII, стр. 203—204).

54. Гизетти. Воин чести (Памяти Е. Сазонова). — Газ. «Дело Народа», П., 15 июля 1917 г., № 101 ,стр. 1.

55. Брильон. Нерчинская каторга. — Газ. «Дело Народа», П., 15 июля 1917 г., № 101, стр. 1.

56. Пирогов, В. Смерть Е. Сазонова (29 ноября 1910 г.). — Газ. «Дело Народа», П., 15 июля 1917 г., № 101, стр. 1—2.

Воспоминания Пирогова перепечатаны в сборнике «Каторга и Ссылка», кн. I, М., 1921, изд. инициативной группы политических каторжан и ссыльных, стр 51—54, и в том же сборнике, кн. IV, М., 1922, изд. о-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев, стр. 71—74.

57. Гизетти, А. Не забудьте о нем! — Газ. «Дело Народа», П., 15 июля 1917 г., № 101, стр. 2.

58. Плесков, В. На Нерчинской каторге. — Газ. «Рабочее Дело», орган Ростов-на-Д. комитета РС-ДРП об'един., 1917 г., №№ 23, 31 и 35.

Воспоминания эти перепечатаны дважды в сборниках «Каторга и Ссылка» (сб. I, М., 1921 г., изд. инициативной группы политических каторжан и ссыльных, стр. 80—87, и под заглавием «Среди сопок Забайкалья», сб. III, М., 1922, изд. о-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев, стр. 51—56). Автор мимоходом упоминает о Созонове, отмечая отношение к нему «друга каторги» доктора нерчинских каторжных тюрем Н. В Рогалева и сообщая эпизод о готовившемся побеге Созонова.

59. Савинков-Ропшин, Б. В. И. П. Каляев — «Нива», 1917 г., № 41—43.

60. Соболь, Андрей. На каторге. М. 1917. Изд. «Северные дни». Стр. 46.

О Созонове на стр. 41—44 (встреча с ним автора на этапе в Нерчинском крае).

61. Брильон, И. На каторге. Воспоминания революционера. П. 1917. Изд. «Благо». Стр. 176.

О Созонове см. гл. VII «Нерчинская каторга — Горный Зерентуй», стр. 98—104.

62. Спиридович, А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники 1886—1916. Изд. второе, дополненное. П. 1918. Стр. IX + 623.

Убийство В. К. Плеве (стр. 134—142). Е. С. Созонов на каторге в 1907 г. (стр. 348—351). Марья Алексеевна Прокофьева, невеста Созонова, посещавшая его в тюрьме (стр. 373—374. Некролог о ней см. «Знамя Труда», центральный орган партии соц.-револ., ноябрь 1913 г., № 52, стр. 2).

63. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М. 1918. Изд. «Революционный Социализм». Стр. 112.

Гл. II (стр. 14—20) посвящена убийству В. К. Плеве. Написана на основании книги А. И. Спиридовича (№ 62).

64. Н. А[шешов]. Светозарный рыцарь. Памяти Егора Сазонова. — Жур. «Пламя», П., 1920 ,№ 13—14, стр. 12—14.

Общая характеристика Созонова. К статье приложены снимки: «Место, где казнен Плеве» и «Карета Плеве после взрыва».

65. Плесков, В. Памятные дни. — «Каторга и Ссылка», сб. I, М., 1921, изд. инициативной группы политических каторжан и ссыльных, стр. 55—61.

Воспоминания о смерти Е. Созонова. Перепечатаны в III сб. «Каторга и Ссылка», М., 1922, изд. о-ва быв. политических каторжан и ссыльно-поселенцев, стр. 45—50.

66. Граве, Н. Секретное сообщение прокурора Читинского окружного суда об отравлении ссыльно-каторжного Егора Созонова. — «Сборник материалов и статей», ред. жур. «Исторический Архив», вып. I, М., 1921 г., Государственное Издательство, стр. 205—206.

67. Флеер, М. Г. Русские портреты 1917—1918 г.г. П. 1921. Госиздат., стр. XII + 67.

Перечень портретов Созонова в периодических изданиях 1917—1918 г.г. (стр. 44).

68. Фигнер, Вера. Памяти Е. С. Сазонова. — «Историко-Революционный бюллетень», М., 1922, № 1, стр. 7—11.

69. Панкратов, В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. П. 1922. Изд. «Былое». Стр. 142.

Биографические сведения о Созонове в примечаниях Р. М. Кантора (стр. 134—135).

70. Чернавский, М. К характеристике Г. В. Плеханова (Отрывок из воспоминаний). — «Историко-Революционный Бюллетень», № 2—3, М., 1922, изд. о-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев и исторической секции «Дома печати», стр. 22—27.

Об М. А. Прокофьевой, невесте Созонова, и отголоски смерти Созонова на стр. 23—24.

71. Крамаров, Г. М. Нерчинская каторга. — «Каторга и Ссылка», сб. III, М., 1922, изд. о-ва быв. политических каторжан и ссыльно-поселенцев, стр. 57—70.

О смерти Е. С. Созонове на стр. 68—70.

72. Станчинский, А. П. В Алгачах. — «Каторга и Ссылка», сб. III, М., 1922, изд. о-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев, стр. 75—91.

Отголоски смерти Е. Созонова (стр. 87—88).

73. А. Ш[илов], Ег. С. Сазонов в бреду. — «Музей Революции», 1923, сб. I, стр. 59—61.

74. Витте, С. Ю. Воспоминания. Т. I., П., 1923 г., Госиздат.

Об убийстве В. К. Плеве на стр. 81.

75. Наделыптейн, Д. Страничка о Е. Сазонове (Из тюремных документов). — «Каторга и Ссылка», № 6, М., 1923 г., стр. 137—140.

Переписка о переводе Созонова из Алгачей в Горно-Зерентуйскую тюрьму.

76. Плесков, В. Из литературного архива Горного Зерентуя. — «Каторга и Ссылка», № 6, М., 1923, стр. 167—176.

77. Ивановская, Пр. С. Дело Плеве. Из воспоминаний. С предисловием Н. С. Тютчева. — «Былое», 1924 г., № 23, стр. 162—207.

78. Чемоданов, Г. Нерчинская каторга. Записки быв. начальника конвойной команды. М. 1924 г. Изд. Всесоюзного общества полит-каторжан.

79. Берман. Поездка в Горный Зерентуй. — «Каторга и Ссылка», Киев, 1924 г., изд. Киевского отделения всероссийского общества полит-каторжан и ссыльно-поселенцев.

Отголоски смерти Е. С. Созонова.

80. Плесков, В. Зерентуйские побеги и подкопы. — «Каторга и Ссылка», № 1 (8), М., 1924, стр. 192—204.

О подготовке неудавшегося побега Созонова на стр. 193—194.

81. Крамаров, Г. Большая и малая коммуна (из жизни Зерентуя).— «Каторга и Ссылка», № 1 (8), М., 1924, стр. 205—208.

82. Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. Ленингр. 1924. Государственное Издательство. Стр. 136.

Биографические данные о Созонове на стр. 125—127.

83. Ростов, Н. Убийство Плеве и гибель Сазонова. Сборник «Из эпохи борьбы с царизмом», № 3, Киев, 1925 г., изд. Киевского отд. о-ва полит-каторжан и ссыльно-поселенцев.

84. Спиридонова, М. Из жизни на Нерчинской каторге. Е. С. Созонов. —«Каторга и Ссылка», № 3 (16), М., 1925 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1925 г.

НА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ

12 КНИГ В ГОД. **БИБЛИОТЕКУ** 12 КНИГ В ГОД.

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА".

Содержание „Историко-Революционной Библиотеки".

1. **М. Кротов.** Якутская ссылка 70—80 г.г. Исторический очерк на основании неизданных архивных материалов. С приложением кратких биографий всех ссыльных. Под редакцией **В. Д. Виленского-Сибирякова.**
Стр. 242+2 вклейки иллюстр. **Ц. 1 р. 90 к.**

2. **Н. С. Тютчев.** Статьи и воспоминания по истории революционного движения. С приложением биографического очерка Н. С. Тютчева. Под редакцией **А. В Прибылева.** Часть I. Революционное движение в 70—80 г.г.
Стр. 192. **Ц. 1 р. 50 к.**

3. **То же.** Часть II. В ссылке и другие воспоминания. **Ц. 1 р. 75 к.**

4—5. **Егор Сазонов.** Письма и материалы для биографии. Под редакцией **Б. П. Козьмина и Н. И. Ракитникова.** Стр. 383. **Ц. 3 р.**

6. **Тюрьма в эпоху первой революции.** Сборник статей, воспоминаний и материалов. Под редакцией **Я. Шумяцкого.** — Печатается.

7. **О. К. Буланова.** Роман декабриста (По семейному архиву декабриста В. П. Ивашева) — Печатается.

8—9. **Декабристы на каторге и в ссылке.** Сборник статей, составленный Комиссией по празднованию юбилея восстания декабристов при Обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев.— Печатается.

10—11. **Л. Меньщиков.** Охрана и революция (К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия.—Печатается.

12. **Деятели русского революционного движения.** 40 портретов с краткими биографиями.

Каждая книга размером 12—18 листов со многими иллюстрациями, что составит в год приблизительно 180 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на год (12 книг)—15 руб.; на ½ года (6 книг)—8 руб; на 3 месяца (3 книги)—4 руб. 50 коп.

В отдельной продаже цена книги 1 руб. 50 коп.—2 руб. 50 коп., а всей библиотеки свыше 20 рублей.

При одновременной подписке на журнал „КАТОРГА и ССЫЛКА" и ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ

подписная цена:

на 1 год (20 книг)—25 руб.; на ½ года (10 книг)—13 руб. 50 коп.; на 3 мес. (5 книг)—7 руб. 50 коп.

Подписку направлять в Контору Издательства Всесоюзного Общества Политич. Каторжан. гор. Москва, Лубянский Пассаж, 32. Тел. № 3-64-73.

НЕ
КОПИРОВАТЬ!